
М.П. ПОГОДИН
Марфа, Посадница Новгородская

М.П. ПОГОДИН

Марфа, Посадница Новгородская

М.П. ПОГОДИН
Марфа, Посадница Новгородская

Погодинъ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

М.П. ПОГОДИН

Издание подготовили:
Л.Г. ФРИЗМАН, К.В. БОНДАРЬ

МОСКВА НАУКА 2015

УДК 82-2
ББК 84(2 Рос-Рус) 1
П 43

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
И.Г. ПТУШКИНА

Серия основана академиком
С.И. ВАВИЛОВЫМ

ISBN 978-5-02-039098-0

Марфа, Посадница Новгородская

МАРФА, ПОСАДНИЦА НОВГОРОДСКАЯ

Трагедия в пяти действиях в стихах

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Сочинитель этой трагедии, трудясь и имея цель на другом поприще, не драматическом, не может судить с вероятностию о произведении в новом для себя роде, – не верит своим друзьям, которые, разумеется, смотрят на него с пристрастием, – а с другой стороны, стыдится представить публике сочинение, совершенно недостойное ее внимания. Вот причина, почему он хочет теперь остаться неизвестным. – Если из голоса критики он узнает, что недостатки его трагедии выкупаются сколько-нибудь ее достоинствами и он уделил время для нее от занятий, составляющих сущность его жизни, не напрасно, то объявит свое имя; в противном же случае отложит ее спокойно к числу неудавшихся опытов.

«Историк русский, любя и человеческие, и государственные добродетели, может сказать: Иоанн был достоин сокрушить утлую вольность Новгородскую, ибо хотел твердого блага всей России». Сии слова Карамзина положены в основание трагедии. В изображении буйных вечей сочинитель следовал также ему и летописям, и едва ль найдется несколько выражений, которых бы он не указал в памятниках того времени. – Говорить о вымышленных чертах (битве, лице Борецкого, заговоре князей удельных и проч.) было бы излишне: знающие историю легко увидят сами, где от нее уклоняется трагедия.

1830 года
Августа 17

М. Погодин

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Театр представляет Софийскую площадь в Новгороде.
Звонят в вечевой колокол. По улицам слышны трещотки.
Народ сбегается.

Один из граждан

О чем тревогу бьют?

Второй

Зачем сзывают
Народ на вече?

Третий

Нет ли из Москвы
Вестей?

Четвертый

Худые есть: сам князь Московский
Идет незваный в гости к новгородцам.

Первый

Так что ж? Мы угостим его, пожалуй,
Вином заморским, брагой, медом хмельным;
На путь гостинцами наделим вволю,
Коль на Москве ему поживы мало, –
Ведь он затем лишь жалует сюда.

Третий

Нет, слышно, он теперь гостинцы хочет
Делить другие с нами, посытнее; –
Давно на нас он точит, жадный, зубы,
Давно уж зарится на наше счастье –
Заходит туча над Святой Софией.

Четвертый

Не в первый раз заходит, да пройдет:
У матушки откуда ни возьмется
И ветр, и вихрь – развеет мигом все.

Пятый
(*прибегая*)

Московский князь уж Волок миновал.
Сейчас ко мне приехал сват из Твери
И сказывал: несметная с ним сила.

Третий

Вот видите ль? Я правду вам пророчил.
Зачем вести б такие рати князю,
Коли б без злого умысла он шел?

Второй

Он хочет лишь повеличаться силой
Пред нами и задать побольше страху.
Да нет, Иван Васильевич, Новграда
Тебе не провести: далеко видим. –
Судите сами – ну за что войною
Идти ему на нас: условья свято
Мы соблюдаем все, исправно платим
Дань черную. Чего еще?

Третий

Чего?
Он хочет все прибрать к своим рукам;
Он хочет, чтобы мы лишь тем владели,
Что он из милости для нас оставит;
Чтоб под одну с Москвой плясали дудку.

Второй

Не может быть! Он крест нам целовал
Держать по старине.

Третий

Крест не удержит
Его. Была б лишь мочь и сила:
В нем разве новгородская душа?
Он присягал, как был успех неверен.
Теперь он, видно, оперился...

П е р в ы й

Правда!
Присяги нечего бояться крестной.
С поклонами все разрешит владыка.
Грешить ведь нашей братье мелкой страшно,
Князьям с рук сходит и не это.

Ч е т в е р т ы й

Эй, положи свой язычок на сойку,
Не сдобровать тебе уж, греховодник...

(*К пятому.*)

А сколько рати слышно, с Иоанном?

П я т ы й

Сват сказывал, что девяносто тысяч.

В т о р о й

Нет, с лишком сто.

Т р е т и й

Ого!

П е р в ы й

Хоть двести будь!
Иль грудь новогородская ослабла,
И руки опустилися у нас?
Слыхали ль вы, что порасскажет Марфа
О старых временах: как мы, бывало,
С врагами управлялись в чистом поле,
По белу свету за добычей, славой
На все четыре стороны гуляли...
Как и князьям указывали двери,
Чуть заикнется кто не по закону.

Ч е т в е р т ы й

Вот если б слушались ее побольше,
Пошло б не так, не смел бы князь Московский...

Несколько голосов прерывают:

Постой, мы разочтемся с ним по-свойски!
Напомним мы ему, как наши деды
Рать Боголюбского посекли.

Третий

Легче!
Иван и Боголюбского плечьми
Пошире будет: с ним бороться трудно.
Ведь он не то, что прежние князья:
Ворочает всей Русскою землею.
Рязань и Тверь, Владимир и Казань,
Ростов – ему все кланяются в пояс,
Людей, запасы, деньги присылают.
Ох, чудится, беды не миновать.
Конец приходит Новгородской воле!
Недаром крест с Софии нашей сшибло,
Недаром колокол Хутынский ночью воет.

Второй

И кровь вчера там на гробах являлась.

Первый

По типуну б вам на язык зловещий!
Не слушайте, честные люди, бредней!
Вы были ль ныне у Святой Софии?
Глядели ль в верхний купол? – Наш Спаситель
Не разнимал своей десницы сжатой,
А Новгород до тех пор будет счастлив,
Пока рука его не разожмется.
Да что посадники нейдут на вече!
Быть может, это все – пустые страхи.
Молва людская ведь, давно я слышал, –
Волна морская: ей нельзя поверить.

Четвертый

Вот все они выходят из собора.

Первый

И Марфа здесь. – Родимая! как любо
Смотреть нам на нее!

Пятый

Идет как город,
Пригожая, дородная, – мать наша!

Первый

Вот-вот она всю правду нам расскажет.

Второй

Научит нас.

Третий

Ай-ай! она угрюма;
Лицо ее добра не предвещает.

Те же и Марфа, с дочерью и малым внуком, в сопровождении многих женщин и сановников, которых беспрестанно набирается более и более.

Первый

Посадница! тебя мы ожидаем.
Скажи – зачем созвали нас на вече?

Четвертый

Но что – ты плачешь! Неужли и вправду
Невзгодье угрожает новгородцам?

Пятый

Реши сомненья наши, мать, скорее!

Марфа

Друзья! Палач московский с топорами
Стоит у наших врат, занес уж руку
Над нашей волею. Готовьтесь к казням!

Первый

Нет, прежде мы варяжской сладкой крови
Отведаем его.

Все кричат:

Варяжской крови!

Второй

Но под какой причиной он поднялся
На нас средь мира и покоя, Марфа?
Чем провинились мы? чего он хочет?

Перед ответом Марфы входят Степенный посадник, Тысячской, Князь Шуйский, предводитель Новг⟨ородского⟩ войска, Алексей Борецкий, Дьяк Новг⟨ородского⟩ архиепископа Феофила. Старые посадники и Тысячские, Бояре, Житые.

Марфа

Ужасные, неслыханные козни,
Друзья, вот вам посадник перескажет.
Вы содрогнетесь, волос дыбом станет,
Застынет кровь, замрет честное сердце...

Граждане изъявляют нетерпение; шум;
все толпятся около посадника;
слышны восклицания некоторых:

О господи! переложи на милость
Твой гнев!

Посадник

Поклон боярам, людям житым,
Купцам, гражданам младшим, черным,
Всей вольной братии Новогородской!
Нет времени нам по концам сбираться:
Я звал вас здесь судить о важном деле.
Великого Новгорода судьба,
Судьба детей, отцов, потомков дальних,
Души и тела нашего зависит
От этого часа.
Внимайте, братья!
Чиновник наш Назарий с дьяком веча
Захарией...

Крик в народе с разных сторон:

Изменники! злодеи!
Мы знаем их...
Они давно сбирались
От нас Москве враждебной передаться!
Держали переветы к князю.
Что
Затеяли они?

Посадник

О Госпожинках
В Москву они явились к Иоанну
И именем всех новгородских граждан
Его назвали государем нашим...

Сильнейший крик и волнение в народе:

Как государем?
Это ложь.
Будь проклят,
Кому вспадет на ум такая мысль!
Нам Новград государь!
Другого знать
Мы не хотим.
Казнить изменников!
Их нету здесь. Но вот Назарьев брат,
Вот зять Захарии.
Мечите в Волхов
Предателей отчизны, лиходеев!

Многие бросаются с ужасным шумом на двух граждан.
Посадники тщетно хотят восстановить спокойствие.
Их речей не слышно.

Один из схваченных граждан

О братия мои! Пустите душу
На покаянье грешную. Божуся
Софиею, душой новогородской, –
Невинен я, не знал о кознях брата.

Народ в остервенении:

Не слушайте его, мечите в Волхов!
В нем кровь одна течет.
Из поля вон
Негодную траву!

Жена с воплем бросается на шею к другому схваченному гражданину,
который, рыдая, с ней прощается:

Прощай, жена!

(*Взглядывает на Софийский собор и крестится.*)

Спаси Бог Новгород на многи лета!

Обоих тащат со сцены к Волхову. Множество народа убегает за ними. Шум. Все кричат:

Да здравствует наш Новгород великий!
Да расточатся все враги его!

Другие

Пойдем... дома их на ветер поднимем...
Хоть поживимся около злодеев!..

Несколько человек из задних рядов убегают.

Посадник

Князь, разговевшись, к нам прислал посла –
Спросить, что значит имя государь,
Которым будто мы его назвали,
В противность прежним всем уставам
Князей лишь господами величать.
Хотим ли мы ему поддаться вовсе...

Граждане
(*прерывая*)

Ему поддаться! Нет! Скорее Волхов
В Ильмень назад польется.

Другие
(*вдали*)

Эй, смотрите:
Они опять из проруби полезли!
Да стукните долбнею их покрепче
По голове... вот так... прощайте, братцы!
Скорей зовите Иоанна в гости
К себе, уху хлебать...

Посадник

Но я с совета
Всех вами избранных властей решился
Тогда народ пустою вестью не тревожить,
И отвечал с послом, что дьяк Захарий
От нас ни с чем в Москву посылан не был.

Что он, в опале у своих сограждан,
Сам с злости выдумал такие речи,
Хотев раздор посеять в православье.
Назарий также провинялся часто
Перед судом и был наказан пеней.
Мы все просили князя, чтоб в Новгород
Он возвратил их для примерной казни.

Граждане

Что ж – не прислал он их! Не видно ль, братья,
Что с ними заодно Московский князь!

Другие

Позор и срам! Потомок Ярослава
С бесчестными рабами заодно!

Шум. Посадник не может говорить.

Марфа
(*которая до сих пор то слушала посадника, то разговаривала с разными гражданами, попеременно к ней подходившими*)

Умерьте, братья, гнев ваш справедливый!
Еще не все – конца вы не слыхали.
Последняя, увы, весть горше первой.
Дослушайте, какой злохитрый умысл
На этом лживом, зыбком основанье
Построил Иоанн...

Посадник

Он принимает
Ответ наш оскорблением смертельным
Мы, говорит, явить дерзаем князя
Великого всей Руси пред лицом
Всех подданных его лжецом презренным.

Граждане
(*прерывая*)

Он лжец и есть.

Другие

Вот какова зацепа!

Дьяк арх⟨иепископа⟩ Феофила

Нелепая глаголет.

Посадник

В гневе яром...

Граждане
(*прерывая*)

Притворный гнев!

Другие

Чтобы за милость после
Еще взять что-нибудь у нас.

Посадник

Он хочет
Смыть кровью беспримерную обиду;
Огонь и меч пустить грозит свободно
По нашим всем землям. С сим словом он,
Прислав нам ныне грамоту складную,
Идет на камне не оставить камня
В великом Новграде.

Многие граждане крестятся.

Судите, братья,
Что делать в страшное такое время?

Внезапная тишина. Народ, изумленный угрозою, несколько минут соблюдает глубокое молчание и вслушивается в речи сановников.

Один из людей житых

А в грамоте на мир нет слова?

Посадник

Нет.

Второй

Где ж он стоит теперь с своею ратью?

Посадник

Верстах уж в сорока – и никогда
В Руси быстрей похода не бывало.
В семь дней был Иоанн на полдороге.

Некоторые граждане
(*к сановникам*)

Зачем же вы не доносили прежде
О важных сих событиях народу?
Теперь беда почти над головой...

Посадник

Кто мог подумать, что пустое дело,
Двух низких беглецов нелепый вымысл,
Внезапно явится в столь грозном виде?
Кто ожидал зимою нападенье?
Однако втайне мы приняли меры:
Послали в Псков гонцов и к Казимиру,
В Ганзу, за помощью на случай нужды.
Оружие, запас копили для осады.
Граждане многие о наших мерах знали:
Борецкие, Панфильевы, Гулдовы,
Репеховы, Ланкины, Муравьевы.
А всем пустить в огласку мы не смели,
По старому обычью наших предков,
Чтоб враг не обратил чего на пользу
Себе.

Тысячской

Мы думали, что лишь начнутся
Теперь переговоры с Иоанном,
А к нам нежданная приходит весть:
Московский князь велел всем русским силам
Собраться в Тверь, не говоря ни слова
О цели поголовного похода, –
И вдруг, явившись сам на месте сбора,
Им указал на Новград.

Купец

Сколько рати
Имеем мы?

Князь Шуйский

Осьмнадцать тысяч кроме
Владычняго полка.

Боярин

Но где владыка,
Достойный Феофил? Как в страшный час,
Когда его любезной, верной пастве
Свирепый волк погибелью грозит,
Мы кроткого чела его не видим,
Не слышим тихого, святого наказанья!

Дьяк арх⟨иепископа⟩ Феофила

Чрез силу он служил обедню ныне,
Чтоб вынуть часть за здравье новгородцев,
Об их спасенье Богу помолиться.
Теперь, усталый и больной, не может
Присутствовать на вече, но со мною
Прислал вам свой совет.

Несколько голосов

Скорей, скорей
Скажи его святое поученье!

Дьяк арх⟨иепископа⟩ Феофила

Он думает согласно с Божьим словом:
Против рожна нам прати невозможно.

Ропот в народе.

Московский князь напал на нас врасплох.
У нас нет сил, союзников, запасов.
Ганза и Псков и Казимир не могут
Нам помощь дать к такому спеху. Правда, –
Готовы мы погибнуть за Софию,
Но в пользу ли кровопролитье будет?
Пусть судит Бог неправого в сем деле,
Мы можем лишь просить его пощады.
Итак, пошлем посольство в стан Московский
Челом ударить в землю Иоанну.

Хоть он не хочет слушать перговоров,
Но это ведь не в первый раз: сон грозен.
Бог милостив – и попытаться должно.
Сберем даров ему и денег...

Старосты концов новгородских прерывают его.

Первый Господин

Конец Неровский тысячу рублей
Серебряных дает.

Второй

Гончарский две.

Третий

Словенский три.

Четвертый

Плотенский три и десять
Поставов ипрского сукна.

Пятый

Наш Людин
Сто корабельников, да золотой посуды
На тысячу рублей, вина пять бочек.

Первый из житых

Пожалуй – окуп мы дадим, какой угодно.

Дьяк арх⟨иепископа⟩ Феофила

Владыка мнит, что кой-каким и правом
Податься можно.

Второй из житых

Лишь бы остальные
Соблюсть.

Младший гражданин

Каким же правом-то податься?

Дьяк арх⟨иепископа⟩ Феофила

Принять к себе княжих тиунов?

Граждане

Нет!
Нет – Новград судится своим судом.
Допустим ли, чтоб подлый раб Московский,
Велению чужому повинуясь,
Решал и жизнь и смерть новогородца!
Наемник ли радеть о стаде будет?

Дьяк арх⟨иепископа⟩ Феофила

Не предложить ли князю наше войско
В услугу для его походов разных?

Граждане

Нет – наша кровь должна лишь проливаться
За родину!
Честному ль новгородцу
Служить орудьем для московских ковов?
Мы будем Русь хранить от Польши, шведов,
От крыжаков – ему чего же больше?

Дьяк арх⟨иепископа⟩ Феофила

Иль дать ему из волостей боярских
В Новгороде?

Младший гражданин

И монастырских можно.

Боярин

Совет нелепый! Вы хотите руку,
Отсекши у себя, врагу приставить.
Как можно Иоанну в нашем сердце
Давать владения – себе на гибель?
Коль уступать, так мы уступим легче
Из городов или земель граничных:
Торжок иль Вятку, или Двинску область.
Умножим пошлину с двух сох по гривне.

Народ

За что? – Эк вы! и так мы платим слишком.

Посадник

Друзья! нам дорог каждый миг. Мы здесь
Беседуем, а грозный враг не дремлет,
Спешит без устали, палит и жжет,
И рушит города и села наши,
И жителей невинных умерщвляет.
Не лучше ли, избрав друзей народа
В посланники, – вручить им полномочье.
Пускай, узнав расположенье князя,
Употребив все средства, в крайней нужде
Уступят то, что Бог на ум положит.

Бояре и люди житые

Так – выбирать посланников скорее!

Крик в народе:

Нет, прежде мы хотим услышать Марфу,
Что думает она о вашем слове.

Марфа

Я вот что думаю: вы положили
Унизиться перед Московским князем,
Ему своими кровными правами
Пожертвовать – но что уступкой робкой
Вы приобресть от властолюбца льститесь?
Спасенье? – Нет! – Отсрочку только казни
Получите: он даст покой вам на год,
Вы будете мереть лишь долгой смертью,
Страдать перед последним часом дольше.
Чрез год опять он под предлогом новым
Придет сюда, – с ножом пристанет к горлу,
Кровь вытянет еще из свежей жилы,
Потом опять – пока лишь в трупе вашем
Останется хоть капля древней жизни.
Так действовал сначала князь Московский.
Так неприметно, шаг за шагом
Ступая, очутился пред вратами,
Пробрался к нам на площадь вечевую.
Смотрите – здесь уж он меж нами.

Народ с ужасом оглядывается.

В лице своих клевретов боготступных.

Многие меряют друг друга глазами.
Слышен шепот на разных сторонах:

Которые они?.. Кто?.. Укажи.

Марфа
(*продолжая*)

Он сеет рабский дух, смущенье, робость.
Смотрите – крадется как тать полночный,
Язык из колокола вырвать хочет,
Язык святой свободы новгородской,
Заветное наследство предков.
И вы решилися молиться татю?
Стыдитесь, братья! Не молитвой слезной
Должна спастись Святая наша Софья!
Не так ее отцы спасали, деды
На Липецких полях, при Альте, от Андрея.
Не так ее и вы спасете сами.

Движение.

Воспрянем от чужого наважденья,
Решимся все принять на жертву чести,
Наденем саван, обречемся смерти,
Зажжем наш город!
Иоанн сробеет
Перед решеньем твердым новгородским,
Пожарища себе взять не захочет,
Откажется от притязаний лишних,
Оставит нам и суд и наше вече.
Поверьте: сила не в числе, а в воле.
Вот мой совет, вот средство нам спастися,
Достойное великих предков наших.
Вот средство нам возвысить дух народный,
Упавший средь уступок беспрерывных.

Шумный восторг.

Я говорила, братья, от избытка сердца,
Не следуя внушенью личной мести,
Как дочь, как дочь родная Новаграда.

Мой сын, мой муж, отец запечатлели
Своею кровию любовь к отчизне.
За ними вслед, с моим последним внуком
Готова пасть и я за нашу волю. (*Заливается слезами.*)

Чернь кричит:

Нет, не падем, мы победим Москву!
Война! война! к мечам! свобода! Марфа!
Да здравствует наш Новгород великий!
Да здравствует наш Новгород великий!

Посадник
(*давши умолкнуть народному волнению*)

Так, братия мои, и я рад с вами
Оборонять Новгород до упаду,
Как вам сказала дорогая сватья,
И может быть, Господь пособит правым.
Но отчего ж, приготовляясь к битве,
Не справить нам, по мнению владыки,
Посольства к Иоанну? Если можно
Уладить без большого с ним убытка,
То лучше мир нам сохранить и время
Побольше выгадать для снаряженья...

Боярин

Вестимо, должно так бы: от посольства
Вреда не может быть, а польза может.

Житые

Посольство отправлять, посольство к князю!

Младший гражданин

Ведь мы вольны и передумать после,
И сделать, что опять угодно будет.

Второй

Ну, на таком условии, пожалуй.

Третий
(*к Марфе*)

Что скажешь ты на это?

Марфа

Не мешает
Теперь проникнуть в мысль и волю князя,
Но главное: не позабудьте, братья,
В войне надежда светит нам, не в мире.

Бояре
(*между собою, тихо*)

Нет, в мире. Мы уж на своем поставим.

Посадник
(*к народу*)

Так выбирайте же, кого хотите.

В народе кричат с разных сторон:

Кого же, братцы?
Вы кого? мекайте!
Борецкого!
Борецкого!
Ну ладно,
Борецкого. В таком великом деле
Кому иному нам себя поверить?

Посадник

Другого?

Боярин

Дьяк пусть едет Феофилов,
Владыка воружит господним словом
Его!

Посадник

Да старост ото всех концов
Пошлем.

Все кричат:

Пожалуй.
Так.
Кого же лучше:
Всё люди честные и знают дело,
Прорухи не дадут никак.

Один
С дурцой, но ведь в семье не без урода.

Избранные собираются вместе.

Посадник

Довольно ли семь человек?

Граждане

Довольно.
На что же больше!

(*Вместе.*)

Посадник

Ну, ступайте с Богом!
Вы знаете, что говорить с Ианном.
Как говорить – Господь сам вас научит.

Житый

Правами-то потуже поступайтесь!

Посадник

Смирите дух, старайтесь к милосердью
Склонить могучего врага слезами,
Обетами, покорными словами.

Боярин (*к другому, тихо*)

Вот как воротятся, как привезут
Они решенье князя – то ли, се ли,
Тогда и скажем мы в один все голос,
Что не хотим войны, а по-пустому,
Не знаючи конца, теперь кричать не надо.

Другой (*к первому, тихо*)

Ин быть по-твоему.

Марфа

Но не унизьтеся пред Иоанном,
Но помните всяк час: святые тайны
Отчизны на руки мы вам вверяем.
Вы грудию отстаивать должны
Их всякую заповедную каплю.
Мой сын! мне убеждать тебя не нужно!

Дьяк арх⟨иепископа⟩ Феофила

Мы чувствуем, сколь важно наше дело,
И рады сослужить такую службу,
Хотя и тягостна она.

Б о р е ц к и й

Потщимся
Явить себя... доверенности граждан...
Достойными...

(*Вместе.*)

Д ь я к
(*К Борецкому и старостам, к владыке Феофилу*)

Схожу я за последним наставленьем;
Дождитеся вы здесь меня...

Уходит.

С т а р о с т ы
(*вслед ему*)

Нет, лучше
За стороной Торговою.

Уходят.

П о с а д н и к

Господь
Да просветит их и поможет
Исправить многотрудное посольство!

(*К народу.*)

Я буду рать устроивать с вождями,
А вы домой теперь ступайте с Богом,
Молитеся, да идет чаша мимо.
Приготовляйтеся на
всякий случай.
К вечерням же сюда:
послы приедут, –
И порешим мы здесь свою судьбину.

М а р ф а

Мужайтеся, не унывайте духом.
Никто таков как Бог с Святой Софией.
Да здравствует наш Новгород великий.

Уходит.

Вече расходится при кликах:

Да здравствует наш Новгород великий!
Да расточатся все враги его!

Б о р е ц к и й
(*останавливая одного гражданина, Захария Овина, и отводя его в сторону, между тем как сцена постепенно пустеет*)

Послушай: я в сношенье с Иоанном.
Ты также друг Москве давно – я знаю.

Овин хочет говорить.

Борецкий

Без лишних слов! Я еду в стан Московский,
Условлюсь об отдаче Новаграда.
Как, почему, зачем, – теперь не время.
Ты здесь смотри, чтоб не погасло пламя,
Зажженное в народе сумасбродном
Моею пылкой матерью, – и масла
Ты подливай везде, как можно больше,
При помощи сообщников моих.
Я их предупредил уж. Иоанн
Нам дорого заплатит за восторги
Нелепые.

(*С улыбкою.*)

Друзья свободы мнимой
Хитрей врагов под нею подкопались.

Овин

Борецкий! Я тебя не понимаю:
Нам Иоанн заплатит за упорство
Граждан!

Борецкий

Ты близорук, Захарий Овин!
Поймешь ужо; теперь лишь только помни:
Назло Нефедьеву в Новграде завтра
Ты тысячской.

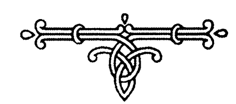
Овин

А... понял... но два слова:
Мой брат, защитник воли новгородской,
Как мать твоя, ведь первые падут
На плаху в городе... Давать пощаду
Не любит князь...

Борецкий

Я поторгуюсь с ним.

Вдали виден дьяк Феофилов, Борецкий идет к нему навстречу.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Стан великого князя Московского в селе Сытине,
в двадцати верстах от Новагорода. Изба.
Удельные князья: Александр Васильевич
и Борис Михайлович Оболенские
и Василий Михайлович Верейский;
Михаил Федорович Микулинский, служилый князь,
предводитель тверского вспомогательного войска.

Князь А.В. Оболенский

Московский князь здесь будет принимать
Послов? Не так чтобы нарядно слишком.

Князь Верейский

Что ж – по-дорожному; авось не взыщут.
Зачем послы приехали?

Князь Б.М. Оболенский

Ни пошто,
А повезут отсюда ничего.
Приехали просить глухого к просьбам.
Новгород в Руси золотое дно:
Богат людьми, казной, землей, водою.
Упустит ли сокровище такое
Московский князь, коль есть удобный случай?
Так хоть проси, хоть нет. А жаль новогородцев!
Как рыбы об лед бьются, горемыки.

Князь А.В. Оболенский

Забьешься, брат! они привыкли к воле,
Ведь сроду в черном не живали теле. –
Вот ловко подыскался Иоанн:
Вступился будто бы за честь, обиду,
А между тем себе прилапит город
Великий...

Князь Микулинский

Разве вправду он с подвоху
Пошел войной, как говорят в Новграде?

Князь А.В. Оболенский

Ты думал нет! Суди – с какой бы стати
Ни дай, ни вынеси зачем, в подданство
К нему напрашиваться новгородцам?

Князь Б.М. Оболенский

Вот дело в чем: он овладеть замыслил
Всей Русью – лишь с предлогом благовидным.
За Новградом приступит к вашей Твери, –
Рязань давно уж под его опекой, –
Потом черед до нас, мелкопоместных,
И Северских.
Чего? Он прижимает
Своих родных – умри княгиня Марья,
Заступница их мать, тотчас всех братьев
Отпустит по миру с сумой, не лучше
Шемякиных внучат.

Князь Верейский

Да и теперь уж
К какому он довел всех униженью:
Во двор к себе на службу принимает,
Чинами жалует. Удельные князья,
Мы все должны стоять пред ним без шапок,
Смотреть в глаза ему с подобострастьем,
Смиренно ждать его велений царских,
К руке прикладываться. Мы не смеем
Шептать в его присутстве. Хуже смердов
Его боярин помыкает нами.
Нам воли нет в своих землях наследных,
Холопа своего казнить не можем,
Мириться, ссориться между собою.
И мы же за него идем на бой,
На смерть, ему во славу и здоровье.

Князь А.В. Оболенский

Недаром говорят: неволя скачет,
Неволя пляшет, песенки поет!

Князь Микулинский

Да что ж не съединитесь вы, князья
Удельные – еще ведь много вас!
В Ростове и Можайске, Ярославле,
В Твери и Верее. Сам Псков пристанет,
Литва и Новгород. С такою силой
Неужли вы не сломите Москвы?

Князь Б.М. Оболенский

Вот то-то и беда, что съединиться
Не можем мы. Как жадный коршун смотрит
На нас, глаз не спуская, князь Московский.
Ждет подозренья... чуть-чуть показалось,
И рад ему, и вскинулся, и душит.
А порознь – он сильнее всех гораздо.

Князь А.В. Оболенский

К тому ж и счастлив он! На эту пору,
Нарочно будто, вымерли все роды
В сильнейших княжествах российских.
К Москве наследство их вот так и липнет.

Князь Верейский

Да впрочем, и живых хвалить нельзя.
Во всем почти мы виноваты сами.
Кто думает из нас, что будет завтра?
Желая про себя избегнуть смерти,
Москве мы кланяемся, угождаем,
Идем брат на родного брата с нею.
Всяк образумится тогда, дойдет
Как до него чередовая туча.
И близко локоть, да уж не укусишь.
Нет, нет Шемяки, Олега меж нами.
При них теперь поткнулся б князь о Новград.

Князь Б.М. Оболенский

Пождем конца – быть может и поткнется.
Отчаянье всем силы наддает.
Не мудрено, что новгородцы, вспомнив
И удальство свое, и пыл старинный,
Остервенятся пред концом последним,
Дадут зарок спастись иль лечь со славой,

Ударят дружно в нас, назад попятят...
Победу часто ведь решает счастье...
А там, что Бог даст, то и будет...

Князь Верейский

Так!
Я сам надеюся на эту битву.
Теперь судьба решится всей России:
Уделы в ней или одна держава.
Удельный князь, обиженный Москвою,
Я, разумеется, чего желаю,
Об чем всей силою стараться буду.
Друзья мои и кровные собратья!
Есть замысл у меня отважный, страшный,
Таящийся во глубине души.
Пусть не удастся он, пусть не исполню
Желания, пусть он низвергнет в пропасть
Бездонную меня – паду с весельем,
Призванию послушный чести, долга,
Благословеньем братии провожденный...

Все князья

Какой же замысел... скажи... что вздумал?

Князь Верейский

Зараней я боялся вам открыться.
Теперь, мысль вашу выведав, пред битвой
(Она ведь непременно будет завтра,
Мне сказывал Борис, брат Иоаннов)
Я все скажу вам и поверю тайну.
Пособите ль вы, нет ли, все равно;
Доволен я и тем, что ни помехи
От вас ни в чем не будет, ни измены.
Чуть завтра усомниться должно будет
В решительной победе москвитян,
Чуть перевес потянет новгородцам,
Передаюсь я к ним с моею ратью.
За мной он (*указывая на князя Микулинского*)
поведет своих тверитян.

Князь Микулинский

Как я?.. ведь войско не мое... не смею...

Князь Верейский
(*вынимая печать тверского князя и показывая ее князю Микулинскому*)

А это что? – Князь Михаил Борисыч
Велит тебе во всем меня лишь слушать!
(*Продолжая.*)
Пример возьмут другие с нас, надеюсь:
Ростов, Можайск, Алексин, Углич, Руза.
Мы опрокинемся всей нашей силой
Против полков московских Иоанна –
И где ж в такой сумятице нежданной,
Меж нашими и новгородскими огнями
Ему бороться будет – в уговоры
Войдет, и мы условия предпишем,
Восставим древние права княжений,
Назначим прежние Москве границы,
Как были при Калите иль Василье,
Чтоб Иоанн и шевельнуться дале
Не смел.

Князь А.В. Оболенский

Вестимо это хорошо бы!
Но ведь силен несметно князь Московский:
Орда...

Князь Верейский

Орде в войнах междоусобных
Теперь никак нельзя уже вступаться
За ненаглядную свою Москву,
Которую вскормила и вспоила
На голову себе и нам. –
О, если б
Нам удалось отмстить за братьев кровных,
Казнить Москву за всех князей удельных,
Наперекор ей их восстановить
И славою Олегов перевысить!
Как думаете вы об этом, братцы?

Князь Б.М. Оболенский

Дай Бог, что хочется тебе, Василий Михайлович!
(*Оборачивается и начинает говорить тихо с князем А.В. Оболенским.*)

Князь Верейский
(*в сторону*)

Чтоб черт вас побрал, трусы!
Вот вызвалися на какую помощь,
А на словах как вытные храбрятся!

Князь Микулинский

Вы говорили на волка, князья,
Теперь поговорите и по волку.
С удельными князьями ведь начнется
Опять кровопролитье, как и прежде.
Без них России-то гораздо лучше,
Особенно купцам, крестьянам, черни;
Спокойнее и от чужих злодеев.
Целее головы стоят на плечах...

Князь Верейский

Пожди. В Москве западают тотчас,
Бессчетные, на плахах и в темницах.

Князь Микулинский

Бессчетные, но реже.

Князь Верейский

Мне толковать теперь с тобой не время.
Скажу одно: не слушаясь меня,
Виною смертною ты провинишься
Перед своим великим князем... Слышишь!
(*Ко всем князьям.*)
А впрочем, повторю еще вам, братья:
И сам я не об двух ведь головах,
Я стану действовать, когда увижу
Успех надежный нам – не то останусь
В рядах княжих: так, видно, наверху
Написано, чтоб всех Москва нас съела,
Прожорная.

Князья Оболенские

Вот разве так... И мы
В таком случае, пере... но увидим...
Надейся уж на нас, да будь... подальше
Перед великим князем... и скромнее.

Князь Верейский

О, помогите мне, друзья и братья!
Благоприятное теперь нам время.
Быть может, не дождемся уж такого.
Не постыдимся перед всей отчизной...

Князь Микулинский

Потише... кажется... идут... так точно.

Те же и Василий Федорович Образец, боярин великого князя.

Образец

Эге! до сей поры не все собрались?
Ленивы!

Князь Верейский

Мы и здесь, да что нам делать,
Ждем, склавши руки. – Скоро ль приведут
Послов?

Образец

Их дьяк пытает Бородатый
Семен. Как вилами ужей он припер:
От Рюрика все до Иоанна вычел.
Борецкий лишь кой-что ему ответил,
Другие же молчат. Им говорят
Обряд приема.

Послы входят в сопровождении дьяка Семена Бородатого.
Князья и бояре. Шепот.

Образец

Вот вам и они.
Теперь пойду я за великим князем.
Он будет ныне говорить сам с ними.
(*К Бородатому.*)
Ты здесь уставь всех по местам, порядком.

Уходит. Бородатый уставляет.

Князь Верейский
(*к послам*)

Желаю здравствовать вам, вольным людям!

Послы

Благодарим!

Князь Верейский

Беда случилась с вами?

Послы

Бог милостив!

Бояре
(*с другой стороны вполголоса, скоро*)

Эй... тише, тише, тише!
Идет.

Все утихают. Иоанн входит в сопровождении своих бояр, садится на приготовленное ему место и легким наклонением головы приветствует собрание.

Дьяк арх⟨иепископа⟩ Феофила

Мы бьем челом от Новграда тебе,
Властей духовных, светских и всех граждан.
Помилуй отчину свою! Пожалуй
Людей перед тобою безответных
И старины ты не изруши вовсе.

Борецкий

Уйми свой меч и угаси огонь,
Дай света видети, и в милость
Великий Новгород, мужей свободных
Прими.

1-й староста

Не для ради молитвы нашей
Пренедостойной, но для милосердья
Свого, грозу утиши, мир нам даруй.

Все послы

Челобитье перед тобою наше!

Иоанн

Мятежному Новграду мира нет.
Исполнилась долготерпенья мера,
И правый наш его постигнет гнев.
Всем ведомо, что город сей издревле
Принадлежал к великому княженью.
Воспользуясь войной междоусобной,
Терзавшею столетия Россию,
Владычеством татар, насланных Богом,
Дерзнул он вольности себе присвоить,
Потомками ругаться Ярослава,
Верховную князей похитить власть.
Калита и Донской его смирили,
Но, занятым судьбою всей России,
Оборонявшим от Орды, литовцев
Отечество, князьям сим многодельным
Не время было урядить Новгород,
Княжую власть, народную, означить.
Строптивые граждане не хотели
Сей милостью случайной наслаждаться,
Привыкши поощряться не на тихость.
Они уж при отце покойном стали
Искать еще других, излишних прав.
Вступалися в его доходы, земли,
Его суда княжого уклонялись. –
Восшедшим нам на отческий престол
Их больше увеличилася дерзость.
На младость наших лет они надеясь,
Не слушались наместников, послов,
Княжей землей, водою овладели,
Купцов, московских подданных судили
И с городища стали брать под стражу,
Врагов к себе приняли наших кровных.
Мы все им не чинили ни обиды,
Ни тягости не налагали новой,
Как наконец к свершенью окаянства
На радость дьяволу, печаль христьянам,
Они решились изменить законным
Князьям, отчизне, православной церкви.
Послушные прелестникам злорадным,
Владеть землей от короля хотевшим,

Замыслили поддаться Казимиру
С обширной общею страною Русской,
От Вятки и Двины до моря, Оби,
До Твери и до Пскова, той страною,
Где говорят языком русским, Бога
Чтут русского, дерзнули беззаконно
Утробной силой государства, третью,
Усиливать врага в такое время,
Как с помощью Господней мы хотели
И прежние отнять его хищенья:
Чернигов, Галич, Львов, Смоленск и Киев.
Дерзнули от отца митрополита
Геронтья нашего, в последний век,
Пред светопреставленьем отступиться,
К еретику, латинцу передаться,
И душу погубить всего народа. –
Мы все озлобиться не ускоряли,
Благим терпением честную душу
Смиряли, приводили их на совесть,
Чтоб лиха не чинили нам и жили
По старине. – Напрасно! – В преступленьях
Раскаяться не думали они,
Единого покорного нам слова
Не справили в своем посольстве. – Что же
Нам оставалось делать? Божьи слуги
Должны носить с собою меч не туне. –
Мы, обнажив его, пошли войною
Казнить злодеев. Наши полководцы
Разбили их толпы в Шелонской сече.
Чрез день могли мы покорить строптивых.
Но сжаляся над их молитвой слезной,
Поверя их раскаянью, еще
Рабам явили милость недостойным.
И что ж? – Едва в Москву мы возвратились,
У них все прежние явились козни,
Возникли ереси, крамолы и измены,
И взмялася опять земля блажная –
Граждане многие принять их под защиту
Просили нас – и наконец Новгород
Смел от свого посольства отпереться,
Ложь положить на нас пред всем народом.

Конца не зря делам сим боготметным,
Не могши силами располагаться
Своими на врагов природных Руси,
Пока не успокоится она внутри,
Решились мы с благословенья наших
Святителей московских и с совету
Любезной матери, бояр и братьев,
Казнить предателей, не как христьян,
А как язычников, глубокий корень
Зла новгородского пресечь навеки
Веков и Русь от их смущенья успокоить,
И от соблазнов сохранить народы.
Сам Бог мятежников нам предает,
Их злодеяниями раздраженный.

Все послы кланяются.

Борецкий

Наш господин и князь великий Руси,
Мы слушали с стесненным сердцем
Правдивые твои все обвиненья,
И плачем о грехах покойных предков.
Но мы, живые, чем виновны ныне
Перед тобою, господином нашим?
Чем тяжкий гнев твой заслужили?
Какой изменою, крамолой или бунтом?
Злодеи наши тенью подозренья
Покрыли только нас перед тобою.

1-й староста

Им Бог судья. Они тебя напрасно
Встревожили, державного владыку.
На отчину смиренную твою
Прогневали.

Дьяк арх⟨иепископа⟩ Феофила

Но мы, всех благ на свете выше
Твой упокой многоцелебный ставя,
Мы признаем Назарьево посольство,
Мы называем государем нашим
Тебя, коль ты от нас сего желаешь, –

Лишь кровь христьянская престала б литься:
И так новогородская земля
Вся вывоевана грозой твоею,
Вытравлена и выжжена, людьми
Хорошими вся выбита. – Скажи нам,
Молящимся перед тобой с слезами:
Чем можем возвратить твою мы милость,
И тяжкую опалу снять с себя?
Мы рады исполнять твои веленья.

Все послы кланяются.

Иоанн

Коль признается вами в полной силе
Назарьево посольство, коль зовете
Меня вы государем, я доволен,
И от погибели все земли ваши
Помилую.

Все послы кланяются.

Вы знаете ж, чем должно
Челом бить государю?

Дьяк арх⟨иепископа⟩ Феофила

Отменяем
Мы грамоты вечные, признаем
Во всех судах верховную власть князя
Московского. Пускай его наместник
С посадником дела вершает наши.
Чего же в разногласье не урядят,
Решит сам государь, через три года
В Новгород ездя суд творить и правду.
Лишь к архьепископу в суд особливый
И к тысячскому не вступайся он!

Борецкий

Мы будем ежегодно государю
Платить дань черную с всего народа,
Но без московских данщиков с писцами:
От них бывает теснота большая
Всем людям – верь душе новогородской.

1-й староста

По всем пригородам мы принимаем
Твоих наместников, пятью градами
Мы кланяемся в вечное владенье!

Иоанн молчит.

Дьяк арх⟨иепископа⟩ Феофила

Чего ж еще душе твоей угодно?

Иоанн

Хочу отныне властвовать в Новграде,
Как у себя я властвую в Москве.

Борецкий

Обычаев низовых мы не знаем:
Поведай нам, как властвуешь в Москве,
Как держится твое все государство.

Иоанн

Власть государева решает все.
Не быть у вас посаднику, ни вечу.
Мирские и духовные все власти
Князь назначать и отрешать сам будет,
Равно и подати с бояр и граждан,
И службу всякую от новгородцев.
Не знать вам с иноземцами сношенья,
Посольствами не обсылаться с ними,
Мириться, воевать заодно с Москвою.
Дворище Ярославово – мое.
Хочу иметь и волости, и села
У вас по всем владениям.
Мы будем
Вас жаловать, но и казнить мы вольны,
Коль вы не станете на нас смотреть
По старине.

Послы молчат.

Что ж замолчали вы?
Не соглашаетесь на увещанье,
Последнее пред казнью?

Дьяк арх⟨иепископа⟩ Феофила

Власть господня
И власть твоя, великий государь,
Да будет над виновными рабами,
Мы просим лишь...

Борецкий

Перед твоим решеньем
Как пред огнем, мечом, пред гладом, жаждой,
Наш государь, не смеем спорить. – Богу
Угодно так и мы приемлем наказанье.
Мы просим лишь оставить суд старинный,
Не звать в Москву на службу новгородцев.
Освободить бояр плененных наших.

Все послы кланяются.

Иоанн

Как смеете просить вы о злодеях,
Предателях? Не ты ль Иван Никитин,
Нам жаловался от свого конца
На них и ты, Димитрий Купреянов,
От Славной улицы за их разбои,
Неистовства, убийства, похищенья?
Я знаю переветы их с Литвою.
Пристойно ли ж вам поминать их имя?

1-й староста

Мы просим дома нас судить. Инуды
Не выселять бояр, купцов, ни житых
Людей, изречь всем милость и прощенье,
К имуществу граждан не прикасаться.

Все послы кланяются.

Иоанн

Итак, вы нам указывать хотите!

Дьяк арх⟨иепископа⟩ Феофила

Где ж нам указывать теперь! Мы молим...

Борецкий

Король нам польский больше обещает...
Мы предлагаем ныне добровольно...
В победе ж Бог волен... успех неверен.

Иоанн

Умолкни, дерзновенный! –
В этом слове
Я слышу дух строптивый, новгородский.

Дьяк арх⟨иепископа⟩ Феофила

Забудь речь буйную. Прости стремленью
Кипящей юности его. Новгород
Не так тебя, свого владыку, просит.

(*Кланяется ему в ноги.*)

Иоанн

По утвержденьи нашего престола
В Новгороде мы, может быть, исполним
Какие-либо из молений ваших.

Дьяк арх⟨иепископа⟩ Феофила

Скажи ж, какие, присягни на крепость.

Иоанн

Осмелитесь вы нам не верить?

1-й староста

Верим,
И только для успокоенья граждан
Присяги просим.

Все послы кланяются.

Иоанн

Государь державный
Не присягает.

Дьяк арх⟨иепископа⟩ Феофила

Хоть своим боярам
Вели поклясться за себя.

Все послы кланяются.

Иоанн

Не могут
Подданные за государя клясться.
Вот вам мое последнее решенье:
Коль вы чрез час от имени Новграда
Не покоритеся на всей нам воле,
Я обнажаю меч, и казнь вам завтра!
Идите, думайте, и свой ответ
Сюда же принесите мне не медля.

Послы, кланяяся, отходят. Иоанн встает и дает знак
выйти прочим, кроме боярина Василья Федоровича Образца.

Иоанн

Готовы ли полки все наши к битве?

Образец

Все положить главы свои готовы
За честь твою, великий государь,
Тебе в угоду! Москвитяне рвутся...

Иоанн

Надолго ль есть у нас запасов?

Образец

Слишком
Недели на две. Изо Пскова ныне
Пришел еще обоз к нам с хлебом,
Пшеничною мукою, медом, рыбой.
Все воины одеты, сыты вдоволь,
Великие твои щедроты славят,
О здравии твоем творят молитвы
Создателю.

Иоанн

А псковский огнестрельный
Снаряд надежен ли?

Образец

Пищали, пушки
Все медные, как жар горят на солнце.
Наемный немец Аристотий их поутру
Пытал, хватают на версту, все в цель. –
И немец наш хитер: огнем, как дьявол,
Играет он – нечистая в нем сила.
Уж подлинно, что тысячи он лучше.

Иоанн

Есть подозрительные в нашем стане.
Ты не заметил ли кого?

Образец

Князья
Удельные не так охочи к битве.
А величаются пред нашим братом,
Бояриным: как волка ни корми,
Все в лес он смотрит, говорят в народе.

Иоанн

Их разделить московскими полками.
Нам осторожными всегда быть должно.
Я вот каким порядком рать устроил:
В передовом полку мой брат Андрей
Меньшой и Оболенский Стрига, Холмский
С Владимиром, Коломной, Костромою;
Андрей большой, Микулинский во правой
Руке, где Кашин, Тверь и Дмитров; в левой,
Главнейшей, брат Борис, Верейский, Пешек.
При мне в великокняжеском полку
Сабуров, ты и Патрикеев.

Борецкий входит.

С Богом!
Иди, полки распоряжай, и кликни
Чрез час ко мне всех главных воевод.

Образец уходит.

Борецкий

«Посланники без ведома сограждан
Решить судьбы отечества не смеют.
Да совершится, что угодно Богу».
Спеша с твоей угрозою в Новгород,
Они к тебе прислали сей ответ,
Моими убежденные речами.

Иоанн

Я не желал другого. Этой распре
Меч должен положить конец, не слово.
Борецкий! я твоей доволен службой,
Ты понял мысль мою: все речи, меры,
Принятые тобой, хвалы достойны.
Поспешное известье об наказе
Послам новогородским очень много
Мне послужило в рассужденьях с ними.
В знак моего к тебе благоволенья
Я грамотой навеки подкрепляю,
С моим согласно первым обещаньем,
Имение Борецких, села, домы,
Луга, угодья, ловли за тобою.
Предвижу я в тебе великую надежду
Отечества. С твоим умом, усердьем
И твердостью, в совете и на брани
Ты будешь правою моей рукою,
Хранителем всех тайных мыслей, другом...
Я и теперь во всем тебе откроюсь,
Уверенный, что ты любовь оценишь,
За искренность служить усердней будешь.
Мать престарелая моя с Геронтьем
Митрополитом, чтимые в народе,
Никак не соглашаются, чтоб Новград
Я ныне покорил себе совсем.
Твердят о клятвах мне, грехах и карах.
Сейчас прислали грамоту с прошеньем,
Чтоб я помиловал новогородцев
На случай их покорности смиренной.
И братья просят у меня того же,
Боясь, чтоб не усилился я слишком.

Я не хочу без крайней, тесной нужды
Не внять докукам их, на зло им сделать –
И не хочу раз десять подниматься
На Новград, обреченный мне судьбою.
Теперь, надеюся, ты ясно видишь,
Как нужно мне сопротивленье ваше.
При нем, как победитель, в полном праве
Я буду то оставить новгородцам,
Что только мне угодно, – в уравненье
С другими подданными государства,
Любезными, родными мне детьми.
Еще ж – я сохраню вид справедливый
Пред всей Россиею, а он полезен
Для будущих моих предначертаний.
С покорством мне борьба была б труднее:
Я взял бы несколько, мне нужно все...
Мне нужно все не для своей корысти –
Свидетель Бог моих всех чувствий тайных –
Мне нужно все для счастия отчизны,
Для блага жителей державы Русской,
Для совершения великих действий,
Без силы новгородской невозможных.
И прочие княжения утихнут
Совсем тогда лишь только предо мною,
Как упадет Новгород, всех сильнейший;
Тогда лишь не посмеют ослушаться...

Борецкий

Великий государь, перед пучиной
Твого разумия я поникаю.
Достоин ты владеть великим градом.

Иоанн

Мне больно самому отнять у граждан
Их древние, любезные права,
Хоть несогласные, к несчастью, с общим
Уставом нашим для пространной Руси.
Но долг велит – и я лишь в утешенье
Могу сказать, что Новград развращенный
Не мог уж их употреблять на пользу
Себе, не мог собою управляться
И должен был упасть позднее ль, раньше ль.

Кому ж спасти древнейшую столицу.
Как не великому царю всей Руси?
Скажи мне истину, в таком ли точно
Находится Новгород положенье?

Борецкий

На крае гибели. Купцы, бояре
И люди житые, разбогатевши,
Престали помышлять о общем благе.
Свои сокровища предпочитают
Старинной славе, счастью новгородцев.
Крамольствуют, враждуют меж собою.
Алкая власти, не умеют править.
Смущеньями в соблазн приводят нравы,
И наш народ несчастный издвоился.
Когда меня на прошлогоднем вече
В посадники не взяли, невзирая
На ревность, род, любовь мою к отчизне,
Когда сей сан злодеям хитрым дали,
Умевшим обольстить слепую чернь
Потворствами, щедротами и лестью, –
Я с горестью увидел наш упадок,
В Москве искать спасения решился
Отечеству...

Иоанн

Благоразумный выбор!
Скажи ж теперь мне о гражданах младших,
О вашей рати – верно, все отвыкли
Воинствовать в кровавых битвах?

Борецкий
(*подумав и бросив испытующий взор на Иоанна*)

Нет.
В гражданах младших чище сохранился
Дух древний мужества новогородский.

Иоанн

Я Новгород возьму – в том нет сомненья –
Со всей моей бесчисленною ратью.
Ты видел ли ее устройство, силу?

Но мне желалось бы как можно меньше
Пролить христьянской драгоценной крови
Моих детей любимых новгородцев.
Ты будешь в войске их между вождями.
Нельзя ль устроить так, чтобы мне легче
Победа непременная досталась?
Борецкий! Ты в великом, славном деле
Участвовать призван – завидный жребий!
Ты понесешь на время укоризну
От черни близорукой, безрассудной,
Но слава громкая – удел твой верный.
Потомство оценит твои заслуги...

Борецкий
(*прерывая его, скоро*)

Великий князь! Московскими речами
Уж некогда беседовать нам больше:
Меня ждут в Новграде. Позволь короче
Окончить все. Тебе сраженье страшно,
И подлинно – дурной успех в сем деле,
Зависящий от мига часто, может
Опасности тебе навлечь большие.
Итак, ты хочешь, чтоб второй изменой
Запродал я тебе победу. Правда ль?

Иоанн
(*с улыбкою*)

Положим, так. Тебя опровергать
Мне также некогда. Что ж дальше?

Борецкий

За жизнь, именье, общее прощенье
Я обещал тебе готовить к битве
Новгород, и обет свой исполняю.
Цена второй услуги иль измены:
Дай слово не касаться до именья
Граждан новогородских (коим ныне
Всего на свете больше дорожат
Они), наместником меня пожалуй,
Чины раздай указанным мной людям,
В своих землях дай сел и волостей,
Сосватай дочь боярина Челядни...

Иоанн

Борецкий! слишком дорого ты просишь.

Борецкий

Дешевле взять нельзя.

Иоанн

Но отчего же
За первую, важнейшую услугу,
Ты взял с меня сходней и меньше?

Борецкий

В-первых:
Я ею исполнял свое желанье:
Мне самому хотелося сраженья,
Чтоб выпустить из нас побольше крови
Дурной, с которой не было б покоя
И под твоей державой. Во-вторых:
Она не стоила труда мне. В-третьих:
Мне не было там никакой отваги –
Меня ж хвалила мать и сограждане
За ревность, пыл, бесстрашие, любовь
К отечеству. Теперь не то ведь: если
Узнают раньше о моих затеях, –
А этому немудрено случиться, –
Мне голову сшибут без дальных справок,
А мать... без ужаса об ней подумать
Я не могу теперь... Новогородцы...
И память... ну ты видишь сам...

Иоанн

Я вижу,
Как трудно человеку без пристрастья
Судить о собственных делах. – Послушай:
Уверен ты, что Новград подо мною
Быть может только счастливым. Итак,
Победу нужную мне облегчая,
Ты выполнишь опять свое желанье,
Благое, справедливое: и кто же
Осмелится назвать его изменой?

Теперь с другой посмотрим стороны:
Ну если я без помощи желанной
Сраженье потеряю новгородцам!
Твои труды погибнут без награды,
И не достигнешь ты высокой цели,
Которую разумный никогда
Из виду своего терять не должен.

Борецкий

Но я тогда останусь в Новеграде
С своею прежней славой. Род Борецких
Усилится, и я успею, может,
Другими мерами дела исправить,
Доставить мир и счастие отчизне,
Предмет моих желаний и трудов.
Но время дорого. Решай скорее.
Скажу еще: без этих обещаний
Я не могу набрать сообщников.

Иоанн

Изволь: дам сел, сосватаю невесту,
К именьям не коснуся... Но зачем
Наместником ты хочешь быть в Новграде?
Ты ненависть возбудишь, подозренье
К себе. Уверен я в твоем раденье;
Я знаю, лучше всех ты сдержишь Новград.
Но я боюся за тебя. Ну если
Какой-нибудь завистливый злодей
Убьет тебя на этом видном месте,
Как часто и случалося у вас, –
Мне больно потерять такого друга,
Слугу...

Борецкий

Спокоен будь. Новогородцы
Счастливее со мной, чем в старину,
Уберегут меня своей любовью.

Иоанн

А мать твоя!

Борецкий

Пред ней я оправдаюсь...
Она посетует... потом с другими...
Невольно согласится...

Иоанн

Да! поутру
Она не будет спорить уж ни с кем.

Борецкий

Нет, нет! Она останется в живых –
Условье непременное мое!

Иоанн

Я должен наказать ее примерно.

Борецкий

Опять не согласились мы с тобою.
Ты женщины боишься, князь всей Руси!

Иоанн

Я не боюся никого, но должен,
В пример для подданных, казнить злодейку.
Пятнадцать лет покоя днем и ночью
Меня лишавшую...

Борецкий

Итак, прощай!
Быть может, завтра ты и пожалеешь
О нынешнем безвременном отказе.
(*Отходя.*)
Суди – ведь я прошу ей только жизни.
Ты можешь заточить ее, коль хочешь.
Поверь: такая жизнь ей горше смерти.

Иоанн
(*подумав*)

Согласен я.

Борецкий

Клянись.
(*С улыбкою.*)

Не на престоле
Ведь ты сидишь.

Иоанн
(*крестясь*)

Клянусь царем небесным!

Борецкий

Теперь тобою я совсем доволен.
Условье кончено – и я тебе
Усерднейший слуга. Лишь только помни,
Я буду делать, что могу. – Не требуй
Сверх сил.

Входит Образец.

Иоанн

Увижу я. Прощай, Борецкий!
Надейся! Бойся!

Борецкий уходит.

Образец

Воеводы в сенях.

Иоанн

Пускай войдут.

Образец отворяет двери.
Князья и бояре входят и становятся около Иоанна.

Иоанн

Российские бояре,
Вожди, князья! Цель наша перед нами.
Поутру, с помощью господней, можем
Достигнуть мы ее. Напоминать ли
Теперь еще вам, что судьба отчизны,
Честь предков и потомков дальных благо
От вашей воли, доблести зависят.
Нам долг велит казнить виновный город.
Притом с врагами нашими – Ордой
И Польшей – без него нельзя бороться.

Вы знаете все сами. Мы должны лишь
Вас ободрить своим великим словом,
Сказать вам: потрудитесь. – Мы десницей
Державною отрем ваш пот кровавый,
Богатой милостью исцелим раны.

Вперед, и с нами Бог! Приступим к делу!
Велите петь молебны. Пусть святою
Водой священники окропят храбрых,
Благословят на подвиг велий, славный!

Боярин Образец вам перескажет
Военные мои распоряженья.
В заутреню, с военным нашим кликом
«Москва» ударим на врагов...

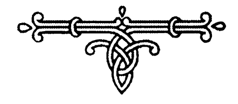
Все кричат:

Москва!
Москва! К мечам! Казнить новогородцев!
Да здравствует надежа-государь
На многие лета! Москва!

Иоанн идет в одну сторону; прочие в другую.

Князь Верейский
(*к князю Микулинскому, отходя*)

Смотри же!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Вечевая площадь. Вечер. Граждане ходят толпами,
другие стоят около колокола, одаль.
Глухой шум. Захарий Овин, Упадыш

Овин

Уж на дворе смеркается, а слуху
О наших нет послах. Я здесь продрог,
Борецкого с вечерен ожидая.

Упадыш

Небось: послов не рубят, не секут,
Ведь Иоанн хоть князь, а знает это.
Борецкий наш целей других приедет.

Овин

Да без него становится, брат, жутко.
Во всех концах народ наш закипает,
Расходится, что Волхов в непогоду,
И сердце рад сорвать на всяком встречном.
Того смотри – с плеч голова скатится
До тысячской собольей шапки жданной.
Уж на меня косятся, подзревая,
Что не спроста я скоро изменился,
И прежний друг, теперь Москве противлюсь.
Кузмин поутру побранился...

Упадыш

Брань
На вороту не виснет, дядя! стерпим!
Пускай бранят, мы после поколотим,
На улице у нас свой будет праздник,
Мы отольем волкам овечьи слезы.
Уж вот натешусь, напируюсь вволю,
Как в Вятке вольница во время оно.
Гуляй, бери, хватай, пали, – все наше.

Овин

Тебе бы все буянить, сорванец.

Упадыш

По-вашему – исподтишка бы лучше,
Не плошь Борецкого. Куда как правда,
Что в тихом омуте ведутся черти.

Овин

Ты врешь. Спасти Новград Борецкий хочет;
Он не похож на мать свою злодейку
(Намедни опозорила на вече
Меня), – порасспроси Ивана Тучу,
Как вел он дело с князем, что для граждан
Он выговорил.

Упадыш

Да – расставь карман:
Перехитрит он Иоанна, как же.
Коль обещания всему народу
Он не сдержал, так неужели сдержит,
Что обещает меж четырех глаз.
Борецкий рот вам мажет этим медом,
А сам лишь из воды сух вылезть хочет,
Подвыситься перед своею братьей. –
Уж эти волки мне в овечьих шкурах! –
Вот я, пожалуй, напрямки признаюсь.
Зачем на вашу сторону отдался.

Овин

Зачем?

Упадыш

Затем, что руки расчесались,
Наскучило сидеть мне, хвост поджавши,
Смотреть, как величаются другие,
Заграбив все, как нам в глаза смеются.
Чем лучше нас они? Чем мы их хуже?
Поклонитесь и мне, друзья. Вот я вас!

Овин

Ну полно, перестань! скажи-ка лучше:
Готово ль все на стороне Софийской?

Упадыш

Готово все: я промаху не дам.
Развел огонь во всяком переулке,
Где до ушей рот волчий разевая,
А где хвостом виляя тихо лисьим.
Граждане черные и рвут и мечут...

Овин

А на Торговой стороне ты был ли?
Там богачам война с Москвой не люба,
Не плошь бояр скупых и разжирелых.
Я к ним послал Клементьева Андрея
С десятком молодцов лихих на выбор –
Заваривать везде покруче кашу,
Да нет вестей, а уж давно пора бы,
Боюся я...

Упадыш

Чего! сейчас лишь только
Я протолкал их с улицы Буяной;
Ганзейцы там перебесились с страху,
Таскают вон товар из лавок в церковь,
Кладут воза, считают, пишут в книгах,
Кричат, шумят, толкаются, бранятся –
Версты, чай за три слышно прокаженных –
А наши у ворот остановились,
Глядят, поддразнивают да смеются,
Как будто бы без дела ротозеи.
На счастье, я там проходил и в шею
Прогнал всех прочь...

Овин

Вот бестолочь какая!
А я ведь как надеялся на них!
Ну если ониполовцам удастся
Народ смирить – с наградой мы прощайся!

Упадыш

Тс, потише... видишь ли, толпой оттуда
Валят они – пришел ответ знать князев...

Овин

Борецкий мой приехал! – что-то будет?

Множество бояр и людей житых приходят на площадь одни за другими.

Боярин

Звоните в колокол: послы уж едут.
Посадник приказал сзывать на вече.

Звонят в колокол. Движение в народе. Кричат:

Послы! послы! скорей на вече! вече!

Народ разделяется на две толпы, в одной бояре и люди житые, в другой младшие граждане. Те и другие говорят между собою.

Житый

Ох, что-то к нам везут они, к бессчастным!
Добра не чует сердце, не минует
Беды.

Второй

Вестимо, нет: или в огонь,
Иль в полымя, а полезать нам надо.

Младший гражданин

Да разве через полымя не скачут?
Не все сгорим, а опалиться можно.

Боярин

Востер, брат, ты – иной так опалится,
Что образ потеряет человечий.

(*Обращаясь к первому.*)

А что, Семен Козмич, как ты гадаешь?

Первый

Не знаю сам – что скажет сват Герасим.

Третий

Герасим – а! – ну как же ты мекаешь,
Сорокоум?

Четвертый

А мне какое дело
Мекать до времени; послы что скажут.

Второй

Что Иоанн, примерно, воли хочет
В Новгороде, всегда решить, вязать,
В свою лишь только голову. Тогда
Что делать?

Четвертый

Ну что набольшие скажут,
Послушаем.

Третий

Да как по-твоему?
Не перминайся же!

Четвертый

По-моему?

Третий

Ну да.

Четвертый

По-моему, вот как Терентий:
Пожмемся мы, покланяемся князю,
А если не проймем ничем – уступим;
Посадники ведь, чай, гадают так же.

Младший гражданин

Нет, видно, не бывать, как вы хотите.

Боярин

А вам как любо, братцы? на нож, что ли?

Младший гражданин

Так что ж? Аль испугаемся? Не бойся!

Второй

Мы не таковские! На нож, в огонь
И в воду. – Только не одни: потащим
С собой и вас.

Третий

Куда их! Тяжелы!
Друг друга толще, не поднимешь, братцы!
Надсядемся.

Все смеются.

Первый

Так растрясем их прежде.
Поспустим жиру.
Слышьте вы, ребята,
Я затяну, а вы не отставайте,
Кричите все за мной: давай нам драться.

Все кричат, размахивая руками:

Давай нам драться!
Драться!

Первый

Вот увидим.
Чия возьмет, коли на то пошло уж.
Мы слышали, что Марфа говорила...

Второй

Вот мать новогородцам, вот кто знает.
Что хорошо для нас.

Многие кричат:

Ну драться! драться!

Упадыш

Да, Марфа то ж велит. Она не в этих
Предателей, хотя их всех богаче.

Житый

Уймитесь, сорванцы! что в самом деле
Вздурилися ни свет и ни заря.

Младший гражданин из задних рядов

Да что смотреть им в зубы. Поднимайте
На Новгород.

Несколько голосов:

Шарап, шарап, ребята!

Издали кричат:

Послы! Послы! Посадник! Марфа! Марфа!

Нападавшие останавливаются. Народ оборачивается в ту сторону,
откуда слышен крик, и, раздвигаясь, дает дорогу.
Многие из народной толпы кричат, замахиваясь:

Вот мы вас, погодите!

Из боярской:

Суньтесь! суньтесь!

Посадник, Марфа, Тысячские, послы и прочие.

Посадник

Московский князь на Новград наступает
Без отдыха. Уж в Сытине он станом
На эту ночь расположился.

Многие прерывают криком:

Ай! ай!
Пропали мы совсем!

Боярин

А по дороге
Как помелом подметено.

Посадник

Услышьте
Последнее его решенье, братья!

Дьяк арх⟨иепископа⟩ Феофила

Он жалует нам мир, коль мы признаем
Его своим владыкой самовластным.
Без всякого условья, повинуясь
Всегда во всем его державной воле.

Житый

Но что ж, по крайней мере, в оправданье
Приводит он клятвопреступной брани?
Нам не было с ним никакой обиды.

1-й староста

Дьяк сочинил и наизусть нам вычел
Тьму-тьмущую злодейств новогородских,
Потом сам князь все доказал уж гуртом,
И ясно так...

(*Вместе.*)

Первый из народа

Хоть выколи глаза.

1-й староста

С мечом, что Новград ввеки
Веков ему поддаться должен.

Первый из народа
(*прерывая*)

Дело!
Тут нечего и спорить по-пустому:
Не выспоришь ни шлягу.

Третий

Кто советен
С мечом!

Шестой из народа
(*к седьмому, во время следующего разговора*)

Да растолкуй мне, брат, в чем дело.
Поддаться вовсе – что такое?

Седьмой

Глупый!
Чтоб веча не было у нас.

Шестой

Вот на!
Да разве города живут без вечей?
Где ж говорить-то нам? Как можно?

Седьмой

Можно.
Князь будет говорить, а мы лишь слушать.

Шестой

Так вот что! Губа у него не дура.

Дьяк арх⟨иепископа⟩ Феофила

Просили мы уж только главных
Новогородских прав, чем наши предки
Владели на Руси испокон веку.

2-й боярин

Ну что ж – ломается?

Дьяк арх⟨иепископа⟩ Феофила

Лишь обещает...

2-й староста

А клятвы дать ни сам ведь он не хочет,
Ни приказать боярам.

Второй из народа
(прерывая)

Верь на слово
Честному человеку!

Боярин

Вот дожили
Мы до чего!

Первый

Бывало и клянутся,
И кланяются в пояс нам. Пугнешь,
Так и язык куда уйдет, не сыщут.

Четвертый

На время время не придет. То мы
В князьях, то в нас князья.

Староста

Окончив увещанье,
Спросил у нас немедленно подданства
От имени Новгорода, с угрозой
Принудить нас к тому на всей уж воле
Поутру после боя.

(*Вместе.*)

Первый из народа

Либо да,
А либо нет, старухи говорят
Всегда ведь надвое.

Староста

Если ныне
Ответ ему не принесем желанный.

Дьяк арх⟨иепископа⟩ Феофила

Не смели мы в таком великом деле,
Где вся судьба отечества решалась,
На совесть взять себе тяжелый выбор,
В пасть львиную дражайший ввергнуть Новград.
Борецкого послав...

Борецкий
(*входит стремительно*)

Все кончено!
Московский князь прервал переговоры.
Ответ послов сомнительный услышав,
Велел тотчас полки готовить к битве.
Надежды не осталося на мир.
Нам должно иль сразиться, иль погибнуть.

МАРѲА,

ПОСАДНИЦА НОВГОРОДСКАЯ.

ТРАГЕДІЯ

ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ВЪ СТИХАХЪ.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1830.

Титульный лист первого издания
трагедии М.П. Погодина «Марфа, Посадница Новгородская».
1830 г.

Вечевой колокол.
Миниатюра из Лицевого летописного свода.
Шумиловский том. XVI в.

А по семже велѣлъ князь великии
из Новагорода колоколъ ихъ вечнои
привести на Москву. И привезенъ
бысть. И вазнесли его на колоко-
лницу на площади с прочими коло-
колы звонити. А сказают, не сталъ
великии Новагородъ. И Руская зе-
мля. Тако онании изнеполение
не бывало. Ни от которого велико-

Увоз вечевого колокола из Новгорода в Москву.
Миниатюра из Лицевого летописного свода.
Шумиловский том. XVI в.

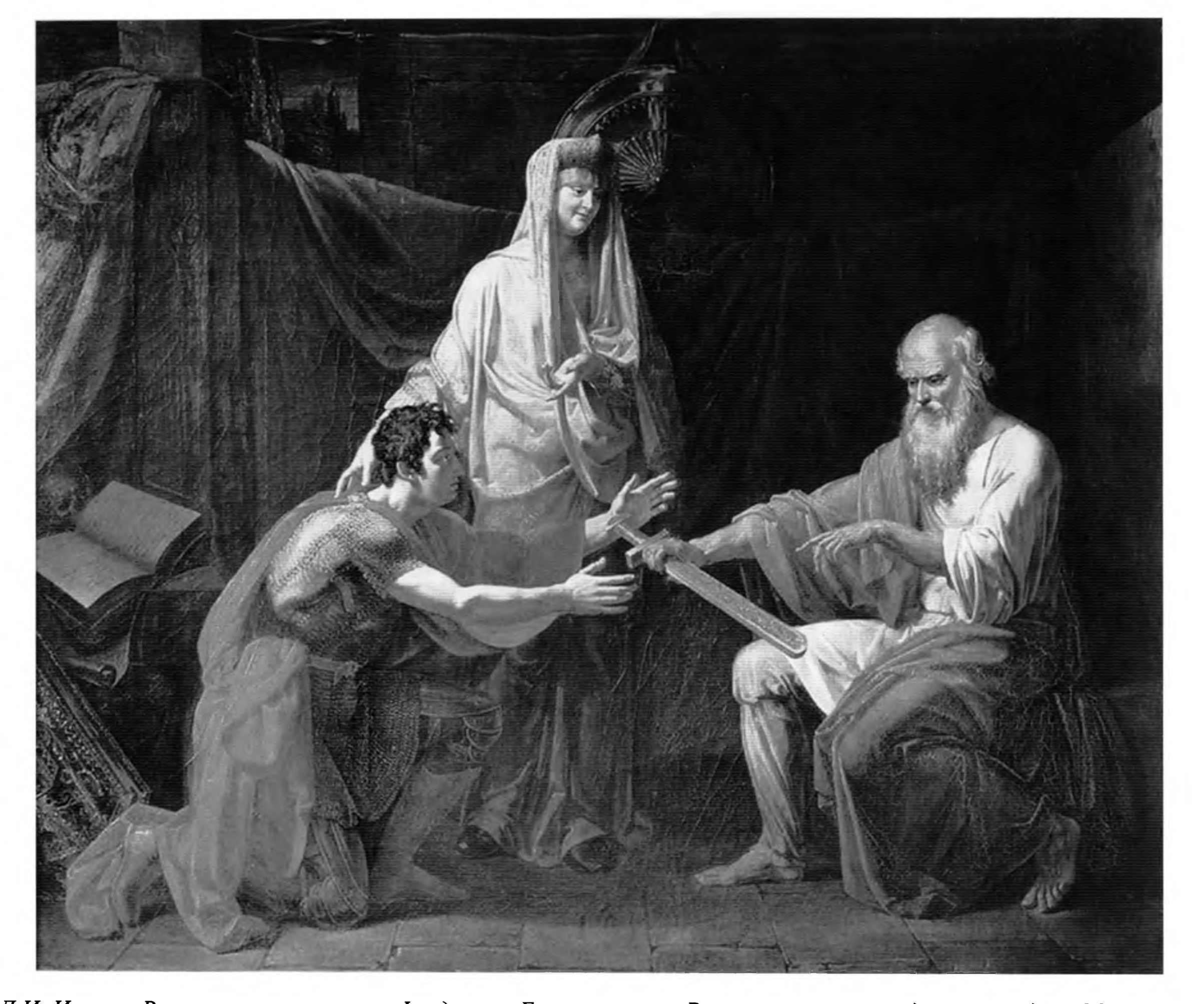

А. Гусев. Марфа Борецкая.
Новгородская Посадница.
Бумага, акварель. 1875 г.

Д.С. Стеллецкий. Знатная боярыня (Марфа Посадница).
Полихромное дерево.
1910 г.

М.О. Микешин. Фрагмент памятника «Тысячелетие России» в Новгороде. Скульпторы М.А. Чижов и А.М. Любимов. 1862 г.

Д.И. Иванов. Вручение пустынником Феодосием Борецким меча Ратмира юному вождю новгородцев Мирославу, назначенному Марфой Посадницей в мужья своей дочери Ксении. Холст, масло, 1808 г.

А.П. Рябушкин. Поезд Марфы Посадницы и вечевого колокола. 1885 г.

(*Вместе.*)

Марфа
(*с восторгом*)

Сразимся мы! Ведет нас перст Господень.
Сам Иоанн – да примет благодарность –
Сомнения решил, отнявши выбор.
К мечам! к мечам! Смелей, новогородцы!

В народе крик:

К мечам!
умрем за Новгород, Софию!

Овин
(*к Борецкому*)

Насилу я тебя дождался, здравствуй.

Борецкий

Ну, как же здесь?

Овин

И холодно, и жарко. Что князь?

Борецкий

Сулит нам золотые горы,
Лишь было б жарче.

Овин

Будет.

Борецкий

Тише ж.

Марфа
(*к боярам и людям житым*)

Ведите же на бой спасать отчизну,
Вы, старшие сыны, меньшую братью!

Бояре и люди житые перешептываются между собою.

Марфа

О чем задумалися? не хотите?

Крик в народе:

Изменники они!
Нам их не надо!
Управиться б скорее с ними!

Марфа

Дети!
Не оскорбляйте их обидным подозреньем;
О благе родины они пекутся
Не меньше нашего. – Расспросим прежде,

Какое средство нам еще спастися
Придумали они. Быть может лучше.
Начни, достойный правнук Патрикея,
Степан Лукич!

Боярин

Я кровь свою пролить
За Новград рад.

Марфа

Андрей Коснятин,
Спасителей потомок Ярослава!

Второй

Там голова моя, где слово Марфы.

Марфа

Брат узников коломенских Панфильев!

Житый

Я повинуюсь приговору веча.

Марфа

Итак, согласны все. Вершай, посадник,
Сужденье общее.

Бояре и житые между собою.

Боярин
(*к другому*)

Ну, говори же!

Второй

А ты что?

Третий

Лишь начните – не отстанем.
Да не упрямься, Федор Львович.

Первый
(*к народу*)

Братья!
Послушайте меня, бороться с князем
Нейдет теперь, как вы себе хотите:
Не совладать с десятком одному.

Второй

Ведь иоанновым полкам нет сметы.

Марфа

Стыдись считать врагов, внук Твердислава!
Без счету бил твой незабвенный предок
Черниговцев, Литву и Чудь, и немцев,
Как дело шло о счастии отчизны;
Не думал он о жизни, как полмертвый
Велел привезть себя на место бунта,
И, став меж злобными стенами граждан,
Смирил их гнев своею кровной жертвой.
Неужли посрамить свой род преславный
Захочешь ты? Рабом московским первый
Захочешь быть?

Боярин

Как захотеть? лишь к слову
Я молвил так; а если наши встанут,
Так я не прочь, и мы себя покажем,
Как дед при князь-Васильи в Двинской рати.

(*Вместе.*)

2-й боярин

Тогда совсем другое время было:
Василию Витовт грозил войною
И Тохтамыш. Где ж было нами спорить?

Житый
(*ко 2-му, тихо*)

И спятился!

Второй
(*к 1-му*)

Ведь знает, где щекотно,
Проклятая.

Чуть-чуть сидел сам на престоле шатком.
Теперь не то. Москве врагов нет страшных,

И с силами почти что всей России
Забота князю лишь одна – Новгород.
А мы без помощи, как персты, все тут.

Чернь

Да Бог-то с кем? неужто с Иоанном?

Марфа

Но разве при Андрее Боголюбском
Надежды мы имели больше? Разве
Не десять шло на одного? – но Бог
Вступился за невинных, и злодеи
Бежали со стыдом, никем гонимы.
Нет, братия, признаемся, не время
Другое, нет, – другие люди были,
Согласные, любящие отчизну,
Готовые на раны за нее.
Не дорожил тогда никто собою,
Не думал о себе, лишь о Святой,
Нас защитил от злого обстоянья.
Он защитит достойных также ныне.
Софии, Новграде – и Милосердый
Коль пасть судил Господь, падем на поле
Сраженья, отдадим живот свой честно.
Не посрамим отцов, Москве докажем,
Что кровь новогородская не стынет.

Житый
(*к Марфе*)

Положим так – теперь мы защитимся,
А после что? Неужли князь уступит?
Таковского нашла? Он в десять крат
Придет сильней с татарами из Крыма,
С волохами – да мало ли наймитов! –
И, злобствуя за кровную обиду,
Наш Новгород с лица земли сметет
Полгодом лишь по-твоему позднее.

(*Вместе.*)

Марфа

Напрасный страх!
Лишь только б эту бурю

Младший гражданин

За нашу хлеб и соль.

Нам удалось отвесть, – мы примем меры,
Устроим связь тесней и ближе с Польшей
И с Ригой – сердце русское скрепивши,
Под их покров надежный предадимся,
Взволнуем все российские уделы
Против Москвы, всем равно ненавистной,
И оградим, средь общего смятенья,
Свои права, как были в старину.
Хвалю твое предвиденье, Дементий
Григорьич, но, любя отчизну слишком,
Ты слишком уж боишься за нее.

(*Вместе.*)

Теперь темно для нас, я соглашаюсь
С тобой, но впереди нам светит
солнце.

Житый

Так. Сулишь нам ты журавля на небе,
Не лучше ль взять синицу в руки?

Марфа

Угорь
Тебе даст князь Московский. Сам ты
видишь,
Что должно нам сразиться с Иоанном,
И лишь родным из угожденья, знаю,
Советуешь мириться. В прежних сечах
В охотниках ты бился первый,
Откажешься ль от главной и последней?

4-й житый

Да! за нее! скажи-ка за себя.
Он под кустом лежал уж на Шелони.

Второй

Нет, врется вам! Мы впереди всегда.
Не ты бы говорил, не я бы слушал,
Литовец!

Четвертый

Я литовец! Ах ты, немец
поганый!
(Дерутся.)

Житый

Кто говорит! что скажут вот другие!
По мне пойдем, пожалуй.

Третий

На убой.
Ну что обманывать себя мечтаньем!
Московский князь нас передушит прежде.
Чем все мы здесь опомниться успеем, –

Не только что твои устроим меры
Премудрые. Ему сбираться долго ль?
Нет, нет! Поддаться лучше.

Купец

Лучше,
Так сохраним хоть наши достоянья!

Младший гражданин

Мздоимщик! жаль расстаться! накопил!

Марфа

Ты думаешь о достоянье, Прохор
Фомич; но знаешь ли, что Иоанн
О животах твоих давно все знает.
Давно уж смерил, счел, сложил и взвесил,
Что в кладовых твоих, моих хранится.
Он выгребет до синей порошинки
Оттуда все подарками и данью.

Купец

И то ведь правда!

Второй

С каждого двора
Сошло ему немало на поминки,
Пиры, – а все ни в честь, ни в славу, даром.

Марфа

Вот то-то же!

Третий
(*к четвертому, тихо*)

Нет, видно, с ней путем
Не сговорить; начать по-своему!

Четвертый

Хоть ты нас выручай. Всех загоняла!
Друзьям-то уж не даст промолвить слова.
Ну петля, нечего!

Третий

Да что вы, братцы,
Толкуете? Она всех вас морочит!
И так своим змеиным улещаньем
Нас привела на край глубокой бездны,
Теперь столкнуть туда еще вас хочет.
А вы, слепцы, и сами гнете спину.
Опомнитесь! Вестимо, ей от князя
Ждать нечего: и так, и сяк, в войне
И мире, головы она не сносит,
Так лучше попытаться на авось,
А нам за что в чужом пиру похмелье?
Поверьте, и она сказала б вам поддаться,
С надеждою на милость Иоанна.

(*Вместе.*)

Марфа

А чем же я лишилась сей надежды,
Скажи, мой враг, скажи пред всем народом,
Чем царскую я возбудила злобу,
Чем на главу с Москвы созвала тучи?

Купец

Так, так! пора давно сказать ей правду.

Боярин

Ей хочется повластвовать над нами.
Нет, лучше уж поклонимся Москве!

Младший гражданин

Нет, никому! мы вольны люди, вольны!

(*Молчание.*)

Овин
(*к Борецкому, тихо*)

Ну-ну! Как ощетинились бояре! –
А ежели сражения не будет,
Прощаться с тысячми?

Борецкий

Отстань и слушай.

Марфа

Что ж ты молчишь, строптивый обвинитель!

Крик в черни:

Так, так! Ее любовь к нам всем известна.

Марфа

Да, братья, за любовь к Святой Софии,
За преданность к великому Новграду,
За верность ко святым заветам предков,
Радение о ваших льготах, вашей воле,
За гордость честную пред Иоанном,
Презрение к коварным предложеньям,
Улику в притязаньях беззаконных,
Обречена я смерти.
Но поверьте:
Не страх, не мысль преступная спастися
Опасною отвагой всей отчизны
Внушает речь мою. Готова Марфа
Приять и казнь, и стыд, и муки ада,
Лишь Новгород остался б с прежней волей, –
Но нет. Москве нельзя ужиться с нами,
Как льду с огнем. Вот что твердила прежде,
Что буду я твердить всегда, с сумою
Под оконьем и на княжом престоле.
Не что-нибудь, а все иль ничего –
Вот выбор наш перед московским князем!
Я думала сама б, как вы, бояре,
Не знав, к несчастию, короче Иоанна.
Вы опускались ли на дно глубокой
Его души? Что там таится, зрели ль?
Искоренить он Новгород решился.
Он разошлет вас по острогам дальним,
Как Афанасьева, Ананьина,
Лошинского, иль исподволь расселит
По городам московским – те ж темницы;
Все земли он холопям во владенье
Раздаст своим, а граждан младших в крепость,
Могилы он отцов размечет наших,
Младенцев в колыбелях передушит...

Крик в народе:

Не приведи Господь нас милосердый
Дожить до этого! Война! Война!

Посадник хочет говорить, но не может среди кликов.

Война! Да здравствует Новград великий!

Бояре
(*кричат*)

Эй, тише! Говорить посадник хочет!

Посадник

За долг святой я, братья, поставляю
Совет и свой вам дать в годину злую.
Послушайте усердного вам сына,
Начальника, раба. Я рад с весельем
Свою главу за Новгород сложить.
Вы помните несчастный день Шелонский –
Кто прежде всех ударил на врагов?
Кто после всех оставил поле битвы,
Израненный, полмертвый?

Бояре, житые и некоторые из черни

Ты!
Ты! Ты!
Кто спорит – ты!

Посадник

Когда не внял я гласу
Призывному иль отпирался службы
В судах, боях, посольствах и разъездах?
Или когда велений веча ослушался,
Доживши до седых волос и внуков!

Все

Нет – никогда! что говорить пустое?

Посадник
(*к черни*)

Кому не уломил меж вами хлеба,
Кого из вас обидел словом, делом?

Народ

Нет – никого. Мы все тобой довольны,
Ты добрый человек.

Посадник

Итак, поверьте,
Что говорить я буду по внушенью
Рассудка здравого, любви к отчизне,
Не с робости, не думая Москве
Угодничать. – И ты не сетуй, Марфа,
Противное себе услышать мненье.

Овин
(*про себя*)

Я ревность чту твою по общем благе,
Но никому в ней сам не уступаю. Проклятый – без ножа он нас зарежет.

Многие кричат:

Да ну, скорее, истомил нам душу,
Скажи свой толк, тебе мы верим.
Что должно делать Новуграду?

Посадник

Настежь
Московские ворота растворить;
Пойти к полкам навстречу с хлебом-солью,
С подарками, крестами, образами,
Принять со звоном колокольным князя
И в полную его предаться волю,
И Новградом великим поклониться.
Что будет, то и будет; так и быть –
Повинную главу меч не сечет,
Не рубит!

Граждане
(*прерывая*)

Бог с тобой!
Что ты!
Что ты!

Посадник

Московский князь хоть вовсе обездолить
Смиренство наше видя, постыдится,
Хоть что-нибудь из наших прав оставит,
Наложит хоть на нас полегче руку;
Авось проймет его глухая совесть.

Противностью ж его без всякой пользы
Мы раздразним, дадим предлог хороший
К кровавому отмщенью, доконанью.

Боярин

Так бранью мы накличем горе сами.

Купец

Вот честный, истый друг Святой Софии!

Шум. Все кричат так, что не слышно ничьих речей.

Овин
(*к Борецкому, тихо*)

Но ведь его послушают. Не будет
По-нашему!

Борецкий

Небось: вишь покраснела
Как матушка! Она им наподдаст.
А чернь как озирается сердито!
Засучивает рукава...

Овин

Дай Бог бы!
(*К Упадышу.*)
Упадыш, не зевай! Вперед! Задор!

Посадник
(*продолжая*)

Как быть: перед Святой Софией нашей
Не виноваты мы, не доброй волей
Заступницу свою в чужие руки
Мы предаем. Угодно Богу так!

Дьяк арх⟨иепископа⟩ Феофила

Настал той час, его же не преходят.

Посадник

Без божьего святого изволенья
Москва ведь не могла бы так высоко
Возвыситься. Все города, уделы

Ей пригородами лишь только стали;
Махает ими словно как руками,
Что хочет, делает. Быть, видно, всем языкам
Славянским во едином мочном теле
С Москвою в головах. Где уцелеть одним нам?

Дьяк арх⟨иепископа⟩ Феофила

Терпением стяжите души ваши!

Посадник

Поратуем под знаменем московским
За славу, честь и благо всей России.

Боярин

Так Бог велел!

Крик в народе:

Не так!
Не так!
Не так!
Мы не хотим к Москве за князя!
Лучше
К Литве за Казимира!
Не хотим
За Иоанна!
Сдаться!
Драться!
Сдаться!

Шум.

Овин
(*к Борецкому*)

Сдадутся... ах... сдадутся... да скажи,
Что рать княжая не надежна...

Борецкий

Полно,
Не трусь до времени. Я это слово
Поберегу к концу...

Из черни

А что, ребята,
Посадник нас обманывать не станет.
И в самом деле уж не лучше ль сдаться?

Купец

И чем же худо жить под Иоанном?
Москва катается, что сыр твой, в масле.
Все через край.

Четвертый ⟨купец⟩

Давали-то в обрез.

Посадник
(*Овину*)

Захар Лукич! ты прежде думал так же,
Я поперечил; ныне, соглашаюсь,
Ты видел вдаль получше моего.
Скажи, хорош ли мой совет?

Овин

Хорош.
Оно и так... сдаваться лучше... впрочем...
И попытать бы должно счастья.

Купец

Какого счастья! полноте морочить!
Прочней всего нам сдаться.

Упадыш

Драться!

Бояре и житые
(*кричат*)

Сдаться!

Марфа
(*к боярам и житым*)

Чтоб не было вам худа перед сдачей!
Народ на вас остервенится.

Житый

Ребята! вот вам тысяча рублей
На всех!

Другой

Моих четыре.

Боярин

Посулите
Им из казны Софийской что-нибудь.
(*К черни.*)
Мы наградим вас всех за послушанье,
Довольны будете.

Упадыш

Не верьте, братцы.
Они всегда нас так-то улещают,
А отдохнут, так и опять налягут.

Чернь

Так, так! Мы сами знаем это.

Несколько житых

Врет он!
Не слушайте Упадыша; ему бы
Ловить себе лишь только рыбу в мутной
Воде. Чего хотите, в самом деле?
Где нам тягаться с князем? Хуже будет.
Обуха плеть коли перешибает?
А с ним без мала двести тысяч.

Борецкий

Меньше!

Упадыш

Мы шапками всех закидаем.

Житый

Как же!
А голову сронить не хочешь? Братцы!
Послушайте старших. Они подальше видят.

Не мы одни! Посадник и владыка
Советуют нам то же. Из чего бы
Им хлопотать, когда бы так не лучше.

Посадник

Да, лучше; я клянуся вам Святой
Софиею.

Дьяк арх⟨иепископа⟩ Феофила

От имени владыки
Целую крест христов и я на том же.

Один из черни

А что ж ребята! Впрямь, не их ли правда?

Житый

Поверьте ж: истину вам говорят.
И где оружье взять? ну чем вам драться?

Овин
(*к Борецкому, тихо*)

Пропали мы с руками и ногами!

Борецкий

Да перестанешь ли ты, бестолковый!

Тысячской

Ступайте ж по дворам теперь спокойно,
Ложитесь спать – ведь утро мудренее,
Чем вечер. Что Бог даст нам, то и будет,
А мы пойдем и встретим Иоанна!

Становится тише.

Боярин

Казну с палатей. Оделяйте граждан.
Чем доставаться ей в чужие руки!

Народ умолкает совершенно. Старосты хотят идти в собор за казною.
Бояре и житые собираются около посадника,
который хочет распустить вече.

П о с а д н и к

Итак...

М а р ф а

(*прерывая стремительно*)

Итак, мы на последнем вече.

. . . .

Сыны Новгорода, целуя как Иуды,
Идут предать отца свого пиладам.

Движение.

(*К боярам и житым.*)

Ну что ж остановились вы? Снимайте
Снимайте колокол!

(*К черни.*)

Друзья и братья!
Невинны мы от праведной сей крови.
Приложимся к его святыне чистой,
Простимся с ним, кормильцем нашим!

Бросается с плачем и рыданием на колокол. Глухой шум.

Н е к о т о р ы е м е ж д у б о я р а м и

Кто колокол отдать Иоанну хочет!
Нет – лучше мы костьми здесь ляжем.

М а р ф а

(*в слезах, обнимая колокол*)

...Уж благовест твой громкий не раздастся.
Новогородское не вздрогнет сердце.
Послышав звук родимый, животворный
Не будет слова нам о нашем деле, –
Покорные рабы Москвы мы станем
Ждать от нее велений, приговоров,
И умирать, и жить по царской воле.
Заглохнет след на площадь вечевую.
София мать осиротеет наша.
Ее сыны, грустя по ней, зачахнут
В неволе по темницам на чужбине.
Погаснет вечная ее лампада.
Спаситель разожмет свою десницу.
Скончается наш Новгород великий.
Родные дети поднимают руку.

Ж и т ы й
(*к прочим*)

Снесем ли, братья, мы попрек такой!
Умрем за Новгород, Софию нашу,
Хоть гибелью спасти ее не чаем.
Отцы всегда так поступали наши.

Д р у г о й

Ведь князь немного больше нам оставит
Покорным! Все равно! Один конец!
Друзья! Авось!

Ч е р н ь
(*кричит*)

Авось!
Авось!
К мечам!

Ж и т ы й
(*переходя к черни*)

Кто прочь идет, тому да будет стыдно!

М н о г и е б о я р е и ж и т ы е

Пожалуй – мы не прочь. Пойдем.
Смертей двух не бывать, одной же не минуешь.
Умрем за Новгород, Софию нашу!

Все кричат:

Умрем за Новгород, умрем, умрем!

М а р ф а

Так – не ошиблась я! Новогородцы
Не посрамят своих великих предков.
В них кровь одна течет. – На битву! с Богом!
Да здравствует наш Новгород великий!

В с е

Да здравствует наш Новгород великий!
Да здравствует наш Новгород великий!
Война! Посадник! изрекай решенье!

Посадник

Коль нашему так государю любо,
Великому Новграду, мы не смеем
Ослушаться. Война с Московским князем!
На начинающего Бог!

Все кричат:

Война!
На начинающего Бог!
Накажем
Предателя!
Война! Война злодею московскому!

Борецкий
(*к Овину*)

Вот видишь,
Все дело обошлось и без меня.

Овин

Благодарю создателя!
Теперь,
Семен Фомич! снимай-ка
шапку;
Недолго в ней нащеголялся, брат, ты!

Шумное движение в народе. Все разделяются на толпы и рассуждают между собою. Больше всего собирается граждан около посадника, Марфы, Борецкого, Овина, Упадыша.

Борецкий
(*к Упадышу, тихо*)

Ступай, куда послал. Мне надо
Остаться здесь; узнать распоряженья
И действовать.

Посадник

Князь Шуйский! Выводи
Свои полки. – Охотен ли ты к битве?

Князь Шуйский

Полки все на Торгу, готовы в поле.
Я двадцать лет служил вам верой-правдой
В дни красные и был доволен вами;
Сгрублю ль теперь, как вам грозит невзгодье?
Я сослужу последнюю вам службу,
Пролью свой пот и кровь за вас – извольте!
Мою жену, ребят не покидайте!

М а р ф а

Князь доблестный! тебя мы знаем, наша
Признательность не оскудеет ввеки
Веков. – Детям твоим отец – Новгород,
София – мать.
Велите же скорее
Всем воинам идти в собор. Владыка
Их приобщит христовых страшных тайн,
Им передаст дары Святой Софии:
Любовь, надежду, веру, крепость, силу,
Укажет им небесные венцы,
Готовые для падших за отчизну,
Благословит на бой кровавый, славный.

Князь Шуйский уходит.

Толпа, после некоторого совещания:

Пойдемте же в собор!

Д р у г и е

Без вас там тесно –
Зачем в собор?

П е р в ы е

Чтоб нас отпел владыка
Всех заживо: мы обреклися смерти
И не хотим в мир больше возвращаться.
Умрем за Новгород, Софию нашу!
Друзья и сродники! простите! Лихом
Не помнить, чур!

Целуются, бегут в церковь. Многие пристают к ним с криком:

Возьмите нас с собою.

В народе:

Голубчики! Бегут на смерть, как на пир!
Вот молодцы! Лихие! Исполать!

Марфа

С такими ль чувствами погибнут грады!
(*К сыну.*)
Мой сын! иди с отпетыми на битву,
Будь впереди, где льется кровь быстрее.
Где падают удары вражьи чаще,
Где бой кипит страшней и смерти больше.
Умри за родину, честь предков наших –
Чтоб ни один новогородец ныне
Нас больше не терпел!

Борецкий

Завет священный
Исполню я... пожертвую для блага
Отчизны всем... драгим... не сомневайся!

Гражданин
(*подходит к нему и говорит на ухо*)

Пятнадцать пушек уж Упадыш
Заколотил. Еще осталось сорок. Как их?

Борецкий

Заколотить еще пятнадцать.

Посадник
(*разговаривавший доселе с разными гражданами и отдававший приказания*)

А между тем не должно нам в опасность
Тех вовлекать, кто сам ее не хочет:
Пусть едут все отсель, кому угодно.

Борецкий
(*к своим*)

Мешать им у заставы. Их именье
Годится для друзей, вина для князя.

Посадник

Ганзейские купцы свои товары,
Не тронь, везут по Ладожской дороге.
Охранный лист им дайте.

(*Вместе.*)

Борецкий
(*к гражданину*)

Вот пожива,
Что обещал тебе, ступай в засаду;
Теперь с тобой мы просты!

Житый
(*к другому*)

Эй, поедем
С ганзейцами. Отсюда до добра-ума
убраться лучше.

Другой

В самом деле.

Уходят.

Посадник

Здесь мы будем
Готовиться к осаде, братья!

Начальники собираются около посадника
и по получении приказаний уходят.

Стены
По Волхову на берегах обоих
Прочнее укрепить.

Борецкий
(*к своим*)

А вы смотрите,
Где послабей места, и мне пришлите
Сказать в полки.

Посадник

Пригороды зажечь,
Чтоб Иоанн пожару испугался:
Как будто город весь горит.

Борецкий
(*к своим*)

Ступай
К нему и обнадежь – все цело будет:
Напрасная тревога...

Посадник

У ворот
У всех держать неусыпную стражу.

Борецкий
(*к своим*)

Везде расставлены чтоб были наши!

Посадник

Захар Козьмич! Ты здесь останься с ними!
И соблюдай порядок.

Овин

Рад стараться.

Воины, предводительствуемые князем Шуйским, показываются из собора.

Борецкий
(*к Овину*)

Смотри ж: держи вострее оба уха,
Чтоб граждане побольше провинялись,
А легче бы унять их было князю...

Овин

Признаться ли мне, Алексей Исакыч!
Ведь я теперь боюся и сраженья.
Ну, если одолеют наши! Видишь,
Как пышут все. Один десятка больше.
Не передаться ль к ним?

Борецкий
(*удерживаясь*)

Тебе... нельзя уж...
Коли не хочешь... чтоб свернули шею.

Овин
(*испугавшись*)

Как так!

Борецкий

Да так. Я это все устроил. –
Но что ты в самом деле... образумься.
Мне все сподручно в войске. Ты упустишь
Награду верную.

Овин

Вот разве так-то!

Между тем полки, пришедшие из собора, выстроились на площади.

Марфа
(*которая ходила доселе в народе и говорила со всеми попеременно, к воинам*)

Святые воины Иисус-Христовы!
Возлюбленные чада Новаграда!
Мужайтеся как предки при Андрее –
И Бог благословит святое дело.
Отчизна вам судьбу свою вручает:
Идете вы теперь с врагом сразиться
За жен, отцов, детей и плод зачатый,
За жизнь и душу всех сограждан,
Свободу, честь, права. Не постыдите
Себя пред целым миром православным!

Воины

Нет, нет! всю кровь за дом Святой Софии
Прольем мы до последней капли,
Клянемся все стоять мы до упаду!

Марфа

Покаемся друг другу в прегрешеньях.
Простимся все!

Народ и воины прощаются между собою. Плач и рыдания. Слышны восклицания:

Простите Христа ради.
Вас Бог простит.
Простите нас.

Марфа

Ступайте же теперь на битву, с Богом!
Вот и владыка сам несет икону
Заступницы пред вами милосердой,
Под древнею хоругвию отчизны.
Вперед, и с нами Бог! Врагам погибель!
Да здравствует наш Новгород великий!

Воины отправляются с кликами:

Вперед! война! свобода! Марфа! Марфа!
Да здравствует наш Новгород великий!
Да здравствует наш Новгород...

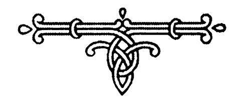
Народ и начальники провожают их.

Борецкий
(*к Овину*)

Прощай!
Не позабудь: без головы иль в шапке.

Овин
(прощаяся)

Вестимо, в шапке.
(*Про себя.*)
Кур попался во щи!

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

У ворот Московских. Старики, женщины, дети, больные, священники, монахи.

Женщина
(*к другой*)

Простилась ты с сынком, с любезным Яшей?

Другая

Голубчик! с паперти, из-под венца,
Угнали в поле.

Первая

А! так он и век
Заел чужой!
(*К третьей, плачущей.*)
Не твой ли, ласточка?

Первая

Ее.

Вторая

Ах, мать небесная! Вдова ты с мужем!

Третья

Затеяли войну! Куда, вишь, больно!
А все мудрит посадница: все боры
Сырые загораются от Марфы!
Ей хорошо, как замужем досыта
Уж нажилась! – Нам каково-то горьким
Терпеть!

Четвертая

И я ведь без году неделю
Жила с хозяином. Ей Бог отплатит…
(*Плачут.*)

Монах

А вы зачем в толь лютую годину
О плоти помышляете, слепии?

Старик

Молчите, глупые! Вишь, разревелись,
Как будто б только их мужья в сраженье.
Весь город там.

Женщины

А нам какое дело
До города? Лишь наши были б целы!

Священник

Молитесь – уцелеем все.

Старик

И вы
Успеете нацеловаться.

Молодые

Ой ли?
Спасибо, дедушка, на добром слове!
Да сбудется ль оно? Коли б скорее!
Пошли господь победу нашим воям!

Старик

Глядите – солнышко уж на Миколе
Хутынском заиграло. – Скоро
Начнется сеча. Господи! как бьется
Сердечушко мое! Ах, старость, старость,
Постылая! Когда б десяток-места
С костей долой, и я теперь в сраженье
Потешился б, и я там помахал бы
Копьем, мечом, и вражью кровь увидел.
Меня, бывало, старшие не сдержут,
Вперед вот так и рвусь! – А нынче что –
И рученьки, и ноженьки не служат,
Стал дряхл и хром, и слеп – куда гожуся?
Сиди с бабьем!

Женщины

Завидуешь ты смерти –
Ах, старый, да ее, пожалуй, сыщешь
Всегда, везде – и дома.

Старик

Дуры, дуры!
Молчите, коль не смыслите чего.
Недаром говорят, что волос долог,
А ум ваш короток. Такая ль дома,
Как в поле смерть. Там все, там все другое:
Там видит глаз, там ухо слышит вдвое;
Там руки так и бегают вот сами;
И кровь в тебе кипит, и сердце пышет;
И трезв и пьян; и весело и страшно;
Весь сам не свой, нись на земле, нись где-то;
Без памяти, а знаешь все и можешь.
Бежишь на смерть, как будто бы за жизнью...
Ох-ма! хоть бы взглянул на них поближе.

Женщина

Зато услышишь с нами все скорее.
Посадница здесь будет дожидаться
Своих гонцов – мне сказывала сватья.

Другая

Вот и она.

Те же, Марфа, Ксения, их прислужницы, Овин, к которому в продолжение следующей сцены прибегают часто разные люди.

Марфа

Вы здесь, друзья, собрались
Узнать решение судьбины нашей
Скажите мне, что чует ваше сердце?

Вторая женщина

Не разберешь, родная! У меня ведь
Там сын-кормилец.

Третья

Муж мой молодой.

Пятая

И мой жених.

Ребенок

А тятя там же?

Четвертая

Там.

Марфа

И я свою надежду, Алексея,
Последнего, который мне остался
От четверых, туда же отпустила.
Пусть он умрет за дом Святой Софии,
Иль отомстит хоть смерть отца и братьев.
(*К старику.*)
Здорово, Федорыч! Ты, чай, не думал
Дожить такой истомы?

Старик

Кто же думал! –
О, матушка, меня еще ты помнишь.

Марфа
(*к предстоящим*)

Потерпим! Бог терпенье любит
Ведь это он напасти насылает
На всяк язык земной – болезни, голод,
Иноплеменников, раздоры, язву;
Кого любя, кому же в наказанье.
Когда князья дрались между собою,
Мы пили, ели, спали вдоволь,
Как душеньке угодно было нашей.
Когда татаре кровью поливали
Всю Русь – мы торговали, богатели,
На воле господами жили. – Ныне ж
И нам черед поплакать, побояться:
Бог посетил своею нас десницей.
Как быть! нельзя прожить век без причины.
Роптанье грех, друзья!

Женщина

Ведь горе ропщет.
Не мы, родная!

Марфа

Буди воля с нами
Его святая. Может быть, и мимо
Пройдет сия злокозненная чаша,
Как проходили прежние.

Овин

Быть может,
Мы заживем еще просторней, лучше,
Назад в Москву прогнавши Иоанна.
Вот то-то будет радость, пир горою.

Марфа

Не унывайте лишь; беду страх кличет.
На белом свете в миг единый может
Перемениться все. Надейтесь!..

Выстрел.
Все невольно вскрикивают: «Ай, ай!» и падают на колени.
Выстрелы чаще и не прерываются во все продолжение действия.

Марфа
(*на коленях*)

Помилуй, Господи, помилуй грешных!
. . . .
Не до конца прогневайся на нас!
Молитесь, братья, все. Молитва чья-
нибудь дойдет до неба...

Одни читают «Отче наш», другие «Свят-свят-свят» и пр.
Общее смятение.

Священник

Матерь божья.
Заступница! потщися! погибаем!

Монах

О, сохрани нас под святым покровом
Твоим!

Женщины

Не отдавай врагам в неволю!

Овин

Оставь по старине.

Старик

Не дай Москве
Над нами посмеяться злобной!

Священники и монахи

Велий
Никола Чудотворец, Стратилаты
Димитрий, Феодор, Иоанн-воин!

Другие

Его не кличьте – это князев ангел!

Первые

Не тот. Он Златоуст.
Отцы святые!
Врагов и сопостатов отжените
От Новагорода.

Женщины

Лишь нам спастись бы,
Я в Соловецкий монастырь пешком
Пойду.
Я мяса есть всю жизнь не стану.
Я постригусь совсем.

Марфа

Молитесь, дети:
Молитвы чистые сильны у Бога.

Ребенок

О чем же нам молиться?

Марфа

Говорите:
Помилуй, Господи, великий Новград.

Ребенок

Помилуй тятю, маму...

Мать

Новград.

Ребенок

Новград.

Встают.

Женщина

Услышана ль молитва наша что-то?

Марфа

Сейчас, сейчас узнаем мы, что Бог дал!
Скорей, гонец, скорее – или нет...
Пожди... услышать страшно... сердце сжалось...

Народ

Бежит.
Вот он!
Ах, ах!
Скажи нам...

Марфа

Жить ли?

Гонец
(*запыхавшись*)

Сраженье началось... наш князь Василий...
Приплыл по Волхову... с пехотой... к рели...
Ударил на врагов... они замялись...
А между тем и конница поспела наша,
Что берегом пошла.

Марфа

Ну слава Богу!
Гора свалилась с сердца. Ведь начало
Всего страшней. – Не выдавайте, други!

Монах

О, укрепи их, Боже!

Священник

Даждь им силу!

Старик

А как стоят полки? Заняли ль наши
Чудиновскую гору? Вот бы славно
Махать с нее и по бокам, и с тылу.
Посадник где?

(*Вместе.*)

Гонец

Посадник посредине
Стоит пред Волховцем, и через реку
Он не пускает Стригу пербродиться.
Борецкий за Ожиговым. Направо
Пред ним отряд Верейского с Борисом.
Меж них овраг и частый перелесок.

Женщина

Ты не видал ли Яшу
Семенова?

Старик

Эх-ма! не длинно ль растянулись наши?
А их как? – В рати ль, слышно, Щеня?
Где Холмский, Образец? Вот кто нам страшен!
Они ведь это нас в Шелонской битве
Качнули так, что небо показалось
с овчинку.

Марфа

Послал бы крепость Бог –
никто не страшен.

Гонец

Я не знаю. Все полки
Московские еще не развернулись.
Да вот никак гонец другой к нам скачет.

Овин
(*про себя*)

Пождите, развернутся.

Марфа

А ты опять... к Алеше и назад.
(*К прискакавшему 2-му гонцу.*)
Ну что?

2-й гонец

Князь Шуйский припер к Воскресенью
Врагов... они остановились... помощь
Приспела к ним... Теперь там бой кровавый
Кипит.

Марфа

Что наши, как?

2-й гонец

Остервенились,
Вот так и лезут на мечи... Народу
Досыта падает на сторонах
Обеих... то беда, что мало наших.
Скрепить бы их...

Марфа

Бегите, жены, в город!
И дочь моя... по улицам рассыпьтесь,
Скликайте всех, и молодых, и старых,
Молитесь...

Овин

Где им; лучше я пойду...

Женщины

Нет-нет, мы сами!
(*Разбегаются во все стороны с криком*)
Братья! братья! братья!
Сюда! сюда! ради Софии! ради
Христа! на помощь, помощь! поспешайте!

Молодой дьякон
(*к священникам и монахам*)

А мы, отцы святые, со крестами
Пойдем-ка, воинов ободрим наших.
Все лучше будет.

Марфа

Батюшки, идите!
Отец Иван! два озера по Ваге
Дам в Юрьев монастырь. Отец Паисий!
Владыко Феофил вас наградит.

Монахи и священники

Пожалуй – мы не прочь, да там ведь много
Уж наших есть.

Марфа

Нет нужды, поспешайте!

3-й гонец
(*вбегает*)

Верейский князь убит! отряд рассеян.

Марфа
(*в восторге*)

Верейский князь убит! отряд рассеян!
Да здравствует наш Новгород великий!

Все кричат:

Да здравствует наш Новгород великий!

Марфа

Ну – что? я говорила вам, что наша
Возьмет. Рабам московским ли пришлось
Тягаться со свободными мужами?

Овин
(*про себя*)

Кой черт! и у меня забилось сердце;
Ей-богу, хочется победы нашим,
Хоть и не хочется.

Марфа
(*к гонцу*)

Скажи порядком,
Как это все Господь для нас устроил.

Гонец

Лишь на середке заварилась каша,
Князь Шуйский двинуться вперед велел
Борецкому, – а он не так, чтоб шибко
Стал напирать, боясь засады тайной,
Не знаючи, сколь велика их сила.
Они ж, от робости, с нечаю, что ли,
Оторопев, нас приняли не дружно.
Вот тут, откуда ни возьмись, у нас
Берденев Михаил – как закричит
Нам: «Эй, чего зеваете, ребята!

Живей за мной!» – как пустится стрелою
На них, а наши-то как гикнут:
«Вперед!» – как дернут вдруг из пушек.
Так вот пошла жарня, и в нос, и в рыло,
Поднялся крик, и гам, и гром страшенный.
Борецкий уж кричал-кричал – куда!
Не слышно ничего. Берденев Миша
Вперед, вперед, бьет и направо, и налево;
Верейцы, как трава ссеченная, валятся.
Добрался он до самого их князя,
Да так, не говоря худого слова,
Вавакнул по затылку, что и дух вон.
А он твердил, услышали мы после,
О примиренье что-то и о сдаче.
Полки его тотчас выдали плеча.

Овин
(*про себя*)

Чтобы язык прильпнул к твоей гортани!

Старик

Да как никто помоги им не подал?

Гонец

Не знаем сами мы. Они стояли
На стороне вишь, вовсе врозь от прочих.
Направо лес – московцам и не слышно.
Налево за оврагом, правда, были
Полки тверские, да пришли не в пору. –
И нашим молодцам двум-трем досталось
С Разважи улицы.

Женщина

За что?

Гонец

Вперед
Идти мешали ратникам.

Старик

С чего же?

Гонец

Ты говори. Черт знает. Блажь нашла.
Берденев с Коробом их зарубили.

(*Вместе.*)

Старик

И ништо им. Какие проявились!

Овин

Мать Божья! я того же не миную!

Гонец

Князь Шуйский приказал налево
Борецкому зачем-то пробираться.
С тверичами ж управиться Берденев
Взялся. – Ну, если, говорят, удастся
Затея эта – благодать господня,
Надежды нам прибавится...

Марфа

Удастся, говорит мое мне сердце.
(*К прочим.*)
Что, други, каково?

Овин
(*про себя*)

Так нет!
Прибавится не вам, а нашим,
Коль от Борецкого зависит дело.

Все

Ну – исполать!

Старик

Ты наша мать. За все, про все спасибо
Тебе. Ты больше всех об нас радеешь.

Марфа

После грозы нам красные денечки
Опять покажутся...

Овин

Мы запируем...
По-прежнему...

Женщина
(*к Марфе*)

О дай-то Бог!

Опрометью пробегает раненый с криком:

Пропало,
Пропало все!

Марфа
(*останавливая его*)

Как, полоумный, что ты?

Народ

Ай, ай!

Овин
(*про себя*)

Ну, слава Богу, отдохнул я!

Раненый

Всей силой Образец на нас натиснул,
Прошиб передние ряды и ломит
Вперед. Он скоро будет здесь. Спасайтесь!
Посадник наш чуть держится, и Шуйский.

Женщины

Родимые, отцы! что будет с нами?

Марфа

Он держится. Вы слышите... так где же
Пропало все? Сейчас сберется помощь
Еще. Быть может, весть несправедлива.

Смятение.

Овин
(*всмотревшись между тем в раненого, тихо*)

Ба-ба! Да это ты, Андрюха, что, брат –
И вправду князь одолевает?

Воин

Нету;
Ему пришлося плохо.

Овин

Батюшка,
Андрюшенька, не добивай.

Воин

Упадыш
Послал нарочно к вам, чтобы подмогу
Остановить здесь как-нибудь у вас.

Марфа
(*уговаривавшая попеременно то тех, то других и часто подходившая к воротам*)

Ах, боже мой, гонцов моих все нету!
(*Оборачиваясь к раненому.*)
Ты от кого… кем послан?

Воин
(*оторопев*)

Я... кем послан!
Я видел сам... Пропало все... Спасайтесь.

Убегает.

Прибегают еще несколько раненых.

Женщина
(*бросаясь к одному*)

Ах, Яша! ты ли? Что с тобой – весь бледный!

Воин

Проколот бок... перевяжите... кровью
Я весь истек... Надеженька... ты здесь...
Друг... поцелуй...

Марфа

Скажи... идет... как битва?

Воин

Секутся сступным боем... страсти!
(*Вскакивает от боли.*)
Ой!
Ой, мочи нет!

Женщина

Мой Федор ведь с тобой
Пошел... что он?

Воин

Велел тебе жить долго.

Женщина

Убит?

Воин

Убит.

Старуха

Ах! ах! Мать пресвятая!

Другие
(*около раненых, к Марфе*)

Ну что, злодейка, победили? Чья
Взяла? – Ну что? упейся нашей кровью!
Сладка ль она?

Марфа,
(*перевязывая раны*)

Утешьтесь! что вы! в битве
Ведь раненые завсегда бывают.
Нельзя без этого. Они, Бог даст,
И выздоровеют. – Ведите всех
В мою больницу.

Женщина,
(*плача*)

Поздно!.. мой скончался!..
Чтоб не было тебе и в аде места!

Крик.

Овин

Да полноте... поправится всё, Бог даст.

Женщина

А знаете ль, что сделать нам, соседки?
Пойдемте на сражение и князю
Повалимся все в ноги меж полками,
Чтоб принял нас он под свою державу, –
Чай, и мужья теперь согласней сдаться.
Быть может, так уймем кровопролитье!

Другая

А что – и в самом деле так. Пойдемте!

Марфа

Куда вы, глупые... убьют вас... полно...
Что выдумали.

Овин

Не пускайте, стражи!

Крик. Некоторые убегают в город.

Марфа

Держите их... бегите вслед за ними:
Они весь город растревожат. Верить
Им не велите.
Сердце все изныло...
Да скоро ли гонцы мои приедут,
И мы узнаем правду о сраженье?

Несколько воинов прибегают в беспамятстве с криком.

Первый

Князь Холмский здесь?

Второй

Уж режут наших жен,
Детей?

Марфа

Как здесь! Мы духу не слыхали
Его.

Третий

Что вы? уж город взят.

Первый

Ведь с тыла
Зашли враги?

Второй

Стенами овладели.

Марфа

О господи! неужели погибнет
Новгород наш обманами? Постойте,
Постойте, робкие! Вы испугались
Пустой молвы: смотрите – все мы целы.

Воин

Помилуй – как пустой? Вот зарево –
Ты видишь ли...

Марфа

Пригороды посадник
Велел зажечь.

Второй

Ведь сам князь Шуйский ранен!

Третий

Посадник наш убит!

Первый

Нет – он лишь ранен,
А Шуйский так убит давно.

Марфа

Вы сами
Не знаете. При вас ли это было?

Воины

Нет, не при нас. Но нам ведь самовидцы
Сказали все...

Воин
(*скачущий в ворота, кричит*)

Посадник поголовно
Велит скорее всем вооружаться.

Марфа
(*удерживая его*)

Останься здесь.
(*К своим служителям.*)
Ардалион! скачи
С приказом к тысячскому в город.
(*К воину.*)
А ты все расскажи нам о сраженье...
Что делают посадник и князь Шуйский?

Воин

Сраженье прервалось. Все отдыхают,
Враги и мы.

Марфа
(*к воинам, прибежавшим прежде*)

Ну что? вы слышите?
Все ложь! – Вас обманули. Образумьтесь...
Постыдную вину свою загладьте...
Ступайте все назад, кто может. С Богом!
Там братия усталая вас ждет...
За Новгород и дом Святой Софии!

(*Вместе.*)

Старик

Да бейте, замечайте всех, кто станет
Вперед пугать
Ох, видно, завелось
Не доброе промежду вас.

Овин (*про себя*)

Проклятая! откуда что берется...
Ей нет труда... Все по воде разводит.
Но погоди... упреешь, матушка!

Марфа

Храни,
Спаситель, нас от сей последней кары!
Да будет проклят тот, кто зло замыслит
В сей час! Да будет проклята утроба,
Что родила изменника!

Овин
(*в сторону*)

Себя
Клянет. Туда ей и дорога.

Марфа
(*к служителям*)

Федор!
Беги к Алеше. Дмитрий – к князь-Василью:
Велите осторожней быть обоим.

Служители с поспешностию уходят.

(*К воину.*)
Теперь скажи, что было и что будет?

Воин

Полки московские всей силой биться
Не могут вдруг: для них так место вышло
Не выгодно. Теперь лишь удалось бы
Борецкому их слева обойти...

(*Вместе.*)

Старик

А где обход – далек ли?

Овин

Он обойдет их – как же; дожидайтесь.
Ну, слава Богу, все у нас в руках

Воин

Далеконек –
От речки Вишеры, Великим полем.
За Жадову деревню и к Хутыню.
Великокняжий полк расположился
Промежду Волховом и Волховцом.
От Водопьяна озера к Лисицкой Слободке.

Марфа

А посадник с Шуйским где?

Воин

Они соединились уж давно
Между монастырем Деревеницким
И озером Немецким. – Лишь придет
К ним весть, что обошел Борецкий с тылу,

Они, отдохши, вместе вдруг ударят,
И верная победа над врагами.
Все прочие московские полки
Стоят по сторонам, и с ними порознь
Управиться легко. Лишь одолеть бы
Нам полк большой, где князь, а там, Бог даст,
И поголовщина поспеет наша.

Марфа

Я побегу сама за нею в город...
Как долго медлят там!
(К Овину.)

Захар Кузьмич!
Ворочай, если явится кто беглый;
Не пропускай вестей неверных дальше...

Овин

Ступай, ступай! надейся! все исполню.

Марфа
(уходя)

О, Господи! да помоги же сирым!

Вдали слышны клики.
В народе:

Постой. – Идут. Слышь, раздаются клики:
Да здравствует Новгород.

Марфа
(останавливаясь)

Слава Богу!
Подмога свежая решает часто
Сражения.
(Оборачивается в ту сторону, откуда слышны клики.)

Друзья мои! смотрите,
С каким усердием они на битву
Спешат. Как бодры, веселы их клики!
Как грозно копьями, мечами машут. –
Утешьтесь! Стыд и смерть врагам несется
На этих остриях.

Полки в сопровождении женщин показываются с кликами:

Вперед! вперед!
Да здравствует наш Новгород великий!

Марфа
(встречая их)

Да здравствует наш Новгород великий!
Друзья, щиты-спасители отчизны!
Да будет имя ваше славно в роды
Родов! на вас последняя надежда.
Вперед! София! Новград! воля! с Богом!
(К народу.)
Пойдемте все, и старики, и жены!
Иль победим, или погибнем вместе.
Да здравствует наш Новгород великий!

Все идут с поспешностию, как вдруг в воротах навстречу им многочисленная толпа воинов в беспорядке, которые кричат:

Измена!
Мы погибли;
Все пропало!
Борецкий!
Нас водили на погибель!

Овин
(про себя)

Конец, и Богу слава, и мне шапка.

Все, столпясь, останавливаются: ни тем, ни другим пройти нельзя.

Марфа

Что сделалось? Не может быть. Какая
Еще измена? Слух неверный. Братья!
Пойдемте все назад на битву, с Богом!

Воины

Куда идти хотите вы? Сраженья нет.
Разбито войско все, истреблено.

Народ и Марфа

Царю небесный. Что вы – расскажите...
Как? Как?

Воины
(кричат все вдруг)

Нет пушек назади.
Отряд
Подосланный приказу не исполнил
За Волховцом.
На тыле.
Обманул
Посадника неверной вестью...

Марфа

Ради
Христа – по одиночке. Не слыхать...

Воины
(опять по-прежнему)

Борецкий не сражался.
Шуйский ранен!
От первого удара оробел!
Он передался.

Марфа

Кто же передался?

Воины

Запасные ряды все разбежались
До битвы.
Не смотрел никто за ними.
Все пушки заколочены.
Встречайте князя.
Тревоги ложные. Упадыш. Туча.

Марфа
(тщетно старавшаяся восстановить какой-нибудь порядок, в исступлении падает на колена посредине)

Ради Христа, умолкните, друг друга
Не прерывайте... по порядку... Ланкин.

Двое бояр
(окровавленные, бегут через ворота и увидя Марфу)

Ну что, довольна ли? Ты Иоанна
Встречаешь здесь! Что взяли вы за Новград?
Чем будешь ты? Царицею? Отродье
Проклятое!

Марфа
(к предстоящим)

Без памяти он, что ли?
Что говорит?

Овин

А верностью хвалились –
Поверь-ка им!

Стражи
(у ворот)

Несут кого-то. Шуйский!

Князя Шуйского, раненого, приносят на носилках.

Князь Шуйский

Постойте, братцы. Дух перевести...
Немного дайте...

Марфа

Князь! я умираю...
Скажи, пропало все? Скажи... Борецкий...

Князь Шуйский

Надежда нам осталася на князя.
Посадница! прогневала ты Бога!

(Вместе.)

Марфа

Как?..

Овин

Пойти же припасать даров на встречу.

Князь Шуйский

Хорошо, сначала все...

Марфа

Сначала
Мы знаем все.

Князь Шуйский

Из заднего отряда,
Что был подослан в тыл врагам...
Вы знаете...

Все кричат:

Ну, знаем.

Марфа

С кем подослан?

Князь Шуйский

Мы получили весть… что он ударит...
Как солнышко на полдне станет... в полдень
Ударили и сами... ломим-ломим...
И слуху нет напереди... послали
Гонцов... и что ж?.. отряд...

Марфа

Ну, что отряд?

Князь Шуйский

Давно рассыпан с первого удара...
Начальников нигде нет...

Марфа

Кто ж там был
Начальником? ведь не Борецкий? Где он?

Князь Шуйский

Мы очутились сами в трех огнях...
Назад... под ядрами... еще надеясь
Запасными полками рать устроить,
Остановить врагов... не тут-то... пушки
Испорчены... полков нет половины.

Враги же по пятам неслись за нами,
Рубили наших без пощады. Тут
Открылась очевидная измена...
Я ранен в грудь... Посадник там остался
С отпетыми.

(К своим воинам.)

Я отдохнул... несите.

Марфа

Да кто ж там был начальником? Василий
Васильич: сжалься надо мной... молюся.
Скажи... кто изменил... кто виноват.

Князь Шуйский
(уносимый воинами)

Не знают виноватых... успокойся...
Лишь подозрения... Им Бог судья.
Упадыш... кажется.

Множество воинов, с криком и воплем
таща Упадыша за ноги,
в бешенстве:

Вот, вот изменник!

Упадыш
(волочимый по земле)

Добейте... пришибите... мучусь... ради
Христа.

Народ
(в остервенении)

Нет, вору поделом и мука.

Другая толпа также тащит несколько граждан:

Вот, вот еще предатели отчизны,
Рабы Борецкого! Он Новград продал!

Общий крик:

Борецкий продал Новград Иоанну!

Боярин
(пробегая из ворот чрез сцену и увидя Марфу)

Изменница!

Марфа
(которая доселе, изумленная, все слушала и смотрела молча, в беспамятстве)

Борецкий продал Новград!
Злодеи! клевета! – Он сын мой! братья!
Не верьте им. – Никто так вас не любит.
Мы кровь новогородская. Пойдемте,
Умрем с посадником все вместе!
Погибнем за Софию и Новгород!
(Падает без чувств на руки Ксении.)

Еще несколько воинов, несущих посадника:

Москва! Москва! Спасайтеся! Москва!

Слышатся вдали трубы. Марфу уносят на руках.

Все граждане разбегаются с криком:

Москва! Москва! идут! конец, конец!

Старик
(оставшийся один на сцене)

Скончался наш отец великий Новгород! Память
тебе вечная! Господи! Приими дух наш с миром!

Упадает без чувств.
С другой стороны выходят несколько нарядных граждан с хлебом и солью на блюдах.
Задние новгородские воины, увидя их, возвращаются и вышибают из рук хлеб-соль, ругаясь.

Куда, негодные! Успеете
Накланяться еще!

Граждане

Разбой! разбой!

Трубы приближаются, и воины оставляют их в покое.
Их набирается больше и больше. Овин.

Первый гражданин

Где встретить князя нам: за воротами
Иль здесь?

Второй

Нет, лучше у ворот уж самых:
Виднее, ближе там; князь нас заметит.

Войска вступают торжественно в город. Овин и прочие беспрестанно кланяются.
Показывается Иоанн на коне. Граждане падают пред ним на колени.

Овин

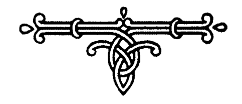
Отец наш, православный государь!
Прими рабов в свою державу верных
С великим Новградом!

Другие

Спаси, помилуй!
Насилу дождалися мы тебя!
Насилу Бог прислал спасителя!

Иоанн, не говоря ни слова, проезжает мимо них.
Его воины бросаются на граждан и отнимают их приношения.

Вот мы вас, гущееды, погодите!

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Ночь. Покои Марфы. Пред образною теплится лампада.
Марфа, закрыв руками лицо, плачет. Ксения стоит над нею.

Ксения

Родительница! успокойся. Ночь
Без памяти всю провела ты.

Марфа

Скоро
Я успокоюся в сырой земле.
Ты знаешь ли видение Зосимы,
Игумена в пустыне Соловецкой?

Ксения

Об нем мне сказывала что-то мама
Неясное. Она сама не знает
Всего порядочно.

Марфа

За Белым морем,
На острову, в стране глухой и дикой,
Где нет людей и чуть ведутся звери, –
Где хлад такой, что птицы замерзают
На всем лету, – где длится ночь полгода,
А небо освещается зарями,
Блестящими, прекрасными, цветными, –
Где чудеса на всякий день творятся
Неимоверные, о коих страшно
И слышать здесь, – на крае будто мира,
Есть строгая, пустынная обитель.
И слух туда далеко не доходит
О суетах мирских. Отцы святые,
В трудах, посте, молитве подвизаясь,

По целым дням без пития и пищи,
Забывши мир, беседуют лишь с Богом,
И внемлет он их глас, и отвечает
Святым...

Ксения

Ах, если б там мне помолиться!
Поедем, матушка. Там к людям ближе
Господь: услышит он...

Марфа

Быть может, скоро
Желание твое свершится – слушай:
Насельники и слуги новгородски,
На Белом море промышляя ловлей,
В грозу на остров занеслися ветром.
Пристали за запасами к монахам.
И, получив лишь несколько просфир,
Голодные, с сердцов, избили старцев,
Переломали утвари, одежды
Все изорвали и грозились в буйстве
В другой раз кельи разорить и церковь.
Отшельники, трепещущи от страха,
Свого игумена послали в Новград
Просить у нас уйму и заступленья.
Зосима, быв у всех бояр и житых,
Пришел ко мне... поверя злобным смердам,
Оклеветавшим мне святого мужа,
Велела я прогнать его с бесчестьем.

Ксения

Ах, что ты, что ты сделала?

Марфа

Но после,
Узнавши от бояр новогородских
О святости и подвигах его,
О правой жалобе, я пригласила
Его к себе обедать со властями,
Посадниками, тысячским, желая
Просить его пред всеми о прощенье.

Пришел он. Многолюдною беседой
За трапезу мы сели – все, что Новград
И области его представить могут,
Все было на моем столе. Сыны
С слугами наравне кругом ходили,
Прося и потчуя гостей довольных
Сластями, яствами, вином заморским.
Насытилися, напилися гости.
Поднялся пир и шум, и смех веселый,
Раздался крик в честь Новграду, хозяйке,
Сердечное, живое ликованье.
Один мой дальний гость сидел смиренно,
Потупив взор, от брашен не вкушая,
Средь бархатов, парчей в раздранной рясе,
Меж светлых, шумных бледный и безмолвный.
И долго на него я с наслажденьем
Смотрела, думала о суете,
О наших тщетных замыслах, желаньях,
О том пристанище, что безмятежный
Достигнул он победою над плотью.
Как вдруг он будто бы очнулся, взором
Окинул все собранье, прослезился
И опустил главу. Его движенья
Внезапного в пирующей беседе
Никто, кроме меня, не мог заметить.
Я, удивленная, глаз не спускаю
С отшельника, – гляжу, – опять он поднял
Поникшую главу, опять взглянул
На всех, опять заплакал и склонился.
И также в третий раз; я испугалась, –
Как будто канули на сердце слезы
Зловещие, и робкое заныло.
Лишь кончился обед, я в образную
Святого повела и с ужасом спросила
О горести безвременной его.
Молчал он долго; наконец уж, сжалясь
Над лютыми терзаньями моими,
Сказал: блюдися, чадо, от напасти.
Грядут дни злобные на новгородцев.
Я видел за столом гостей безглавых...

Ксения

Тебя... как... увидал угодник божий?

Марфа

Мою несчастную судьбу в неясных
Он предсказал словах –
но тем утешил,
Что Иоанна ждет конец страшнее,
И я должна ему поведать гибель
В последний день свободы новгородской.
Я пала в ноги божьему пророку,
Просила заступиться перед небом –
Молитва праведника много может.
Он, осенив меня своей десницей,
Изрек: молися Богу днем и нощью,
Спасение и милость у него. –
Я обнадеялась, богатый вклад
Поместьями и деньгами в обитель
Святую подала и, занятая
Гражданскими делами, позабыла
Пророчество отшельника, а ныне
Оно свершается. – Я ожидаю
Веленья Князева к нему явиться:
Святое слово да не идет мимо.

Ксения

О мать моя! тебе сказал угодник:
У Господа спасение и милость.
Он вступится за нас. Ты не погибнешь.

Марфа

А Новград, – род Борецких пресеченный, –
Мои сыны, погибшие во цвете, –
Мой Алексей, последняя надежда,
У стен отечества истекший кровью...

Ксения

Он жив; в беспамятстве ты позабыла!

Марфа

Он жив! Несчастная! что ты сказала?
Зачем напомнила... – Да! да! он жив...
Он изменил. Я родила Новграду
Предателя. Меня, меня назвали
Изменницею. – Боже! Боже! Боже!
За что такою лютой, горькой казнью
Казнить меня. – Неужли я на свете
Грешнее всех людей?

Боярин Федоров с несколькими новгородцами входят поспешно.

Боярин

Посадница!
Ганзейские купцы провезть берутся
Тебя с товаром безопасно в Любек.
Беги!
С твоим имением, богатством
Ты можешь там во всяком удовольстве
Скончать свой век – забыть Москву и князя,
Забыть неблагодарных сограждан.
Спасайся!

Марфа молчит.

Боярин

Что ж не отвечаешь ты?
Часы бегут. Скорей. Мы опоздаем.
Того смотри – наш новый государь
Начнет московское правленье, спросит
Бояр, всех нас, тебя на суд свой...

Марфа

Это
Не страшный суд.

Боярин

Но, Марфа, ты умрешь.

Марфа

Я умерла вчера.

Боярин

О, перестань!
Твои друзья тебя об этом молят.

Марфа

Спасибо вам! Моя судьба давно
Написана вверху. –
Как вы, на что
Решились?

Боярин

Нам куда бежать с семьями!
Мы остаемся здесь на Божью волю.

Марфа

Так расскажите же теперь мне лучше:
Что делается в городе?

Боярин

Безмолвье
Ужасное, как будто б вымер город:
Не чуть и слова человечья. Окна,
Ворота заперты, огня не видно
Нигде. – И Волхов буйный наш утихнул. –
Собаки по концам лишь только воют,
Да звон доносится из дальних церквей.
Все улицы пустые. От собора
Вплоть до тебя души мы не видали,
И ангел смерти на просторе ходит
По городу, из дому в дом, и двери
Казнимых отмечает кровью. С страхом
Граждане ждут, чем их судьба решится.

Марфа

Где он?

Боярин

На Ярославовом дворище;
Полки по всем стенам двойною цепью.

Марфа

А наши где посадники?

Боярин

В соборе
Софийском, ждут веления княжого.

Марфа

Как судят обо мне?

Боярин

Как – осуждают
Твое упорство, обвиняют в тщетном
Кровопролитье, раздраженье князя.

Марфа

Подозревают?

Боярин

Нет – согласны все:
Слепая ты сама, вела на гибель
И нас, слепых, с собой. Твой сын...

Марфа

Молчите,
Не говорите мне об нем.

Боярин

Утешить
Хочу тебя. Он виноват не столько,
Как думаешь; он может быть оправдан...

Марфа

Оправдан! он!

Ксения

Ах, оправдай его,
Ради Христа!

Боярин

Послушай хладнокровно.
Быв два раза посланником в Москве,

Узнал он твердую решимость князя
Взять Новгород, во что бы то ни стало,
Число полков его, союзы, деньги
И силы все, что на пять войн достанет.
С другой же стороны он ясно видел
Раздоры наши, беспомощье, слабость
И гибельное буйство сильной черни,
Ожесточавшей Иоанна всуе,
Не слушавшей посадника и многих
Бояр, которые хотели сдаться,
Спасения иного не предвидя.
Он вздумал выполнить, один и тайно,
Желанье явное друзей отчизны.
Вошел в сношение с Московским князем
И, осторожностью его известной
Воспользуясь лукаво, обещался
Доставить обладанье Новымградом, –
Лишь на условиях для нас полезных,
И невозможных без его посредства.
Он, впрочем, сделал то, что без него
Должно б случиться было непременно.

Марфа
(взяв с образной Евангелие, читает)

Сын убо человеческий идет, яко же есть писано о нем; горе же человеку тому, им же Сын человеческий предается; добро бы было ему, аще не бы родился человек той.

Вестник вбегает:

Боярин Образец к тебе идет,
Прислал сказать посадник, – изготовься!

Боярин

Что делается с ними?

Вестник

К Иоанну
Позвали всех. Борецкий...

Марфа
(вслушавшись)

Что – скажи мне...

Вестник

Не знаю... говорят...

Марфа

Открой мне все!

Вестник

Убит. Лишь только вышел он с дворища,
У Троицы из-за угла в него
Хватили камнем наповал. Чуть-чуть
Дыша, просил он свидеться с тобою...
И понесли его, но сил не стало,
Он умер близ Преображенской церкви –
Перекрестяся...

Марфа

Славу Богу! он не будет
Питаться кровью преданной отчизны.
Наш род корить его не станут счастьем!

Служитель вбегает:

Боярин уж в ворота к нам стучится.

Марфа

Впусти его.
(Обращаясь к Федорову и прочим новгородцам.)
Теперь расстаться должно
Мне с вами, истые мои друзья!

(Целуется.)

Свидетель Бог, – в последний страшный час, –
Я счастия отечеству желала
И вам, сердечно, искренно. Простите,
Простите, если привела к вам гибель
И провинилася... перед... Софией.
Скажите мой поклон посаднику,
Боярам, житым, вольным... иль невольным
Мужам всем новгородским, пожелайте...
(Рыдая.)

Им счастия... без веча, с Иоанном.
Поблагодарствуйте за их хлеб-соль,
Любовь и дружбу в счастье и несчастье.
....
Друзья! не поминайте лихом Марфы.
Скажите Феофилу, чтоб на память
Векам он описал кончину нашу,
Великого Новграда...

Боярин и прочие новгородцы, с воплем падая на колени пред Марфою.

Марфа! Марфа!
Что будет с нами без тебя, мать наша?
Ты на кого нас, сирых, покидаешь?

Слышен стук.

М а р ф а

На Бога милосердого... Прощайте!

С рыданиями и воплями все уходят в боковую дверь.

О б р а з е ц

Марфа
Борецкая! Твоим винам нет счета.
Новгород ты предать Литве хотела
Враждебной, иноверной, инородной,
Чтоб властвовать в супружестве с литовцем
Мешала гражданам поддаться князю;
Друзей его казнила срамной смертью;
Обеспокоила его на зимний,
Опасный путь, заставила пролить
Кровь неповинную своих и наших
Воителей в напрасной, грешной битве.
Прогневала отца на чад любимых...
Подвигнула на казни...

М а р ф а
(прерывая)

Начались уж?
Василий Федорович! не трудися,
Не вычисляй моих злодейств. За все

Есть у меня чем расплатиться с вами...
Вот голова моя! чего ж еще?

Образец

Московский князь великодушен: хочет
Помиловать тебя, – а ты пред ним
Должна за то открыть свою всю душу.

Марфа

Но разве духовник он мой?

Образец

Послушай.
Владеет он и Новградом и Русью.
Ничто ему противиться не может.
Итак, нет пользы для тебя таиться.
Скажи ж: кто мыслит заодно с тобою?
....
Твои сообщники?

Марфа

Легли на битве.

Образец

Не все. Вот список граждан. Я прочту,
Ты отмечай.

Марфа

А если я из злобы
Врагами вашими друзей отмечу?
Как разберете вы? Нет-нет, боярин,
Не верьте вы чужим изветам, верьте
Лишь действиям, не то средь виноватых
Погибнут правые.

Образец

Какие связи
С Литвою есть у вас?

Марфа

Нет никаких.

Образец

Вот грамоты.

Марфа

Я думала поддаться
Давно еще, надеясь оборону
Найти в Литве для наших прав и волей,
Увидела ошибку и гражданам
Дала совет оставить бесполезный
Союз.

Образец

По крайней мере Казимир
Не подкупал ли вас к войне с Москвою?

Марфа

Кровь в Новомгороде не продавалась.

Образец

Не было ли переговоров с Псковом?

Марфа

Псков изменил в день нужды Новуграду,
Оставил нас...

Образец

Но тайно под рукою
Не говорил ли, не писал ли он,
Чего другого? Нет ли подозренья?

Марфа

Желаете вы, видно, подозренья,
Чтоб ныне взять и Псков уж в благодарность
За помощь, хлеб его, снаряды, войско.

Образец

Толкуешь дурно ты. Московский князь
И нехотя быть должен осторожным,
Среди измен и козней. – Князь Верейский
Хотел к вам передаться на сраженье.

Марфа

Верейский – что убит?

Образец

Да, он.

Марфа

Слепые,
Мы праздновали смерть его.

Образец

Итак,
Не знали вы о замысле князей
Удельных?

Марфа молчит.

Слушай. Без твоих советов,
Без твоего согласия в Новграде
Не делалось ничто. Ты знать должна
Все тайны. Не упорствуй. Если
Не скажешь мне, мучительная пытка...

Марфа

О, выдумай, молюся, Христа ради,
Больнее тех, что я вчера терпела,
Услышавши, как взят Новгород вами,
Как сын... О, выдумай, чтоб я забыла
Прошедшее мучительное время...

Образец

Итак, ты не имеешь ничего
Открыть нам.

Марфа

Ничего, но я имею
Заветное препорученье к князю
От одного в землях новогородских
Великого святителя.

Образец

Наш князь
Благочестив. Он будет рад услышать
Его. – По крайней мере, кто богаче
У вас в Новгороде из граждан?

Марфа

Я.

Образец

Пойдем же к князю!

Марфа

Я... готова... Ксенья!

Ксения входит. Марфа целует ее.

Не унывай и уповай на Бога!

Ксения

О, мать моя! о, мать моя! с тобою
На смерть! на смерть! возьми меня...

Образец
(отталкивая ее)

Останься!

Ксения упадает в беспамятстве.
Образец уводит Марфу.

Дворец Ярославов. В середине на престоле сидит Иоанн в великокняжеском венце, со скипетром в правой и державою в левой руке, окруженный рындами. Близ него братья и полководцы. В отдалении (на авансцене) почетные новгородцы. По сторонам воины.

Иоанн

И наконец, благодаренье Богу,
На всей я воле покорил Новгород,
После крамол, измен, предательств, бунтов,
Дерзнувший на природных государей
Поднять свою предательскую руку. –
Последуя движенью правой мести,

Должны б мы были разорить немедля
Сие гнездо злодейств до основанья
На память грозную родам грядущим,
Да, видя казнь такую, все страшатся
Подобных беззаконных дел и мыслей.
Но, внемля гласу милосердья, помня,
Что здесь могущая держава наша
Впервые основалася, что древле
Великие услуги оказали
Новогородцы нашим славным предкам,
Владимиру Святому, Ярославу,
Мстиславам, Александру и Донскому.

В это время входит боярин Образец с Марфою и, оставя ее подле прочих новгородцев, подходит к Иоанну, а по окончании его речи говорит ему на ухо несколько слов.

Мы оставляем виноватый Новград
На прежнем месте целым, невредимым,
Но без похищенных им лишних прав,
Которых граждане себе на пользу,
Нам без вреда употреблять не знали.
Отныне Новград управляться будет
С российскими со всеми городами
Одним обрядом, без властей избранных,
Без тысячских, посадника, без веча
Указами московских государей.
Князь Ярослав, Китай, Зиновьев, Стрига!
Наместниками здесь я назначаю
Вас полномочными.
Снимите с веча
Мятежный колокол и отошлите
За мной в Москву.

Зиновьев выходит.

Всех граждан приведите
К присяге, без помину о Новграде,
На имя наше, князя всей Руси.
Смените прежних и назначьте новых
Начальников. Налоги собирайте,
Судите и рядите, и казните,

И милуйте, и словом в наше место
Новгород, отчину мою, вы знайте.
А прежним действиям новогородских
Граждан я сам теперь дарую правый
Мой суд...

Князь Шуйский
(поддерживаемый двумя воинами)

Великий государь! я крест
Новграду целовал служить до гроба
За милости его, приют, защиту
И жалованье. – Не клади ж опалы
Моей преданности к нему и службе.
Прими во двор к себе. Я положу
Свою главу теперь тебе в угоду.

Иоанн

Я жалую тебя своим ростовским
Наместником, надеяся на честность,
Искусство ратное твое и верность;
Даю пять сел по Волге для замены
Твоих имений в здешних областях.

Князь Шуйский

Да сохранит тебя на многи лета
Отец небесный с чады и супругой!

Посадник и прочие новгородцы

И мы в своих винах все признаемся
Перед тобою, самодержцем нашим,
Как перед Богом на суде последнем.
Клянемся все служить душой и телом,
Прямить, радеть – лишь не попомни нашей
Прошедшей грубости к тебе.
Мы только
Ведь слушалися государя веча.

Слышен звук упавшего колокола и вопль.
Молчание.

Иоанн

Прощаем всех граждан, что провинились
По принужденью иль незнанью,
Без злобных умыслов и заговоров.
И жаловать отныне и до века
Своею царской милостию станем.
Владыке Феофилу оставляем
Его архиепископский престол.
Из волостей его себе лишь десять
Берем. Из монастырских половину.
Но те изменники, что возбуждали
Народ против законных государей
И имя их великое срамили,
И родину на гибель приводили,
Должны приять достойное возмездье,
И кийждо по делам своим поганым,
Как скажет им наместник Ярослав.
Василью Селезневу, Сухощеку,
Ананьину, Василью Казимеру,
Арбузьеву – отсечь главы. Акинфа
Репехова с Романом сыном, Юрья,
Григорья, Купреянова, Михайлу
Берденева, Ивана Кузмина,
В железа заковав, отправить в ссылку,
Имение все описать в казну.
Барановых, Тыртовых, Муравьевых,
Клементьевых, Быковых, Хомутовых,
Назимовых, Щербининых, Редровых,
Зелениных, Нелединских, Редровых,
И прочих, как означено в сем списке,
Всех расселить по низовым землям
И оделить из княжеских владений
За здешние, кому причтется сколько.
Жену посадника Исака, Марфу
Борецкую, повинную лютейшей
Мучительнейшей смерти – мы за службу
Ее меньшого сына Алексея,
Усердную, полезную, благую...

Марфа
(про себя)

Злодей! еще нашел чем уязвить!

Иоанн
(продолжая)

Мы не казним и только в заточенье
Под крепкой стражей и присмотром строгим
По смерть в Новгород Нижний отсылаем.

Марфа

Приемлю казнь сию; я заслужила
Перед судом твоим ее сторицей.
Я не ропщу и плачу – о Новграде.
И ты не радуйся своей победе.
Угодник из пустыни Соловецкой
Велел мне предсказать твою судьбину
В последний час...

Иоанн

Скажи. Я не боюсь
Услышать от тебя святое слово.

Марфа

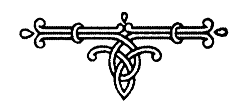
Но будешь ли так рад ему, услышав?
Вот что святитель о тебе поведал, –
Внимай в господнем трепете и страхе:
Успеешь ты в своих всех предприятьях,
Противников своих ты одолеешь,
Ты победишь восток и юг, и север,
Богат и знаменит, и силен будешь
Между владыками на этом свете.
Но Бог тебя накажет за измены,
Которыми сбираешь ты стяжанье,
И счастия не чувствовать тебе.
В семействе у тебя раздор возникнет,
Супругу ты свою, детей и внуков
Одних возненавидишь за другими.
Любовь к себе, отчаянный, смятенный,
Не различишь со злобою, ложь с правдой.
Друзья далеко от тебя все станут,
Потомки все твои в кровях погибнут,
Которыми польется вся Россия,
Уничиженная, полуживая.

И не удастся вам ее поставить
На твердом основании, чему
Работаешь ты правдой и неправдой,
И род несчастный ваш весь изведется
Среди терзаний, мук, измен и козней.
И се другой, блистая горней славой,
От западных далеких стран идет,
Он примет власть над вашею державой,
К величию Россию поведет.
С твоих трудов, забот и попечений
Обильную он жатву соберет.
И счастие созиждет поколений,
И имя он свое пред вашим вознесет.
И все сии мучительные язвы
Себе на плоть ты принимая, станешь
В грядущей жизни и на этом свете
Стенать в раскаянье о Новеграде,
Как горько мы об нем стенаем ныне.

Иоанн

Что Господу угодно – да свершится!
Спокоен я, исполнив подвиг свой.
Литвы, Орды отсель не устрашится
Отечество, стяжавшее покой.
Пускай мой род любезный прекратится,
Но Русь моя восстанет над землей.
Забудьте же все грозы и напасти
В сени моей самодержавной власти!

Все невольно падают ниц перед Иоанном, кроме Марфы Посадницы.
Занавес опускается.

Дополнения

Н.М. Карамзин

МАРФА-ПОСАДНИЦА, ИЛИ ПОКОРЕНИЕ НОВАГОРОДА

историческая повесть

Вот один из самых важнейших случаев российской истории! – говорит издатель сей повести. – Мудрый Иоанн должен был для славы и силы отечества присоединить область Новогородскую к своей державе: хвала ему! Однако ж сопротивление новогородцев не есть бунт каких-нибудь якобинцев: они сражались за древние свои уставы и права, данные им отчасти самими великими князьями, например Ярославом, утвердителем их вольности. Они поступили только безрассудно: им должно было предвидеть, что сопротивление обратится в гибель Новугороду, и благоразумие требовало от них добровольной жертвы.

В наших летописях мало подробностей сего великого происшествия, но случай доставил мне в руки старинный манускрипт, который сообщаю здесь любителям истории и – сказок, исправив только слог его, темный и невразумительный. Думаю, что это писано одним из знатных новогородцев, переселенных великим князем Иоанном Васильевичем в другие города. Все главные происшествия согласны с историею. И летописи и старинные песни отдают справедливость великому уму Марфы Борецкой, сей чудной женщины, которая умела овладеть народом и хотела (весьма некстати!) быть Катоном своей республики.

Кажется, что старинный автор сей повести даже и в душе своей не винил Иоанна. Это делает честь его справедливости, хотя при описании некоторых случаев кровь новогородская явно играет в нем. Тайное побуждение, данное им фанатизму Марфы, доказывает, что он видел в ней только *страстную*, пылкую, умную, а не великую и не добродетельную женщину.

КНИГА ПЕРВАЯ

Раздался звук *вечевого колокола*, и вздрогнули сердца в Новегороде. Отцы семейств вырываются из объятий супруг и детей, чтобы спешить, куда зовет их отечество. Недоумение, любопытство, страх и надежда влекут граждан

шумными толпами на Великую площадь. Все спрашивают; никто не ответствует… Там, против древнего дому Ярославова, уже собралися посадники с золотыми на груди медалями, тысячские с высокими жезлами, бояре, люди житые со знаменами и старосты всех пяти концов новогородских[a] с серебряными секирами. Но еще не видно никого на месте лобном, или Вадимовом (где возвышался мраморный образ сего витязя). Народ криком своим заглушает звон колокола и требует открытия веча. Иосиф Делинский, именитый гражданин, бывший семь раз степенным посадником – и всякий раз с новыми услугами отечеству, с новою честию для своего имени, – всходит на железные ступени, открывает седую, почтенную свою голову, смиренно кланяется народу и говорит ему, что князь московский прислал в Великий Новгород своего боярина, который желает всенародно объявить его требования… Посадник сходит – и боярин Иоаннов является на Вадимовом месте, с видом гордым, препоясанный мечом и в латах. То был воевода, князь Холмский, муж благоразумный и твердый – правая рука Иоаннова в предприятиях воинских, око его в делах государственных – храбрый в битвах, велеречивый в совете. Все безмолвствуют, боярин хочет говорить… Но юные надменные новогородцы восклицают: «Смирись пред великим народом!» Он медлит – тысячи голосов повторяют: «Смирись пред великим народом!». Боярин снимает шлем с головы своей – и шум умолкает.

«Граждане новогородские! – вещает он. – Князь Московский и всея России говорит с вами – внимайте!

Народы дикие любят независимость, народы мудрые любят порядок, а нет порядка без власти самодержавной. Ваши предки хотели править сами собою и были жертвою лютых соседов или еще лютейших внутренних междоусобий. Старец добродетельный, стоя на праге вечности, заклинал их избрать владетеля. Они поверили ему, ибо человек при дверях гроба может говорить только истину.

Граждане новогородские! В стенах ваших родилось, утвердилось, прославилось самодержавие земли русской. Здесь великодушный Рюрик творил суд и правду; на сем месте древние новогородцы своего отца и князя, который примирил внутренние раздоры, успокоил и возвеличил город их. На сем месте они проклинали гибельную вольность и благословляли спасительную власть единого. Прежде ужасные только для самих себя и несчастные в глазах соседов, новогородцы под державною рукою варяжского героя сделались ужасом и завистию других народов; и когда Олег храбрый двинулся с воинством к пределам юга, все племена славянские покорялись ему с радостию, и предки ваши, товарищи его славы, едва верили своему величию.

---

[a] Так назывались части города: Конец Неровский, Гончарский, Славянский, Загородский и Плотнинский. (Здесь и далее примеч. Н.М. Карамзина.)

Олег, следуя за течением Днепра, возлюбил красные берега его и в благословенной стране Киевской основал столицу своего обширного государства; но Великий Новгород был всегда десницею князей великих, когда они славили делами имя русское. Олег под щитом новогородцев прибил щит свой к вратам цареградским. Святослав с дружиною новогородскою рассеял, как прах, воинство Цимисхия, и внук Ольгин вашими предками был прозван Владетелем мира.

Граждане новогородские! Не только воинскою славою обязаны вы государям русским: если глаза мои, обращаясь на все концы вашего града, видят повсюду златые кресты великолепных храмов святой веры, если шум Волхова напоминает вам тот великий день, в который знаки идолослужения погибли с шумом в быстрых волнах его, то вспомните, что Владимир соорудил здесь первый храм истинному Богу, Владимир низверг Перуна в пучину Волхова!.. Если жизнь и собственность священны в Новегороде, то скажите, чья рука оградила их безопасностию?.. Здесь (указывая на дом Ярослава) – здесь жил мудрый законодатель, благотворитель ваших предков, князь великодушный, друг их, которого называли они вторым Рюриком!.. Потомство неблагодарное! Внимай справедливым укоризнам!

Новогородцы, быв всегда старшими сынами России, вдруг отделились от братии своих; быв верными подданными князей, ныне смеются над их властию… и в какие времена? О стыд имени русского! Родство и дружба познаются в напастях, любовь к отечеству также… Бог в неисповедимом совете своем положил наказать землю русскую. Явились варвары бесчисленные, пришельцы от стран никому не известных[b], подобно сим тучам насекомых, которые небо во гневе своем гонит бурею на жатву грешника. Храбрые славяне, изумленные их явлением, сражаются и гибнут, земля русская обагряется кровью русских, города и села пылают, гремят цепи на девах и старцах… Что ж делают новогородцы? Спешат ли на помощь к братьям своим?.. Нет! Пользуясь своим удалением от мест кровопролития, пользуясь общим бедствием князей, отнимают у них власть законную, держат их в стенах своих, как в темнице, изгоняют, призывают других и снова изгоняют. Государи новогородские, потомки Рюрика и Ярослава, должны были слушаться посадников и трепетать *вечевого колокола*, как трубы суда Страшного! Наконец никто уже не хотел быть князем вашим, рабом мятежного веча… Наконец русские и новогородцы не узнают друг друга!

Отчего же такая перемена в сердцах ваших? Как древнее племя славянское могло забыть кровь свою?.. Корыстолюбие, корыстолюбие ослепило вас! Русские гибнут, новогородцы богатеют. В Москву, в Киев, в Владимир привозят трупы христианских витязей, убиенных неверными, и народ, осыпав пеплом

---

[b] Так думали в России о татарах.

главу свою, с воплем встречает их; в Новгород привозят товары чужеземные, и народ с радостными восклицаниями приветствует гостей[c] иностранных! Русские считают язвы свои, новогородцы считают златые монеты. Русские в узах, новогородцы славят вольность свою!

Вольность!.. Но вы также рабствуете. Народ! Я говорю с тобою. Бояре честолюбивые, уничтожив власть государей, сами овладели ею. Вы повинуетесь – ибо народ всегда повиноваться должен, – но только не священной крови Рюрика, а купцам богатым. О стыд! Потомки славян ценят златом права властителей! Роды княжеские, издревле именитые, возвысились делами храбрости и славы; ваши посадники, тысячские, люди житые обязаны своим достоинством благоприятному ветру и хитростям корыстолюбия. Привыкшие к выгодам торговли, торгуют и благом народа; кто им обещает злато, тому они вас обещают. Так, известны князю Московскому их дружественные, тайные связи с Литвою и Казимиром. Скоро, скоро вы соберетесь на звук *вечевого колокола*, и надменный поляк скажет вам на лобном месте: "Вы – рабы мои!". Но Бог и великий Иоанн еще о вас пекутся.

Новогородцы! Земля русская воскресает. Иоанн возбудил от сна древнее мужество славян, ободрил унылое воинство, и берега Камы были свидетелями побед наших[d]. Дуга мира и завета воссияла над могилами князей Георгия, Андрея, Михаила. Небо примирилось с нами, и мечи татарские иступились. Настало время мести, время славы и торжества христианского. Еще удар последний не совершился, но Иоанн, избранный Богом, не опустит державной руки своей, доколе не сокрушит врагов и не смешает их праха с земною перстню. Димитрий, поразив Мамая, не освободил России; Иоанн все предвидит, и, зная, что разделение государства было виною бедствий его, он уже соединил все княжества под своею державою и признан властелином земли русской. Дети отечества, после горестной долговременной разлуки, объемлются с веселием пред очами государя и мудрого отца их.

Но радость его не будет совершенна, доколе Новгород, древний, Великий Новгород, не возвратится под сень отечества. Вы оскорбляли его предков, он все забывает, если ему покоритесь. Иоанн, достойный владеть миром, желает только быть государем новогородским!.. Вспомните, когда он был мирным гостем посреди вас; вспомните, как вы удивлялись его величию, когда он, окруженный своими вельможами, шел по стогнам Новаграда в дом Ярославов; вспомните, с каким благоволением, с какою мудростию он беседовал с вашими боярами о древностях новогородских, сидя на поставленном для него троне близ места Рюрикова, откуда взор его обнимал все концы града и веселью окрестности; вспомните, как вы единодушно восклицали:

---

[c] То есть купцов.

[d] ...берега Камы были свидетелями побед наших. – В 1468 г. войска Ивана III разбили татар на Каме.

"Да здравствует князь Московский, великий и мудрый!". Такому ли государю не славно повиноваться, и для того единственно, чтобы вместе с ним совершенно освободить Россию от ига варваров? Тогда Новгород еще более украсится и возвеличится в мире. Вы будете *первыми* сынами России; здесь Иоанн поставит трон свой и воскресит счастливые времена, когда не шумное *вече*, но Рюрик и Ярослав судили вас, как отцы детей, ходили по стогнам и вопрошали бедных, не угнетают ли их богатые? Тогда бедные и богатые равно будут счастливы, ибо все подданные равны пред лицом владыки самодержавного.

Народ и граждане! Да властвует Иоанн в Новегороде, как он в Москве властвует! Или – внимайте его последнему слову – или храброе воинство, готовое сокрушить татар, в грозном ополчении явится прежде глазам вашим, да усмирит мятежников!.. Мир или война? Ответствуйте!».

С сим словом боярин Иоаннов надел шлем и сошел с лобного места.

Еще продолжается молчание. Чиновники и граждане в изумлении. Вдруг колеблются толпы народные, и громко раздаются восклицания: «Марфа! Марфа!». Она всходит на железные ступени, тихо и величаво; взирает на бесчисленное собрание граждан и безмолвствует… Важность и скорбь видны на бледном лице ее… Но скоро осененный горестию взор блеснул огнем вдохновения, бледное лицо покрылось румянцем, и Марфа вещала:

«Вадим! Вадим! Здесь лилась священная кровь твоя, здесь призываю небо и тебя во свидетели, что сердце мое любит славу отечества и благо сограждан, что скажу истину народу новогородскому и готова запечатлеть ее моею кровию. Жена дерзает говорить на вече, но предки мои были друзья Вадимовы, я родилась в стане воинском под звуком оружия, отец, супруг мой погибли, сражаясь за Новгород. Вот право мое быть защитницею вольности! Оно куплено ценою моего счастия…».

«Говори, славная дочь Новаграда!» – воскликнул народ единогласно – и глубокое безмолвие снова изъявило его внимание.

«Потомки славян великодушных! Вас называют мятежниками!.. За то ли, что вы подъяли из гроба славу их? Они были свободны, когда текли с востока на запад избрать себе жилище во вселенной, свободны, подобно орлам, парившим над их главою в обширных пустынях древнего мира… Они утвердились на красных берегах Ильменя и всё еще служили одному Богу. Когда Великая Империя[e], как ветхое здание, сокрушалась под сильными ударами диких героев севера, когда готфы, вандалы, эрулы и другие племена скифские искали везде добычи, жили убийствами и грабежом, тогда славяне имели уже селения и города, обработывали землю, наслаждались приятными искусствами мирной жизни, но всё еще любили независимость. Под сению древа

---

[e] Римская.

чувствительный славянин играл на струнах изобретенного им мусикийского орудия[f], но меч его висел на ветвях, готовый наказать хищника и тирана. Когда Баян, князь аварский, страшный для императоров Греции, потребовал, чтобы славяне ему поддалися, они гордо и спокойно ответствовали: "Никто во вселенной не может поработить нас, доколе не выдут из употребления мечи и стрелы!.."[g]. О великие воспоминания древности! Вы ли должны склонять нас к рабству и к узам?

Правда, с течением времен родились в душах новые страсти, обычаи древние, спасительные забывались, и неопытная юность презирала мудрые советы старцев; тогда славяне призвали к себе знаменитых храбростию князей варяжских, да повелевают юным, мятежным воинством. Но когда Рюрик захотел самовольно властвовать, гордость славянская ужаснулась своей неосторожности, и Вадим *Храбрый* звал его пред суд народа. "Меч и боги да будут нашими судиями!" – ответствовал Рюрик, – и Вадим пал от руки его, сказав: "Новогородцы! На место, обагренное моею кровию, приходите оплакивать свое неразумие – и славить вольность, когда она с торжеством явится снова в стенах ваших..." Исполнилось желание великого мужа: народ собирается на священной могиле его, свободно и независимо решить судьбу свою.

Так, кончина Рюрика – да отдадим справедливость сему знаменитому витязю! – мудрого и смелого Рюрика воскресила свободу новогородскую. Народ, изумленный его величием, невольно и смиренно повиновался, но скоро, не видя уже героя, пробудился от глубокого сна, и Олег, испытав многократно его упорную непреклонность, удалился от Новагорода с воинством храбрых варягов и славянских юношей искать победы, данников и рабов между другими скифскими, менее отважными и гордыми племенами. С того времени Новгород признавал в князьях своих единственно полководцев и военачальников; народ избирал власти гражданские и, повинуясь им, повиновался уставу воли своей. В киевлянах и других россиянах отцы наши любили кровь славянскую, служили им, как друзьям и братьям, разили их неприятелей и вместе с ними славились победами. Здесь провел юность свою Владимир, здесь, среди примеров народа великодушного, образовался великий дух его, здесь мудрая беседа старцев наших возбудила в нем желание вопросить все народы земные о таинствах веры их, да откроется истина ко благу людей; и когда, убежденный в святости христианства, он принял его от греков, новогородцы, разумнее других племен славянских, изъявили и более ревности к новой истинной вере. Имя Владимира священно в Новегороде; священна и любезна память Ярослава, ибо он первый из князей русских утвердил законы

---

[f] См. византийских историков Феофилакта и Феофана.
[g] См. Менандера.

и вольность великого града. Пусть дерзость называет отцов наших неблагодарными за то, что они отражали властолюбивые предприятия его потомков! Дух Ярославов оскорбился бы в небесных селениях, если бы мы не умели сохранить древних нрав, освященных его именем. Он любил новогородцев, ибо они были свободны; их признательность радовала его сердце, ибо только души свободные могут быть признательными: рабы повинуются и ненавидят! Нет, благодарность наша торжествует, доколе народ во имя отечества собирается пред домом Ярослава и, смотря на сии древние стены, говорит с любовию: “Там жил друг наш!”.

Князь Московский укоряет тебя, Новгород, самым твоим благоденствием – и в сей вине не может оправдаться! Так, конечно: цветут области новогородские, поля златятся класами, житницы полны, богатства льются к нам рекою; Великая Ганза[h] гордится нашим союзом; чужеземные гости ищут дружбы нашей, удивляются славе великого града, красоте его зданий, общему избытку граждан и, возвратясь в страну свою, говорят: “Мы видели Новгород, и ничего подобного ему не видали!”. Так, конечно: Россия бедствует – ее земля обагряется кровию, веси и грады опустели, люди, как звери, в лесах укрываются, отец ищет детей и не находит, вдовы и сироты просят милостыни на распутиях. Так, мы счастливы – и виновны, ибо дерзнули повиноваться законам своего блага, дерзнули не участвовать в междоусобиях князей, дерзнули спасти имя русское от стыда и поношения, не принять оков татарских и сохранить драгоценное достоинство народное!

Не мы, о россияне несчастные, но всегда любезные нам братья! не мы, но вы нас оставили, когда пали на колена пред гордым ханом и требовали цепей для спасения поносной жизни, когда свирепый Батый, видя свободу единого Новаграда, как яростный лев, устремился растерзать его смелых граждан, когда отцы наши, готовясь к славной битве, острили мечи на стенах своих – без робости: ибо знали, что умрут, а не будут рабами!.. Напрасно с высоты башен взор их искал вдали дружественных легионов русских, в надежде что вы захотите в последний раз и в последней ограде русской вольности еще сразиться с неверными! Одни робкие толпы беглецов являлись на путях Новаграда; не стук оружия, а вопль малодушного отчаяния был вестником их приближения; они требовали не стрел и мечей, а хлеба и крова!.. Но Батый, видя отважность свободных людей, предпочел безопасность свою злобному удовольствию мести. Он спешил удалиться!.. Напрасно граждане новогородские молили князей воспользоваться таким примером и общими силами, с именем Бога русского ударить на варваров: князья платили дань и ходили в стан татарский обвинять друг друга в замыслах против Батыя; великодушие сделалось предметом доносов, к несчастию ложных!.. И если имя победы

[h] Союз вольных немецких городов, который имел свои конторы в Новегороде.

в течение двух столетий сохранилось еще в языке славянском, то не гром ли новогородского оружия напоминал его земле русской? Не отцы ли наши разили еще врагов на берегах Невы? Воспоминание горестное! Сей витязь добродетельный, драгоценный остаток древнего геройства князей варяжских, заслужив имя бессмертное с верною новогородскою дружиною, храбрый и счастливый между нами, оставил здесь и славу и счастие, когда предпочел имя великого князя России имени новогородского полководца: не величие, но унижение и горесть ожидали Александра во Владимире – и тот, кто на берегах Невы давал законы храбрым ливонским рыцарям, должен был упасть к ногам Сартака.

Иоанн желает повелевать великим градом: не удивительно! он собственными глазами видел славу и богатство его. Но все народы земные и будущие столетия не престали бы дивиться, если бы мы захотели ему повиноваться. Какими надеждами он может обольстить нас? Одни несчастные легковерны; одни несчастные желают перемен – но мы благоденствуем и свободны! благоденствуем оттого, что свободны! Да молит Иоанн небо, чтобы оно во гневе своем ослепило нас: тогда Новгород может возненавидеть счастие и пожелать гибели, но доколе видим славу свою и бедствия княжеств русских, доколе гордимся ею и жалеем об них, дотоле права новогородские всего святее нам по Боге.

Я не дерзну оправдывать вас, мужи, избранные общею доверенностию для правления! Клевета в устах властолюбия и зависти недостойна опровержения. Где страна цветет и народ ликует, там правители мудры и добродетельны. Как! Вы торгуете благом народным? Но могут ли все сокровища мира заменить вам любовь сограждан вольных? Кто узнал ее сладость, тому чего желать в мире? Разве последнего счастия умереть за отечество!

Несправедливость и властолюбие Иоанна не затмевают в глазах наших его похвальных свойств и добродетелей. Давно уже молва народная известила нас о его величии, и люди вольные желали иметь гостем самовластителя; искренние сердца их свободно изливались в радостных восклицаниях при его торжественном въезде. Но знаки усердия нашего, конечно, обманули князя Московского; мы хотели изъявить ему приятную надежду, что рука его свергнет с России иго татарское: он вздумал, что мы требуем от него уничтожения нашей собственной вольности! Нет! Нет! Да будет велик Иоанн, но да будет велик и Новгород! Да славится князь Московский истреблением врагов христианства, а не друзей и не братии земли русской, которыми она еще славится в мире! Да прервет оковы ее, не возлагая их на добрых и свободных новогородцев! Еще Ахмат дерзает называть его своим данником: да идет Иоанн против монгольских варваров, и верная дружина наша откроет ему путь к стану Ахматову! Когда же сокрушит врага, тогда мы скажем ему: "Иоанн! Ты возвратил земле русской честь и свободу, которых мы никогда не теряли.

Владей сокровищами, найденными тобою в стане татарском: они были собраны с земли твоей; на них нет клейма новогородского: мы не платили дани ни Батыю, ни потомкам его! Царствуй с мудростию и славою, залечи глубокие язвы России, сделай подданных своих и наших братий счастливыми – и если когда-нибудь соединенные твои княжества превзойдут славою Новгород, если мы позавидуем благоденствию твоего народа, если всевышний накажет нас раздорами, бедствиями, унижением, тогда – клянемся именем отечества и свободы! – тогда приидем не в столицу польскую, но в царственный град Москву, как некогда древние новогородцы пришли к храброму Рюрику; и скажем – не Казимиру, но тебе: 'Владей нами! Мы уже не умеем править собою!' ".

Ты содрогаешься, о народ великодушный!.. Да идет мимо нас сей печальный жребий! Будь всегда достоин свободы, и будешь всегда свободным! Небеса правосудны и ввергают в рабство одни порочные народы. Не страшись угроз Иоанновых, когда сердце твое пылает любовию к отечеству и к святым уставам его, когда можешь умереть за честь предков своих и за благо потомства!

Но если Иоанн говорит истину, если в самом деле гнусное корыстолюбие овладело душами новогородцев, если мы любим сокровища и негу более добродетели и славы, то скоро ударит последний час нашей вольности, и *вечевой колокол*, древний глас ее, падет с башни Ярославовой и навсегда умолкнет!.. Тогда, тогда мы позавидуем счастию народов, которые никогда не знали свободы. Ее грозная тень будет являться нам, подобно мертвецу бледному, и терзать сердце наше бесполезным раскаянием!

Но знай, о Новгород! что с утратою вольности иссохнет и самый источник твоего богатства: она оживляет трудолюбие, изощряет серпы и златит нивы, она привлекает иностранцев в наши стены с сокровищами торговли, она же окриляет суда новогородские, когда они с богатым грузом по волнам несутся... Бедность, бедность накажет недостойных граждан, не умевших сохранить наследия отцов своих! Померкнет слава твоя, град великий, опустеют многолюдные *концы* твои, широкие улицы зарастут травою, и великолепие твое, исчезнув навеки, будет баснею народов. Напрасно любопытный странник среди печальных развалин захочет искать того места, где собиралось вече, где стоял дом Ярославов и мраморный образ Вадима: никто ему не укажет их. Он задумается горестно и скажет только: "Здесь *был* Новгород!.."»

Тут страшный вопль народа не дал уже говорить посаднице. «Нет, нет! Мы все умрем за отечество! – восклицают бесчисленные голоса. – Новгород – государь наш! Да явится Иоанн с воинством»! Марфа, стоя на Вадимовом месте, веселится действием ее речи. Чтобы еще более воспалить умы, она показывает цепь, гремит ею в руке своей и бросает на землю: народ в исступлении гнева попирает оковы ногами, взывая: «Новгород – государь

наш! Война, война Иоанну!». Напрасно посол московский желает еще говорить именем великого князя и требует внимания, дерзкие подъемлют на него руку, и Марфа должна защитить боярина. Тогда он извлекает меч, ударяет им о подножие Вадимова образа и, возвысив голос свой, с душевною скорбию произносит: «Итак, да будет война между великим князем Иоанном и гражданами новогородскими! Да возвратятся *клятвенные грамоты*![i] Бог да судит вероломных!..» Марфа вручает послу грамоту Иоаннову и принимает новогородскую. Она дает ему стражу и *знамя мира.* Народные толпы перед ним расступаются. Боярин выходит из града. Там ожидала его московская дружина… Марфа следует за ним взором своим, опершись на образ Вадимов. Посол Иоаннов садится на коня и еще с горестию взирает на Новгород. Железные запоры стучат на городских воротах, и боярин тихо едет по московской дороге, провождаемый своими воинами. Вечерние лучи солнца угасали на их блестящем оружии.

Марфа вздохнула свободно. Видя ужасный мятеж народа (который, подобно бурным волнам, стремился по стогнам и беспрестанно восклицал: «Новгород – государь наш! Смерть врагам его!»), внимая грозному набату, который гремел во всех пяти *концах* города (в знак объявления войны), сия величавая жена подъемлет руки к небу, и слезы текут из глаз ее. «О тень моего супруга! – тихо вещает она с умилением. – Я исполнила клятву свою! Жребий брошен: да будет, что угодно судьбе!..» Она сходит с Вадимова места.

Вдруг раздается треск и гром на великой площади… Земля колеблется под ногами… Набат и шум народный умолкают… Все в изумлении. Густое облако пыли закрывает от глаз дом Ярослава и лобное место… Сильный порыв ветра разносит наконец густую мглу, и все с ужасом видят, что высокая башня Ярославова, новое гордое здание народного богатства, пала с *вечевым колоколом* и дымится в своих развалинах[j]… Пораженные сим явлением, граждане безмолвствуют… Скоро тишина прерывается голосом – внятным, но подобным глухому стону, как будто бы исходящему из глубокой пещеры: «О Новгород! Так падет слава твоя! Так исчезнет твое величие!..». Сердца ужаснулись. Взоры устремились на одно место, но след голоса исчез в воздухе вместе с словами: напрасно искали, напрасно хотели знать, кто произнес их. Все говорили: «Мы слышали!», никто не мог сказать, от кого? Именитые чиновники, устрашенные народным впечатлением более, нежели самым происшествием, всходили один за другим на Вадимово место и старались успокоить граждан. Народ требовал мудрой, великодушной, смелой Марфы: посланные нигде не могли найти ее.

---

[i] Клятвенными грамотами назывались дружественные трактаты. При объявлении войны надлежало всегда возвращать их.

[j] Летописи наши говорят о падении новой колокольни и ужасе народа.

Между тем настала бурная ночь. Засветились факелы; сильный ветер беспрестанно задувал их, беспрестанно надлежало приносить огонь из домов соседственных. Но тысячские и бояре ревностно трудились с гражданами: отрыли *вечевой колокол* и повесили на другой башне. Народ хотел слышать священный и любезный звон его – услышал и казался покойным. Степенный посадник распустил *вече.* Толпы редели. Еще друзья и ближние останавливались на площади и на улицах говорить между собою, но скоро настала всеобщая тишина, подобно как на море после бури, и самые огни в домах (где жены новогородские с беспокойным любопытством ожидали отцов, супругов и детей) один за другим погасли.

КНИГА ВТОРАЯ

В густоте дремучего леса, на берегу великого озера Ильменя, жил мудрый и благочестивый отшельник Феодосий, дед Марфы-посадницы, некогда знатнейший из бояр новогородских. Он семьдесят лет служил отечеству: мечом, советом, добродетелию и наконец захотел служить Богу единому в тишине пустыни, торжественно простился с народом на вече, видел слезы добрых сограждан, слышал сердечные благословения за долговременную новогородскую верность его, сам плакал от умиления и вышел из града. Златая медаль его висела в Софийской церкви, и всякий новый посадник украшался ею в день избрания.

Уже давно он жил в пустыне, и только два раза в год могла приходить к нему Марфа, беседовать с ним о судьбе Новагорода или о радостях и печалях ее сердца. Сошедши с Вадимова места при звуке набата, она спешила к нему с юным Мирославом[k] и нашла его стоящего на коленях пред уединенною хижиною: он совершал вечернее моление. «Молись, добродетельный старец! – сказала она. – Буря угрожает отечеству». – «Знаю», – ответствовал пустынник и с горестию указал рукою на небо[l]. Густая туча висела и волновалась над Новымградом; из глубины ее сверкали красные молнии и вылетали шары огненные. Плотоядные враны станицами парили над златыми крестами храмов, как будто бы в ожидании скорой добычи. Между тем лютые звери страшно выли во мраке леса, и древние Сосны, ударяясь ветвями одна об другую, трещали на корнях своих… Марфа твердым голосом сказала пустыннику: «Когда бы все небо запылало и земля, как море, восколебалась под моими ногами, и тогда бы сердце мое не устрашилось: если Новуграду должно погибнуть,

---

[k] В Новегороде было еще обыкновение называться древними славянскими именами. Так например, летописи сохранили нам имя Ратьмира, одного из товарищей Александра Невского.

[l] В старину хотели всегда читать на небе предстоящую гибель людей.

то могу ли думать о жизни своей?» Она известила его о происшествии. Феодосий обнял ее с горячностию. «Великая дочь моего сына! – вещал он с умилением. – Последняя отрасль нашего славного рода! В тебе пылает кровь Молинских: она не совсем охладела и в моем сердце, изнуренном летами; посвятив его небу, еще люблю славу и вольность Новаграда… Но слабая рука человеческая отведет ли сокрушительные удары всевышней десницы? Душа моя содрогается: я предвижу бедствия!..» – «Судьба людей и народов есть тайна провидения, – ответствует Марфа, – но дела зависят от нас единственно, и сего довольно. Сердца граждан в руке моей: они не покорятся Иоанну, и душа моя торжествует! Самая опасность веселит ее… Чтобы не укорять себя в будущем, потребно только действовать благоразумно в настоящем, избирать лучшее и спокойно ожидать следствий… Многочисленное воинство соберется, готовое отразить врага, но должно поручить его вождю надежному, смелому, решительному. Исаак Борецкий[m] во гробе, в сынах моих нет духа воинского, я воспитала их усердными гражданами: они могут умереть за отечество, но единое небо вливает в сердца то пламенное геройство, которое повелевает роком в день битвы». – «Разве мало славных витязей в Новегра де? – сказал Феодосий. – Ужас Ливонии, Георгий *Смелый…*» – «Преселился к отцам своим». – «Победитель Витовта, Владимир *Знаменитый…*» – «От старости меч выпал из руки его». – «Михаил *Храбрый…*» – «Он – враг Иосифа Делинского и Борецких; может ли быть другом отечества?» – «Димитрий *Сильный…*» – «Сильна рука его, но сердце коварно: он встретил за городом посла Иоаннова и тайно говорил с ним». – «Кто ж будет главою войска и щитом Новаграда?» – «Сей юноша!» – ответствует посадница, указав на Мирослава… Он снял пернатый шлем с головы своей; заря вечерняя и блеск молнии освещали величественную красоту его. Феодосий смотрел с удивлением на юношу.

«Никто не знает его родителей, – говорила Марфа, – он был найден в пеленах на железных ступенях Вадимова места и воспитан в училище Ярослава[n], рано удивлял старцев своею мудростию на вечах, а витязей – храбростию в битвах. Исаак Борецкий умер в его объятиях. Всякий раз, когда я встречалась с ним на стогнах града, сердце мое влеклось дружбою к юноше, и взор мой невольно за ним следовал. Он – сирота в мире, но Бог любит сирых, а Новгород – великодушных. Их именем ставлю юношу на степень величия, их именем вручаю ему судьбу всего, что для меня драгоценнее в свете: вольности и Ксении! Так, он будет супругом моей любезнейшей дочери! Тот, кто опасным и великим саном вождя обратит на себя все стрелы и копья самовластия, мною раздраженного, не должен быть чуждым роду Борецких

[m] Муж ее.

[n] Так называлось всегда главное училище в Новегороде (говорит автор).

и крови моей... Я изумила благородное и чувствительное сердце юноши: он клянется победою или смертию оправдать меня в глазах сограждан и потомства. Благослови, муж святой и добродетельный, волю нежной матери, которая более Ксении любит одно отечество! Сей союз достоин твоей правнуки: он заключается в день решительный для Новаграда и соединяет ее жребий с его жребием. Супруг Ксении есть или будущий спаситель отечества, или обреченная жертва свободы!»

Феодосий обнял юношу, называя его сыном своим. Они вошли в хижину, где горела лампада. Старец дрожащею рукою снял булатный меч, на стене висевший, и, вручая его Мирославу, сказал: «Вот последний остаток мирской славы в жилище отшельника! Я хотел сохранить его до гроба, но отдаю тебе: Ратьмир, предок мой, изобразил на нем златыми буквами слова: “Никогда врагу не достанется”...» Мирослав взял сей древний меч с благоговением и гордо ответствовал: «Исполню условие!» – Марфа долго еще говорила с мудрым Феодосием о силах князя Московского, о верных и неверных союзниках Новаграда и сказала наконец юноше: «Возвратимся, буря утихла. Народ покоится в великом граде, но для сердца моего уже нет спокойствия!» Старец проводил их с молитвою.

Восходящее солнце озарило первыми лучами своими на лобном месте посадницу, окруженную народом. Она держала за руку Мирослава и говорила: «Народ! Сей витязь есть небесный дар великому граду. Его рождение скрывается во мраке таинства, но благословение всевышнего явно ознаменовало юношу. Чем небо отличает своих избранных, когда сей вид геройский, сие чело гордое, сей взор огненный не есть печать любви его? Он питомец отечества, и сердце его сильно бьется при имени свободы. Вам известны подвиги Мирославовой храбрости... (Марфа с жаром и красноречием описала их.) Сограждане! – сказала она в заключение. – Кого более всех должен ненавидеть князь Московский, тому более всех вы можете верить: я *признаю Мирослава достойным вождем новогородским!*.. Самая цветущая молодость его вселяет в меня надежду: счастие ласкает юность!..» Народ поднял вверх руки: Мирослав был избран!.. «Да здравствует юный вождь сил новогородских!» – восклицали граждане, и юноша с величественным смирением преклонил голову. Бояре и люди житые осенили его своими знаменами. Иосиф Делинский, друг Марфы, вручил юноше златой жезл начальства. Старосты пяти концов новогородских стали пред ним с секирами, и тысячские, громогласно объявив собрание войска, на лобном месте записывали имена граждан для всякой тысячи. Димитрий *Сильный* обнимал Мирослава, называя его своим повелителем, но Михаил *Храбрый*, воин суровый, изъявлял негодование. Народ, раздраженный его укоризнами, хотел смирить гордого, но Марфа и Делинский великодушно спасли его: они уважали в нем достоинство витязя и щадили врага личного, презирая месть и злобу.

Марфа от имени Новаграда написала убедительное и трогательное письмо к союзной Псковской республике. «Отцы наши, – говорила она, – жили всегда в мире и дружбе; у них было *одно* бедствие и счастие, ибо они *одно любили* и ненавидели. Братья по крови славянской и вере православной, они назывались братьями и по духу народному. Псковитянин в Новегороде забывал, что он не в отчизне своей, и давно уже известна пословица в земле русской: "Сердце на Великой°, душа на Волхове". Если мы чаще могли помогать вам, нежели вы нам, если страны дальние от нас сведали имя ваше, если условия, заключенные Великим градом с Великою Ганзою, оживили торговлю псковскую, если вы заимствовали его спасительные уставы гражданские и если ни хищность татар, ни властолюбие князей тверских не повредили вашему благоденствию (ибо щит Новаграда осенял друзей его), то хвала единому небу! Мы не гордимся своими услугами и счастливы только их воспоминанием. Ныне, братья, зовем вас на помощь к себе не для отплаты за добро новогородское, а для собственного вашего блага. Когда рука сильного сразит нас, то и вы не переживете верных друзей своих. Самая покорность не спасет вашего бытия народного: гражданин не угодит самовластителю, пока не будет рабом законным. – Уверенные в вашей мудрости и любви к общей славе, мы уже назначили пред градом место для верной дружины псковской». – Чиновники подписали грамоту, и гонец немедленно отправился с нею.

Трубы и литавры возвестили на Великой площади явление гостей иностранных. Музыканты, в шелковых красных мантиях, шли впереди, за ними граждане десяти вольных городов немецких, по два в ряд, все в богатой одежде, и несли в руках, на серебряных блюдах, златые слитки и камни драгоценные. Они приближились к Вадимову месту и поставили блюда на ступени его. *Ратсгер* города Любека *требовал слова* – и сказал народу: «Граждане и чиновники! Вольные люди немецкие сведали, что сильный враг угрожает Новуграду. Мы давно торгуем с вами и хвалимся верностию, славимся приязнию новогородскою; знаем благодарность, умеем помогать друзьям в нужде. Граждане и чиновники! Примите усердные дары добрых гостей иностранных, не столько для умножения казны вашей, сколько для нашей чести. Требуем еще от вас оружия и дозволения сражаться под знаменами новогородскими. Великая Ганза не простила бы нам, если бы мы остались только свидетелями ваших опасностей. Нас семь сот человек в великом граде, все выдем в поле – и клянемся верностию немецкою, что умрем или победим с вами!». – Народ с живейшею благодарностию принял такие знаки дружеского усердия. Сам Мирослав роздал оружие гостям чужеземным, которые желали составить особенный легион; Марфа назвала его *дружиною великодушных*, и граждане общим восклицанием подтвердили сие имя.

° Имя Псковской реки.

Уже среди шумных воинских приготовлений день склонялся к вечеру – и юная Ксения, сидя под окном своего девического терема, с любопытством смотрела на движения народные: они казались чуждыми ее спокойному, кроткому сердцу!.. Злополучная!.. Так юный невинный пастырь, еще озаряемый лучами солнца, с любопытством смотрит на сверкающую вдали молнию, не зная, что грозная туча на крыльях бури прямо к нему стремится, грянет и поразит его!.. Воспитанная в простоте древних славянских нравов, Ксения умела наслаждаться только одною своею ангельскою непорочностию и ничего более не желала; никакое тайное движение сердца не давало ей чувствовать, что есть на свете другое счастие. Если иногда светлый взор ее нечаянно устремлялся на юношей новогородских, то она краснелась, не зная причины: стыдливость есть тайна невинности и добродетели. Любить мать и свято исполнять ее волю, любить братьев и милыми ласками доказывать им свою нежность было единственною потребностию сей кроткой души. Но судьба неисповедимая захотела ввергнуть ее в мятеж страстей человеческих; прелестная, как роза, погибнет в буре, но с твердостию и великодушием: она была славянка!.. Искра едва на земле светится, сильный ветер развевает из нее пламя.

Отворяется дверь уединенного терема, и служанки входят с богатым нарядом: подают Ксении одежду алую, ожерелье жемчужное, серьги изумрудные, произносят имя матери ее, и дочь, всегда послушная, спешит нарядиться, не зная для чего. Скоро приходит Марфа, смотрит на Ксению, смягчается душою и дает волю слезам материнской горячности… Может быть, тайное предчувствие в сию минуту омрачило сердце ее: может быть, милая дочь казалась ей несчастною жертвою, украшенною для олтаря и смерти! Долго не может она говорить, прижимая любезную, спокойную невинность к пламенной груди своей; наконец укрепилась силою мужества и сказала: «Радуйся, Ксения! Сей день есть счастливейший в жизни твоей, нежная мать избирает тебе супруга, достойного быть ее сыном!..» Она ведет ее в храм Софийский.

Уже народ сведал о сем знаменитом браке, изъявлял радость свою и шумными толпами провожал Ксению, изумленную, встревоженную столь внезапною переменою судьбы своей… Так юная горлица, воспитанная под крылом матери, вдруг видит мирное гнездо свое, разрушенное вихрем, и сама несется им в неизвестное пространство; напрасно хотела бы она слабым усилием нежных крыльев своих противиться стремлению бури… Уже Ксения стоит пред олтарем подле юноши, уже совершается обряд торжественный, уже она – супруга, но еще не взглянула на того, кто должен быть отныне властелином судьбы ее… О слава священных прав матери и добродетельной покорности дев славянских!.. Сам Феофил[p] благословил новобрачных.

[p] Тогдашний епископ новогородский.

Ксения рыдала в объятиях матери, которая, с нежностию обнимая дочь свою и Мирослава, в то же время принимала с величием усердные поздравления чиновников. Иосиф Делинский именем всех граждан звал юношу в дом Ярославов. «Ты не имеешь родителей, – говорил он, – отечество признает тебя великим сыном своим, и главный защитник прав новогородских да живет там, где князь добродетельный утвердил их своею печатию и где Новгород желает ныне угостить новобрачных!..» – «Нет, – ответствовала Марфа, – еще меч Иоаннов не преломился о щит Мирослава или не обагрился его кровию за Новгород!.. – И тихо примолвила: – О верный друг Борецких! Хотя в сей день, в последний раз, да буду матерью одна среди моего семейства!» – Она вышла из храма с детьми своими. Чиновники не дерзали следовать за нею, и народ дал новобрачным дорогу, жены знаменитые усыпали ее цветами до самых ворот посадницы. Мирослав вел нежную, томную Ксению (и Новгород никогда еще не видал столь прелестной четы) – впереди Марфа – за нею два сына ее. Музыканты чужеземные шли вдали, играя на своих гармонических орудиях. Граждане забыли опасность и войну, веселие сияло на лицах, и всякий отец, смотря на величественного юношу, гордился им, как сыном своим, и всякая мать, видя Ксению, хвалилась ею, как милою своею дочерью. Марфа веселилась усердием народным: облако всегдашней задумчивости исчезло в глазах ее, она взирала на всех с улыбкою приветливой благодарности.

С самой кончины Исаака Борецкого дом его представлял уныние и пустоту горести: теперь он снова украшается коврами драгоценными и богатыми тканями немецкими, везде зажигаются светильники серебряные, и верные слуги Борецких радостными толпами встречают новобрачных. Марфа садится за стол с детьми своими; ласкает их, целует Ксению и всю душу свою изливает в искренних разговорах. Никогда милая дочь ее не казалась ей столь любезною. «Ксения! – говорит она. – Нежное, кроткое сердце твое узнает теперь новое счастие, любовь супружескую, которой все другие чувства уступают. В ней жена малодушная, осужденная роком на одни жалобы и слезы в бедствиях, находит твердость и решительность, которой могут завидовать герои!.. О дети любезные! Теперь открою вам тайну моего сердца!.. – Она дала знак рукою, и многочисленные слуги удалились. – Было время, и вы помните его, – продолжала Марфа, – когда мать ваша жила единственно для супруга и семейства в тишине дома своего, боялась шума народного и только в храмы священные ходила по стогнам, не знала ни вольности, ни рабства, не знала, повинуясь сладкому закону любви, что есть другие законы в свете, от которых зависит счастие и бедствие людей. О время блаженное! Твои милые воспоминания извлекают еще нежные слезы из глаз моих!.. Кто ныне узнает мать вашу? Некогда робкая, боязливая, уединенная, с смелою твердостию председает теперь в совете старейшин, является на лобном месте среди народа многочисленного, велит умолкнуть тысячам, говорит на вече, волнует

народ, как море, требует войны и кровопролития – та, которую прежде одно имя их ужасало!.. Что ж действует в душе моей? Что переменило ее столь чудесно? Какая сила дает мне власть над умами сограждан? Любовь!.. Одна любовь… к отцу вашему, сему герою добродетели, который жил и дышал отечеством!.. Готовый выступить в поле против литовцев, он казался задумчивым, беспокойным; наконец открыл мне душу свою и сказал: "Я могу положить голову в сей войне кровопролитной; дети наши еще младенцы; с моею смертию умолкнет голос Борецких на вече, где он издревле славил вольность и воспалял любовь к отечеству. Народ слаб и легкомыслен: ему нужна помощь великой души в важных и решительных случаях. Я предвижу опасности, и всех опаснее для нас князь Московский, который тайно желает покорить Новгород. О друг моего сердца! Успокой его! Летописи древние сохранили имена некоторых великих жен славянских: клянись мне превзойти их! Клянись заменить Исаака Борецкого в народных советах, когда его не будет на свете! Клянись быть вечным врагом неприятелей свободы новогородской, клянись умереть защитницею прав ее! И тогда умру спокойно…". Я дала клятву… Он погиб вместе с моим счастием… Не знаю, катились ли из глаз моих слезы на гроб его: я не о слезах думала, но, обожав супруга, пылала ревностию воскресить в себе душу его. Мудрые предания древности, языки чужеземные, летописи народов вольных, опыты веков просветили мой разум. Я говорила – и старцы с удивлением внимали словам моим, народ добродушный, осыпанный моими благодеяниями, любит и славит меня, чиновники имеют ко мне доверенность, ибо думаю только о славе Новаграда; враги и завистники… Но я презираю их. Все видят дела мои, но вы, однако, знаете теперь их тайный источник. О Ксения! Я могу служить тебе примером, но ты, юноша, избранный сын моего сердца, желай только сравняться с отцом ее. Он любил супругу и детей своих, но с радостию предал бы нас в жертву отечеству. Гордость, славолюбие, героическая добродетель есть свойство великого мужа: жена слабая бывает сильна одною любовию, но, чувствуя в сердце ее небесное вдохновение, она может превзойти великодушием самых великих мужей и сказать року: "Не страшусь тебя!". Так Ольга любовию к памяти Игоря заслужила бессмертие; так Марфа будет удивлением потомства, если злословие не омрачит дел ее в летописях!..»

Она благословила детей и заключилась в уединенном своем тереме, но сон не смыкал глаз ее. – В самую глубокую полночь Марфа слышит тихий стук у двери, отворяет ее – и входит человек сурового вида, в одежде нерусской, с длинным мечом литовским, с златою на груди звездою, едва наклоняет свою голову, объявляет себя тайным послом Казимира и представляет Марфе письмо его. Она с гордою скромностию ответствует: «Жена новогородская не знает Казимира; я не возьму грамоты». Хитрый поляк хвалит героиню великого града, известную в самых отдаленных странах, уважаемую царями и наро-

дами. Он уподобляет ее великой дочери Краковой и называет *новогородскою Вандою*[ч]... Марфа внимает ему с равнодушием. Поляк описывает ей величие своего государя, счастие союзников и бедствие врагов его... Она с гордостию садится. «Казимир великодушно предлагает Новугороду свое заступление, – говорит он, – требуйте, и легионы польские окружат вас своими щитами!..» Марфа задумалась... «Когда же спасем вас, тогда...» Посадница быстро взглянула на него... «Тогда благодарные новогородцы должны признать в Казимире своего благотворителя – и властелина, который, без сомнения, не употребит во зло их доверенности...» – «Умолкни!» – грозно восклицает Марфа. Изумленный пылким ее гневом, посол безмолвствует, но, устыдясь робости своей, возвышает голос и хочет доказать необходимую гибель Новагорода, если Казимир не защитит его от князя Московского... «Лучше погибнуть от руки Иоанновой, нежели спастись от вашей! – с жаром ответствует Марфа. – Когда вы не были лютыми врагами народа русского? Когда мир надеялся на слово польское? Давно ли сам неверный Амурат удивлялся вероломству вашему?[г] И вы дерзаете мыслить, что народ великодушный захочет упасть на колена пред вами? Тогда бы Иоанн справедливо укорял нас изменою. Нет! Если угодно небу, то мы падем с мечом в руке пред князем Московским: одна кровь течет в жилах наших; русский может покориться русскому, но чужеземцу – никогда, никогда!.. Удались немедленно, и если восходящее солнце осветит тебя еще в стенах новогородских, ты будешь выслан с бесчестием. Так, Марфа любима народом своим, но она велит ему ненавидеть Литву и Польшу... Вот ответ Казимиру!» – Посол удалился.

На другой день Новгород представил вместе и грозную деятельность воинского стана и великолепие народного пиршества, данного Марфою в знак ее семейственной радости. Стук оружия раздавался на стогнах. Везде являлись граждане в шлемах и в латах; старцы сидели на великой площади и рассказывали о битвах юношам неопытным, которые вокруг их толпились, и еще в первый раз видели на себе доспехи блестящие. В то же время бесчисленные столы накрывались вокруг места Вадимова: ударили в колокол, и граждане сели за них; воины клали подле себя оружие и пировали. Рука изобилия подавала яства. Борецкие угощали народ с восточною роскошию. Мирослав и Ксения ходили вокруг столов и просили граждан веселиться. Юный полководец ласково говорил с ними, юная супруга его кланялась им приветливо. В сей день новогородцы составляли одно семейство: Марфа была его матерью. Она садилась за всяким столом, называла граждан своими гостями любезными, служила им, дружески беседовала с ними, хотела казаться равною со всеми

[ч] О сей королеве польские летописи рассказывают чудеса.

[г] Сие происшествие было тогда еще ново. Владислав, король польский, едва заключив торжественный мир с султаном, нечаянно напал на его владения.

и казалась царицею. Громогласные изъявления усердия и радости встречали и провожали ее; когда она говорила, все безмолвствовали; когда молчала, все говорить хотели, чтобы славить и величать посадницу. За первым столом и в первом месте сидел древнейший из новогородских старцев, которого отец помнил еще Александра Невского: внук с седою брадою принес его на пир народный. Марфа подвела к нему новобрачных: он благословил их и сказал: «Живите мои лета, но не переживайте славы Новогородской!..» Сама посадница налила ему серебряный кубок вина фряжского: старец выпил его, и томная кровь начала быстрее в нем обращаться. «Марфа! – говорил он. – Я был свидетелем твоего славного рождения на берегу Невы. Храбрый Молинский занемог в стане: войско не хотело сражаться до его выздоровления. Мать твоя спешила к нему из великого града, и когда мы разили немецких рыцарей – когда родитель твой, еще бледный и слабый, мечом своим указывал нам путь к их *святому прапору*, ты родилась. Первый вопль твой был для нас гласом победы, но Молинский упал мертвый на тело великого магистра Рудольфа, им сраженного!.. Финский волхв, живший тогда на берегу Невы, пророчествовал, что судьба твоя будет славна, но…» Старец умолк. Марфа не хотела изъявить любопытства.

Все чиновники вместе с нею и детьми ее служили народу. Гости иностранные украсили Великую площадь разноцветными пирамидами, изобразив на них имена и гербы вольных городов немецких. Вокруг пирамид в больших корзинах лежали товары чужеземные: Марфа дарила их народу. Мраморный образ Вадимов был увенчан искусственными лаврами; на щите его вырезал Делинский имя Мирослава: граждане, увидев то, воскликнули от радости, и Марфа с чувствительностию обняла своего друга. Все новогородцы ликовали, не думая о будущем; один Михаил *Храбрый* не хотел брать участия в народном веселии, сидел в задумчивости подле Вадимовой статуи и в безмолвии острил меч на ее подножии. – Пиршество заключилось ввечеру потешными огнями.

Скоро гонец возвратился из Пскова и на лобном месте вручил грамоту степенному посаднику. Он читал – и с печальным видом отдал письмо Марфе… «Друзья! – сказала она знаменитым гражданам. – Псковитяне, как добрые братья, желают Новугороду счастия, – так говорят они, – только дают нам советы, а не войско; – и какие советы? Ожидать всего от Иоанновой милости!..» – «Изменники!» – воскликнули все граждане. – «Недостойные!» – повторяли гости чужеземные. – «Отомстим им!» – говорил народ. – «Презрением!» – ответствовала Марфа, изорвала письмо и на отрывке его написала ко псковитянам: «Доброму желанию не верим, советом гнушаемся, а без войска вашего обойтися можем».

Новгород, оставленный союзниками, еще с большею ревностию начал вооружаться. Ежедневно отправлялись гонцы в его области[s] с повелением

[s] Они назывались пятинами: Водскою, Обонежскою, Бежецкою, Деревскою, Шелонскою.

высылать войско. Жители берегов Невских, великого озера Ильменя, Онеги, Мологи, Ловати, Шелоны одни за другими являлись в общем стане, в который Мирослав вывел граждан новогородских. Усердие, деятельность и воинский разум сего юного полководца удивляли самых опытных витязей. Он встречал на коне солнце, составлял легионы, приучал их к стройному шествию, к быстрым движениям и стремительному нападению в присутствии жен новогородских, которые с любопытством и тайным ужасом смотрели на сей образ битвы. Между станом и вратами Московскими возвышался холм; туда обращался взор Мирослава, как скоро порыв ветра рассевал облака пыли: там стояла обыкновенно вместе с матерью прелестная Ксения, уже страстная, чувствительная супруга... Сердце невинное и скромное любит тем пламеннее, когда оно, следуя закону божественному и человеческому, навек отдается достойному юноше. Жены славянские издревле славились нежностию. Ксения гордилась Мирославом, когда он блестящим махом меча своего приводил все войско в движение, летал орлом среди полков – восклицал и единым словом останавливал быстрые тысячи; но чрез минуту слезы катились из глаз ее... Она спешила отирать их с милою улыбкою, когда мать на нее смотрела. Часто Марфа сходила с высокого холма и в шумном замешательстве терялась между бесчисленными рядами воинов.

Пришло известие, что Иоанн уже спешит к великому граду с своими храбрыми, опытными легионами. Еще из дальних областей новогородских, от Каргополя и Двины, ожидали войска, но верховный совет дал вождю повеление, и Мирослав сорвал покров с *хоругви отечества*... Она возвеялась, и громкое восклицание раздалося: «Друзья! В поле!» Сердца родителей и супруг затрепетали. Тысячи колеблются и выступают: первая и вторая состояли из знаменитых граждан новогородских и людей житых, одежда их отличалась богатством, оружие – блеском, осанка – благородством, а сердца – пылкостию; каждый из них мог уже славиться делами мужества или почтенными ранами. Михаил *Храбрый* шел наряду с другими, как простой воин. Юный Мирослав взял его за руку, вывел вперед и сказал: «Честь витязей! Повелевай сими мужами знаменитыми!». Михаил хотел взглянуть на него с гордостию, но взор его изъявил чувствительность... «Юноша! я – враг Борецких!..» – «Но друг славы новогородской!» – ответствовал Мирослав, и витязь обнял его, сказав: «Ты хочешь моей смерти!» За сим легионом шла *дружина великодушных*, под начальством ратсгера любекского. Знамя их изображало две соединенные руки над пылающим жертвенником, с надписью: «Дружба и благодарность!» Они вместе с новогородцами составляли *большой полк*, онежцы и волховцы – *передовой*, жители Деревской области – *правую*, шелонские – *левую руку*, а невские – *стражу*[t]. Мирослав велел войску остановиться на равнине... Марфа явилась посреди его и сказала:

[t] Так разделялись тогда армии. Большим полком назывался главный корпус, а стражею или сторожевым полком – ариергард.

«Воины! В последний раз да обратятся глаза ваши на сей град, славный и великолепный: судьба его написана теперь на щитах ваших! Мы встретим вас со слезами радости или отчаяния, прославим героев или устыдимся малодушных. Если возвратитесь с победою, то счастливы и родители и жены новогородские, которые обнимут детей и супругов; если возвратитесь побежденные, то будут счастливы сирые, бесчадные и вдовицы!.. Тогда живые позавидуют мертвым!

О воины великодушные! Вы идете спасти отечество и навеки утвердить благие законы его; вы любите тех, с которыми должны сражаться, но почто же ненавидят они величие Новаграда? Отразите их – и тогда с радостию примиримся с ними!

Грядите – не с миром, но с войною для мира! Доныне Бог любил нас, доныне говорили народы: “Кто против Бога и великого Новаграда!”. Он с вами: грядите!».

Заиграли на трубах и литаврах. Мирослав вырвался из объятий Ксении. Марфа, возложив руки на юношу, сказала только: «Исполни мою надежду». Он сел на гордого коня, блеснул мечом – и войско двинулось, громко взывая: «Кто против Бога и великого Новаграда!». Знамена развевались, оружие гремело и сверкало, земля стонала от конского топота – и в облаках пыли сокрылись грозные тысячи. Жены новогородские не могли удержать слез своих, но Ксения уже не плакала и с твердостию сказала матери: «Отныне ты будешь моим примером!»

Еще много жителей осталось в великом граде, но тишина, которая в нем царствует по отходе войска, скрывает число их. *Торговая* сторона[u] опустела: уже иностранные гости не раскладывают там драгоценных своих товаров для прельщения глаз; огромные хранилища, наполненные богатствами земли русской, затворены; не видно никого на *месте княжеском*, где юноши любили славиться искусством и силою в разных играх богатырских – и Новгород, шумный и воинственный за несколько дней пред тем, кажется великою обителию мирного благочестия. Все храмы отворены с утра до полуночи: священники не снимают риз, свечи не угасают пред образами, фимиам беспрестанно курится в кадилах, и молебное пение не умолкает на крилосах, народ толпится в церквах, старцы и жены преклоняют колена. Робкое ожидание, страх и надежда волнуют сердца, и люди, встречаясь на стогнах, не видят друг друга… Так народ дерзко зовет к себе опасности издали, но, видя их вблизи, бывает робок и малодушен! Одни чиновники кажутся спокойными – одна Марфа тверда душою, деятельна в совете, словоохотна на Великой площади среди граждан и весела с домашними. Юная Ксения не уступает матери в знаках наружного спокойствия, но только не может разлучиться

[u] Часть города, где жили купцы.

с нею, укрепляясь в душе видом ее геройской твердости. Они вместе проводят дни и ночи. Ксения ходила с матерью даже в совет верховный.

Первый гонец Мирославов нашел их в саду: Ксения поливала цветы – Марфа сидела под ветвями древнего дуба в глубоком размышлении. Мирослав писал, что войско изъявляет жаркую ревность, что все именитые витязи уверяют его в дружбе, и всех более Димитрий *Сильный*, что Иоанн соединил полки свои с тверскими и приближается, что славный воевода московский Василий Образец идет впереди и что Холмский есть главный по князе начальник. – Второй гонец привез известие, что новогородцы разбили отряд Иоаннова войска и взяли в плен пятьдесят московских дворян. – С третьим Мирослав написал только одно слово: «Сражаемся». Тут сердце Марфы наконец затрепетало: она спешила на Великую площадь, сама ударила в *вечевой колокол*, объявила гражданам о начале решительной битвы, стала на Вадимовом месте, устремила взор на московскую дорогу и казалась неподвижною. Солнце восходило... Уже лучи его пылали, но еще не было никакого известия. Народ ожидал в глубоком молчании и смотрел на посадницу. Уже наступил вечер... И Марфа сказала: «Я вижу облака пыли». Все руки поднялись к небу... Марфа долго не говорила ни слова... Вдруг, закрыв глаза, громко воскликнула: «Мирослав убит! Иоанн – победитель!» – и бросилась в объятия к несчастной Ксении.

КНИГА ТРЕТИЯ

Марфа с высокого места Вадимова увидела рассеянные тысячи бегущих и среди них колесницу, осененную знаменами: так издревле возили новогородцы тела убитых вождей своих...

Безмолвие мужей и старцев в великом граде было; ужаснее вопля жен малодушных... Скоро посадница ободрилась и велела отпереть врата Московские. Беглецы не смели явиться народу и скрывались в домах. Колесница медленно приближалась к Великой площади. Вокруг ее шли, потупив глаза в землю – с горестию, но без стыда – люди житые и воины чужеземные; кровь запеклась на их оружии; обломанные щиты, обрубленные шлемы показывали следы бесчисленных ударов неприятельских. Под сению знамен, над телом вождя, сидел Михаил *Храбрый*, бледный, окровавленный; ветер развевал его черные волосы, и томная глава склонялась ко груди.

Колесница остановилась на Великой площади... Граждане обнимали воинов, слезы текли из глаз их. Марфа подала руку Михаилу с видом сердечного дружелюбия; он не мог идти: чиновники взнесли его на железные ступени Вадимова места. Посадница открыла тело убитого Мирослава... На бледном лице его изображалось вечное спокойствие смерти... «Счастливый юноша!» –

произнесла она тихим голосом и спешила внимать *Храброму* Михаилу. Ксения обливала слезами хладные уста своего друга, но сказала матери: «Будь покойна: я дочь твоя!»

На щитах посадили витязя, от ран ослабевшего, но он собрал изнуренные силы, поднял томную голову, оперся на меч свой и вещал твердым голосом:

«Народ и граждане! Разбито воинство храброе, убит полководец великий! Небо лишило нас победы – не славы!

На берегах Шелоны мы встретились с Иоанном. Его именем князь Холмский требовал тайного свидания с Мирославом. "Увидимся на поле ратном!" – ответствовал гордый юноша – и стройно поставил воинство. Онежцы первые вступили в бой на высотах Шелонских: там Образец, славный воевода московский, принял их удары на щит свой… Мы шли в средине, тихо и в безмолвии. Мирослав впереди наблюдал движения и силу врагов. Воинство Иоанново было многочисленнее нашего; необозримые ряды его теснились на равнине. Мы видели князя московского на белом коне, видели, как он распоряжал легионы и блестящим мечом своим указывал на сердце Новогородское, на *хоругвь отечества*, видели князя Холмского, с сильным отрядом идущего окружить нас… Мирослав повелел, и стража невская с Димитрием *Сильным* двинулась навстречу к нему. Вероломный!.. Еще онежцы и волховцы не могли занять бугров шелонских: меч витязя Образца дымился их кровию. Мирослав, пылая нетерпением, летел туда на бурном коне своем: мы взглянули – и знамена новогородские уже развевались на холмах – и волховцы на щитах своих подняли вверх тело убитого начальника московского. Тогда, воскликнув громогласно: "Кто против Бога и великого Новаграда?", все ряды наши устремились в битву и сразились… На всей равнине затрещало оружие, и кровь полилась рекою. Я видал битвы, но никогда такой не видывал. Грудь русская была против груди русской, и витязи с обеих сторон хотели доказать, что они славяне. Взаимная злоба братий есть самая ужасная!.. Тысячи падали, но первые ряды казались целы и невредимы: каждый пылал ревностию заступить место убитого, и безжалостно попирал ногою труп своего брата, чтобы только отмстить смерть его. Воины Иоанновы стояли твердынею непоколебимою, новогородские стремились на них, как бурные волны. Одни сражались за честь, другие за честь и вольность: мы шли вперед!.. за полководцем нашим, который искал взором Иоанна. Князь Московский был окружен знаменитыми витязями; Мирослав рассек сию крепкую ограду – поднял руку – и медлил. Сильный оруженосец Иоаннов ударил его мечом в главу, и шлем распался на части: он хотел повторить удар, но сам Иоанн закрыл Мирослава щитом своим. Опасность вождя удвоила наши силы – и скоро главная дружина московская замешалась. Новогородцы воскликнули победу, но в то же мгновение имя Иоанново гремело за нами… Мы с удивлением обратили взор: князь Холмский с тылу разил левое крыло новогородское… Димитрий

изменил согражданам!.. Не исполнил повелений вождя, завел стражу в непроходимые блата, не встретил врага и дал ему время окружить наше войско. Мирослав спешил ободрить изумленных шелонцев: он помог им только умереть великодушнее! Герой сражался без шлема, но всякий усердный воин новогородский служил ему щитом. Он увидел Димитрия среди московской дружины – последним ударом наказал изменника и пал от руки Холмского, но, падая на берегу Шелоны, бросил меч свой в быстрые воды ее...»

Тут ослабел голос Михаила, взор помрачился облаком, бледные уста онемели, меч выпал из руки его, он затрепетал – взглянул на образ Вадимов и закрыл навеки глаза свои... Чиновники положили тело его на колесницу, рядом с Мирославовым.

«Народ! – сказал Александр *Знаменитый*, старший из витязей, – благослови память Михаила! Он вышел из битвы с *хоругвию отечества*, с телом Мирослава, обагренный кровию бесчисленных врагов и собственною, собрал остатки храбрых людей житых, *дружины великодушных* и в самом бедствии казался грозным Иоанну – враги видели нас еще не мертвых и стояли неподвижно. Радость победы изображалась на их лицах вместе с ужасом: они купили ее смертию славнейших московских витязей. Народ и чиновники! Многие новогородцы погибли славно: радуйтесь! Некоторые спаслися бегством: презирайте малодушных! Мы живы, но не стыдимся! Сочтите знаменитых граждан: их осталось менее половины, все они легли вокруг *хоругви отечества»*. – «Сочтите нас! – сказал начальник *дружины великодушных*, – из семи сот чужеземных братии новогородских видите третию часть: все они легли вокруг Мирослава».

«Убиты ли сыны мои?» – спросила Марфа с нетерпением. – «Оба», – ответствовал Александр *Знаменитый*[v] с горестию. – «Хвала небу! – сказала посадница. – Отцы и матери новогородские! Теперь я могу утешать вас!.. Но прежде, о народ! будь строгим, неумолимым судиею и реши – судьбу мою! Унылое молчание царствует на Великой площади; я вижу знаки отчаяния на многих лицах. Может быть, граждане сожалеют о том, что они не упали на колена пред Иоанном, когда Холмский объявил нам волю его властвовать в Новегороде; может быть, тайно обвиняют меня, что я хотела оживить в сердцах гордость народную!.. Пусть говорят враги мои, и если они докажут, что сердца новогородские не ответствуют моему сердцу, что любовь к свободе есть преступление для гражданки вольного отечества, то я не буду оправдываться, ибо славлюсь моею виною и с радостию кладу голову свою на плаху. Пошлите ее в дар Иоанну и смело требуйте его милости!..»

«Нет, нет! – воскликнул народ в живейшем усердии. – Мы хотим умереть с тобою! Где враги твои? Где друзья Иоанновы? Пусть говорят они:

---

[v] В летописях сказано, что сын ее Димитрий был взят в плен.

мы пошлем их головы к князю Московскому!» – Отцы, которые лишились детей в битве шелонской, тронутые великодушием Марфы, целовали одежду ее и говорили: «Прости нам! мы плакали!..» Слезы текли из глаз Марфы. «Народ! – сказала она. – С такою душою ты еще не побежден Иоанном! Нет величия без опасностей и бедствия: небо искушает ими любимцев своих. Бывали тучи над великим градом, но отцы наши не опускали мечей, и мы родились свободными. Издревле счастие воинское славится превратностию. Новгород видал тела полководцев на лобном месте, видал надменного врага пред стенами своими: кто ж входил в них доныне? одни друзья его. Народ великодушный! Будь тверд и спокоен! Еще не все погибло! Борецкая жива и говорит с тобою! Когда железные ступени престанут звучать под ногами моими, когда взор твой в час решительный напрасно будет искать меня на Вадимовом месте, когда в глубокую ночь погаснет лампада в моем высоком тереме и не будет уже для тебя знаком, что Марфа при свете ее мыслит о благе Новаграда, тогда, тогда скажи: “Все погибло!..” Теперь, друзья сограждане! воздадим последнюю честь вождю Мирославу и витязю Михаилу! Чиновники ваши пекутся о безопасности града». – Она дала знак рукою, и колесница тронулась. Чиновники и народ проводили ее до Софийского храма. Феофил с духовенством встретил их. Степенный посадник и тысячский положили тела во гробы.

Глубокая ночь наступила. Никто не мыслил успокоиться в великом граде. Чиновники поставили стражу и заключились в доме Ярослава для совета с Марфою. Граждане толпились на стогнах и боялись войти в домы свои – боялись вопля жен и матерей отчаянных. Утомленные воины не хотели отдохновения, стояли пред Вадимовым местом, облокотись на щиты свои, и говорили: «Побежденные не отдыхают!» – Ксения молилась над телом Мирослава.

На заре утренней раздалось святое пение в Софийском храме. Гробы витязей были открыты. Марфа, Ксения, старец, родитель Михаилов, и воины с окровавленными знаменами окружали их. Горесть изображалась на лицах, никто не дерзал стенать и плакать. Иосиф Делинский именем Новаграда положил во гробы *хартию славы*!..[w] Их опустили в землю под веянием *хоругви отечества*. Посадница стала на могилу; она держала в руке цветы и говорила: «Честь и слава храбрым! Стыд и поношение робким! Здесь лежат знаменитые витязи: совершились их подвиги; они успокоились в могиле и ничем уже не должны отечеству, но отечество должно им вечною благодарностию. О воины новогородские! Кто из вас не позавидует сему жребию! Храбрые и малодушные умирают: блажен, о ком жалеют верные сограждане и чьею смертию они гордятся! Взгляните на сего старца, родителя Михайлова: согбенный летами и болезнями, бесчадный при конце жизни, он благодарит небо,

[w] На сих хартиях (говорит автор) изображались славные дела усопшего.

ибо Новгород погребает великого сына его. Взгляните на сию вдовицу юную: брачное пение соединилось для нее с гимнами смерти, но она тверда и великодушна, ибо ее супруг умер за отечество… Народ! Если всевышнему угодно сохранить бытие твое, если грозная туча рассеется над нами и солнце озарит еще торжество свободы в Новегороде, то сие место да будет для тебя священно! Жены знаменитые да украшают его цветами, как я теперь украшаю ими могилу любезнейшего из сынов моих… (Марфа рассыпала цветы)… и витязя храброго, некогда врага Борецких, но тень его примирилась со мною: мы оба любили отечество!.. Старцы, мужи и юноши да славят здесь кончину героев и да клянут память изменника Димитрия!» – «Клятва, вечная клятва его имени и роду!» – воскликнули все чиновники и граждане, – и брат Димитрия упал мертвый в толпе народной, – и супруга его отчаянная бросилась в шумную глубину Волхова.

Уже легионы Иоанновы приближались к великому граду и медленно окружали его: народ с высоких стен смотрел на их грозные движения. Уже белый шатер княжеский, златым шаром увенчанный, стоял пред вратами Московскими – и степенный тысячский отправился послом к Иоанну. Новогородцы, готовые умереть за вольность, тайно желали сохранить ее миром. Марфа знала сердца народные, душу великого князя и спокойно ожидала его ответа. Тысячский возвратился с лицом печальным: она велела ему объявить всенародно успех посольства… «Граждане! – сказал он. – Ваши мудрые чиновники думали, что князь Московский хотя и победитель, но самою победою, трудною и случайною, уверенный в великодушии новогородском, может еще примириться с нами… Бояре ввели меня в шатер Иоанна… Вы знаете его величие: гордым взором и повелительным движением руки он требовал от меня знаков рабского унижения… “Князь Московский! – я вещал ему. – Новгород еще свободен! Он желает мира, не рабства. Ты видел, как мы умираем за вольность: хочешь ли еще напрасного кровопролития? Пощади своих витязей: отечеству русскому нужна сила их. Если казна твоя оскудела, если богатство новогородское прельщает тебя – возьми наши сокровища: завтра принесем их в стан твой с радостию, ибо кровь сограждан нам драгоценнее злата, но свобода и самой крови нам драгоценнее. Оставь нас только быть счастливыми под древними законами, и мы назовем тебя своим благотворителем, скажем: ‘Иоанн мог лишить нас верховного блага и не сделал того; хвала ему’. Но если не хочешь мира с людьми свободными, то знай, что совершенная победа над ними должна быть их истреблением, а мы еще дышим и владеем оружием; знай, что ни ты, ни преемники твои не будут уверены в искренней покорности Новаграда, доколе древние стены его не опустеют или не приимут в себя жителей, чуждых крови нашей!” – “Покорность без условия, или гибель мятежникам!” – ответствовал Иоанн и с гневом отвратил лицо свое. Я удалился».

Марфа предвидела действие: народ в страшном озлоблении требовал полководца и битвы. Александру *Знаменитому* вручили жезл начальства – и битвы начались...

Дела славные и великие! Одни русские могли с обеих сторон так сражаться, могли так побеждать и быть побеждаемы. Опытность, хладнокровие мужества и число благоприятствовали Иоанну; пылкая храбрость одушевляла новогородцев, удвояла силы их, заменяла опытность; юноши, самые отроки становились в ряды на место убитых мужей, и воины московские не чувствовали ослабления в ударах противников. С торжеством возглашалось имя великого князя: иногда, хотя и редко, имя вольности и Марфы бывало также радостным кликом победителей (ибо вольность и Марфа одно знаменовали в великом граде). Часто Иоанн, видя славную гибель упорных новогородцев, восклицал горестно: «Я лишаюсь в них достойных моего сердца подданных!» Бояре московские советовали ему удалиться от града, но великая душа его содрогалась от мысли уступить непокорным. «Хотите ли, – он с гневом ответствовал, – хотите ли, чтобы я венец Мономаха положил к ногам мятежников?..» И суровые муромцы, жители темных лесов, усердные владимирцы спешили к нему на вспоможение. Три раза обновлялась *дружина княжеская*, из храбрых дворян состоящая, и знамена ее (на которых изображались слова: «С нами Бог и государь!») дымились кровию.

Как Иоанн величием своим одушевлял легионы московские, так Марфа в Новегороде воспаляла умы и сердца. Народ, часто великодушный, нередко слабый, унывал духом, когда новые тысячи приходили в стан княжеский. «Марфа! – говорил он. – Кто наш союзник? Кто поможет великому граду?..» – «Небо, – ответствовала посадница. – Влажная осень наступает, блата, нас окружающие, скоро обратятся в необозримое море, всплывут шатры Иоанновы, и войско его погибнет или удалится». Луч надежды не угасал в сердцах, и новогородцы сражались. Марфа стояла на стене, смотрела на битвы и держала в руке *хоругвь отечества;* иногда, видя отступление новогородцев, она грозно восклицала и махом святой хоругви обращала воинов в битву. Ксения не разлучалась с нею и, видя падение витязей, думала: «Так пал Мирослав любезный!». Казалось, что сия невинная, кроткая душа веселилась ужасами кровопролития – столь чудесно действие любви! Сии ужасы живо представляли ей кончину друга: Ксения всего более хотела и любила заниматься ею. Она знала Холмского по его оружию и доспехам, обагренным кровию Мирослава; огненный взор ее звал все мечи, все удары новогородские на главу московского полководца, но железный щит его отражал удары, сокрушал мечи, и рука сильного витязя опускалась с тяжкими язвами и гибелию на смелых противников. Александр *Знаменитый* с веселием спешил на ратное поле, с видом горести возвращался; он предвидел неминуемое бедствие отечества, искал только славной смерти и нашел ее среди московской дружины. С того

времени одни храбрые юноши заступали место вождей новогородских, ибо юность всего отважнее. Никто из них не умирал без славного дела. В одну ночь степенный посадник собрал знатнейших бояр на думу – и при восходе солнца ударили в *вечевой колокол.* Граждане летели на Великую площадь, и все глаза устремились на Вадимово место: Марфа и Ксения вели на его железные ступени пустынника Феодосия. Народ общим криком изъявил свое радостное удивление. Старец взирал на него дружелюбно, обнимал знатных чиновников – и сказал, подняв руки к небу: «Отечество любезное! Приими снова в недра свои Феодосия!.. В счастливые дни твои я молился в пустыне, но братья мои гибнут, и мне должно умереть с ними, да совершится клятвенный обет моей юности и рода Молинских!..» Иосиф Делинский, провождаемый тысячскими и боярами, несет златую цепь из Софийского храма, возлагает ее на старца и говорит ему: «Будь еще посадником великого града! Исполни усердное желание верховного совета! С радостию уступаю тебе мое достоинство: я могу владеть оружием; могу умереть в поле!.. Народ! Объяви волю свою!..» – «Да будет! Да будет!» – громогласно ответствовали граждане, – и Марфа сказала: «О славное торжество любви к отечеству! Старец, которого Новгород уже давно оплакал, как мертвого, воскресает для его служения! Отшельник, который в тишине пустыни и земных страстей забыл уже все радости и скорби человека, вспомнил еще обязанность гражданина: оставляет мирную пристань и хочет делить с нами опасности времен бурных! Народ и граждане! Можете ли отчаиваться? Можете ли сомневаться в небесной благости, когда небо уступает нам своего избранного, когда столетняя мудрость и добродетель будет председать в верховном совете? Возвратился Феодосий: возвратится и благоденствие, которым вы некогда под его мудрым правлением наслаждались. Тогда воспоминание минувших бедствий, искусивших твердость сердец новогородских, обратится в славу нашу, и мы будем тем счастливее, ибо слава есть счастие великих народов!».

Делинский и Марфа убедили Феодосия торжественно явиться в великом граде; они думали, что сия нечаянность сильно подействует на воображение народа, и не обманулись. Граждане лобызали руки старца, подобно детям, которые в отсутствие отца были несчастливы и надеются, что опытная мудрость его прекратит беды их. Долговременное уединение и святая жизнь напечатлели на лице Феодосия неизъяснимое величие, но он мог служить отечеству только усердными обетами чистой души своей – и бесполезными: ибо суды вышнего непременны!

Новый посадник, следуя древнему обыкновению, должен был угостить народ: Марфа приготовила великолепное пиршество, и граждане еще дерзнули веселиться! Еще дух братства оживил сердца! Они веселились на могилах, ибо каждый из них уже оплакал родителя, сына или брата, убитых на Шелоне и во время осады кровопролитной. Сие минутное счастливое забвение было последним благодеянием судьбы для новогородцев.

Скоро открылося новое бедствие, скоро в великом граде, лишенном всякого сообщения с его областями хлебородными, житницы народные, знаменитых граждан и гостей чужеземных опустели. Еще несколько времени усердие к отечеству терпеливо сносило недостаток: народ едва питался и молчал. Осень наступала, ясная и тихая. Граждане всякое утро спешили на высокие стены и видели – шатры московские, блеск оружия, грозные ряды воинов; всё еще думали, что Иоанн удалится, и малейшее движение в его стане казалось им верным знаком отступления... Так надежда возрастает иногда с бедствием, подобно светильнику, который, готовясь угаснуть, расширяет пламя свое... Марфа страдала во глубине души, но еще являлась народу в виде спокойного величия, окруженная символами изобилия и дарами земными: когда ходила по стогнам, многочисленные слуги носили за нею корзины с хлебами; она раздавала их, встречая бледные, изнуренные лица – и народ еще благословлял ее великодушие. Чиновники день и ночь были в собрании... Уже некоторые из них молчанием изъявляли, что они не одобряют упорства посадницы и Делинского, некоторые даже советовали войти в переговоры с Иоанном, но Делинский грозно подымал руку, столетний Феодосий седыми власами отирал слезы свои, Марфа вступала в храмину совета, и все снова казались твердыми. – Граждане, гонимые тоскою из домов своих, нередко видали по ночам, при свете луны, старца Феодосия, стоящего на коленях пред храмом Софийским; юная Ксения вместе с ним молилась, но мать ее, во время тишины и мрака, любила уединяться на кладбище Борецких, окруженном древними соснами: там, облокотясь на могилу супруга, она сидела в глубокой задумчивости, беседовала с его тению и давала ему отчет в делах своих.

Наконец ужасы глада сильно обнаружились, и страшный вопль, предвестник мятежа, раздался на стогнах. Несчастные матери взывали: «Грудь наша иссохла, она уже не питает младенцев!». Добрые сыны новогородские восклицали: «Мы готовы умереть, но не можем видеть лютой смерти отцов наших!». Борецкая спешила на Вадимово место, указывала на бледное лицо свое, говорила, что она разделяет нужду с братьями новогородскими и что великодушное терпение есть должность их... В первый раз народ не хотел уже внимать словам ее, не хотел умолкнуть; с изнурением телесных сил и самая душа его ослабела; казалось, что все погасло в ней и только одно чувство глада терзало несчастных. Враги посадницы дерзали называть ее жестокою, честолюбивою, бесчеловечною... Она содрогнулась... Тайные друзья Иоанновы кричали пред домом Ярославовым: «Лучше служить князю Московскому, нежели Борецкой; он возвратит изобилие Новуграду: она хочет обратить его в могилу!..» Марфа, гордая, величавая, вдруг упадает на колена, поднимает руки и смиренно молит народ выслушать ее... Граждане, пораженные сим великодушным унижением, безмолвствуют... «В последний раз, – вещает она, – в последний раз заклинаю вас быть твердыми еще

несколько дней! Отчаяние да будет нашею силою! Оно есть последняя надежда героев. Мы еще сразимся с Иоанном, и небо да решит судьбу нашу!..» Все воины в одно мгновение обнажили мечи свои, взывая: «Идем, идем сражаться!». Друзья Иоанновы и враги посадницы умолкли. Многие из граждан прослезились, многие сами упали на колена пред Марфою, называли ее *матерью новогородскою* и снова клялись умереть великодушно. Сия минута была еще минутою торжества сей гордой жены. Врата Московские отворились, воины спешили в поле: она вручила *хоругвь отечества* Делинскому, который обнял своего друга и, сказав: «Прости навеки!», удалился.

Войско Иоанново встретило новогородцев… Битва продолжалась три часа, она была чудесным усилием храбрости… Но Марфа увидела наконец *хоругвь отечества* в руках Иоаннова оруженосца, знамя *дружины великодушных* – в руках Холмского, увидела поражение своих, воскликнула: «Совершилось!», прижала любезную дочь к сердцу, взглянула на лобное место, на образ Вадимов – и тихими шагами пошла в дом свой, опираясь на плечо Ксении. Никогда не казалась она величественнее и спокойнее.

Делинский погиб в сражении, остатки воинства едва спаслися. Граждане, чиновники хотели видеть Марфу, и широкий двор ее наполнился толпами людей; она растворила окно, сказала: «Делайте что хотите!» – и закрыла его. Феодосий, по требованию народа, отправил послов к Иоанну: Новгород отдавал ему все свои богатства, уступал наконец все области, желая единственно сохранить собственное внутреннее правление. Князь Московский ответствовал: «Государь милует, но не приемлет условий». Феодосий в глубокую ночь, при свете факелов, объявил гражданам решительный ответ великого князя… Взор их невольно искал Марфы, невольно устремился на высокий терем ее: там угасла ночная лампада! Они вспомнили слова посадницы… Несколько времени царствовало горестное молчание. Никто не хотел первый изъявить согласия на требование Иоанна; наконец друзья его ободрились и сказали: «Бог покоряет нас князю Московскому; он будет отцом Новаграда». Народ пристал к ним и молил старца быть его ходатаем. Граждане в сию последнюю ночь власти народной не смыкали глаз своих, сидели на Великой площади, ходили по стогнам, нарочно приближались к вратам, где стояла воинская стража, и на вопрос ее: «Кто они?» – еще с тайным удовольствием ответствовали: «Вольные люди новогородские!». Везде было движение, огни не угасали в домах: только в жилище Борецких все казалось мертвым.

Солнце восходило – и лучи его озарили Иоанна, сидящего на троне, под *хоругвию* новогородскою, среди воинского стана, полководцев и бояр московских; взор его сиял величием и радостию. Феодосий медленно приближался к трону; за ним шли все чиновники великого града. Посадник стал на колена и вручил князю серебряные ключи от врат Московских – тысячские преломили жезлы свои, и старосты пяти концов новогородских положили секиры

к ногам Иоанновым. Слезы лились из очей Феодосия. «Государь Новаграда!» – сказал он, и все бояре московские радостно воскликнули: «Да здравствует великий князь всея России и Новаграда!..» – «Государь! – продолжал старец. – Судьба наша в руках твоих. Отныне воля самовластителя будет для нас единственным законом. Если мы, рожденные под иными уставами, кажемся тебе виновными, да падут наши головы! Все чиновники, все граждане виновны, ибо все любили свободу. Если простишь нас, то будем верными подданными: ибо сердца русские не знают измены, и клятва их надежна. Твори, что угодно владыке самодержавному!..» Иоанн дал знак рукою, и Холмский поднял Феодосия. «Суд мой есть правосудие и милость! – вещал он. – Милость всем чиновникам и народу...» – «Милость! Милость!» – воскликнули бояре московские. – «Милость! Милость!» – радостно повторяло все войско: казалось, что она *ему* была объявлена, – столь добродушны русские! Одни чиновники новогородские стояли в мрачном безмолвии, потупив глаза в землю. «Бог судил меня с новогородцами, – сказал Иоанн, – кого наказал он, того милую! Идите; да узнает народ, что Иоанн желает быть отцом его!» Он дал тайное повеление Холмскому, который, взяв с собою отряд воинов, занял врата Московские и принял начальство над градом: окрестные селения спешили доставить изобилие его изнуренным жителям.

Друзья Борецких хотели видеть Марфу: она и дочь ее сидели в тереме за рукодельем... «Не бойся мести Иоанновой, – сказали друзья, – он всех прощает». Марфа ответствовала им гордою улыбкою – и в сие мгновение застучало оружие в доме ее. Холмский входит, ставит воинов у дверей и велит боярам новогородским удалиться. Марфа, не изменяясь в лице, дружелюбно подала им руку и сказала: «Видите, что князь Московский уважает Борецкую: он считает ее врагом опасным! Простите!.. Вам еще можно жить...» Бояре удалились. Холмский с угрозами начал ее допрашивать о мнимых тайных связях с Литвою; посадница молчала и спокойно шила золотом. Видя непреклонную твердость ее, он смягчил голос и сказал: «Марфа! Государь поверит одному слову твоему...» – «Вот оно, – ответствовала посадница, – пусть Иоанн велит умертвить меня и тогда может не страшиться ни Литвы, ни Казимира, ни самого Новаграда!..» Князь, благородный сердцем, вышел, удивляясь ее великодушию. – Граждане толпились вокруг дома Борецких: напрасно воины хотели удалить их, но вдруг раздался звон колокольный во всех пяти концах, и народ, всегда любопытный, забыл на время судьбу Марфы: он спешил навстречу к Иоанну, который с величием и торжеством въезжал в Новгород, под сению *хоругви отечества*, среди легионов многочисленных, в венце Мономаха и с мечом в руке.

Марфа, заключенная в доме своем, услышала звон колокольный и громкие восклицания: «Да здравствует государь всея России и великого Новаграда!..» – «Давно ли, – сказала она милой дочери, которая, положив голову

на грудь ее, с нежным умилением смотрела ей в глаза, – давно ли сей народ славил Марфу и вольность? Теперь он увидит кровь мою и не покажет слез своих, иногда с горестию будет воспоминать меня, но происшествия новые скоро займут всю душу его, и только слабые, хладные следы бытия моего останутся в преданиях суетного любопытства!.. И геройство пылает огнем дел великих, жертвует драгоценным спокойствием и всеми милыми радостями жизни… кому? неблагодарным! Я могла бы наслаждаться счастием семейственным, удовольствиями доброй матери, богатством, благотворением, всеобщею любовию, почтением людей и – самою нежною горестию о великом отце твоем, но я все принесла в жертву свободе моего народа: самую чувствительность женского сердца – и хотела ужасов войны; самую нежность матери – и не могла плакать о смерти сынов моих!.. (Тут *в первый раз* глаза Марфы наполнились слезами *раскаяния*)… Прости мне, тень великодушного супруга! Сие движение было последним гласом женской слабости. Я клялась заступить твое место в отечестве и, конечно, исполнила клятву свою: ибо князь Московский считает меня достойною погибнуть вместе с вольностию новогородскою! Ты позавидовал бы моей доле, если бы еще дышал для отечества; самая неблагодарность народа возвысила бы в глазах твоих цену великодушной жертвы: награда признательности уменьшает ее… Теперь я спокойно ожидаю смерти!.. Знаю Иоанна, он знает Марфу и должен одним ударом сразить гордость новогородскую: кто дерзнет восстать против монарха, который наказал Борецкую?.. Герои древности, побеждаемые силою и счастием, лишали себя жизни; бесстрашные боялись казни: я не боюсь ее. Небо должно располагать жизнию и смертию людей; человек волен только в своих делах и чувствах». – Ксения слушала мать свою и разумела слова ее.

Иоанн пред храмом Софийским сошел с коня: Феофил и духовенство встретили его со крестами. Сей великий государь принес жертву моления и благодарности всевышнему. Все славные воеводы московские, преклонив колена, слезами изъявляли радость свою. – Иоанн в доме Ярослава угостил роскошною трапезою бояр новогородских и державною рукою своею сыпал злато на беднейших граждан, которые искренно и добросердечно славили его благотворительность. Не грозный чужеземный завоеватель, но великий государь русский победил русских: любовь отца-монарха сияла в очах его.

Ввечеру многочисленные стражи явились на стогнах и повелели гражданам удалиться, но любопытные украдкою выходили из домов и видели в глубокую полночь Иоанна и Холмского, в тишине идущих к Софийскому храму; два воина освещали их путь факелом, остановились в ограде, и великий князь наклонился на могилу юного Мирослава; казалось, что он изъявлял горесть и с жаром упрекал Холмского смертию сего храброго витязя… Новогородцы вспомнили тогда, что государь щитом своим отразил меч оруженосца, хотевшего умертвить Мирослава; удивлялись – и никогда не могли сведать тайны

Иоаннова благоволения к юноше. – Сии любопытные приведены были в ужас другим зрелищем: они видели множество пламенников на Великой площади, слышали стук секир – и высокий эшафот явился пред домом Ярослава. Новогородцы думали, что Иоанн нарушит слово и что гнев его поразит всех именитых граждан.

На рассвете загремели воинские бубны. Все легионы московские были в движении, и Холмский с обнаженным мечом скакал по стогнам. Народ трепетал, но собирался на Великой площади узнать судьбу свою. Там, на эшафоте, лежала секира. От конца Славянского до места Вадимова стояли воины с блестящим оружием и с грозным видом; воеводы сидели на конях пред своими дружинами. Наконец железные запоры упали, и врата Борецких растворились: выходит Марфа в златой одежде и в белом покрывале. Старец Феодосий несет образ пред нею. Бледная, но твердая Ксения ведет ее за руку. Копья и мечи окружают их. Не видно лица Марфы, но так величаво ходила она всегда по стогнам, когда чиновники ожидали ее в совете или граждане на *вече.* Народ и воины соблюдали мертвое безмолвие, ужасная тишина царствовала; посадница остановилась пред домом Ярослава. Феодосий благословил ее. Она хотела обнять дочь свою, но Ксения упала; Марфа положила руку на сердце ее – знаком изъявила удовольствие и спешила на высокий эшафот – сорвала покрывало с головы своей: казалось томною, но спокойною – с любопытством посмотрела на лобное место (где разбитый образ Вадимов лежал во прахе) – взглянула на мрачное, облаками покрытое небо – с величественным унынием опустила взор свой на граждан… приближилась к орудию смерти и громко сказала народу: «Подданные Иоанна! Умираю гражданкою новогородскою!..» Не стало Марфы… Многие невольно воскликнули от ужаса, другие закрыли глаза рукою. Тело посадницы одели черным покровом… Ударили в бубны – и Холмский, держа в руке хартию, стал на бывшем Вадимовом месте. Бубны умолкли… Он снял пернатый шлем с головы своей и читал громогласно следующее:

«Слава правосудию государя! Так гибнут виновники мятежа и кровопролития! Народ и бояре! Не ужасайтесь: Иоанн не нарушит слова; на вас милующая десница его. Кровь Борецкой примиряет вражду единоплеменных; одна жертва, необходимая для вашего спокойствия, навеки утверждает сей союз неразрывный. Отныне предадим забвению все минувшие бедствия; отныне вся земля русская будет вашим любезным отечеством, а государь великий – отцом и главою. Народ! Не вольность, часто гибельная, но благо *устройство*, *правосудие* и *безопасность* суть три столпа гражданского счастия: Иоанн обещает их вам пред лицом Бога всемогущего…»

Тут князь Московский явился на высоком крыльце Ярославова дому, безоружен и с главою открытою: он взирал на граждан с любовию и положил руку на сердце. Холмский читал далее:

«Обещает России славу и благоденствие, клянется своим и всех его преемников именем, что польза народная во веки веков будет любезна и священна самодержцам российским – или да накажет Бог клятвопреступника! Да исчезнет род его, и новое, небом благословенное поколение да властвует на троне ко счастию людей!»[x].

Холмский надел шлем. Легионы княжеские взывали: «Слава и долголетие Иоанну!» Народ еще безмолвствовал. Заиграли на трубах – и в единое мгновение высокий эшафот разрушился. На месте его возвеялось белое знамя Иоанново, и граждане наконец воскликнули: «Слава государю российскому!».

Старец Феодосий снова удалился в пустыню и там, на берегу великого озера Ильменя, погреб тела Марфы и Ксении. Гости чужеземные вырыли для них могилу и на гробе изобразили буквы, которых смысл доныне остается тайною. Из семи сот немецких граждан только пятьдесят человек пережили осаду новогородскую: они немедленно удалились во свои земли. *Вечевой колокол* был снят с древней башни и отвезен в Москву: народ и некоторые знаменитые граждане далеко провожали его. Они шли за ним с безмолвною горестию и слезами, как нежные дети за гробом отца своего.

---

[x] Род Иоаннов пересекся, и благословенная фамилия Романовых царствует.

Ф.Ф. Иванов

МАРФА-ПОСАДНИЦА, ИЛИ ПОКОРЕНИЕ НОВАГОРОДА

Трагедия в стихах, с хорами, в пяти действиях

Трагедия Ф.Ф. Иванова посвящена последнему этапу противостояния Новгорода и Москвы, закончившемуся утратой независимости и присоединением «вольного города» к Московскому княжеству. Первое действие открывается монологом новгородского посадника Михаила, который признается в том, что из наследственной ненависти к роду Борецких предал Новгород и надеется получить от московского князя власть над городом. Прибывший московский посол князь Холмский обращается к новгородцам, напоминая о великих предках, которые правили в Новгороде, пользуясь любовью и поддержкой граждан. Ныне же новгородцы наслаждаются свободой и богатством в равнодушии к бедствиям других земель Руси. Он обвиняет посадников в связях с Литвой и призывает жителей покориться великому князю Иоанну. Марфа Борецкая выступает на вече и напоминает согражданам о древних вольнолюбивых традициях и воинском искусстве новгородцев, не раз отражавших врагов и вместе с тем не вступавших в междоусобицы. Она признает московского князя достойным и сильным правителем, но подчиниться его власти Новгород не согласится. Холмский разрывает условия мирного договора и, обещав начать войну, удаляется. Новгородское войско призван возглавить сын Марфы Мирослав, которого мать благословляет на битву и победу, предпочитая покорности славную гибель.

Во втором действии Михаил пытается убедить Марфу и другого посадника, Делинского, подчиниться Москве, указывая на неблагоприятные знамения и превосходящие силы противника. Марфа сообщает о посланном в Псков письме с просьбой о помощи. Михаил докладывает о прибытии польского посла Сапеги, имеющего грамоту короля Казимира к Марфе Борецкой. В разговоре с послом выясняется, что король готов оказать Новгороду военную помощь при условии признания его власти. Марфа гневно отказывает послу и, взяв хоругвь, благословляет новгородцев на сражение. Под предводительством Мирослава войско отправляется в бой.

Между тем, в третьем действии Феодосий, отец Марфы, давно живущий отшельником, раскрывает Делинскому тайну рождения Мирослава: на самом деле он сын другой его дочери, Пламены, и московского князя Иоанна, некогда соблазнившего ее. Феодосий тайно подменил им умершего младенца Марфы, и та воспитала Мирослава как сына. Теперь он вынашивает план мести князю, посылая в сражение с ним его

собственного сына. По замыслу Феодосия, или Мирослав поразит Иоанна в бою, или князь-победитель убьет врага и тем самым будет наказан сыноубийством. Воин сообщает о гибели Мирослава и победе московского войска. Иоанн как победитель вступает в город и отдает первые распоряжения. Ему передают письмо, в котором сообщается о неизбежном роковом столкновении с сыном. Терзаясь муками совести, он открывает Холмскому тайну рождения своего сына и желание найти его в Новгороде. При нем должен быть знак – цепь, подаренная некогда Пламене Иоанном. В споре с воеводой Мстиславским князь отстаивает свое право и желание помиловать врагов, не умножая жестокости и кровопролития.

Четвертое действие, начинаясь в поверженном Новгороде, описывает встречу Иоанна с Марфой, доставленной к нему под стражей. Князь обещает милость ей и горожанам в обмен на покорность и смирение. Не желая отступать от своих убеждений, Марфа не соглашается. Иоанн даже обещает вернуть ей утраченного сына в награду за примирение. Но Марфа видит в этом обещании лишь коварный обман. Встреча со спасенным сыном не приносит облегчения; теперь и Марфа, и Мирослав с гневом и презрением отвергают попытки Иоанна склонить их на свою сторону, возвысить и наградить. Князь переходит к угрозам, и в это время приходит отказ псковичей поддержать новгородцев. Иоанн оставляет пленников подумать над выбором. Мирослав признается, что ему в бою с московским князем мешало действовать неведомое чувство. Феодосий, явившись перед дочерью и внуком, сообщает о намерении граждан преподнести Иоанну знаки власти. Не желая допустить этого, он призывает Мирослава заколоть Иоанна во время торжества кинжалом. Тот, разрываясь между долгом и чувством, соглашается. Феодосий размышляет о скором исполнении своего плана.

Пятое действие представляет диалог Марфы с Михаилом, который теперь открыто стал на сторону Москвы и упрекает Марфу за упорное сопротивление, грозившее Новгороду бедами. Близится триумф Иоанна; Михаил готовится преподнести ему скипетр, но князь изобличает изменника, тайно вступившего в переговоры с польским королем, и велит выслать его. Марфа с нетерпением ждет Мирослава. Между тем таинственный воин под забралом вновь передает князю письмо с предупреждением о грозящей ему опасности. В смятении тот отменяет торжества. Мирослав, явившись, медлит напасть на князя, все еще борясь с нахлынувшими чувствами. Его удар предупрежден охраной. Мирослав и Марфа схвачены, и каждый принимает на себя замысел нападения. Не желая быть закованной в цепи, Марфа закалывается. Мирослав, понимая, что не может не любить князя, наказывает себя за слабость и следует примеру матери. Феодосий открывается Иоанну и объявляет правду о Мирославе. Иоанн лишается сил.

Далее приводятся отрывки из трагедии: действие первое, явление 4; действие второе, явление 6; действие четвертое, явление 4.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ 4

Марфа

⟨...⟩ Жена дерзает днесь на вече говорить...
Но в жилах сей жены какая кровь кипит!
Супруг мой, брат, мой сын, сражаясь, дни кончали,
Как вольность от цепей, отечество спасали.
Вот право все мое свободу защищать.
Иль счастия ценой нельзя его достать?..

Один из народа

Вещай, свободы дщерь, дщерь славы знаменита!

Другой

Отечество спасай!

Третий

Свободы будь защита!..

Марфа

Потомки мы славян, род славный издавна,
И ныне вам дают мятежных имена!
За то ль, что славу их из гроба вы подъяли?
Владыки не имев, пред кем мятежны стали?
Как падал грозный Рим со треском ко стопам
Героев севера и диким племенам;
Как готф, вандал, эрул сей мир мечом губили,
Славяне и тогда свободно, мирно жили;
Беспечно славянин жизнь сельску воспевал.
Но острый меч его мгновенно заблистал,
Лишь хищный князь Боян, гроза и ужас греков,
Возмнил поработить свободных человеков.
«Доколь железо нам сыра земля родит,
Никто не может нас дотоль поработить!» –
Славенов был ответ тогда послам Бояна.
Потомки мы славян, и нам венчать тирана?

Холмский

Венчался Рюрик здесь.

Марфа

Но те ль днесь времена?..
Повсюду стройность здесь гражданская видна.
Тогда, как страсти здесь душами править стали,
Как юноши совет старейших презирали,
Обычай древний как в забвение упал
И пышный Новгород на крае бед стоял, –
Тогда варяжских трех князей сюда призвали,
Что славой громких дел и мужеством блистали,
Чтоб юным воинством и буйным управлять;
Но Рюрик захотел здесь цепи рабства дать.
Славянска гордость вмиг, вздремавшая, проснулась
И, смерти не страшась, цепей сих ужаснулась.
Бестрепетный Вадим за вольность тигром стал
И Рюрика пред суд народа грозно звал...

Холмский

«Да судят нас мечи!» – рек князь вождю надменну;
Сразились – пал Вадим, имея грудь пронзенну.

Марфа

Но смертну рану сжав, весь кровью обагрен,
Вещал: «Увы! народ, оплакивай свой плен
Оплакивай свое ты ввек неразуменье!
Ты выю протянул и сам пошел в служенье...»
Мы ж, правду сохраня, всю славу воздадим
Деяньям Рюрика и прах его почтим.
Народ, быв изумлен доброт его сияньем,
Героя чтя в венце, на трон взирал с молчаньем;
Но скипетр, трон, венец и звучный славы глас
Не сильны отдалить приспевший смерти час.
Непобедимого смерть люта победила
И вольность вновь от сна глубока пробудила.
Стократно здесь Олег владыкой стать желал;
Он непреклонную упорность лишь встречал:
Оставил вольный град, пошел с богатырями
Искать рабов не столь с отважными душами.
С времен сих Новгород князей лишь признавал
Вождями ратных сил, но скиптра не вручал.
Народом власти все граждански избирались;
Граждане собственной тем воле покорялись.

А предки здесь, любя славянску в россах кровь,
Служили братьям в них, разили их врагов
И вместе славою и лаврами венчались.
Корыстолюбцы ж где, когда они являлись?..
Московский князь в вину нам то теперь кладет,
Что в благоденствии великий град цветет.

Делинский

Иль счастье лишь князьям дано с небесна свода,
Народу ж бедствия ль дала на часть природа?
Ужель желает князь, чтоб целый мир стенал?

Холмский

Не так бы ты судил, когда бы князя знал.

Марфа

Граждане! в сей вине не станем оправдаться.
Цветут здесь области и села богатятся;
Так точно: к нам рекой сокровища текут;
А Русь вся бедствует, ручьями кровь в ней льют,
Во пламени града и села там пылают,
Дремучие леса людей с зверьми скрывают.
Отец там ищет чад, не льстясь уж их найти;
Там милостины ждут вдовицы при пути;
Мы счастливы, и в том виновны только стали,
Что блага своего законы сохраняли;
Что смели в распрях мы участья не принять
И русских от стыда дерзнули тем спасать;
Оковы что татар мы бодро отражали
И тем достоинство народно сохраняли.
Не мы россиян, вы оставили друзей,
У хана гордого прося себе цепей.
Спасать поносну жизнь новградцы так не знали;
Бестрепетно к себе Батыя с войском ждали
И мнили: лучше нам с мечами погибать,
Чем, рабства цепь влача, дни муками считать.
Батый, отважность зря людей, обыкших к чести,
И предпочтя корысть ему опасной мести,
Оставил нас, пошел Россию дожигать.
Напрасно силились князей мы ободрять;
Напрасно с башен взор новградцы простирали
И дружеских полков российских ожидали,

Чтоб с русским богом вдруг ударить на врагов
И землю свободить святую от оков;
Но князи хану дань постыдную платили,
На братьев доносить в татарский стан ходили:
Любовь к отечеству проступком стала быть,
И князи стали в ней измену находить;
Победе имя бы меж россов не осталось,
Когда б у нас в полках оно не раздавалось;
И может ли вас то, граждане, удивлять,
Что хощет Иоанн Новградом управлять?

Борис

Богатство наше зрел своими он очами,
Был славой восхищен и мудростью меж нами.

Делинский

Но мы могли б собой все веки удивить,
Свободу коль забыв, решились бы служить.

Мирослав

Какими нас прельстить надеждами днесь чают?
Несчастные одни лишь перемен желают.
Мы благоденствуем...

Марфа

Чему ж должны мы сим?
Граждане! не тому ль, что вольность свято чтим?
Знай, ига рабска тень блаженства не рождает,
Величие под ней вовек не созревает.
Да молит Иоанн вселенныя творца,
Чтоб в гневе ослепил новградцев он сердца, –
Тогда нам будет льзя на гибель согласиться;
А прежде Новый-град громам не покорится.
И льзя ли рабства цепь довольно позлатить?
Свободу можно ль чем, граждане, заменить?
(*К старшинам.*)
О старцы! в чьих руках законов наблюденье,
Любовь вручила то и общее почтенье.
Дерзну ли избранных мужей я оправдать?
И клевете ли здесь заслуги унижать?

Ликует где народ, страны где процветают,
Там мудры правящи и бед не соплетают.
Где ж те сокровища, что можно предпочесть
Любови сограждан и променять за честь?..
(*К народу.*)
Того нас счастие, граждане, лишь прельщает,
Кто за отечество геройски умирает.

Один из народа

Готовы, Марфа, мы за вольность умереть.

Мирослав

Где враг отечества? Куда орлам лететь?

Марфа

Но властолюбие у нас не затмевает
Тех добродетелей, чем Иоанн сияет.
Молва везде его величье разнесла;
Надежду сладкую и нам она дала,
Что свергнет Иоанн с России грустно бремя,
Тягчит что злость татар, усугубляет время.
Пусть славен Иоанн из рода будет в род,
Пусть вкусит век златой российский им народ,
Но славен будет пусть и Новгород великой;
В свободе пусть цветет, быв сам себе владыкой.
Еще злодей Ахмат, еще дерзает звать
Героя данником и смеет дани ждать;
Пусть Иоанн несет в дань молнии Ахмату.
Мы первые пошлем ему стрелу крылату;
Дружина верная с стрелою сей пойдет
И в стан Ахматов путь мечами просечет.
Когда же сокрушит державной князь рукою
Врага отечества и веры и покою,
Тогда весь мир речет: «Росс славу возвратил,
Что Новгород всегда как собственность хранил».
И мы речем: «Владей, князь, золота горами,
Рассыпанных татар найденна под шатрами;
Твое оно, твое, тебе принадлежит;
Не наше, княжеско клеймо на нем лежит.
Да мудростью твоей Русь раны уврачует,
Да счастию твоих народов свет ревнует».

И если в гневе нас бог бедством посетит,
Свобода станет нас и слава тяготить, –
Тогда приидем мы не в польскую столицу,
Но придем мы в Москву, градов и сел царицу;
Не к польску королю, прибегнем мы к тебе,
Отрады от тебя ждать станем в злой судьбе
И скажем: «Иоанн! владей теперь ты нами;
Не знаем править мы уже собою сами».
Тогда о вольности лишь будем воздыхать
И пред венцом главы повинные склонять.

Борис

О боже! отврати такое униженье!

Мирослав

Дай, боже, лучше смерть, чем рабское служенье.

Марфа

Ты содрогаешься, народ, в душе твоей.
Да идет мимо нас ужасный жребий сей.
Свободны будут ввек достойные свободы,
А в рабстве дни влекут порочные народы.
Ты к славе приобык и в вольности возрос,
Льзя ль Иоанновых страшиться вам угроз?..
Есть бог на небесах, мерзящ невинных кровью;
Кипят сердца у вас к отечеству любовью;
Есть стрелы, есть мечи, и Марфа среди вас:
Пусть придет Иоанн и покоряет нас.

Один из народа

Пусть придет Иоанн!.. Борецкая! ты с нами.

Другой

Падет свободы враг!

Холмский

Или падете сами!
Граждане! буйность вас к погибели влечет.

Один из народа

Умолкни, царский раб!

Другой

Борецка пусть речет.

Марфа
(*вздохнув*)

Но если Иоанн нам истину вещает,
Коль золото уж нас, не слава, днесь прельщает:
Последний скоро час свободы притечет,
(*указывая на вечевой колокол*)
И древний глас ее замолкнет и падет.
Тогда в слезах речем: «Блаженны те народы,
Которы никогда не ведали свободы!»
А грозна тень ее являться будет нам,
Как бледна, люта смерть неправедным душам;
И знай, о Новгород! что вольности с утратой
Блаженства твоего иссякнет ток богатый;
Она живит труды, она серпы острит,
Она торговлею и жатвой богатит;
Она к добру и дух и сердце воскриляет.
Но предков славы кто, как жизнь, не сохраняет,
Явится бедность там с алчбою во глазах;
За нею вслед корысть, раздоры, зависть, страх,
Подобно как змии рассыплются по граду –
(*показывает цепь*)
И вот что принесут всем бедствиям в отраду.

Один из народа

Да придет Иоанн!

Другой

Да придет грозный враг!

Мирослав

Умрем, друзья! или его развеем прах!
(*Указывая на Холмского.*)
Пусть носит цепи тот, кому они судились;
А мы ко славе лишь и вольности родились!

Марфа
(*бросая цепь*)

С величья пусть падет так гордый Иоанн,
Коль из героя стал свободных он тиран!

Один из народа
(*попирая цепь ногами*)

Не быть ему, не быть свободных душ тираном!

Другой

Твой сын нам будет вождь.

Третий

Сразимся с Иоанном!

Холмский

Оплачешь ты, народ, горячею слезой
Надменность буйную и стыд оплачешь свой.
Расторглись дружески отнынь меж нас союзы:
Иные Иоанн скует строптивым узы.
Да возвратятся мне священны письмена!
Исчез счастливый мир, и закипит война.

Марфа
(*вручая ему бумаги*)

Вот клятвы мир хранить – не мы их нарушаем.
Неверных судит бог!

Холмский
(*приняв хартии*)

Суд богу поручаем;
А славу лишь мечам!..

Уходит.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ 6

Марфа, Сапега, Михаил.

Сапега

Властитель польских стран, великий Казимир,
Дивящий славою и мудростию мир,
К Борецкой тайного посла во мне отправил,
Великой чтоб жене я грамоту представил.

Марфа
(*не принимает грамоты*)

Гражданка Новграда не знает королей;
Их грамот не берет: они – невнятны ей.

Сапега

Но знают короли во всех концах вселенны
Величие твое и доблести отменны;
Известна Марфа всем народам и царям,
И все уста гласят хвалу твоим делам.
Хотя ж дивится всяк, не всякий оценяет
Ту доблесть, Марфа чем, как яркий луч, блистает;
Потребно доблестьми, геройством обладать,
Чтоб цену истинну добротам сим познать:
Добротами мой князь вселенну удивляет,
И чтить великую великий прямо знает.
Блаженна та страна, в союзе с кем живет
Великий Казимир; но та в пучине бед,
Котора, буйствуя, с героем сим враждует.

Марфа гордо садится.

От стран Московских к вам ветр бранный ныне дует;
Заступу Казимир вам твердую дает;
Просите – грозна рать, как буря, потечет
И скроет Новгород литовскими щитами...

Марфа задумывается.

Когда ж от бедствий злых сей град спасется нами,

Марфа грозно взглянула.

Тогда новградские признательны сердца
Спасителя от бед возлюбят как отца.
Великий Казимир почтет себе то славой,
Коль счастье под его блаженною державой
Клонящась к гибели страна себе найдет;
Новград его царем…

Марфа
(*быстро встав*)

Вовек не наречет!
Спасать нам Казимир свободу обещает;
И что ж к спасению? он рабство предлагает.
Нет, мудрый твой король Борецкия не знал,
Коль гнусности от ней толикой ожидал.
Мы нужды в помощи поляков не имеем;
Свободу любим мы и защищать умеем.

Сапега

Ужасен Иоанн, и нрав его жесток,
Готовит Новграду он лютый самый рок.
Победою над ним напрасно вы не льститесь,
И лучше дружеству, не копьям, покоритесь.

Марфа

Стократно нам милей под градом погребстись
Рукою княжеской, чем вашею спастись.

Сапега

Чем драгоценнее победу покупают,
Тем победители лютее поступают.
По стогнам хлынет кровь жен, старцев и детей,
Погибнет Новгород от гордости твоей,
И тени сограждан, толпами что увянут,
«За что сгубила нас?» – взывать всечасно станут;
А стон вдовиц, их плач и сирых скорбный вой
Всё сердце иссушат и век отравят твой.

Марфа

Борецку устрашить напрасно ты радеешь,
Победные ж права ты худо разумеешь.
Чтит храбрый храброго сраженна и в бедах;
А робкий – презрен и у робкого в глазах.

Сапега

Не должно случаю вверять себя чрезмерно;
Разумней предпочесть неверному, что верно.
Надменность вольности вам днесь не сохранит,
Но осторожность есть...

Марфа

Тиранов мрачный щит.
Но ты скажи, когда с российскими сынами
Поляки не были лютейшими врагами?
И слову польскому когда мир верить смел?..
Как мог ты возмечтать, чтоб Новград захотел
Пред вероломством пасть смиренно на колени?
Героев Новграда в селеньях райских тени!..
Вы оскорбляетесь сей дерзостной мечтой!..
Спокойтесь! – не владеть полякам сей страной.
Назначено коль нам всевышнего судьбами
Пред Иоанном пасть, – падем в руках с мечами.
Едина с ним у нас по жилам кровь бежит,
И россу одному льзя росса покорить.
А ты – сейчас из стен Новграда удалися.

Сапега

Судьбою сограждан, Борецкая, смягчися.

Марфа

Коль до скончанья дня сих не оставишь стен,
С бесчестием за град ты будешь провожден.
Борецкую народ здесь любит, почитает;
Она в нем ненависть ко всей Литве питает.
Вот королю ответ...

Сапега

Погибнет Новый-град.

Уходит.

Марфа

Да гибнет Польша вся и с памятию чад!

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ 4

Те же и Марфа под стражей.

Иоанн

Приближься и откинь напрасную боязнь.

Марфа

Кому бояться? – мне?.. Пускай свершают казнь.

Иоанн

Я миловать люблю, кто в бездне погибает.

Марфа

Борецкой милости!.. Она их презирает.

Иоанн

Разумный к временам приноровляет нрав.

Марфа

Не мне, льстецам твоим приличен сей устав,
Льстецам, что от тебя и смерть и жизнь имеют,
От взора твоего что в страхе цепенеют.
Борецкой нужды нет свой нрав переменять:
Свободу потеряв, ей нечего терять.

Иоанн

Но жизнь твоя теперь в моей всемощной воле.

Марфа

Новграда не спасла – мне жизнь не надо боле.

Иоанн

Борецку дней своих что нудит не щадить?

Марфа

Боюсь отечества я славу пережить.

Иоанн

К отечеству любовь есть истинно геройство;
Монархи чтут сие души великой свойство.
Счастлив стократ монарх державою своей,
С такими чувствами имеющий друзей!
Будь другом, Марфа, мне, проси щедрот народу;
Все милости даю.

Марфа

Отдай ему свободу.

Иоанн

Свободно подданны живут в моей стране;
Их счастье моего дороже, Марфа, мне;
Рабов я б не хотел владыкой называться:
Не знает раб любить, он знает лишь бояться.
Новград во мне найдет нежнейшего отца,
И первые лучи от княжеска венца
Борецку осветят величием и славой.

Марфа

Гражданке вольной что льстить может под державой!
В свободе кто возрос, кто волею дышал,
Кто все, что мило есть, за вольность потерял,
Кто прахами детей, супруга заклинался
Свободу век хранить – и тот чтобы ласкался
Названьем царского любимого раба!
Свободу заменить держава царств слаба.
Борецкая у ног!.. Борецкая рабою!..

Иоанн

Не льстися, Марфа, ты, не льстись пустой мечтою,
К спасенью Новграда чтоб способы иметь.
Что можешь ты одна?..

Марфа

Свободной умереть.
О тень, дражайша тень любезного мне сына!
Ты за свободу пал, – славна твоя кончина!
Не будешь в робости меня ты упрекать;
Тебя достойною твоя пребудет мать.

Иоанн

Коль мил тебе твой сын, склонися на прошенье,
Щедроты не вменяй царевой в униженье;
Ты к строгостям меня невольным не влеки
И выпустить не нудь перуны из руки:
Я страшным именем гнушаюся тирана;
Отнынь новградская близка мне к сердцу рана.
Великой коль жены я дружество сыщу,
В объятья нежные ей сына возвращу.

Марфа

Не мни, чтобы сей ков успехом увенчался.
Ты хочешь, чтоб мой дух хоть сим поколебался;
Тиран имеет мощь жизнь только отнимать.

Иоанн

А добрый знает царь злословьем презирать;
Твоею клеветой моя не меркнет слава.
Что рек я, то могу.
(*К страже.*)
Введите Мирослава.

Марфа

Пускай сюда, пускай труп сына принесут.
Ты хощешь зреть, мои как слезы потекут;
Тоскою матери ты хочешь утешаться.

Иоанн

Несчастных радостью обык я наслаждаться.
Я, Марфа, сам отец, – умею ощущать,
Как тяжко для души нам сына потерять.
Борецкая! ты мне за сбереженье сына
Услугу окажи; и только ты едина
Душе родительской отраду можешь дать.

Марфа

Враг воли от меня отрады смеет ждать!
О варвар! до чего меня ты унижаешь!
Дай меч – и чувства ты Борецкия узнаешь.

К.Ф. Рылеев

МАРФА ПОСАДНИЦА

Фрагмент I

Была уж полночь. Бранный шум
Затих на стогнах Новограда,
И Марфы беспокойный ум –
Свободы тщетная ограда –
Вкушал покой от мрачных дум.

В полях сверкали огоньки,
Расположась обширным станом
Близ озера и вдоль реки,
Вдали чернели за туманом
Царя отважного полки.

Все было в непробудном сне;
Лишь ратники сторожевые
Перекликались на стене,
И Волхов в берега крутые
Плескал волною в тишине.

[И долго длилась тишина,
Заря на небе зажигалась,
И вся окрестная страна,
И вся природа пробуждалась,
Покоя сладкого полна.]

Покой и мрак среди домов...
Вдруг с Ярославова Дворища
Звон вечевых колоколов –
И грянул, бросив пепелища,
Народ со всех Пяти Концов.

Фрагмент II

Простите вы, поля, долины, реки!
С волнением растерзанной души
Я с вами днесь прощаюся навеки:
Мне суждено окончить дни в глуши.

Твои, о Новгород! разрушены твердыни,
Перед царем легли в⟨о⟩ прах
Окрестности превращены в пустыни
И Марфа гордая в цепях!

Не ездили из Новгорода в степи
Мы на поклон в презренную Орду,
Мы на себя не налагали цепи
И . . . .

[Все кончено: разрушилося Вече,]
[Решилось все в кровавой сече;]
[Как гордый дуб в час грозной непогоды,]
[Покорены свободные народы,]
И вече в прах, и древние права,
И гордую защитницу свободы
В цепях увидела Москва.

[Решать дела привыкли мы на] Вече,
Нам не пример покорная Москва.
За мной, друзья! умрем в кровавой сече
Иль отстоим священные права.
Нам от беды не откупиться златом.
Мы не рабы: мы мир приобретем,
Как люди вольные, своим булатом
И купим дружество копьем.

Все отнял рок жестокий и суровый:
Отечество, свободу, сыновей.
И вместо них мне дал одни оковы
И вечный мрак тюрьмы моей.

Свершила я свое предназначенье;
Что мило мне, чем в свете я жила:
Детей, свободу и свое именье –
Все родине я в жертву принесла.

[Душа моя тверда, как дуб нагорный,
Напрасно бедствия сразить ее хотят.
Вотще ревет и вихрь и ветр упорный]
. . . .
Кто чести друг, кто друг прямой народа...

Что сталось с ней – народное преданье
В унылой робости молчит.
С Посадницей исчезнула свобода,
И Новгород в развалинах лежит.

А.И. Одоевский

СТАРИЦА-ПРОРОЧИЦА

На мосту стояла старица,
На мосту чрез синий Волхов;
Подошел в доспехах молодец,
Молвил слово ей с поклоном:
«Загадай ты мне на счастие,
Ворочусь ли через Волхов».
За Шелонью враны каркают,
Плачет в тереме невеста.
«Гой еси ты, красный молодец!
Есть одна теперь невеста,
Есть одна – святая София:
Обручись ты с ней душою,
Уберися честно ранами
И омойся алой кровью.
Обручися ты с невестою:
За Шелонью ляжь костями.
Если ж ты мечом не выроешь
Сердцу вольному могилы,
Не на вече, не на родину, –
А придешь ты на неволю!»

Трубы звучат за Шелонью-рекой:
Грозно взвевают московские стяги!
С радостным кликом Софии святой
Стала дружина – и полный отваги
Ринулся с берега всадников строй.
С шумом расхлынулись волны, вскипели;
Двинулась пена седая грядой.
Строи смешались, мечи загремели;
Искрятся молнии с звонких щитов,
С треском в куски разлетаются брони;

Кровь потекла... Разъяренные кони
Грудью сшибают и топчут врагов;
Стелются трупы на берег Шелони.
. . . .
. . . .
Кровью дымилося поле; стихал
В стонах прерывных и замер глас битвы.
Теплой твоей, о София, молитвы
Спас не услышит... и Новгород пал.

На мосту стояла старица,
На мосту чрез синий Волхов:
Не пройдет ли красный молодец
Чрез широкий синий Волхов?
Проезжало много всадников,
Много пеших проходило,
Было много изувеченных
И покрытых черной кровью.
Что ж? прошел ли добрый молодец?..
Не прошел он через Волхов.

ЗОСИМА

Новогородская святопись

1

У Борецкой, у посадницы,
Гости сходятся на пир.
Вот бояре новогородские
Сели за дубовый стол,
Стол, накрытый браной скатертью.
Носят брашна; зашипя,
Поседело пиво черное;
Следом золотистый мед
Вон из кубков шумно просится.
Разгулялся пир как пир:
Очи светлые заискрились, –
По краям ли звонких чаш
Ходит пена искрометная? –
На устах душа кипит
И теснится в слово красное.

Кто моложе – слова ждет,
А заводят речь – старейшие
Про святый Софии дом:
«Кто на бога, кто на Новгород?» –
Речь бежала вдоль стола.
«Пусть идет на вольный Новгород
Вся могучая Москва:
Наших сил она отведает! –
Вече воями шумит
И горит заморским золотом. –
Крепки наши рамена,
А глава у нас – посадница,
Новогородца жена.
Много лет вдове Борецкого!
Слава Марфе! Много лет
С нами жить тебе да здравствовать!»
Марфа, кланяясь гостям,
Целый пир обводит взором,
Все встают и отдают
Ей поклон с радушной важностью.
За столом сидел чернец.
Он, привстав, рукою медленной,
Цепенеющим перстом
На пирующих указывал,
Избирал их и бледнел.
Перстьми грозный остановится –
Побледнеет светлый гость.
Все уста горят вопросами,
Очи в инока впились;
Но в ответ чернец задумался
И склонил свое чело.

2

По народной Новгородской площади
Шел белец с монахом,
А на башне, заливаясь, колокол
Созывал на вече.

«Отчего, – спросил белец у инока, –
На пиру Борецкой
На бояр рукою ты указывал
И бледнел от страха?

Что, Зосима, видел ты за трапезой?»
У отца святого
Запылали очи, прорицанием
Излетело слово.

3

«Скоро их замолкнут ликованья,
Сменят пир иные пированья,
Пированья в их гробах.
Трупы видел я безглавые,
Топора следы кровавые
Мне виднелись на челах.
Колокол, на вече призывающий!
Я услышу гул твой умирающий,
Не воскреснет он в веках.
Поднялась Москва престольная,
И тебя, столица вольная,
Заметет развалин прах».

НЕВЕДОМАЯ СТРАННИЦА

Уже толпа последняя изгнанников
Выходит из родного Новагорода,
Выходит на Московский путь.
В толпе идет неведомая женщина,
Горюет, очи ясные заплаканы,
А слово каждое – любовь.

С небесных уст святое утешение,
Как сок целебный, сходит в душу путников,
В них оживает свет очей.
Вокруг жены толпа теснится, слушает;
Услышит слово – сердце расширяется
И усыпляется печаль.

Уже темнеет небо, путь туманится.
Идут... Но в воздух чудная целебница
С пути подъемлется, как пар.
Чело звездами светлыми увенчано,
Чем выше, все летучий стан воздушнее
И светозарнее чело.

В тумане с нею над главами странников
Не ангелы, но, как она, небесные,
Мерцая, медленно плывут.
Плывет она, и с неба слово тихое
Спадает, замирает в слухе путников,
Не прикасаясь до земли.

«Забыта Русью божия посланница.
Мой дом был предан дыму и мечу,
И я, как вы – земли родной изгнанница –
Уже в свой город не слечу.

Вас цепи ждут, бичи, темницы тесные;
В страданиях пройдет за годом год.
Но пусть мои три дочери небесные
Утешат бедный мой народ.

Нет, веруйте в земное воскресение:
В потомках ваше племя оживет,
И чад моих святое поколение
Покроет Русь и процветет».

ИОАНН ПРЕПОДОБНЫЙ

Гробокопатель

1

Уже дрожит ночей сопутница
Сквозь ветви сосен вековых,
Заговоривших грустным шелестом
Вокруг безмолвия могил.

Под сенью сосен заступ светится
В руках монаха – лунный луч
То серебрится вдоль по заступу,
То, чуть блистая, промолчит.

Устал монах... Могила вырыта.
Облокотясь на заступ свой,
Внимательно с крутого берега
На Волхов труженик глядит.

Проводит взглядом волны темные –
Шумя, пустынные, бегут,
И вновь тяжелый заступ движется,
И вновь расходится земля.

Кому могилу за могилою
Готовит старец? На свой труд
Чернец приходит до полуночи,
Уходит в келью до зари.

2

Не саранчи ли тучи шумные
На нивах поглощают золото?
Не тучи саранчи!
Что голод ли с повальной язвою
По стогнам рыщет, не нарыщет?
Не голод и не мор.

Софии поглощает золото,
По стогнам посекает головы
Московский грозный царь.
Незваный гость приехал в Новгород
К святой Софии в дом разрушенный
И там устроил торг.

Он ненасытен: на распутиях,
Вдоль берегов кручинных Волхова,
Во всех пяти концах,
Везде за бойней бойни строятся,
И человечье мясо режется
Для грозного царя.

Средь площади, средь волн немеющих
Блестящий круг описан копьями,
Стоит над плахою палач; –
Безмолвно ждут... вдруг площадь вскрикнула,
Глухими отозвалось воплями
Паденье топора.

В толпе монах молился шепотом,
В молитвенном самозабвении
Он имя называл.

Взглянул... Палач, покрытый кровию,
Держал отсеченную голову
Над бледною толпой.

Он бросил... и толпа отхлынула.
Палач взял плат... отер им медленно
Свой каплющий топор
И поднял снова... Имя новое
Святой отец прерывным шепотом
В молитве поминал.

Он молится, а трупы падают.
Неутолимой жаждой мучится
Московский грозный царь.
Везде за бойней бойни строятся
И мечут ночью в волны Волхова
Безглавые тела.

3

Что, парус, пена ли белеется
На темных Волхова волнах?
На берег пену с трупом вынесло,
И тень спускается к волнам.

Покровом черным труп окинула,
Его взложила на себя
И на берег под ношей влажною
Восходит медленной стопой.

И пена вновь плывет вдоль берега
По темным Волхова волнам,
И тихо тень к реке спускается,
Но пена мимо пронеслась.

Опять плывет... Во тьме по Волхову
Засребрилася чешуя
Ответно облаку блестящему
В пространном сумраке небес.

Сквозь тучи тихий рог прорезался,
И завиднелись на волнах
Тела безглавые, и головы,
Качаясь медленно, плывут.

Людей развалины разметаны
По полусумрачной реке, –
Течет живая, полна ласкою,
И трупы трепетно несет.

Стоит чернец, склонясь над Волховом,
На плечи он подъемлет труп,
И на берег под ношей влажною
Восходит медленной стопой.

КУТЬЯ

Грозный злобно потешается
В Белокаменной Москве.

Не в палатах разукрашенных,
Не на сладкий царский пир
Были гости тайно созваны.
Тихо сели вдоль стола,
Вдоль стола белодубового.
Серебро ли – чистый снег
Их окладистые бороды;
Их маститое чело
С давних лет не улыбается;
Помутился светлый взор.
У радушного хозяина
Братья кровные в гостях:
Новгородские изгнанники.

Чем он братьев угостит?
Нет, не сахарными яствами,
Не шипучим медом солнечным
Угостил он изгнанных семью.
Прошептали песнь отходную
В память павших в Новегороде,
И на стол поставил он кутью.

Грозный злобно потешается
В Белокаменной Москве.
В небе тихо молит София
О разметанных сынах.

Е.П. Ковалевский

МАРФА ПОСАДНИЦА, ИЛИ СЛАВЯНСКИЕ ЖЕНЫ

Историческая трагедия в пяти действиях, в стихах

Трагедия Е.П. Ковалевского была написана молодым автором в начале его обширной и многогранной деятельности, никогда не ставилась и не переиздавалась. Первое действие открывается беседой папских миссионеров Катерини, Мессино и Антонино, обсуждающих далеко идущие планы подчинения православной Москвы Риму при помощи брака новгородской посадницы с польским королем. Между тем в самом Новгороде ширится ропот: еврей Схария с сообщниками распространяют среди православных свое учение; бояре проклинают Марфу за ее гордыню и властолюбие. Однако появление Марфы на площади у Святой Софии сопровождается выражением народной любви к ней. Марфа сообщает народу о надвигающейся опасности: московский посол князь Холмский грозит Новгороду войной. Холмский упрекает Марфу в том, что она призывает сограждан к оружию из личной выгоды. В последних словах Марфы содержатся еще живые воспоминания о любви к Холмскому.

Действие второе полностью происходит в хижине кудесника Феодосия. Выясняется, что дочь старца Ксения влюблена в Холмского и ожидает здесь тайного свидания с ним. Кудесник притворно соглашается на ее брак с Холмским, но втайне хотел бы расправиться с князем. В этом он рассчитывает на помощь Схарии, который просит отдать Ксению ему. После ухода еретика к Феодосию приходит Марфа за толкованием пророческого сна.

В третьем действии Схария в тереме Марфы предсказывает посаднице ее будущее: оказывается, она грезит о царском венце. Приглашенная на совет Марфа обнаруживает свое коварство: она предлагает притворно покориться московскому князю Иоанну и дождаться тем временем литовского войска, обещанного новгородцам вместе с покровительством в обмен на признание власти Литвы. Марфа и почти все бояре присягают на верность Литве.

Действие четвертое начинается у могилы Гостомысла, где Марфа требует присяги литовскому королю Казимиру от бояр и народа. В этом же действии подкупленные Феодосием цыганки смертельно ранят Холмского, и тот, умирая, сообщает Ксении о том, что она еще в детстве была обручена с ним. Он рассказывает девушке о мести Феодосия и просит исполнить последнюю волю – подать знак москвичам и поджечь вечевую башню. В пятом действии Ксения выполняет свое обещание;

город охватывают пожар и паника, московские войска наступают и захватывают Новгород; гибнет сын Марфы Дмитрий. Не видя иного выхода, отвергая жизнь пленников, с презрением к отступникам Марфа с дочерью бросаются в пламя с горящих городских стен.

Далее приводятся следующие фрагменты: действие первое, явления 5–6; действие третье, явление 4; действие пятое, явления 8–9.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ 5

Марфа

Народ! Друзья! В опасности отчизна,
Прельщают нас оковами златыми,
Нам цепи шлет в подарок Иоанн.

Один из народа

Князь очень щедр; он древнее свое
Наследие, искупленное златом
В орде, нам шлет в подарок, щедр Иоанн!

Марфа

Они легки, блестят покуда новы;
Не тяготят, пленяют боле нас;
Когда ж ваш пот и кровь заржавят их...

Народ

И злато, и сребро, и жизнь народа
Во власти все твоей; о Марфа, Марфа,
Не погуби, спаси отечество!

Марфа

Не златом, не стяжанием поносным,
Но острием меча его искупим!

Народ

Война и смерть! Война и смерть врагам!

Марфа

Пускай войдет посол Москвы строптивой,
Народ! Ты сам реши свою судьбу;
А голос мой, как глас гражданки вольной
И равной вам, сольется с гласом правды.

Сходит с возвышения.

ЯВЛЕНИЕ 6

Марфа

О Марфа, ободрись, отчизна гибнет!
Прочь, прочь любовь, лишь слабых жен удел.
(*К народу.*)

Смутились вы от грозных сих речей;
Иль сладок плен, иль битва вам страшна?..
Мы не склоняли выи пред Батыем,
И склоним ли ее перед рабом Татарским!
Стыдись, народ, вот женская рука
За вас свой меч подъемлет первая;
Кто духом смел, те вслед за мной стремитесь!

Холмский

Нет, не за них подъемлешь ты свой меч;
Скажи: для польз и выгод собственных!
Сорвав фату с главы крамольной, Марфа,
Мнишь заменить ее венцом державным,
Мечтаешь им лукавство женщины
Сокрыть; но верь, не свыкнуться ему
Век с длинными власами; лишь шатнешься –
И вмиг венец спадет с главы неловкой!

Делинский

Кто против Бога и великого
Нова-града, кто против доблестной
Посадницы?

Несколько человек
(*устремившись на Холмского*)

Погибни, злой крамольник!
Война, война и гибель злой Москве!

Марфа
(*удерживая народ*)

Остановись, народ!
(*К Холмскому, тихо.*)
Прими же жизнь
От той руки, которую с презреньем
Отвергнул; нет, не в силах мстить любовь.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ 4

Марфа

Когда б венец державный Мономаха
Был раскален в горниле ада, о!
Я и тогда б главу им облачила
(*в сильном волнении, то садится на скамью, то опять встает и стремительно ходит взад и вперед*)
С восторгом; ах, мученья слабы те,
Когда в груди огнь страшный пожирает;
Я тлею вся, как угль перегоревший.
Когда судьба ожесточенная
Не отряхнет с меня прах низкой доли
В сей жизни, – о, пусть я умру в сей миг,
Лишь Княжеской короною венчали б
Мое чело; чтоб сын Новаграда
Мог возвестить потомку дальнему:
Кичливая Москва пред прахом Марфы
Повергласъ ниц! Москва несла ея
Оковы!
(*Помолчав.*)
О, я помню грозный день…
Он заклеймил меня навек позором;
Одна лишь месть изгладит ту печать.
Я помню день, в который Иоанн
Родную кровь пролил на лобном месте;
Отбрызнула на сердце мне та кровь,
И жжет меня, отмщеньем распаляя.
Он, гордый, жизнь мне в поруганье кинул,

Он даже имя Марфы не честил
Отмщением своим… презреть так страшно!
Но женщина еще ужасней мстит!
Еще другой день униженья помню:
Как гордо в день тот Софья в ризах царских
Перед толпой безумною кичилась,
Как громко вой колоколов гудил
Народным кликам в самом Новеграде,
Ликуя торжество Латинянки!
А я… а я в безсильи горестном
Дерзнула лишь… презреть ее… о Боже!
Когда б могла в тот миг сорвать убранство
Венчальное, и ложе брачное
Супругов напитать смертельным ядом!..
Но вот прошла пора кипящая
Весны моей, не греет уж любовь,
Ах, цвет опал, и сердце уж заглохло
Для счастия; но мщение и слава
Не стынут в нас и в хладный час зимы;
Они кипят еще сильней в груди,
Подавленной летами… Боже, Боже!
Когда б могла исхитить скиптр Московский
И гордую чету низвергнуть в прах!..
Пусть згибнет все, за миг безценный тот!

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ 8

Марфа и дочь

Марфа

Ты слышишь ли, о дочь, глас погребальный
Над трупом нашей родины священной;
И ты, ты хочешь жить! И ты, ты дочь
Моя!

Дочь

О, нет! Умрем, умрем, родная!

Марфа

Теперь, ты дочь моя! Умрем как жили.
Прости, прости, священный Новгород,
Родимая земля, омытая
И кровию и потом предков наших;
Ты щедро наградила их; в объятиях
Твоих почиют мирно кости их;
Ах, сколько раз моею ты багрилась!
Не дай же прах свой на чужбине кинуть!
Не отвергай неблагодарную!

(*Обнимая одною рукою дочь, другою знамя.*)

Вот все мои сокровища земные, –
Прими в родное лоно нас!

Дочь

И мне
Ты ласково, родная, улыбалась.

Марфа

Я знаю, что рука свободного
Не заметет мой прах землей родною;
Неблагодарная, не взгромоздит
Кургана векового в память Марфе;
И самый пепл твердыней Новгородских
Над мною разметет кичливый враг;
И слава дел Посадницы Борецкой
В веках померкнет, стухнет… горе мне!
Прими меня!

ЯВЛЕНИЕ 9

Марфа, Дружина Иоанна, Военачальник,
Народ Новгородский и Кудесник

Народ Новгородский

Остановися, Марфа!
Над нами мир и всепрощение!

Военачальник

Прощение, устами Иоанна!

Кудесник

Борецкая, ты счастлива, ты властна
Свободно умереть: умри!.. а я –
Я жив… и вот казнь страшная моя!

Народ

Не покидай, не покидай нас Марфа!

Марфа

Изменники! Смеюсь над вашею
Мольбой, и презираю вас.

Сжимает одною рукою дочь, другою хоругвь и кидается в пламя.

Э.И. Губер

НОВГОРОД

Время пролетело,
Слава прожита,
Вече онемело,
Сила отнята.

Город воли дикой,
Город буйных сил,
Новгород великой
Тихо опочил.

Слава отшумела,
Время протекло,
Площадь опустела,
Вече отошло.

Вольницу избили,
Золото свезли,
Вече распустили,
Колокол снесли.

Порешили дело...
Все кругом молчит,
Только Волхов смело
О былом шумит.

Белой плачет кровью
О былых боях
И поет с любовью
О старинных днях.

Путник тихо внемлет
Песне ярых волн
И опять задремлет,
Тайной думы полн.

Л.А. Мей

ВЕЧЕВОЙ КОЛОКОЛ

Над рекою, над пенистым Волховом,
На широкой Вадимовой площади,
Заунывно гудит-поет колокол.
Для чего созывает он Новгород?
Не меняют ли снова посадника?
Не волнуется ль Чудь непокорная?
Не вломились ли шведы иль рыцари?
Да не время ли кликнуть охотников
Взять неволей иль волей с Югории
Серебро и меха драгоценные?
Не пришли ли товары ганзейские,
Али снова послы сановитые
От великого князя Московского
За обильною данью приехали?
Нет! Уныло гудит-поет колокол...
Поет тризну свободе печальную,
Поет песню с отчизной прощальную...
Ты прости, родимый Новгород!
Не сзывать тебя на вече мне,
Не гудеть уж мне по-прежнему:
Кто на бога? Кто на Новгород?
Вы простите, храмы божии,
Терема мои дубовые!
Я пою для вас в последний раз,
Издаю для вас прощальный звон.
Налети ты, буря грозная,
Вырви ты язык чугунный мой,
Ты разбей края мне медные,
Чтоб не петь в Москве, далекой мне,
Про мое ли горе горькое,

Про мою ли участь слезную,
Чтоб не тешить песнью грустною
Мне царя Ивана в тереме.
Ты прости, мой брат названый, буйный Волхов мой, прости!
Без меня ты празднуй радость, без меня ты и грусти.
Пролетело это время... не вернуть его уж нам,
Как и радость, да и горе мы делили пополам!
Как не раз печальный звон мой ты волнами заглушал,
Как не раз и ты под гул мой, буйный Волхов мой, плясал.
Помню я, как под ладьями Ярослава ты шумел,
Как напутную молитву я волнам твоим гудел.
Помню я, как Боголюбский побежал от наших стен,
Как гремели мы с тобою: «Смерть вам, суздальцы, иль плен!»
Помню я: ты на Ижору Александра провожал;
Я моим хвалебным звоном победителя встречал.
Я гремел, бывало, звучный, – собирались молодцы,
И дрожали за товары иноземные купцы,
Немцы рижские бледнели, и, заслышавши меня,
Погонял литовец дикий быстроногого коня.
А я город, а я вольный звучным голосом зову
То на немцев, то на шведов, то на Чудь, то на Литву!
Да прошла пора святая: наступило время бед!
Если б мог – я б растопился в реки медных слез, да нет!
Я не ты, мой буйный Волхов! Я не плачу, – я пою!
Променяет ли кто слезы и на песню – на мою?
Слушай... нынче, старый друг мой, по тебе я поплыву,
Царь Иван меня отвозит во враждебную Москву.
Собери скорей все волны, все валуны, все струи –
Разнеси в осколки, в щепки ты московские ладьи,
А меня на дне песчаном синих вод твоих сокрой
И звони в меня почаще серебристою волной:
Может быть, из вод глубоких вдруг услыша голос мой,
И за вольность и за вече встанет город наш родной.
Над рекою, над пенистым Волховом,
На широкой Вадимовой площади,
Заунывно гудит-поет колокол;
Волхов плещет, и бьется, и пенится
О ладьи москвитян острогрудые,
А на чистой лазури, в поднебесье,
Главы храмов святых, белокаменных
Золотистыми слезками светятся.

И.И. Лажечников

БАСУРМАН

(отрывок)

В последнем из трех исторических романов И.И. Лажечникова изображена эпоха Ивана III. Действие происходит в Москве, вскоре после присоединения новгородских земель. На службу к великому князю московскому прибывает молодой врач из Италии Антон Эренштейн, воспитанный ученым и лекарем Антонио Фиоравенти. Здесь уже живет придворный архитектор и инженер Аристотель со своим сыном Андреа – брат приемного отца Антона. Сопровождая великого князя, иностранцы посещают вместе с ним темницу, в которой заточены важные государственные преступники и пленники, и среди них Марфа Борецкая.

...Тут великий князь стукнул посохом в решетку. На этот стук оглянулась старая женщина, усердно молившаяся на коленах. Она была в поношенной кике и в убрусе, бедном, но чистом, как свежий снег, в бедной ферязи – седые волосы выпадали в беспорядке, и между тем можно было тотчас угадать, что это не простая женщина. Черты ее были очень правильны; в мутных глазах отражались ум и какое-то суровое величие. Она гордо взглянула на великого князя.

– О ком молилась ты, Марфуша? – спросил великий князь.

– Вестимо, об умерших, – угрюмо отвечала она.

– О ком же именно, если дозволишь спросить?

– Спроси об этом, собачий сын, у моего детища, а твоего названого боярина, что ты зарезал, у Новгорода, что ты залил кровью и засыпал попелом.

– О-го-го!.. Не забыла свою дурь, матушка, господыня великого Новгорода.

– Была-таки, голубчик.

При этом слове она встала.

– Не вздумаешь ли опять?

– Над чем?.. Я сказала, что молюсь об умерших. Твою Москву с ее лачугами можно два раза в год спалить дотла и два раза построить; татаре два века

держали ее в неволе... чахла, чахла и все-таки осталась цела: променяла только одну неволю на другую. А господина Новгорода великого раз не стало, и не будет более великого Новгорода.

– Почем знать!..

– Подними-ка белокаменную в сотню лет.

– Подниму и в десяток.

– Ведь это не в сказке, где так же скоро делается, как и сказывается. Созови ганзейских купцов, которых ты распугал.

– А, торговка, купцов-то жаль тебе более самого Новгорода.

– От моего торга не беднел, а богател он.

– Брякну денежкой, так со всех концов света налетят торгаши на мои гроши.

– Собери именитых граждан, которых ты заточил по разным городам своим.

– Обманщики, плуты, бунтовщики, не стоят этого!

– Когда ж сила виновата!.. Найди живую воду для убитых тобой. Хоть бы ты и это все смог, воли, воли в Новгороде не будет, Иван Васильевич, и Новгороду никогда не подняться. Будет он жить, как зажженный пень, что ни горит-то, ни гаснет. Ведь и я еще живу в тюрьме.

– Окаянная воля и сгубила вас. Посмотрел бы, как повела б ты делом на моем месте.

– Ты свое дело сделал, великий князь московский, я – свое. Не насмехайся же надо мной, в моем заточении, при последних часах моих.

Марфа Борецкая кашлянула и побагровела; она прижала к губам конец убруса, но кровь пробила сквозь него, и Иоанн заметил то, что она хотела скрыть.

– Жаль мне тебя, Марфа, – сказал великий князь ласковым голосом.

– Зорок взгляд!.. Что! радостно?.. Накинь этот убрус на Новгород... Саван богатый!.. – усмехаясь, примолвила она.

– К ней! к ней!.. не могу... впустите меня к ней! – закричал Андрюша, обливаясь слезами.

На лице великого князя перемешались сожаление и досада. Он, однако ж, поднял крючок у двери и впустил к Борецкой сына Аристотелева.

Андрей целовал у ней руки. Борецкая ничего не говорила... она грустно покачала головой, и горячая слеза упала на лицо малютки.

– Спроси, сколько лет проживет она, – шепотом сказал великий князь Аристотелю.

– Много, много, месяца три, а может быть только до весенних вод, – отвечал Антон. – Ей не помогут никакие лекарства – кровь верный передовой смерти.

Ответ был передан Ивану Васильевичу так тихо, что Борецкая не могла его слышать; но она махнула рукой и твердо вымолвила:

– Я знала прежде его...

– Послушай, Марфа Исаковна, хочешь? переведу тебя на свободу в другой город.

– В другой город?.. в другую сторону?.. Бог и без тебя позаботится.

– А я хотел было отправить тебя в Бежецкий верх.

– Правда, там была земля наша... Хоть бы умереть на родной земле!

– Так с богом! Молись там на всей воле, строй себе церкви, оделяй нищую братью – казну твою велю отпустить с тобой – и не поминай великого князя московского лихом.

Она улыбнулась. Видали ль вы в устах человеческого черепа что-то похожее на улыбку?..

– Прощай, более не увидимся, – произнес великий князь.

– Свидимся на суде божьем, – был последний ответ Борецкой.

Задумчиво отошел великий князь от тюрьмы ее, задумчиво, не оглядываясь, прошел мимо отделений других пленников, и когда пахнул на него свежий воздух, он перекрестился на ближнюю церковь и примолвил:

– Будешь разве судить раба твоего Ивана, а не князя московского.

В это время с крыльца черной избы открылся перед художником вид места, на котором предполагалось строить храм Успения. И он задумался, улетев туда мыслью и сердцем.

– Знаешь ли что, Аристотель? – сказал ему великий князь, положив ему руку на плечо: – Наготовь мне поболее таких рогаток. Ночью велю ими запирать улицы от пьяных и недобрых людей.

Будто с неба в грязь упал художник; он покраснел и побледнел, взглянул на своего товарища и – ни слова.

Дорогою рассказал он Антону, кто такая была Марфа Новгородская и почему с нею умер на Руси дух общины, из Германии занесенный в Новгород и Псков духом торговли; но не сказал, о чем были последние слова великого князя.

Р.Д. Ступишин

МАРФА ПОСАДНИЦА, ИЛИ ПОКОРЕНИЕ НОВГОРОДА

Трагедия в пяти действиях

В первом действии новгородские бояре Селезнев и Арбузеев обсуждают перспективу назначения Феофила владыкой в Новгороде; затем собираются в гости к Марфе Алексевне. Марфа и польский вельможа беседуют, и тот предлагает помощь своего короля в обмен на свободу Новгорода. Псковские послы предупреждают о выступлении московского князя против Новгорода, но колеблются принять сторону новгородцев, помня старые обиды. Распространяется слух о том, что посол из Москвы привез складную грамоту. Горожане уже готовы принять все условия князя, но Марфа их переубеждает; она посылает слуг в толпе восстановить народ против посла и требовать войны.

Выступают послы, а тем временем сторонники Марфы провоцируют новгородцев. Происходит разделение горожан на группы сторонников Москвы и приверженцев короля польского. Выходит выступать Феофил, но люди Марфы не дают прислушаться к его словам.

Второе действие начинается тем, что пока новгородские военачальники Дмитрий Борецкий и Василий Казимир спорят, как им расположить войско, войско Шуйского разбито москвичами. При помощи псковитян московские силы энергично продвигаются вперед.

Тем временем боярский сын подкупает Упадыша с несколькими товарищами, и они заколачивают железом новгородские пушки. Их застают на месте преступления и убивают.

Некоторые из бояр и дьяков отправляются в стан великого князя искать защиты от произвола посадника Ананьева; Иоанн говорит с Федором Шуйским о своем желании соединить Русь в одну державу: ведь так легче будет сбросить иго Орды. При этом Новгород князь хочет захватить без кровопролития, осадой, так чтобы после сам народ (или некто, кого «подучили») признал его владычество. Некоторые из новгородских дьяков готовы это сделать. Иоанн посылает их в Новгород объявить от его имени, что князь согласен принять власть над городом. Холмский докладывает о новой победе, а также о том, что в плену Селезнев, Арбузеев и Дмитрий Борецкий. Князь велит их немедленно казнить.

Третье действие открывается тем, что ратник рассказывает народу, как москвичи разбили новгородское войско. Новгородцы решают присягнуть Москве, вновь говорят о дурных знамениях, выступают против Марфы.

Послы передают весть об этом Иоанну, но он не спешит, а присланное из Новгорода посольство велит заковать в цепи, и только Феофил остается на свободе. После князь велит своему инженеру Аристотелю строить мост через Волхов, а войску – взять Новгород уже к утру.

В четвертом действии показаны новгородские бедствия: болезни, голод, нищета, смерть. Из окружающих селений приходят разоренные крестьяне за помощью. Вновь в народе возникает желание идти к государю и просить прощения и защиты. При появлении Марфы народ выражает уверенность, что она защитит своих сограждан. Снова и снова волнуется народ, а с народом волнуется и польский вельможа.

Пятое действие. Новгородцы приходят к московскому князю с повинной. Нет послов только от Марфы. Пришедшие принимают все требования Иоанна, и когда тот выступает перед народом в Новгороде, горожане принимают его. Марфу отправляют в темницу в Москву. Великий князь торжественно объявляет новгородцам, что с установлением его власти Россию ожидает величие и процветание.

Далее приводятся отрывки из пьесы: действие третье, явление 6; действие четвертое, явление 1; действие пятое, явление 3.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ 6

Те же и Марфа.
Входит на трибун.

Марфа

Что слышу я, соотчичи мои!
Идти хотите вы в московский стан,
И с унижением молить у князя
Себе пощады. Мыслите ли вы,
Что ожидает вместе с этим вас!
Свободу воли, мысли, чувства! Все!
Чем дорожит так каждый человек,
Хотите добровольно променять
На плаху, топоры и тяжки цепи,
Чем так позорное рабство богато!..
Вы трусы! Недостойны вы названья
Потомков тех, при имени которых
Великий Цареград дрожал. Неужли
В вас не осталось даже капли к славе
Воинственных доспехов и побед...

Да наконец где чувство чести в вас,
Когда не можете вы поддержать
Того великого названия,
Которое купили наши деды
Своею кровью… Вспомните вы это!
Нет, я не верю вам! Не трусы вы!
Новгороду и Софии Святой
Вы не решитесь изменить… Смотрите!
Пред вами женщина стоит и мать,
Которая вчера лишилась сына,
Сложившего главу свою на плахе,
Но знайте, что она сей час готова
Пожертвовать еще другим, но лишь
Спасти б величие Новгорода.
Новгорожане! Слышите вы это!
(*Обнажает меч.*)
Вот обнаженный меч в руке моей,
С которым смело я пойду на крепость
И грудью защищу Святую Софью
От поругания врагов.

Народ

Идем!
Идем за ней! Она нас защитит!

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ 1

Марфа
(*сидит у окна*)

Все тихо! Успокоился народ.
Лишь там вдали еще гул раздается,
Похожий будто на народный говор;
Но может, это мне так показалось.
(*Задумывается.*)
Немало перенес за это время
Ты от врага, мой дорогой народ!
Убито сколько! Сколько вдов, сирот!

Невольно сердце кровью обольется,
Как лишь подумаю об этом... Бедный!
Когда конец твоим страданьям будет.
(*Молчание.*)
Неужели лишится суждено
Тебе свободы – сердцу дорогой!
Что будет из тебя тогда, Новгород,
Краса и слава наших прадедов!
Когда-то гордый, смелый, не терпевший
Ни чьей ты власти над собой, и вдруг –
Падешь ты с униженьем пред стопами
Московского царя и будешь им
В раба покорного ты превращен...
Нет, нет, до этого не допущу
Я ни за что тебя! Скорое все,
От мала до велика, мы умрем
От вражеских ножей и топоров,
Чем потерпеть, чтоб с нашего согласья
Князь победителем вошел сюда.
Сказала это я – и будет так!
(*Немного погодя.*)
О ежели действительно Новгород
Спасет себя от ига Иоанна,
Тогда народ чтить будет имя Марфы
И как святыню передаст его
Из уст в уста, в далекое потомство.
И будет это имя дорогим
Для каждого, кто родину свою
Полюбит так, как я ее люблю.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ 3

Те же и Марфа Посадница, Федор Борецкий, Василий Федоров, Ананьин, Василий Казимер и прочие. Все закованы в цепи.

Иоанн

Э! вот она какая! Подойди
Ко мне поближе. Я не съем... Не бойся!
Воины Марфу подталкивают.

Вот так! Скажи-ка, за какую цену
Хотела Новгород Литве продать.
И сколько Казимир давал тебе?

Марфа

Казнить меня ты можешь, так как я
В руках твоих, но оскорблять –
Я думаю, ты не имеешь права.
Новгорожанка я! И никогда,
Хоть самой смертью угрожали б мне,
Рабынею не сделаюсь ничьей.
Так как же после этого ты мог
Сказать мне, что хотела я продать
Литве Новгород. – Нет, ошибся ты!
Не только, чтобы за металл презренный
Решилась я продать кому Новгород,
Но если б ты, великий князь московский,
Мне предложил бы шапку Мономаха,
То и ее я также оттолкнула б,
Как оттолкнула предложение
Я Казимира, польского царя.

Иоанн

О! о! какая гордая! Посмотрим
То ль запоешь ты, как тюрьму узнаешь.
Возьмите эту бабу и в Москву
Отправьте с колоколом вместе. Там
Ее показывать мы станем всем,
Как все равно чудовище какое.

Марфа

Прощай навеки, Новгород великий!
И ты прощай, мой дорогой народ!
Уж не видать вам золотых тех дней,
Которыми беспечно столько лет
Вполне вы наслаждались… Все погибло!
Как невозможно башне Ярослава
Сказать: восстань! – Так точно и тебе
Нельзя сказать: Новгород, возврати
Свое величие прошедших лет!

О, Господи, в твоих святых все руцах!
Как ты вознес Новгород высоко,
Так точно низко уронил его?..

Плачет. Некоторые из народа также плачут.

3-й из народа

Прости нас, Марфа, если чем-нибудь
Тебя мы оскорбили.

2-й из народа

Бог с тобой?
Молить творца мы будем, чтобы он
Тебя в несчастьи посетил, утешил.

Марфу уводят.

В.И. Аскоченский

МАРФА ПОСАДНИЦА, ИЛИ ПАДЕНИЕ НОВГОРОДА

В.И. Аскоченский – прозаик, журналист, историк – был автором двух пьес. Драма в стихах «Марфа Посадница, или Падение Новгорода» выявляет особенно явные аналогии с трагедией Погодина. Как и у Погодина, главный герой «драматического представления» Аскоченского – народ. В первых двух действиях (автор называет их «картинами», а явления – «переменами») только его и можно видеть на сцене. Лишь в третьей картине появляется Марфа, а в четвертой, последней – Иоанн. Очевидно, что концепция драмы вполне совпадала с официозной линией, но, несмотря на это, пьеса столкнулась с цензурными препятствиями и, написанная в конце 1840-х годов, была опубликована только в 1870. Приводится полностью картина четвертая, перемена 7.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

ПЕРЕМЕНА 7

Царь Иван Васильевич со своею свитой всходит на амвон и садится.

Ну что, Исаковна? Пора нам помириться!
Памятозлобье – грех. Вот с Новгородом я, –
На что упорен был, – дела мои уладил;
Теперь он под рукой моей, и Государем
Меня уже зовет; теперь в родню свою
И я его приму…

Марфа Борецкая

Московский князь Иван…

Царь Иван Васильевич
(*запальчиво*)

Я не московский князь! Я государь Руси!
Москва и Новгород, Рязань и Тверь, и Псков,
И вдоль и поперек, куда ни кинь ты глазом,
Все отчины мои, великая Россия!
Везде, всему я царь, и скипетр самодержаваья
Для всех держу один!..

Марфа Борецкая

А мне нужда какая!
Держи иль не держи – мне это все равно!
Пожалуй, будь себе и царь и государь,
И что ты хочешь, – мне ты все московский князь!
Я родилась, жила, и в гроб пойду свободной
Новогородкой! Ты напрасно не стращай
Очами зверскими меня; не очень я
Боюсь…

Царь Иван Васильевич

Кого – меня? Меня ты не боишься?
Да ведаешь ли ты, что по частям велю
На снедь зверям твое я тело разметать!
Ведь я не Новгород тебе, ведь я тебе не вече,
Что бабой буйною управить не могло!..
(*Останавливается.*)
Да нет бишь, я не то хотел тебе сказать!
Не леть мне с бабою речь грозную терять.
Топор да плаха лишь для удалых голов,
А вашей братии довольно будет розог.

Марфа Борецкая
(*смеется*)

Куда мне жаль тебя, московский князь Иван!
Сучком кольни тебя, а ты уж и в задор
Тотчас войдешь, и рвешь, и мечешь все вокруг,
И слово крепкое бросаешь куда зря.
Вот то-то же и есть! Руси ты господин,
А вот с самим собой ты совладать не мастер.
Что ж было бы с тобой, когда б злодей какой
От сердца оторвал родных твоих детей,
Когда бы на глазах родительских твоих
Терзать и мучить их он беспощадно стал?

Что ж было бы с тобой, когда б родную избу
Пришли раскапывать наемники злодея,
И разметали бы по бревнушку ее?..
Иван Васильевич! Зачем велел ты мне
Пред очи стать твои? Я правду ведь скажу,
А ведь она горька, она ведь очи колет!
Зачем пришел ты к нам? Затем ли, чтобы нас
В детях и внучатах навеки обездолить
И дать законы нам, которы не по нас?

Царь Иван Васильевич

А, матушка, – еще из головы своей
Не выкинула дурь! Не стать ли величать
Тебя по-прежнему великой господыней
Новогородской?

Марфа Борецкая

Да, была-таки, голубчик,
Была, не по твоей я милости была!

Царь Иван Васильевич

А не захочешь ли опять?

Марфа Борецкая

Спасибо, князь!
В честь быть хозяином, коли в дому избыток,
Коль золочеными красна изба углами,
Коли полна она вином и пирогами;
А над лачугою какое уж хозяйство!
Хозяйничай уж сам над тем, что приготовил!
Хозяин знатный ты, уж по началу видно:
Со всех углов избы ты золото поснял,
Дом-чашу полную верх дном оборотил, –
Да ведь и то сказать – свое ль оно тебе?
Тебе бы взять, – а там хоть гинью-гинь оно!

Царь Иван Васильевич

Небось, голубушка, посадская кума!
Коль не увидишь ты, так, может быть, услышишь,
Что под моей рукой ваш Новгород великий
Не меньше ростом стал.

Марфа Борецкая

Что и сказать! Как раз
Вот так и будет все, ни дать ни взять как в сказке!
Да созовешь ли ты к себе купцов ганзейских,
Которых ты мечом да пламем разогнал?
Да вложишь ли ты им хотенье жить с тобой
И честные дела торговые вести?
Да сотворишь ли ты старинных новгородцев,
Что удалью своей за морем-океаном
Гремели как труба? Да где возьмешь теперь
Посадников, бояр…

Царь Иван Васильевич

Изменников, злодеев –
Хотела ты сказать! Не надобно мне их!
Еще вершинки лишь сорвал того я зелья,
А корень-то в земле нетронутым остался;
Да докопаюсь я и вихрем размечу
Тот корень по свету! Я плахи не сниму,
Покуда в головах бродить чад прежний будет
И вольность буйную хоть кто-нибудь помянет!
Что, поняла меня иль нет?

Марфа Борецкая

Как не понять!
Ты так ведь завсегда понятно говоришь –
То кровью, то огнем, то плахой, то мечом, –
Как не понять! Когда б не поняла умом,
Так сердце матери сказало б мне о том,
Что вписано тобой кровавыми строками
В церковный синодик посадницы Борецкой,
Что на подмогу мне, при старости моей
Ребенка слабого оставил лишь!.. Что, князь,
Ты понял ли меня?

Царь Иван Васильевич
(*ласково*)

Марфуша, перестань!
(*Про себя.*)
Как тяжко, Господи, положенное бремя
На рамена мои! Как страшно человеку

Быть над подобными себе владыкой грозным!
(*Вслух.*)
Марфуша! Быть тебе в земле твоей негоже;
На волю я твою охотно отдаю:
Иди себе с твоим, куда похочешь, внуком,
Но лишь не Новгород ты выбирай себе.

Марфа Борецкая
(*смеется*)

Куда как милостив! Тюрьма – везде тюрьма,
Голубчик; клетка, как ни золоти – все клетка!

Царь Иван Васильевич

Так вот как ты меня за ласковость мою
Благодаришь! Еще задумала шутить?
Так знай же: мера есть терпенью моему!
Василий Образец! В Москву ее! Под стражу!
Пусть господыня там поучится смиренью
И спесь безумную маленько поубавит!

Марфа Борецкая

Прощай, московский князь! В Москве твоей недолго
Гостить я буду. Там (*указывает на небо*) уж ждет меня мой сын;
Там подожду и я тебя, и пред Всевышним,
Всевидящим судьей с тобой мы рядом станем!..
Пойдем, мой Васенька! Нас в гости царь зовет!..

Гордо выходит с своим внуком, в сопровождении В. Образца
и нескольких воинов.
Царь Иван Васильевич остается погруженным в глубокую задумчивость.

Н.П. Жандр

МАРФА ПОСАДНИЦА

Драма в пяти действиях

В первом действии новгородские бояре обсуждают возможные последствия грозящей со стороны Москвы опасности. Идет речь о выборе между признанием власти великого князя Иоанна и заключением союза с литовским князем Казимиром. Марфа предполагает, что Иоанн, испугавшись сближения Новгорода с Литвой, согласится сохранить в неприкосновенности права и вольности новгородцев. Среди бояр нет единства: раздаются голоса как за подчинение Москве, так и за неравный союз с Литвой. Встреча Марфы с московским послом Товарковым заканчивается безрезультатно. Вслед за этим выясняется, что намерение искать союза с Литвой не поддерживают сыновья Марфы – Дмитрий и Федор Борецкие. Марфа отправляет своего любовника, Алексея Баторина, к Иоанну с поручением выведать истинные намерения князя.

Во втором действии бояре Сухомлинов и Асташев – сторонники Москвы – вспоминают о вече, на котором союзники Марфы сумели взять верх. Горожане говорят о неблагоприятных знамениях, вспоминают и о видении Зосимы. Дочь Сухомлинова, Настасья, бывшая невеста Баторина, просит посадского сына Володю Буткуса, влюбленного в нее, узнать, есть ли у Марфы жених в Литве, а посланное Марфой в Литву письмо перехватить и отвезти Баторину в Москву.

В начале третьего действия бояре обсуждают, кто мог предать новгородские интересы и вызвать поход князя Иоанна на Новгород. Горожане передают друг другу слухи о жестокостях наступающего московского войска. Дмитрий Борецкий призывает сограждан дать отпор московской рати и просит освободить его от службы посадника с тем, чтобы самому отправиться в бой. Марфа начинает сбор пожертвований на ополчение; новгородцы благословляют воинов.

Действие четвертое начинается в доме Марфы, где после поражения новгородцев встречаются Марфа и Баторин. Выясняется, что именно он открыл московскому князю намерения Марфы и ее сторонников и вызвал тем самым внезапный карательный поход. Мотивом ему послужили ревность и месть: он принял за правду притворные признания Марфы в письме Казимиру. Увидев свою ошибку, Баторин сознает, что погубил Новгород из-за личной обиды. В дальнейшем мы узнаем, что он ушел в Соловецкий монастырь. Марфа и Дмитрий встречаются в темнице. Оказывается, Сухомлинов от имени новгородцев бил челом великому князю о помиловании, и тот проявил милосердие. Но судьба Дмитрия предрешена: он должен быть казнен; мать с сыном прощаются.

Пятое действие представляет сломленную, убитую горем Марфу. Новгородцы осуждают ее, дети дразнят. Она раскаивается в своих действиях. Сухомлинов наставляет ее покаяться перед князем в надежде на помилование. Иоанн при своем появлении объявляет новгородцам милость и обещает сохранить их права при условии полной покорности Москве. Марфа, смиренно просящая Федору пощады, получает прощение и повеление отправиться в Москву. Князь отдает последние распоряжения и призывает народ совместно молиться «за целость и величие Руси».

Далее приводятся отрывки из пьесы: сцена 1 из четвертого действия; сцена 2 из пятого действия.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

СЦЕНА 1

Прежний покой в доме Марфы; на левой стороне стол и кресло.
Марфа. Потом слуга. Потом Баторин.

Марфа
(*сидит в глубокой задумчивости*)

Все кончено. Задавлены – разбиты,
Принижены – судимы – казнены.
Кто судия, и кто ответчик?.. О господь!
Спаси мне сыновей моих, и кару
Пошли на недостойную!.. – А он…
Он изменил!.. – Когда б не он, быть может…

Входит слуга.

Слуга

Боярин Алексей Баторин.

Марфа
(*в сильном изумлении, вставая*)

Здесь?!

Баторин входит в среднюю дверь. Он делает несколько шагов вперед
и потом, остановясь, смотрит пристально на Марфу.
Она сперва не подымает на него глаз, но, когда он приблизился,
смотрит также на него прямо. Немая сцена.

М а р ф а

Я на лице твоем читаю все.

Б а т о р и н

Как в сердце я твоем прочел уж, Марфа.

М а р ф а

Ты что же, переветник, в нем прочел?

Б а т о р и н

Прочел я то, что во сто раз надежней
С тигрицей лютой в логовище жить,
Чем сердцем отвечать твоим приманкам;
Что нет в груди бесчувственной твоей
Ни совести, ни жалости, ни Бога;
Что родину, друзей, семью, все, все
Готова ты отдать крамольной страсти,
Любоначалью в жертву принести.
Я, охмелен твоей коварной лаской,
Отвергнул сердца чистого любовь;
Я, обведен твоей лукавой речью,
Друзьям и делу правды изменил;
Я изменить был близок долгу чести!
Ты чем же заплатила мне за все?
Изменою бездушною, холодной,
Рассчитанной, свершавшейся в тот час,
Когда меня ты клятвой заверяла,
Лобзанием Иуды отвечала
На полную доверчивость мою! –
Все темное отныне стало ясным:
Теперь я понимаю, почему,
Забывши женский стыд, ты согласилась
Скорее мне любовницею стать,
Чем браком, в храме Божьем, сочетаться;
Иной в виду был суженый!..

М а р ф а

Вот как!
Теперь и женский стыд пришелся к слову!
Ты почему ж о нем не говорил,
Когда у ног моих клялся исчахнуть?

Баторин

Тогда тебе я верил; а теперь
Я вижу, был лишь нужен как забава
Для вдовьей прихоти, да как отвод
От глаз чужих намерений преступных.
Но ты во мне ошиблась; заплатить
Сторицею сумел бы я за счастье,
Какое мне несла твоя любовь;
Но быть твоим игралищем, слугою
Позорящему делу…

Марфа

Погоди!
Ты о каком там суженом толкуешь?
Все это ложь.

Баторин
(*показывая ей письмо*)

И это тоже ложь?

Марфа
(*очень смутясь, но потом через минуту оправясь*)

И это ложь.

Баторин

Побойся Бога, Марфа!
Что ж? Скажешь, не твое письмо?

Марфа

Мое.

Баторин

Что ж эти строки к суженому пану:
«Спеши на помощь, победи врагов,
Моя рука тебе наградой будет».
И это ложь?

Марфа

И это ложь.

Баторин

Ну, Марфа,
Доселе, вижу, я тебя не знал!

Марфа

И я тебя не знала; трезвость мужа
Найти в тебе я мнила, и нашла
Одно лишь малодушье старой бабы.
Ты, значит, знаешь все, как и зачем
Писала я письмо такое?

Баторин

Знаю;
Да нечего и знать; слова письма
Собою ясно говорят.

Марфа

Довольно!
Пусть будет так; пусть нужно было мне
Не войско Казимира, не раденье
Слуги его и друга, чтоб спасти
Земли моей свободу от насилья,
А только изменить тебе; пусть так.

Баторин
(*с иронией*)

Не хочешь ли сказать, что ты хотела
Надеждой лишь литовца приманить?

Марфа

Я ничего не говорю.

Баторин

И лучше не говори; отвечу наперед –
Все это ложь.

Марфа
(*в сильном негодовании*)

И я его любила!!!

Баторин
(*насмешливо*)

Любила, да!

Марфа

Так сгинь же с глаз, бездушный!
Ты ненавистен мне, как тот еще
Презренный раб, тот гражданин позорный,
Что выдал Иоанну нас; кого
Своими б я руками задушила,
Когда б попался он мне только.

Баторин

Да?
Ну, этого врага искать не долго;
Он здесь, перед тобою.

Марфа

Ты?!

Баторин

Я сам;
Я грамоту представил Иоанну,
Что к польскому вы слали королю.

Марфа
(*в сильном удивлении, гневно*)

Так это ты, изменник, душегубец,
Так это ты, многоглагольный змей,
Кого я на груди своей согрела?
Ты это продал братьев и меня?
Ты это стал Иудою отчизны?..

Баторин

Об этом лучше ты не говори;
Не я отчизну погубил и продал,
А те глупцы, что увлеклись твоей
Отвагою крамольной. Ты сгубила
Друзей, родных и собственных детей;
Ты навлекла все горе на отчизну,
Через тебя на плахе льется кровь
И люди задыхаются в темницах;

Через тебя десятки матерей
Льют слезы о погибших втуне жертвах,
Через тебя же тысячи других
Лишилися семьи, своей опоры;
Через тебя весь край опустошен
И людям смерть голодная зияет.
Все это совершила ты одна,
Чтоб страсть любоначалия насытить;
И на тебя, уж в недалекий час,
Падет проклятье целого народа;
Придет затем еще и горший час,
Когда не вопль народа, а немолчный
Глас совести твоей заговорит
И назовет тебя – убийцей края!

Марфа

Ты скоро кончишь?

Баторин

Я свое сказал.

Марфа

Так радуйся ж бедам моим, безумный!
Через тебя, кого любила я,
Через тебя, кому не изменила,
Кто мог все зло от родины отвесть,
Погибла я, и Новгород со мною,
Ликуй свою заслугу, и – прощай!

Идет к двери, налево.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

СЦЕНА 2

Входит Иоанн, в сопровождении князя Оболенского-Стриги и большой свиты московских бояр и дружинных воевод. При его приближении все предстоящие низко кланяются, причем некоторые из народа начинают преклонять колена, но по знаку его встают. Придя на свое место, Иоанн останавливается, и в это время колокольный звон умолкает. С минуту тишина.

Иоанн

Внемлите все: посадники, бояре,
Купцы, житые люди, весь народ! –
Я ваших вин высчитывать не стану;
Из них довольно горшую назвать:
Вы изменить отечеству хотели;
Вы польскому сдавались королю!
Вот привело к чему вас ваше вече;
Русь разделить хотели вы вконец. –
Что ж? или вы прошедшее забыли?
Мы мало ль угнетенья и стыда
От раздробленья нашего терпели?
Князья в Орду сбегались на поклон:
Холопами князья служили ханам.
Огонь и меч сих хищников дотла
Посады, села, грады истребляли;
Грабеж, разбой, бесчестье жен, сирот,
Чего годами мы не натерпелись!..
Но более сему уж не бывать. –
Уразумейте ж все вы до едина:
Я требовал покорности от вас
Не из любоначалия, а с целью
Указанною Богом мне самим –
Сплотить, связать всю Руси нашей землю,
Да так, чтоб никакой монгол иль лях
К ней простирать и мысли не дерзали! –
Вам тяжело, но вы меня судить
Не можете. Судить в грядущем будут
Меня и вас лишь люди той поры,
Когда вся Русь, могучая держава
Под скипетром единого царя
Не отбиваться от врагов лишь будет,
А станет и сама грозой врагам.
(*Минуту спустя.*)
Я вам еще оставлю ваш порядок,
Не трону ничего.

Народ
(*кланяясь*)

Иоанн

Но помните! Малейший знак крамолы,
И уж тогда все разом порешу.

Свезу в Москву и вещуна смут ваших,
Чтоб он своим змеиным языком
Не созывал лихих людей на распрю
С единокровной русскою семьей.
Вы поняли?

Голоса из среды бояр, купцов и народа

Так, Государь! Помилуй!
Уйми свой меч!
Гнев преложи на милость!

Иоанн

Уж преложил. Храните лишь свое
Вы крепко целованье, – будем в мире.
Давайте челобитные теперь!

Князь Оболенский обходит народ и принимает челобитные.

Иоанн
(*увидя Марфу, обращается к Сухомлинову*)

Не Марфа ли?

Сухомлинов
(*с низким поклоном*)

Так, Государь, с повинной.

Иоанн делает Марфе знак приблизиться. Марфа, подойдя к нему, преклоняет колено, но Иоанн останавливает это движение.

Марфа

Могучий Государь! Вины моей
Я сознаю... всю... тяжесть и греховность;
Но страшно искупила я ее
Оставленной мне жизнью, смерти горшей!
Я видела, как сына голова
Скатилась по мосткам позорной плахи;
Мне грезилась она потом не раз
Плывущею в потоках крови граждан,
Погубленных... быть может, что и мной!
Как ум мой устоял пред наважденьем,
Как я живу, – не знаю; посмотри,
Я вся седа, – грудь высохла от муки,

Сгорели очи от палящих слез,
На мне один лишь остов человека!
Меня, досель, одна крепила мысль –
(*падает на колена*)
Пасть, государь, к стопам твоим, и если
Не пощадишь ты сына моего,
Молить себе самой позорной казни.
Будь жалостлив! Не дай еще раз зреть
Погибели срамной родного сына;
Не дай мне стать всех кровных палачом.
Не дай с ума сойти мне, милосердный!
(*С рыданием падает ниц.*)

Иоанн
(*подымая ее*)

Встань, Марфа! Не казнить сюда пришел,
Пришел я на союз с моим народом.
Вы целовали крест на верность мне,
И я готов забыть обиды ваши.
Ни одного из тех, кого я мог
Помиловать, не изменяя долгу
Ответчика пред Богом за народ,
Я не казнил, вам хорошо известно;
И тех, кого был вынужден карать,
Карал – Бог это видел – неохотно.
Твой сын Феодор меньше виноват,
И облегчу ему я наказанье;
Тебе ж не оставаться доле здесь;
Я не могу иметь к тебе доверья.
Поедешь ты отныне на Москву;
Там, суеты мирския удаляся,
Потщися ты молитвой и постом
Обресть себе помилованье Бога.

Делает знак Марфе удалиться. Она скрывается в толпе.

Д.Л. Мордовцев

ГОСПОДИН ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД

Историческая беллетристика Д.Л. Мордовцева, принадлежавшего в равной степени русской и украинской литературам, написавшего десятки романов и повестей, была одной из самых читаемых в России XIX в. Невиданный успех его произведений объяснялся не только занимательностью сюжетов, но и живым и образным стилем изложения. Отличительная особенность творчества писателя заключается в воссоздании низовой истории народа и в отстаивании идеи братства славянских народов. В романе «Господин Великий Новгород» отражено отношение автора к той трагедии, которая совершалась в русской истории во второй половине XV в., в период объединения разрозненных земель вокруг Москвы. Автор рассказывает, как власть предержащие, чтобы упрочить свои привилегии, сеяли в народе смуту, толкали его на раскол и братоубийственные войны. Любовь и предательство, политические интриги и кровавые сражения, бытовой и речевой колорит создают неповторимую атмосферу повествования. Далее приводятся в сокращении главы романа «Бес в ребре» у Марфы-посадницы» и «Великий князь Иван Васильевич всея Руси».

«БЕС В РЕБРЕ» У МАРФЫ-ПОСАДНИЦЫ

«Самодержавный мужик» осилил сторонников московской руки. Господин Великий Новгород постановил, а на том и пригороды стали, чтоб от московского князя отстать, крестное целованье к нему сломать, как и сам он его «ежегод» сламливал и топтал под нозе, а к великому князю литовскому и королю польскому Казимиру пристать и договор с ним учинить навеки нерушимо...

– Уж таку-ту грамотку отодрал наш вечной дьяк королю Коземиру, таку отодрал, что и-и-и! – хвастались худые мужики-вечники, шатаясь кучами по торгу, задирая торговых людей, да рядских молодцов, да рыбников и зарясь на их добро.

– Да, братцы, на нашей улице нониче праздник.

– Масляница, брательники мои, широкая масляница! Эх-ну-жги-поджигай-говори!

– Не все коту масляница – будет и великий пост, – огрызались рядские.

Действительно, на том же бурном вече, по усмирении преподобным Зосимою волнения, вечным дьяком составлена была договорная грамота о союзе с Казимиром и вычитана перед народом, который из всей грамоты понял только одно, им же самим сочиненное заключение, – что с этой поры Москве уже не «черной куны и никакой дани и пошлины не платит и всякого московского человека можно в рыло, по салазкам и под «микитки»...

– Можно и московским тивунам нониче в зубы...

– Знамо – на то она грамота!

С грамотою этою Господин Великий Новгород отправил к Казимиру посольство – Афонасья Афонасьича, бывшего посадника, Дмитрия Борецкого, старшего сына Марфы, и от всех пяти новгородских концов по житому человеку.

Ввиду всех этих обстоятельств мужики-вечники совсем размечтались. Поводом к мечтаниям служили приехавшие с князем Михайлом Олельковичем «хохлы» – княжеская дружина, состоявшая из киевлян. Все это был народ рослый, черноусый, чернобровый и «весь наголо черномаз гораздо». Они были одеты пестро, в цветное платье, в цветные сапоги, высокие шапки с красными верхами и широчайшие штаны горели как жар. Новгородские бабы были без ума от этих статных гостей, а мужики так совсем перебесились от заманчивых россказней этих хохлатых молодцов. Приезжие молодцы рассказывали, что в их киевской стороне совсем нет мужиков, а есть только одни «чоловики» и «вте» ходят у них так, как вот они, дружинники, – нарядно, цветно и «гарно».

На основании этих россказней худые мужики-вечники возмечтали, что и они теперь, «за королем Коземиром», будут все такими же молодцами: как эти «хохлы», будут ходить в цветном платье и ничего – «ровно-таки ничевошеньки не делать».

– Уж и конь у меня будет, братцы! Из ушей дым, из ноздрей полымя...

– А я соби, братцы, шапку справлю – во каку!.. Со святую Софию!

Марфа-посадница торжествовала. Ее любимец сынок, красавец Митрюша, был отправлен к королю Казимиру чуть не во главе посольства...

– Млад-млад вьюнош, а поди-на – посольство правит!.. – говорила она своей закадычной «другине» боярыне Настасье Григоровичевой, с которою они когда-то в девках вместе гуливали, а потом, уже и замужем, отай от своих старых, постылых муженьков, с мил-сердечными дружками вожжались. – Во каков мой сынок, мое чадо милое!

– А все по теби честь, по матушке, – поясняла ей другиня Настасья. – Ты у нас сокол.

– Какой!.. Ворона старая.

– Не говори... Вон на тебя как тот хохлач свои воловьи буркалы пялит.

– Какой хохлач?.. – вспыхнула Марфа.

– То-то... тихоня... Себе на уме.

– Ах, Настенька, что ты! Не вем, что говоришь.

– Ну-ну, полно-ка... А для кого брови вывела да подсурмилась?

– Что ты! Что ты!.. Для кого?

– А князь-то на что?.. Олелькович.

Марфа еще более загорелась.

– Стара я уж... бабушка.

– Стара-стара, а молодуху за пояс заткнешь.

Как ни старалась скромничать продувная посадница, однако слова приятельницы, видимо, нравились ей. Это была женщина честолюбивая, привыкшая помыкать всеми. Перебалованная с детства у своих родителей еще, как холеное, «дроченое дитя», которое не иначе кушало белые крупитчатые калачи, как только тогда, когда мать и нянюшка, души не чаявшие в своей Марфуточке, уверяли свое «золотое чадушко», что калачик «отнят у заиньки серенького», которое пило молочко только от «коровушки – золотые рога» и спало в своей раззолоченной «зыбочке» тогда только, когда ее убаюкивал и качал какой-то сказочный «котик – серебряны лапки», – потом перебалованная в молодости своею красотой, на которую «ветер дохнуть не смел», а добрые молодцы от этой красоты становились «аки исступленные», перебалованная затем посадником Исачком, за которого она вышла из тщеславия и который «с рук ее не спускал, словно золот перстень», но которым она помыкала, как старою костригою в трепалке; избалованная наконец всем Новгородом, льстившим ее красоте, богатству и посадничеству, – Марфа обезумела: Марфе был, что называется, черт не брат! Что-то забрала она себе в свою безумную, с «долгим волосом» голову...

– Уж попомни мое слово: быть тебе княгинею... – настаивала приятельница.

– И точно: княгинею новгородскою и киевскою!

– Почто, милая, киевскою?

– А как же?.. Он, хохлач-то, будет киевским князем, а я с ним...

И Марфа задумалась. Лицо ее, все еще красивое, приняло разом мрачное выражение. Она сжала свои пухлые руки и досадливо хрустнула пальцами.

– Что уж и молоть безлепично!.. Я вить давно и сорокоуст справила.

– По ком, Марфуша? – удивилась Настасья.

– По соби, мать моя.

– Как «по соби»?.. Я не разумею тебя.

– Да мне давно сорок стукнуло... А сорок лет – бабий век!

– Токмо не про тебя сие сказано.

Приятельницы сидели в известном уже нам «чюдном», по выражению летописца, доме Борецких, что стоял на Побережье в Неревском конце и действительно изумлял всех своим великолепием.

Марфа то и дело поглядывала своими черными, с большими белками глазами то в зеркало – медный, гладко отполированный круг на ножке, стоявший на угольном ставце, – то в окно, из которого открывался вид на Волхов. Там шли святочные игрища: ребятишки Господина Великого Новгорода катались на коньках, на лыжах и на салазках, изображая из себя то «ушкуйников», то дружину Васьки Буслаева, а парни и девки – золотая молодежь новгородская – просто веселилась. Или, по словам строгого старца Памфила, игумена Елизаровой пустыни, «чинили идольское служение, скверное возмятение и возбешение: и в бубны и в сопели играние, и струнное гудение, и всякие неподобные игры сатанинские, плескание руками и ногами, плясание и неприязнен клич – бесовские песни; жены же и девы – и главами кивание и хребти вихляние...»

Такая-то картина представлялась глазам Марфы, когда взор ее из комнаты, где она сидела с своей другиней, переносился на Волхов, ровная, льдистая поверхность коего вся покрыта была цветными массами. Словно бы живой сад, полный цветов, вырос и двигался по льду и по белому снегу... Милая, давно знакомая картина, но теперь почему-то хватавшая за сердце, заставлявшая вздыхать и хмуриться. Картина эта напоминала ей ее молодость, когда и она могла совершать это «кумирское празднование», греховное, «сатанинское», но тем более для сердца сладостное... А теперь уж ни «главою кивание», ни «хребтом вихляние» – не к лицу ей; а если что и осталось еще, так разве «очами намизание» – вон как эта Настя говорит, будто бы она своими красивыми очами заигрывает с «воловьими буркалами» этого хохлача князя...

– Ах, скоморохи! Смотри, Марфуша, в каких они харях! И гусли у них, и бубны, и сопели и свистели разны...

– Вижу. То знамые мне околоточные гудошники.

– Знаю и я их... Еще нам ономедни действо они творили, как гостьище Терентьище у своей молодой жены недуг палкой выгонял... А недуг-то испужался и без портов в окно высигнул.

Приятельницы переглянулись и засмеялись – молодость вспомнили...

В это время в комнату вбежал хорошенький черноглазенький мальчик лет пяти-шести. На нем была соболья боярская шапочка с голубым верхом, бархатная шубка – «мятелька», опушенная соболем же, голубые сафьянные сапожки и зеленые рукавички. Розовые щечки его горели от мороза, а черные как смоль волосы, подрезанные скобой на лбу, выбивались из-под шапочки и кудряшками вились у розовых ушей. За собою мальчик тащил раззолоченные сусальным золотом салазки с резным на передке коньком.

– Баба-баба, пусти меня на Волхов, – бросился мальчик к Марфе.

– Что ты, дурачок?.. Почто на Волхов? – ласково улыбнулась посадница, надвигая ребенку шапку плотнее.

– С робятками катацца... Пусти, баба.

– Со смердьими-ту дитьми? Ни-ни!

– Ниту, баба, – не со смердьими – с боярскими... Вася-посаднич... Гавря-тысячков... Пусти!

– Добро – иди, да токмо с челядью...

Мальчик убежал, стуча по полу салазками.

– Весь в тебя – огонь малец, – улыбнулась гостья.

– В отца... в Митю... блажной.

Скоро приятельницы увидели в окно, как этот «блажной» внучок Марфы уже летел на своих раззолоченных салазках вдоль берега Волхова. Три дюжих парня, словно тройка коней, держась за веревки, бежали вскачь и звенели бубенчиками, наподобие пристяжных, откидывая головы направо и налево, а парень в корню даже ржал по-лошадиному. Маленький боярчонок вошел в роль кучера и усердно хлестал по спинам своих коней шелковым кнутиком. За ним поспешали с своими салазками «Вася-посаднич» да «Гавря-тысячков».

– А вон и сам легок на помине.

– Кто, Настенька? – встрепенулась Марфа.

– Да твой-то...

– Что ты, Настенька... Кто?

– Хохлач-то чумазый...

– А-ах, уж и мой!

Действительно, в это время мимо окон, где сидела Марфа с своею гостьею, проезжал на статном вороном коне князь Михайло Олелькович. Он был необыкновенно картинен в своем литовском, скорее киевском одеянии: зеленый зипун с позументами на груди, верхний опашень с откидными рукавами, с красной подбойкой и с красным откидным воротом; на голове – серая барашковая шапка с красным колпаком наверху, сдвинутая набекрень. За ним ехали два вершника в таких же почти одеждах, но попроще, зато в широчайших, желтых, как цветущий подсолнух, штанах.

Проезжая мимо дома Борецких, князь глядел на окна этого дома, и, увидав в одном из них женские лица, снял шапку и поклонился. Поклонились и ему в окне.

– Ишь буркалищи запущает. Ух!

– Это на тебя, Настенька, – отшутилась Марфа.

– Сказывай! На меня-то, курносату репу...

Белобрысая и весноватая приятельница Марфы была действительно неказиста. Но зато богата: всякий раз, как московский великий князь Иван Васильевич навещал свою отчину, Великий Новгород, он непременно гащивал либо у Марфы Борецкой, либо у Настасьи Григоровичевой, у «курносой репы».

– А скажи мне на милость, Марфуша, – обратилась Настасья к своей приятельнице, когда статная фигура Олельковича скрылась из глаз, – я вот

никоим способом в толк не возьму – за коим дедом мы с Литвой путаться на вече постановили, с оным королем, с Коземиром? Вопрошала я о том муженька своего, как он от нашево конца в посольство с твоим Митей к Коземиру посылан был, – так одна от нево отповедь: «Ты, – говорит, – баба дура...»

Марфа добродушно улыбнулась простоте приятельницы, которая не отличалась и умом, а была зато добруха.

– Да как тебе сказать, Настенька, – заговорила она, подумав. – Московское-то чадушко, Иванушко князь, недоброе на нас, на волю новгородскую, умыслил – охолопить нас в уме имеет. Так мы от него, аки голубица от коршуна, к королю под крыло хоронимся, токмо воли своей ему не продаем и себя в грамоте выгораживаем: ни медов ему не варим, как московским князьям дозде варивали, ни даров ему не даем, ни мыта княженецкого, а токмодеи послам и гостям нашим путь чист по литовской земле, литовским – путь чист по новгородской.

– А как же, милая, о латынстве люди сказывают?

– То они сказывают безлепично, своею дуростию.

– А про черный бор сказывали?

– Что ж черный бор! Бор-ту единожды соберем, как и всегда так поводилось, а черную куну будут платить королю токмо порубежные волости – ржевски да великолуцки.

– Так. А хохлач-то почто сидит на Ярославове дворище?

– Он княж наместник, и суд ему токмо судить на владычнем дворе заодно с посадником. А в суды тысячково и влыдычни и монастырски – ему не вступать.

– Так-так... Спасибо. Вот и я знаю топерево. А то на: «дура» да «дура»...

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ ВСЕЯ РУСИИ

Наутро опять звонил вечевой колокол. Опять плачущий голос его разносился по всем концам. Опять вспугнутый ворон делал по небу круги все шире и шире, все выше и выше...

Вечевой звонарь колотил что есть мочи в свой «колоколушко», слезы катились из его одинокого глаза...

– Что, братцы, об чем вечат? Чево звонит вещун наш?

– Да, должно, об хлебе, об борошне: вон жита не хватило, голод в городе...

– Да пшеница, сказывали, есть... Много навезено.

– Пшеница-то, братец, не про нас, житников, припасена, а про богатых, про пшеничников! Вот что!

– Посла нашево, чу, немцы к Каземиру не пропустили... Ни с чем ноне воротился.

– Как же топерево нам быть, братцы?

– Да за князя задаваться пришло, а то измором помрем!

– А князь-от головы нам поди долой, как в Русе вон Марфичу да Селезневу-Губе с товарищи.

– Ну, нас, худых мужиков, не про что, – бояр рази да житых людей?..

Вече готовилось быть бурное. Город наполнен был беглецами со всех новгородских волостей, разоренных московскими ратями, и в Новгороде оказалась недостача хлеба. Уже и теперь чувствовался голод, а что же будет дальше, когда москвичи осадят город! А уже ходят слухи, что великий князь, совершив казни в Русе и отослав важнейших новгородских пленников в Москву, готовился сам идти на Новгород.

Те, которые кричали прежде с голоса Марфы, теперь проклинали ее за «литовские посулы».

– Похвалялась море зажечь, синица-то наша, дуй ее горой!

– Осоромотила нас баба, братцы, – волновались бывшие приверженцы Марфы.

Она не смела показываться народу. Да и ее личное горе было слишком велико: кроме потери сына она потеряла веру в возможность осуществления своих тайных честолюбивых замыслов... Не бывать венцу киевскому и новгородскому на ее буйной голове. В два дня эта голова совсем поседела...

– Это не я, не я, не Марфа! – с ужасом шептала она, увидав себя в металлическом полированном диске, заменявшем тогда зеркало.

Она не верила зеркалу, она брала свои густые косы в руки – они были седые! Она подносила их к свету, расплетала, наматывала на руки – седые, седые!

– Это не мои косы, это – борода посаднича, это волосы Корнила-звонаря! – с горечью повторяла она, – Не мои! Не мои!.. И глаза... – всматривалась она в зеркало, – не мои глаза... Господи!.. Это старуха! – шептала она в отчаянье.

Она слышала звон вечевого колокола и догадывалась, в чем дело...

– Кричи! Кричи до неба! Кричи до Киева, чтоб слышал мой изменник! Кричи, зови Ивана московского!

Она ломала руки, не находила места... А колокол все звонил-надрывался...

– Звони! Звони по Марфе-посаднице...

...Голос Исачка:

– Что это, баба? Зачем ты седенькая стала? И мама лежит – недужна, хворая. Мы с ней вчера ходили смотреть, как Упадыша топили. И мама там испугалась.

Марфа только застонала...

А между тем толпа уже затопила собой вечевую площадь...

– Что – где ваш Коземир? – кричали «худые мужики», приступая с кулаками к сторонникам Марфы, Григоровичу, отцу Остромиры, к Пимену и другим. – Где он?

– Где ваша сука Марфа, что щенят своих не ублюла! Сказывайте!

Те стояли бледные, безмолвные, ожидая народной расправы – с мосту да в Волхов. Но народу было не до того – слишком тяжело было каждому...

По другую сторону, на серединке помоста, стоял посадник с «большими людьми». Василий Ананьин также успел постареть за это время. Лицо его осунулось, умные, ласковые глаза глубоко запали. Разве легко ему было сознавать, что в его именно посадничество такие великие беды обрушились на его город, на всю его страну!..

– Ах, детушки, детушки! Ах, посадничек, посадничек!.. – горестно качал головою вечевой звонарь, обозревая с высоты целое море голов новгородских. – Горьки, сиротски головушки!

Мужики посунулись к посаднику и к «большим людям», снявши шапки.

– Простите вы нас, окаянных! – кланялись они со слезами. – Согрубили мы вам – чинили свою волю да волю Марфину.

– Смилуйтесь, господо и братие, простите! – вопили мужики.

– Смертный час пришел, батюшки! Научите вы нас.

– Не слушались мы вас, больших умных людей, себе на погибель и послушались безумцев, что и сами наглостною смертию пропали и нас под беду подвели...

– Смилуйтесь, родные! Теперь уж будем вас во всем слушать...

– Не будем вам перечить – ни-ни! Ни Боже мой!

– Пощадите нас и животишки наши, отцы родные!

– Не дайте Новугороду пропасть пропадом, миленькие! Идите добивать челом великому князю, чтоб помиловал нас, сирот горьких!

Тогда выдвинулся вперед Лука Клементьев – лукавый старикашка! – тот самый, что воеводил во владычнем полку и с умыслом, по наказу Феофила, опоздал к коростынской битве.

Он разгладил свою бороду, откашлялся...

– Вот то-то, братцы, – начал он, косясь на посадника, – коли б вы бабу не слушали и зла не починали, то и беды б такой не сложилось...

Мужики-вечники кланялись, охали, усиленно сопели, утирая пот с лиц и с затылков: день был жаркий – упека страх!

– Пусто б ей было, бабе-бесу! – ворчали они.

– Сказано – волос долог...

– Где черт не сможет, туда бабу пошлет...

– Так, так, братцы, – подтверждал Лука-лукавец. – Да добро-ста, лих-беда научила вас... Добро и то, что хоть топерево грех да безумие свое познали...

Токмо мы, братцы, – он глянул на посадника, – не можем за экое дело сами взяться, а пошлем от владыки просить у великого князя опасу: коли даст опас – знак, что смирит свою ярость и не погубит своей отчины до конца.

– К владыке, братцы, к владыке! – заревело вече. – Будем просить опасу!

– На Софийской двор, господо вечники, к отцу Фефилу!

– В ноги ему, батюшке, упадем: смилуйся, пожалуй!

Толпа, как вешние воды через плотину, ринулась на Софийский двор.

Великий князь Иван Васильевич, совершив казни в Русе, двинулся с войском к Новгороду и 27 июля остановился на берегу Ильменя для роздыха.

Вечерело. Солнце серебрило косыми лучами небольшую рябь Ильменя, который, казалось, плавно дышал своею многоводною грудью и отражал в себе розоватые облачка, стоявшие на небе, далеко там, над Новгородом. Над станом стоял обычный гул.

Иван Васильевич вышел из своей палатки и в сопровождении братьев родных – Юрия и Бориса и двоюродного Михайлы Андреича, которые соединились с ним на походе, – приблизился к берегу Ильменя. За ними почтительно следовали князья, воеводы, бояре и неизменный ученый посох великого князя – Степан Бородатый.

Иван Васильевич и теперь, как и всегда, казался одинаковым: серьезен, сух и молчалив. Но и на него вид Ильменя с этою массою воды, которая – Иван Васильевич это помнил – принадлежала ему, как и земля, на которой стояли его владетельные козловые с золотом сапоги, с этим мягким голубым небом, которое тоже ему принадлежало, с этим мягким, теплым ветерком, осмелившимся ласкать его русую с рыжцою бороду – и на него, повторяю, сухого и чуждого всякой поэзии, этот вид произвел впечатление.

Он остановился, глянул на бояр, опять на Ильмень, на небо, на зеленевшие леса. Все пододвинулись к нему, заметив мягкость – редкое явление – на задумчивом лице своего господина.

– Красно, воистину красно творение рук Божиих! – сказал он со вздохом.

– Воистину, господине княже, – вставил свое слово Бородатый, – точно красно... Ино сказано есть в Писании: се что добро и се что красно, во еже жити братии вкупе...

– Так, так, – улыбнулся великий князь, – похваляю Степана – горазд воротити Писанием.

Все с почтительной завистью посмотрели на счастливца Степана.

Но Иван Васильевич, взглянув на Ильмень, воззрился в даль и осенил глаза ладонью. Прямо к тому месту, где они стояли, плыло какое-то судно.

– Кажись, новгородское...

– Точно, господине княже, новогородское, – подтвердили бояре. – Иха походка...

– Насад, господине княже, и хоруговь владычня в аере реет...

Великий князь направился обратно в свой шатер. Он не шел – «шествовал»: он догадался, что гордый Новгород смиряется наконец... «Сокрушил гордыню... То-то – не возноси рога», – стучало его жесткое сердце, и он шествовал плавно, ровно, не ступая по новгородской земле, а «попирая» ее...

– Эка шествует! – тихо, холопски любовался сзади Степан Бородатый. – Аки пардуст...

– Аки лев рыкаяй, – поддакнул кто-то из бояр.

– Яко орел... Ишь красота! – похолопил еще кто-то.

Действительно, к берегу пристал новгородский насад. Из насада вышли нареченный владыка Феофил, за ним попы от семи соборов новгородских, старые посадники и тысяцкие и житые люди, по одному от каждого «конца». В числе их находились Лука Клементьев – «лукав человек» и Григорович, отец Остромирушки. За ними слуги выкатили и вынесли из насада «всяки поминки» – взятки или подарки для московских бояр, для братьев великого князя и для него самого. Новгородцы уже знали «московски свичаи и обычаи»: к москвичам нельзя было являться с пустыми руками... «Пустая-де рука ничего не берет, и сухая-де ложка рот дерет».

Тут были и вина, и сукна, и шелка, и объяр, и всякое заморское узорочье...

Начались поклоны, доклады: доложились боярам и поклонились поминками.

Бояре поминки приняли и покрутили головами: «Ммы ничево-ста не могим... и на пресветлыя очи показаться не дерзаем... Мы-ста холопи... мы-ста черви, а не человеки, поношение человеком... Мы-ста доложимся их милостям – родным братцам осударя всеа Русии...»

Доложились их милостям... Поклонились поминками.

Их милости поминки приняли и головами покрутили: «Мы-де тоже ничево-ста не могим... Мы-де тоже холопи великаго князя осударя всеа Русии... Как он... Мы-ста доложимся»...

А новгородцы все кланяются... «Фу! вот земелька! Все кланяйся да кланяйся... Эх, и вышколили их татары на поклонах!»

Доложились великому князю... И слушать не хочет, и на очи не пускает... Сидит «аки вепрь»...

Братья упрашивают, умаливают сжалиться над своею отчиною – положить гнев на милость...

«Не положу, дондеже не сокрушу...»

Но наконец сжалился.

Ввели новгородцев в шатер. Шатер – словно церковь, а на возвышении восседает «сам» – холодный, каменный, как Перун... Бояре и князья полукругом – очей поднять не смеют, и Степан Бородатый шепчет псалом четыредесятый:

– «Помилуй мя, Боже, по велицей...» Ох!

Новгородцы пали ниц. Перун хоть бы векой пошевелил – камень и холод...

– Помяни, Господи, царя Давида, – шепчет «лукав человек» Лука, лежа окарач вместе с прочими...

Сопят новгородцы от непривычки кланяться... Приподнялись – не глядит Перун – это не глаза, а стекла – мертвые, холодные...

Владыка складывает дрожащие руки словно на моление.

– Господине! – со слезами в горле восклицает он. – Великий князь Иван Васильевич всеа Русии милостивый! – Голос его срывается, взвизгивает. – Господа ради, помилуй виновных пред тобою людей Великого Новгорода, отчины своей... – Владыка не может говорить – всхлипывает.

Моргает и «лукав человек»... У кого губы дрожат, у кого руки... А у Перуна все тот же стеклянный взгляд.

– Покажи, господине, свое жалованье! – плачет владыка. – Смилуйся над своею отчиною... Уложи гнев и уйми меч! – выкрикивает он.

Слезы текут по лицу, по бороде... Нет слов, нечего больше говорить... Камень, холодный камень перед ним на возвышении...

– Ох! Угаси, господине, огне на земли и не порушай старины земли твоея... Дай света видеть безответным людем твоим! Смилуйся, пожалуй, как Бог положит тебе на сердце!

Молчит, хоть бы слово, хоть бы движение. Все опять повалились наземь – колотятся головами... А он все такой же каменный...

Стали упрашивать братья. Молчит!

Повалились в ноги бояре – молчит!.. Мол, «сокрушу до конца»...

Бородатый выручил... Он зашуршал бумагой. Великий князь глянул на него и увидел у него бумагу – вспомнил: то была грамота митрополита – сжалиться над Новгородом.

Глаза Перуна ожили, он «прорек», по выражению Бородатаго, «словеса огненны»:

– Отдаю нелюбье свое. Унимаю меч и грозу в земли. Отпускаю полон новгородский без окупа. А что залоги старые и пошлины – и о всем том укрепимся твердым целованьем по старине.

Холодом веяло от этих «огненных словес»... Но на этот раз туча прошла мимо Новгорода.

И.Н. Явленский

МАРФА ПОСАДНИЦА

Драма в трех действиях

Первое действие драмы открывается беседой новгородских посадников Бориса и Долинского, в которой Борис, тревожась о судьбе Новгорода, заговаривает о возможном нападении Москвы. Слыша звук вечевого колокола, Борис вспоминает о Марфе, к которой, по его словам, чересчур «привязалася Литва»: такая привязанность может угрожать независимости Новгорода. Третий посадник, Михаил, также считает дружбу Марфы с Литвой опасной для Новгорода, но в отличие от Бориса и Долинского желает подчинить Новгород московскому князю и отправляет ему донос, в котором особенно ярко описывает «гордыню Борецкую», настраивающую новгородцев против Москвы.

Марфа выступает перед народом на вече, обещая перед московским послом, что в случае опасности Новгород сможет отстоять свою свободу. Посол Холмский, намекая на осведомленность о дружбе новгородцев с Литвой, угрожает войной. Марфа в пламенной речи подтверждает опасения Москвы о близости с Литвой. В конце собрания Холмский объявляет войну Новгороду. Народ назначает Мирослава, сына Марфы, главой новгородского войска.

Вскоре пустынник Феодосий, отец Марфы, признается Долинскому в том, что сын Марфы Мирослав был подменен: на самом деле он – сын дочери Феодосия (бывшего тогда посадником) Пламены, сестры Марфы, и князя московского. Феодосий хочет отомстить Иоанну и договаривается с Долинским о сотрудничестве. Михаил отказывается принимать участие в сборе ополчения.

Второе действие начинается сценой городского вече, на котором Марфа, Борис и Долинский обсуждают с народом грядущую войну. Все, кроме Марфы, высказывают опасения: ведь московская рать огромна; однако ополчение собрано. Новгородцев тревожат дурные знамения: буря, сорвавшая колокола с башни, и «с хвостом глупейшая звезда». Одержана небольшая победа, но успех новгородцев непрочен. Михаил злорадствует, мечтает впустить Иоанна в Новгород и возглавить город. В разгар боя он сам заклепывает все пушки, чтобы город не смог держать оборону.

В третьем действии Новгород уже побежден. Воеводы московские – Образец, Дмитрий и Мстиславский – собрались в зале дворца Ярослава, удивляясь силе и стойкости города, который смогли взять только тройной дружиной.

В третьем явлении показывается сам Иоанн. Ему передают письмо от некоего старца, в котором сказано, что сын великого князя жив и здоров. Иоанн радостно

просит Холмского отыскать его сына, рассказывает ему историю своей любви к Пламене, сестре Марфы.

Дмитрий приносит Иоанну весть о том, что народ его принял.

Иоанн поступает великодушно: доносчика Михаила приказывает выслать, Марфе предлагает выбор – признать московскую власть или уйти в монастырь. Она не соглашается, и даже сын не может ее убедить. Марфа безуспешно пытается заколоться ножом, а после того как ее уводят, Мирослав, тоскуя, убивает себя этим же ножом. После Холмский с пустынником Феодосием рассказывают Иоанну правду о Мирославе. Князя охватывает отчаяние.

Далее приводятся отрывки: действие третье, явление 7, явление 14, явление 16.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ 7

Иоанн

Однако скоро собираться
Ко мне тут званые начнут.
Со всеми трудно объясняться,
Возьми себе ты этот труд.
С одной Борецкою невольно
Придется лично говорить;
А грустно будет мне и больно
Ее упреками дарить!..
Она хоть женщина, но право,
Как патриотка высока!..
И отнеслася мило, здраво,
За честь родного уголка!
С пути ее свернула воля
Да честолюбье – враг людской;
Вот почему ей пала доля
Идти во всем передовой!
Да кто из нас-то без порока?
Я ей простил уже душой!
А если дам два-три упрека,
То за сближение с Литвой!..

Уходят на царскую половину. Опричники впускают в зал Михаила и еще двух посадских, приглашенных вызовом.

ЯВЛЕНИЕ 14

Марфа
(*одна*)

Скорей окончу дни на плахе,
Но не признаю власть твою!
Приятно жить под игом, в страхе,
Забывши волюшку свою?!
Да мне сули все блага мира,
Я всей вселенной не хочу!
Мне кроме воли нет кумира –
Куда хочу, туда лечу!..
А тут живи ты по указке,
Ходи канатным плясуном;
Такое диво только в сказке
Послушать можно вечерком!
Нет, нет! Верна я, неизменна,
И как гранит мой тверд ответ:
Что только воля мне бесценна,
Без ней и счастья в жизни нет!

Входит Мирослав. Марфа бросается к нему, обнимает.

Марфа

Ну как ты милый поживаешь,
И скоро ль рана заживет?

ЯВЛЕНИЕ 16

Иоанн

Ну что, одумалась немного,
И сын наверно умолил?

Марфа

Моя окончена дорога –
Признать тебя мне выше сил!

Иоанн
(*к Мирославу*)

Ну Мирослав, мое терпенье
Пришло к концу; так пусть она

На монастырское моленье
Навеки будет предана!
Простися с нею… и сей час
(*к Дмитрию*)
В Москву везите на покой!

Марфа
(*бросается к сыну*)

Прижмись ко мне в последний раз,
Мой сын несчастный, дорогой!
(*Поцеловав, отходит в сторону.*)
Конец! Конец сердечной боли!..

Подходят опричники, чтобы взять ее.

Уйдите прочь!.. рабы царя!..
Молю – блаженной, прошлой воли,
Взойди вновь, светлая заря!

Вынимает нож и хочет заколоться, но один из опричников схватывает ее руку и нож выпадает на пол.

И умереть-то мне мешают!

Ее держат по руки.

Да жизнь мне те же кандалы!..
Свободы, родины лишают,
Так будут ли мне дни милы?
Прощай, мой сын, моя отрада,
Сумей Борецким кончить век;
Нас в небе ждет, мой друг, награда –
А здесь же жалок человек!..

Ее уводят.

А.А. Навроцкий (Н.А. Вроцкий)

МАРФА ПОСАДНИЦА

На Москве реке, во Кремле святом,
Во дворце своем разукрашенном
Господин Руси и великий князь
Государь Иван сын Васильевич
За столом сидит в своей комнате.
Перед ним стоит Марфа старица,
Дочь купецкая и честна вдова
Новгородского свет-посадника.
Росту среднего и дородная,
Сановитая с головы до ног;
От замужества к властной почести
По достоинству приученная.
Хотя скованы руки белые,
Высоко она держит голову,
Смотрит львицею в очи княжие –
И невольно он перед узницей
Опустил свой взор повелительный.
Говорит она мерным голосом,
Речь умно ведет, с расстановкою.
– Ты послушай, князь, меня старицу,
От моих речей станешь опытней;
Ведь недаром я, с Божьей помощью,
Столько лет жила-управлялася
С буйной вольницей новгородскою!
Покарал вас Бог за усобицы.
И твой род княжой, и твоя вся Русь
Под ярмом, в крови, из последних сил

Сколько лет ползли, извиваючись,
Под татарскою злой ногайкою.
Ну, а Новгород не достался им.
Не добрались к нам за болотами;
Охраняла нас сила Божия
По предстательству Его мудрости.
Не нарушился вечевой уклад,
От былых времен установленный.
Оттого-то в нас и сильна она,
Наша волюшка вековечная.
Ты сломил ее не прямым путем,
Не в честном бою, а раздорами,
Смутой, подкупом, клятвой рушенной,
Византийскою пришлой хитростью.
Что ж, на всех одна воля Божия:
Что назначено, то и сбудется!
Правда, спора нет, и у нас порой
Непорядок был да усобица;
Иногда умом, чаще подкупом
Люди хитрые вольных путали.
Но зато в делах необыденных,
Коль придет беда иль нагрянет враг,
Наши молодцы не терялися,
За княжой кафтан не хваталися,
А в одну семью собираючись,
Мудрых, опытных речи слушали,
И решали все, помолясь вперед,
Как от лиха им избавлятися.
Ох, умен ты, князь! догадался сам,
Что увез от нас с веча колокол.
С ним не только звон, с ним навек увез
Стародавнюю нашу волюшку.
Вижу ясно я, сердцем чувствую,
Что пришел конец Новугороду.
И уж если нам так судил Господь
От твоей руки стать холопами –
Не давай ты, князь, этой волюшке
Без следа вконец миноватися.

Сей ты вольницу новгородскую!
Рассевай ее по своей земле!
Пригодится, верь, во грядущи дни
И сослужит тебе службу честную.
Ведь не вечен день, ночью мерится.
Неравно придет неурядица,
Да твой род княжой замешается,
Так и вся земля расшатается;
Не привыкли ведь без указки жить,
Своим разумом управлятися.
Вот тогда-то, князь, во лихие дни,
От живых корней молодняк частой,
И научит вас, как изжить беду,
Как мирским умом разобратися,
Как почин начать к устроению.
Ведь не с крыши дом новый строится,
А с основ-столбов, в землю кладеных.
…………………………………………..
Ну, спасибо, князь, что хотя меня
Обобрал ты всю, но помиловал;
Не велел казнить, даешь времячко
Во грехах своих разобратися.
И пора уж мне, грешной старице,
К часу смертному приготовиться.
Об одном прошу: как настанет он,
Не лиши меня покаяния;
Не клади запрет на последний зов.
Прикажи прислать старца доброго,
Чернеца-попа настоящего,
Чтобы я пред ним, как пред Господом,
Во грехах моих исповедалась
И, с молитвою на исход души,
С телом грешным разлучилася.
А лишишь меня этой радости,
На себя возьмешь бремя тяжкое,
И ответишь ты перед Господом;
Ведь и твой черед умирать придет.
И замолкла речь вещей старицы,
От души слова, страх не ведавшей.

Повернулася она медленно
И сама пошла в клеть подземную,
В заточение до кончины дней.
Князь Иван ее не удерживал,
Оперся на стол и задумался…
Знать затронуло сердце властное
Речь свободная, новгородская.

Н.К. Рерих

МАРФА ПОСАДНИЦА

По Мсте, красивой, стоят городища. На Тверской стороне во Млеве был монастырь. Слышно, в нем скрывалась посадница Марфа. В нем жила четырнадцать лет. В нем и кончилась. Есть могила Марфы во Млеве. Тайно ее там схоронили. Уложили в цветной кафельный склеп. Прятали от врагов. Так считают. Уже сто лет думают так, и склеп не открыт до сих пор. Чудеса творятся у могилы Марфы. С разных концов новгородской земли туда идет народ. Со всеми болезнями, со всеми печалями. И помогает Марфа. Является посадница в черной одежде с белым платком на голове. Во сне является недугующим и посылает на могилу свою. Идут. Молятся. И выздоравливают. Марфа-заступница! Марфа-помощница всем Новгородцам! Лукавым, не исполнившим обещания, Марфа мстит. Насылает печаль еще горшую. В старую книгу при млевской церкви иереи вписали длинный ряд чудес Марфы. Простодушно вписали вместе с известиями об урожаях, падежах, непогодах.

С Тверской стороны не являются на могилу Марфы. Обаяние ее туда не проходит. К посаднице идут только от новгородских пятин. Идут, почему не знают. Служат молебны. Таинственный атавизм ведет новгородцев ко млевской могиле.

Когда речь идет о национализме искусства, вспоминаю этот путь новгородцев. Мы мало различаем чванный пестрый национализм от мистики атавизма. Пустую оболочку – от внутренних нитей. Мешаются часто последовательности, племенная и родовая.

Уже не смеемся, а только не доверяем перевоплощению. С недоумением подбираем «странные» случаи. Иногда страшимся их. Уже не бросаем их в кучу, огулом. То, что четверть века назад было только смешно, теперь наполняется особым значением.

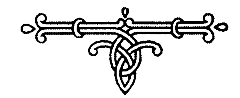
Новые границы проводятся в искусстве. Пестрый маскарад зипуна и мурмолки далеко отделяется от красот старины в верном их смысле. Привязные бороды остаются на крюках балагана.

Перед истинным знанием отпадут грубые предрассудки. Новые глубины откроются для искусства и знания. Именно атавизм подскажет, как нужно

любить то, что прекрасно для всех и всегда. Чарами атавизма открывается нам лучшее из прошлого.

Заплаты бедности, нашивки шутовские нужно суметь снять. Надо суметь открыть в полном виде трогательный облик человеческих душ. Эти образы смутно являются во сне, – вехи этих путей наяву трудно открыть. Время строит сущность земли. Под землею не спрятать того, что нужно народу. Незнаемый никем склеп Новгород помнит. Славит хозяйку. Тайком служит молебен.

Марфа, сильная духом, нам помоги.

Приложения

Л.Г. Фризман

ТЕМА МАРФЫ ПОСАДНИЦЫ И ДРАМА ПОГОДИНА

1

Зачинателем темы Марфы Посадницы в русской литературе был Н.М. Карамзин. Этот образ возникал в произведениях его современников и раньше, но такие попытки были малозначительны, на последующее развитие темы воздействия не оказали, и о них стоит упомянуть лишь из заботы о полноте картины. В конце XVIII в. появилось произведение неизвестного автора, представляющее собой якобы разговор двух женщин, «знаменитой Марфы новгородской и некоей мещанки Ириньи». Однако эти имена названы лишь для отвода глаз, а в стихотворении дан диалог двух епископов и «весьма неуважительное» описание епископского быта[1].

В изданной в 1800 г. обширной поэме М.М. Хераскова «Царь, или Спасенный Новгород» Марфа упомянута единожды и вскользь, в последней, седьмой, песне, но отношение к ней автора и его позиция в конфликте Посадницы с Иоанном выявлены однозначно. Рюрик, ставший новгородским правителем, встречает олицетворенную в облике величественной красавицы Россию, которая являет ему грандиозные картины будущего, в частности, новгородские события:

Нельзя мне без верховной власти,
Рекла Россия, процветать,
Ни трона царского на части
Во мне не должно раздроблять;
Ты зрел во мгле мои пределы,
Когда на княжески уделы
Как вервь расторгнута была;

---

[1] См.: Подпольная поэзия 1770–1800-х годов // Литературное наследство. М., 1933. Т. 9/10. С. 35.

Враги и внутренни и внешны
Дадут мне годы безутешны,
А безначальство корень зла!
Но смутный Новгород забудет
Бурливый бег мятежных лет,
Посаднице послушен будет,
От царской власти отпадет.
Рассудок гаснет в человеке!
Зри темное пятно в сем веке –
Мятеж вторично град затмил.
Смиритель гордыя Казани
Простер с Перуном грозны длани,
Сверкнул! – и бунты усмирил[2]...

Историческую повесть «Марфа-Посадница, или Покорение Новагорода» Карамзин написал в 1802 г. и напечатал в трех первых номерах «Вестника Европы» за 1803 г. В 12-м номере того же журнала появилась его статья «Известие о Марфе Посаднице, взятое из жития св. Зосимы». Акцент в ней сделан на то, что хотя «Марфа-Посадница была чрезвычайная, редкая женщина, современные летописцы не удосужились собрать о ней достаточных сведений: «Не их было ценить характеры. В сказках, в песнях, в преданиях осталось более следов ее, нежели в летописях»[3]. «Известие о Посаднице», обнаруженное им в «Житии св. Зосимы», видится ему как исключение, потому и заслуживающее напоминания.

Но мысль, проведенная Карамзиным в этой статье, глубже и масштабнее. Он говорит о «*галерее*» замечательных русских женщин, которая «открылась бы Ольгою и Гориславою ⟨...⟩ Новейшая русская история имеет также своих знаменитых женщин ⟨...⟩ Одним словом, *галерея славных россиянок* может быть весьма приятным сочинением, если автор, имея талант и вкус, изобразит лица живыми красками любви к женскому полу и к отечеству»[4]. Таким образом, глубинной целью Карамзина было не столько напомнить достаточно скудные и не блещущие новизной сведения о Марфе, почерпнутые им из «Жития св. Зосимы», сколько ввести ее образ в обширный исторический контекст, инициировать необходимость создания полноценной «галереи славных россиянок» и определить место Марфы в этой галерее.

Общепризнано, что все или почти все, кто обращался в XIX в. к теме Марфы Посадницы, опирались при этом на Карамзина. Но не следует забывать, что и сам Карамзин обращался к ней дважды: в повести 1802 г., которую он называл «сказкой, напечатанной в "Вестнике Европы"», и спустя полтора

---

[2] *Херасков М.М.* Царь, или Спасенный Новгород. М., 1800. С. 236–237.
[3] *Карамзин Н.М.* Избранные статьи и письма. М., 1982. С. 136.
[4] Там же. С. 138–139.

десятилетия в 6-м томе «Истории государства Российского». Несомненно, что это позднейшее обращение воспринималось как наиболее авторитетное. Поэтому существенные отличия в оценках Марфы в обоих названных произведениях заслуживают пристального внимания.

В «Истории государства Российского» речь идет не о свободолюбивом и самоуправляемом Новгороде, противостоящем деспотическим устремлениям Иоанна, а о том, кого Новгород хотел бы видеть своим сюзереном – великого князя московского или польского короля Казимира. Уже первое упоминание о Марфе здесь пронизано недоброжелательством и антипатией: «Вопреки древним обыкновениям и нравам славянским, которые удаляли женский пол от всякого участия в делах гражданства, жена гордая, честолюбивая, вдова бывшего посадника Исаака Борецкого, мать двух сыновей уже взрослых, именем Марфа, предприяла решить судьбы отечества. Хитрость, велеречие, знатность, богатство и роскошь доставили ей способ действовать на правительство»[5].

Далее говорится, что «Борецкая, открыв дом свой для шумных сонмищ, с утра до вечера славила Казимира, убеждая граждан в необходимости искать его защиты против утеснений Иоанновых». В результате «Борецкие превозмогли, овладели правлением и погубили отечество, как жертву их страстей личных. Свершилось, чего издавна желали завоеватели литовские и чем Новгород стращал иногда государей московских: он поддался Казимиру, добровольно и торжественно. Действие беззаконное: хотя сия область имела особенные уставы и вольности, данные ей, как известно, Ярославом Великим, однако ж составляла всегда часть России и не могла перейти к иноплеменникам без измены или без нарушения коренных государственных законов, основанных на естественном праве ⟨…⟩ Марфа с друзьями своими делала, что хотела в Новегороде. Устрашаемые их дерзостию, люди благоразумные тужили в домах и безмолвствовали на Вече, где клевреты или наемники Борецких вопили: “Новгород государь нам, а король покровитель!”»[6].

В повести «Марфа-Посадница» акценты расставлены не столь однозначно, и это видно уже из предисловия, предшествующего первой «книге». Карамзин в нем признает, что у каждой из противодействующих сторон была своя правда: «Мудрый Иоанн должен был для славы и силы отечества присоединить область Новгородскую к своей державе: хвала ему! Однако ж сопротивление новгородцев не есть бунт каких-нибудь якобинцев: они сражались за древние свои уставы и права…». Характеристика Марфы не так отрицательна, какой мы видим ее в «Истории государства Российского»: «И летописи и старинные песни отдают справедливость великому уму Марфы

---

[5] *Карамзин Н.М.* Марфа-Посадница, или Покорение Новагорода. Л., 1989. С. 156.
[6] Там же. С. 156–159.

Борецкой, сей чудной женщины, которая умела овладеть народом и хотела (весьма некстати!) быть Катоном своей республики»[7]. Это не гордая, хитрая и велеречивая «жена», какой она предстанет под пером Карамзина позднее, а «чрезвычайная, редкая женщина», по праву входящая в «галерею россиянок, знаменитых в истории или достойных сей чести».

Истоки этих различий коренятся в том, что «Историю государства Российского» писал историк, не имевший других побуждений, кроме как представить истину по Тациту – «без гнева и пристрастия». Но создавая повесть, которую хоть и назвал «исторической» и отметил свое знакомство с летописями, он выявлял себя как писатель и не считал нужным скрывать испытываемые им эмоции. У Погодина этого противоречия не будет или, по крайней мере, оно не выявится в такой степени. И.М. Тойбин был прав, когда причислял его трагедию к «пьесам, созданным не столько художником, сколько ученым»[8]. Как будет показано в дальнейшем, такого убеждения придерживался и сам драматург.

Иное дело Карамзин. Как писал Г.А. Гуковский, «новгородские герои у Карамзина внеисторичны; это – античные герои в духе классической поэтики, и классические воспоминания явственно тяготеют над повестью. Недаром рядом с "вечем" и "посадниками" у Карамзина фигурируют "легионы"»[9]. Отметим, что Гуковский здесь, может быть, неосознанно продолжает мысль, которую высказал в свое время Белинский: «Историческая повесть Карамзина "Марфа Посадница" может служить живым свидетельством его исторического созерцания: герои ее – герои флориановских поэм, и они выражаются обработанным языком витиеватого историка римского – Тита Ливия»[10].

Очень значимо то, что в повести Карамзин создает образ повествователя, который только передает содержание случайно попавшего к нему в руки старинного манускрипта, написанного одним из знатных новгородцев, переселенных великим князем Иоанном Васильевичем в другие города. От себя Карамзин подтверждает, что «все главные происшествия согласны с историею» и добавляет: «Кажется, что старинный автор сей повести даже в душе своей не винил Иоанна. Это делает честь его справедливости, хотя при описании некоторых случаев кровь новгородская явно играет в нем. Тайное побуждение, данное им фанатизму Марфы, доказывает, что он видел в ней только *страстную*, пылкую, умную, а не великую и не добродетельную женщину»[11].

---

[7] Там же. С. 36, 37.

[8] *Тойбин И.М.* Пушкин и философско-историческая мысль в России на рубеже 1820 и 1830 годов. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1980. С. 37.

[9] *Гуковский Г.А.* Карамзин // История русской литературы. Т. 5. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 69.

[10] *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 7. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 599.

[11] *Карамзин Н.М.* Марфа-Посадница... С. 37.

Повесть открывают два монолога, обращенные к новгородцам. Первым говорит князь Холмский, «муж благоразумный и твердый – правая рука Иоаннова в предприятиях воинских, око его в делах государственных, – храбрый в битвах, велеречивый в совете». Он убеждает собравшихся в том, что «народы дикие любят независимость, народы мудрые любят порядок, а нет порядка без власти самодержавной»; что вольность, которую славят новгородцы, – иллюзия, они «также рабствуют»: «Народ! Я говорю с тобою. Бояре честолюбивые, уничтожив власть государей, сами овладели ею. Вы повинуетесь, ибо народ всегда повиноваться должен, – но только не священной крови Рюрика, а купцам богатым»; что под властью Иоанна «Новгород еще более украсится и возвеличится в мире. Вы будете первыми сынами России; здесь Иоанн поставит трон свой и воскресит счастливые времена...». Речь Холмского находит путь к сердцам собравшихся: «Еще продолжается молчание. Чиновники и граждане в изумлении»[12].

Но вот появляется Марфа, «она всходит на железные ступени тихо и величаво» и «вещает». Она искусно и убедительно опровергает доводы Холмского, убеждает новгородцев, что главное их достояние – свобода: «Мы благоденствуем и свободны! благоденствуем оттого, что свободны! ⟨...⟩ Знай, о Новгород! что с утратою вольности иссохнет и самый источник твоего богатства: она оживляет трудолюбие, изощряет серпы и златит нивы...». О социальном расслоении – ни слова, лишь картина всеобщего благоденствия: «цветут области новогородские, поля златятся класами, житницы полны, богатства льются нам рекою».

Марфа отвергает обвинения Холмского в том, что она и ее сторонники готовы изменнически предаться Литве. В сношениях с Литвой находится враг Марфы Михаил Храбрый. Сама же Посадница решительно отказывается от предложенного Казимиром через тайного посла «заступления». «Если всевышний накажет нас раздорами, бедствиями, унижением, тогда – клянемся именем отечества и свободы! – тогда придем не в столицу польскую, но в царственный град Москву, как некогда древние новгородцы пришли к храброму Рюрику; и скажем – не Казимиру, но тебе: "Владей нами! Мы уже не умеем править собою!"». Речь Марфы производит на толпу еще более сильное впечатление: «страшный вопль народа не дал уже говорить посаднице ⟨...⟩ Марфа, стоя на Вадимовом месте, веселится действием ее речи»[13].

Убедительность обоих выступлений – результат не только писательского мастерства Карамзина, но подтверждение того, что в каждой из противоречащих друг другу позиций для него была своя правда. Значительно позднее, в 1818 г., он доверительно писал одному из ближайших своих друзей –

[12] Там же. С. 37–41.
[13] Там же. С. 46–47.

И.И. Дмитриеву: «По чувствам останусь республиканцем, и притом верным подданным царя русского: вот противоречие, но только мнимое!»[14]. Как справедливо отмечал в связи с этим П.А. Орлов, «своеобразие повести Карамзина состоит в том, что симпатии к Новгороду и республиканским порядкам не мешают автору оправдывать завоевание его Москвой, а прославление политики Ивана III не исключает сочувствия новгородцам. Это две стороны одной медали, из которых каждая немыслима без другой»[15].

Можно согласиться и с предположением П.А. Орлова, что на сцену «диспута» между Холмским и Марфой, которой начинается повесть, «оказала влияние одна из сцен трагедии Шекспира "Юлий Цезарь", которую Карамзин перевел и опубликовал в 1787 г. Речь идет о том месте трагедии, где республиканец Брут, а после него Антоний, тайно мечтающий о престоле, обращаются за поддержкой к римскому народу»[16]. При этом особого внимания заслуживает сходство в реакции народа на выступления обоих ораторов. Вначале горячо поддержав Брута, он еще более решительно переходит на сторону Антония. Сходную картину мы видим и у Карамзина.

Через всю повесть проходят подтверждения некой равновеликости обеих враждующих сторон. «Дела славные и великие! Одни русские могли с обеих сторон так сражаться, могли так побеждать и быть побеждаемы. Опытность, хладнокровие мужества и число благоприятствовали Иоанну; пылкая храбрость одушевляла новгородцев, удвояла силы их, заменяя опытность ⟨...⟩ Как Иоанн величием своим одушевлял легионы московские, так Марфа в Новегороде воспаляла умы и сердца»[17].

При этом симпатии Карамзина на стороне Марфы и новгородцев. Как отмечали П.Н. Берков и Г.П. Макогоненко, «отчетливее всего отношение писателя к монархической Москве и республиканскому Новгороду сформулировано в том месте повести, где он заставляет Михаила Храброго рассказывать о сражении "легионов" Иоанна с войсками Мирослава: "Одни сражались за честь, другие за честь и вольность"». При этом авторы высказывают проницательное предположение, что в первом случае «в рукописи Карамзина было "власть", и он либо под давлением цензуры, либо по собственному решению поставил слово "честь"»[18].

Карамзин отказывается от солидаризации с какой-либо одной из сторон. Историческая правота для него на стороне Новгорода, в то же время Новго-

---

[14] Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву. СПб., 1886. С. 249.

[15] *Орлов П.А.* Повесть Н.М. Карамзина «Марфа-Посадница» // Рус. лит. 1968. № 2. С. 192–200.

[16] Там же. С. 199.

[17] *Карамзин Н.М.* Марфа-Посадница... С. 68.

[18] *Берков П.Н., Макогоненко Г.П.* Жизнь и творчество Н.М. Карамзина // *Карамзин Н.М.* Избр. соч.: В 2 т. Т. 1. М.; Л., 1964. С. 52.

род обречен, предзнаменования близкой гибели вольного города оправдываются. Но рок тяготеет и над Иоанном: Холмский, передает толпе обещание Иоанна обеспечить России славу и благоденствие, в ином случае бог накажет клятвопреступника и «исчезнет род его». Карамзин сопровождает эти слова подстрочным примечанием, констатирующим, что и в самом деле «род Иоаннов пресекся»[19].

Спустя несколько лет появляются первые драматические произведения о Марфе Посаднице. То, что общественный запрос на них был налицо, подтверждается статьей А.И. Тургенева, напечатанной в 1804 г. в «Северном вестнике» и призывавшей создать драму о разорении Новгорода, «представить Марфу Посадницу, которая не хочет пережить вольности новгородской»[20].

И, как бы в ответ на него, в 1807 г. в «Драматическом вестнике» (ч. 1, № 7) была напечатана пьеса П.И. Сумарокова «Марфа Посадница, или Покорение Новаграда», а через два года трагедия Ф.Ф. Иванова «Марфа-Посадница, или Покорение Новагорода». Первое из этих произведений обычно приводится как пример консервативной трактовки темы. По содержанию она представляет собой переложение в драматическую форму повести Карамзина, в ней фигурируют те же действующие лица, в том числе вымышленные Карамзиным. Но заимствуя у Карамзина фабульный материал, драматург привнес в него консервативно-монархическую тенденцию.

«Идя на явное нарушение исторической и психологической правды, – писал В.А. Бочкарев, – П.А. Сумароков заставляет саму Марфу посадницу утверждать, что новгородцы проливали свою кровь не за действительную, а “за мнимую вольность”. Что касается связи Марфы с Литвой, то эта связь разоблачается в драме Сумарокова с помощью довольно примитивного приема. Закалываясь, Марфа роняет грамоту, полученную ею от Казимира»[21]. В художественном отношении творение Сумарокова было откровенно слабым, на первый план в нем была выдвинута надуманная любовная интрига, и оно сразу наткнулось на убийственную критику.

В том же «Драматическом вестнике» о ней крайне негативно, с нескрываемой иронией отозвался И.А. Крылов, который, в частности, писал: «Автор, желая украсить свое содержание, выводит Михаила и Димитрия, двух витязей новогородских. Они оба ненавидят Марфу за ее властолюбие, и последний, сверх того, влюблен в дочь ее Ксению. Сия ненависть и любовь обещали бы, по-видимому, много театральных происшествий, но сии витязи столь умеренны в своих страстях, что в продолжение всего представления остаются без всякого с своей стороны действия ⟨...⟩ Что касается до Марфы, то во всех

---

[19] *Карамзин Н.М.* Марфа-Посадница... С. 727.
[20] Северный вестник. 1804. Ч. 2. С. 268.
[21] *Бочкарев В.А.* Русская историческая драматургия начала XIX века (1800–1815 гг.) // Уч. зап. Куйбышевского гос. пед. ин-та им. В.В. Куйбышева. Вып. 25. Куйбышев, 1959. С. 278.

чувствах автор выводит ее героинею. Она поручает в сражении двух сыновей своих Михаилу, своему неприятелю, из уважения к его добродетели; выдает дочь за безвестного Мирослава для того только, что он исполнен достоинств; поручает в правление посаднику Молинскому попечение о внутренней тишине Новгорода во время битвы – словом, везде оказывает благородные и высокие чувства, которые, однако же, несколько противоречат тому, что она в заговоре с Казимиром...»[22].

С.П. Жихарев оставил в дневнике следующую запись: «П. Сумароков скомпоновал преужаснейшую драму "Марфа Посадница", в которой все действующие лица друг за другом убиваются сами или другими, кроме одного, которое остается на сцене для закончения драмы. Марфа представлена героинею, но геройство ее в разладе с здравым смыслом, потому что она в переписке с королем польским Казимиром и умышляет предать ему Новгород и своих сограждан. Хороша героиня! Сумароков настаивал, чтоб этот сумбур представлен был на театре; но князь Шаховской не решился принять его, и поэтому между ними возникло неудовольствие»[23].

Намного более значительным явлением была трагедия Ф.Ф. Иванова. Не будет преувеличением даже сказать, что ей принадлежит этапное место в эволюции рассматриваемой темы. В связи с этим стоит напомнить, что мы на протяжении многих десятилетий начетнически воспринимали утверждение В.И. Ленина, что дворянский период освободительного движения в России продолжался с 1825 по 1861 г. В действительности он начался намного раньше, что ознаменовалось и появлением до 1825 г. декабристских организаций, и созданием значительного количества произведений, которые воплотили идеи дворянской революционности и без которых мы не мыслим декабристский период истории русской литературы.

Справедливости ради отметим, что В.И. Ленин несколько позднее сам скорректировал свою периодизацию. Выступая в Цюрихе с докладом о революции 1905 г., он сказал: «В 1825 году Россия впервые видела революционное движение против царизма, и это движение было представлено почти исключительно дворянами. *С того момента* (т.е. именно в период, который прежде определялся как "дворянский". – *Л.Ф.*) и до 1881 года, когда Александр II был убит террористами, во главе движения стояли интеллигенты из среднего сословия»[24]. Здесь 1825 год – это как бы высшая точка дворянского освободительного движения, момент, когда оно вылилось в революцию, и вместе с тем его завершение – дворяне уступают главенствующую роль интеллигентам из среднего сословия.

---

[22] *Крылов И.А.* Соч.: В 3 т. Т. 1. М., 1945. С. 408–409.
[23] *Жихарев С.П.* Записки современника. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 166.
[24] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч.: В 55 т. Т. 30. С. 315.

Известно, что декабристы не раз обращались к теме Марфы Посадницы как до, так и после восстания на Сенатской площади, и если есть основания говорить о ее декабристской концепции, то начало ей было положено не кем иным, как Ф.Ф. Ивановым. Именно у него налицо попытка представить вечевой строй Новгорода как прообраз демократической республики. При этом игнорировалось как классовое расслоение новгородского общества, где ведущую роль играла купеческо-аристократическая верхушка, так и то, что борьба за объединение русских земель вокруг Москвы вела к усилению мощи и независимости русского государства, а противодействие этому процессу объективно носило реакционный характер.

Однако, как справедливо указывал В.А. Бочкарев, «в условиях обострявшегося кризиса самодержавно-крепостнической системы воспевание новгородской вольности способствовало мобилизации общества на борьбу с самодержавным деспотизмом и потому имело положительное значение. Обращаясь к образам борцов за вольность древнего Новгорода, передовые писатели агитировали с помощью этих образов за введение новых, демократических порядков, хотя и погрешали при этом против исторической истины»[25].

В воспроизведении событий Ф.Ф. Иванов, как и его современники, опирался на Карамзина. В его трагедии фигурируют те же персонажи, что и в карамзинской повести, даже вымышленные Карамзиным Мирослав и пустынник Мефодий попали у Иванова в число действующих лиц. Но сам подход к материалу претерпел существенные изменения, причем не только такие, каких требовал перевод прозаического произведения в драматическую форму. Сентиментальное, чувственное начало было существенно ослаблено, а витийственное, призывное приобрело первостепенную роль. Пустынник Феодосий, фигурирующий у Карамзина как «мудрый и благочестивый отшельник» и «муж святой и добродетельный», предстает у Иванова как грозный мститель.

Но самые убежденные и страстные слова, проникнутые приверженностью к свободе, готовностью бороться за нее до конца жизни, драматург вложил в уста Марфы. Уже при первом своем появлении на сцене она обращается к народу со словами:

Семейство мне драгое!
О вольность, дар небес! О право нам святое!
Клянуся вами я; клянуся вам служить,
Доколе дней моих продлиться может нить![26]

---

[25] *Бочкарев В.А.* Указ. соч. С. 273.

[26] Стихотворная трагедия конца XVIII – начала XIX века / Сост. Н.Д. Кочеткова. М.; Л., 1964. С. 372. В.А. Бочкарев обратил внимание на сходство этих строк с начальными словами радищевской оды: «О *дар небес* благословенный, / Источник всех великих дел...». «В обоих случаях речь идет о вольности. Оба автора называют вольность “даром небес”. Оба говорят

Узнав о предстоящем выступлении «посла Московска царства» Марфа сразу выступает с предостережением:

Народ! Брегись коварства;
Посол есть тайный враг: он мед устами льет
Но в сердце носит яд и пагубу плетет 〈...〉
Полезна ли Москва нам может ныне быть?[27].

В речах Марфы наличествуют слова, буквально перенесенные из повести Карамзина. Поднимаясь на «Вадимово место», она начинает обращение к народу словами, объясняющими и оправдывающими не предусмотренное тогдашними новгородскими обычаями участие женщин в обсуждениях такого рода: «Жена дерзает днесь на вече говорить...», а на предложения Сапеги, посла Казимира, отвечает также по Карамзину: «Стократно нам милей под градом погребтись / Рукою княжеской, чем вашею спастись»[28].

Но что особенно зримо отличает трагедию Иванова от повести Карамзина и, к слову сказать, сближает с трагедией Погодина, это выдвижение на первый план «мнения народного». Марфа выступает как выразительница этого мнения и получает от него неизменные слова поддержки: «Вещай, свободы дщерь, дщерь славы знаменита!», «Отечество спасай», «Свободы будь защита!», «Борецкая! Ты с нами». Как ответ на призывы Марфы звучит «Хор народа»:

Помощник правде Бог – дерзайте!
Милее жизни вольность вам;
Урок ужасный, славный дайте
Неправым, хищным, злым царям! 〈...〉
Пойдем, друзья! И с русским Богом
Уставим грудь с мечом врагам;
Сожжем венки тирана громом
И прах развеем по полям[29].

Совершенно другое отношение народа к Иоанну. Оно выражается восклицаниями: «Падет свободы враг!», «С величья пусть падет так гордый Иоанн, / Коль из героя стал свободных он тиран!», «Умрем, друзья, или его развеем прах!», «Не быть ему, не быть свободных душ тираном!». Один из

о святом "праве" природы. Такое совпадение мы считаем не случайным. Оно свидетельствует, по нашему мнению, о том, что Ф.Ф. Иванов, зная радищевскую оду, сознательно или бессознательно (мы склонны думать, что он это сделал сознательно) употребил при характеристике вольности выражение, употребленное до него Радищевым» (*Бочкарев В.А.* Указ. соч. С. 282).

27 Стихотворная трагедия... С. 373.

28 Там же. С. 379, 397.

29 Там же. С. 400, 401.

персонажей говорит, что предпочтет «в страданьях умереть, / Чем царский гордый трон в стране свободной зреть».

Между тем Иоанн вовсе не изображен в трагедии тираном и извергом. Он любящий отец, стремящийся справедливо управлять своими подданными и применяющий силу лишь с целью защиты государственных интересов. Его собственные переживания переплетены у Иванова с обличением самодержавной тирании и сетования кающегося царя на свою участь, как отмечал В.А. Бочкарев, приобретают характер глубокой критики деспотизма:

Я мнил счастливым быть; напрасны084 упованья!
Заслуги без наград, сирот, вдовиц роптанья,
Невинность в рубище и в золоте злодей
Тревожили мой дух, сон гнали от очей.
Щедроты стал я лить – во зло употребляли;
Я строгости явил – тираном называли.
О, имя лютое для сердца моего!
О небо! Научи, как избежать его[30].

Дело, таким образом, не в личности Иоанна, а в несовместимости деспотизма с общественным благом и интересами народа. Сама Марфа не отрицает «тех добродетелей, чем Иоанн сияет», но лишь до тех пор, пока он не становится душителем свободы: «Пусть славен Иоанн из рода будет в род 〈...〉 Но славен будет пусть и Новгород великой»[31]. Осуждается не конкретный монарх, а царская власть, сама система самодержавия.

Естественно, подобные откровения не могли остаться незамеченными цензурой. Сохранился отзыв, в котором, в частности, говорится: «В сей трагедии противные благопристойности места находятся на следующих страницах 〈...〉 Обнаруженная в оных усерднейшая похвала вольности и в неприличных красках изображенное монархическое правление, кажется, непозволительны для публичных представлений». На отзыве имеется резолюция: «Воспретить представление»[32].

На созвучие трагедии Ф.Ф. Иванова с будущей трактовкой темы Марфы у декабристов обращала внимание Н.Д. Кочеткова: «Будущие слова-сигналы декабристской литературы обретают здесь зримый облик, символизируя понятия свободы и рабства»[33]. Ей же принадлежит проницательное указание и на другой мотив, также сближающий эту трагедию с воззрениями декабристов – суд потомства, память истории. В нем ищет подтверждение правоты

---

[30] Там же. С. 420.
[31] Там же. С. 383.
[32] Там же. С. 612.
[33] *Кочеткова Н.Д.* Трагедия и сентиментальная драма начала XIX в. // История русской драматургии. XVII – первая половина XIX века. Л.: Наука, 1982. С. 208.

своих действий Иоанн: «Неужель буду я потомством осужден?». К нему апеллирует и Марфа: «Вся жизнь моя чиста – потомства не боюсь»[34].

Обращения декабристов к теме Марфы Посадницы немногочисленны, но показательны и существенны. Как отмечал С.С. Волк, «созданная декабристами и поэтами из их окружения легенда о вольностях древнего Новгорода заняла почетное место в арсенале революционной пропаганды тайного общества»[35]. Новгород виделся им наиболее ярким примером древнерусской вечевой свободы и стал поэтому излюбленной темой декабристской поэзии и публицистики. Они игнорировали наличие в нем классовой борьбы и то, что он был в действительности не демократической, а боярской, олигархической республикой.

«Используя древний Новгород как символ республиканской вольности, – продолжает С.С. Волк, – декабристы в общем совершенно не видели темных сторон внутренней жизни феодальной республики, в частности боярской измены во главе с Марфой Борецкой. В событиях 1471 года они видели лишь проявление грубой силы со стороны самовластья и безвинную гибель новгородской "вольности" ⟨...⟩ Рылеев и Раевский к героическому образу тираноборца Вадима приравнивали Марфу Посадницу. Одоевский словами "старицы-пророчицы" призывал новгородцев храбро сражаться в Шелонской битве»[36].

Особого внимания заслуживает незавершенная дума Рылеева «Марфа Посадница», в которой характерная для дворянских революционеров концепция воплощена с наибольшей силой и эмоциональной выразительностью. Общественно-политический смысл и историко-литературное своеобразие знаменитого рылеевского цикла определил в свое время А.А. Бестужев известной лапидарной формулировкой: «Рылеев, сочинитель дум или гимнов исторических, пробил новую тропу в русском стихотворстве, избрав целию возбуждать доблести сограждан подвигами предков»[37]. Героями дум, как правило, были деятели, героическая борьба которых за родину, за свободу, должна была служить предметом подражания для современников. Естественно, поэт не захотел обойти вниманием и Марфу Посадницу.

Хотя дума о ней не была дописана, а дошедший до нас текст представляет собой в сущности черновой набросок, правда, отразивший ход продуманной и тщательной творческой работы[38], в нем отчетливо прослеживается тот общий «покрой», в котором Пушкин видел отличительную особенность рылеевских

---

[34] Там же. С. 207.
[35] *Волк С.С.* Исторические взгляды декабристов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 324.
[36] Там же. С. 339–340.
[37] Литературно-критические работы декабристов / Сост. Л.Г. Фризман. М., 1978. С. 48.
[38] Об истории этого текста см.: *Фризман Л.Г.* Пути поэтической мысли. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1978. С. 21–27.

дум: «Описание места действия, речь героя и – нравоучение»[39]. Описание места действия содержит строфа:

Твои, о Новгород! разрушены твердыни,
Перед царем легли в⟨о⟩ прах,
Окрестности превращены в пустыни,
И Марфа гордая в цепях![40]

Далее следует «речь героя», т.е. в данном случае героини, важнейшую часть этой речи можно видеть в следующих строфах:

[Покорены свободные народы]
И вече в прах, и древние права,
И гордую защитницу свободы
В цепях увидела Москва

[Решать дела привыкли мы на] Вече,
Нам не пример покорная Москва.
За мной, друзья! умрем в кровавой сече
Иль отстоим священные права.

Нам от беды не откупиться златом.
Мы не рабы: мы мир приобретем
Как люди вольные, своим булатом
И купим дружество копьем ⟨…⟩

Свершила я свое предназначенье;
Что мило мне, чем в свете я жила:
Детей, свободу и свое именье –
Все родине я в жертву принесла[41].

Полагаем, что этот текст не нуждается в развернутых пояснениях. Он характеризует не Марфу, а Рылеева. Для автора «Дум» правда истории не стояла на первом плане – главным для него было воспитательное воздействие на современников. Для этих стихов были характерны анахронизмы, на которые ему указывал Пушкин, но бывало, даже пушкинские поправки оставались без внимания. Марфа в его стихотворении – такая, и именно такая, какой должна была быть, чтобы, по его намерению, «возбуждать доблести сограждан».

Не так прямолинейно агитационен этот образ в стихах А. Одоевского, но декабристская концепция прослеживается в них достаточно ясно. Тема первого стихотворения «Старица-пророчица» – битва новгородцев с армией

---

[39] *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 13. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. С. 175.
[40] *Рылеев К.Ф.* Думы. М.: Наука, 1975. С. 117.
[41] Там же.

Иоанна III 14 июля 1471 г. на реке Шелони, предрешившая падение новгородской республики. Вся его тональность и образный строй ориентированы на фольклорную традицию, призванную убедить в том, что в нем выражена не индивидуальная авторская позиция, но народный, а потому как бы неоспоримый взгляд на происходящее. Отсюда устоявшиеся эпитеты: «синий Волхов», «красный молодец», «алая кровь», «сердце вольное», и сам образ пророчицы, предрекающей молодцу его будущее.

Она не столько отвечает на его вопрос: «Загадай ты мне на счастие, / Ворочусь ли через Волхов», сколько внушает, в чем состоит его долг: «обручиться» с Святой Софией, покровительницей Новгорода, и в борьбе за него «убраться ранами», «омыться алой кровью», «лечь костьми», ибо иначе он потеряет свободу – ценность бóльшую, чем жизнь:

Если ж ты мечом не выроешь
Сердцу вольному могилы,
Не на вече, не на родину, –
А придешь ты на неволю![42]

Вторая часть стихотворения – описание битвы. Одоевский резко меняет ритмический рисунок стиха. Вместо неторопливой словесной вязи, ориентированной на придание повествованию фольклорной тональности звучит торжествующий анапест:

Грозно взвевают московские стяги!
С радостным кликом Софии святой
Стала дружина – и полный отваги
Ринулся с берега всадников строй 〈...〉
С треском в куски разлетаются брони;
Кровь потекла... Разъяренные кони
Грудью сшибают и топчут врагов;
Стелются трупы на берег Шелони[43].

Из последующих строк мы узнаем, что неуслышанной оказалась молитва святой Софии – «и Новгород пал». Вновь возникает образ стоящей на мосту старицы, проходят мимо нее всадники и пешие, изувеченные и покрытые черной кровью, но тщетно она высматривает среди них «доброго молодца». Он исполнил свой долг, «и не прошел он через Волхов».

Стихотворение «Зосима», имеющее подзаголовок «Новгородская святопись», – единственное из посвященных этой теме, в котором изображена Марфа. Его название показывает, что источником для Одоевского, как ранее и для Карамзина, послужило «Житие св. Зосимы», содержащиеся в нем

[42] *Одоевский А.И.* Полн. собр. стихотворений / Сост. М. Брискман. Л., 1978. С. 83.
[43] Там же. С. 83, 84.

сведения о новгородской посаднице и о мрачных предвидениях всеведущего чернеца.

Стихотворение начинается картиной пира в доме Борецкой. Гости воодушевлены – их объединяет свободолюбие, готовность постоять за свои исконные права, отразить посягательства на них:

Пусть идет на вольный Новгород
Вся могучая Москва:
Наших сил она отведает! –
Вече воями шумит...[44]

Звучит в их устах поговорка вольных новгородцев «кто против бога и великого Новгорода». Как сообщал С.С. Волк, ее «приводил в 1815 г. Федор Глинка, Александр Бестужев вспоминал об этой поговорке в начале 30-х годов, а Матвей Муравьев-Апостол не забывал о ней даже в 60-х годах. В 1824 г. она была переложена в стихи Кюхельбекером…»[45]. У Одоевского она приобрела такой вид: «“Кто на бога, кто на Новгород?” – / Речь бежала вдоль стола».

Марфа не произносит ни слова, лишь «целый пир обводит взором», а «все встают и отдают / Ей поклон с радушной важностью». Все проникнуты незыблемой верой в нее, ее авторитет неколебим:

А глава у нас – посадница
Новогородца жена.
Много лет вдове Борецкого!
Слава Марфе! Много лет
С нами жить тебе да здравствовать![46]

И лишь всеведущий чернец Зосима, постигший трагическое будущее, бледнеет и указывает на обреченных пирующих «цепенеющим перстом». Когда же у него спрашивают, что он видел за трапезой, почему бледнел, указывая на бояр, «У отца святого / Запылали очи, прорицанием / Излетело слово». Это прорицание вмещено в третью, заключительную главку стихотворения и, видимо, чтобы привлечь к этим строфам особое внимание, Одоевский здесь, как и в «Старице-пророчице», меняет ритмику и переходит на рифмованный стих:

Скоро их замолкнут ликованья,
Сменят пир иные пированья,
Пированья в их гробах.
Трупы видел я безглавые,
Топора следы кровавые
Мне виднелись на челах.

---

[44] Там же. С. 124.
[45] *Волк С.С.* Указ. соч. С. 328.
[46] *Одоевский А.И.* Полн. собр. стихотворений. С. 125.

Колокол, на вече призывающий!
Я услышу гул твой умирающий,
Не воскреснет он в веках.
Поднялась Москва престольная,
И тебя, столица вольная,
Заметет развалин прах[47].

Три последующих стихотворения «Неведомая странница», «Иоанн Преподобный» и «Кутья» воскрешают горестные картины уже покоренного и разоренного Новгорода, но каждое из них вносит в них свои полутона. «Неведомая странница» – это Святая София, покровительница вольного Новгорода. Она покидает его с последней толпой изгнанников, и все они тянутся к ней, потому что каждое ее слово – любовь, от нее исходит святое утешение и усыпляется печаль. Хотя дом ее был предан дыму и мечу, а всех их ждут цепи, бичи, темницы тесные, она призывает верить в земное воскресение, в то что «ваше племя оживет, / И чад моих святое поколение / Покроет Русь и процветет».

В «Иоанне Преподобном» и в последнем стихотворении новгородского цикла – «Кутья» рисуются картины уже покоренного Новгорода, призванные вызвать гнев и ненависть к завоевателю, лишившему вольный город былой свободы и благосостояния. Одоевский, видимо, намеренно стирает грань между присоединением Новгорода к Руси Иоанном III и расправой, учиненной в нем век спустя Иваном Грозным. С гневом и отвращением обрисованная разбойничья, палаческая деятельность другого «московского царя» предстает, таким образом, как следствие действий его предшественника.

Софии поглощает золото,
По стогнам посекает головы
Московский грозный царь.
Незваный гость приехал в Новгород
К святой Софии в дом разрушенный
И там устроил торг[48].

Он «ненасытен», для него «за бойней бойни строятся, / И человечье мясо режется», «и мечут ночью в волны Волхова / Безглавые тела». Таким же предстает московский царь и в «Кутье», в гости к нему созваны «новгородские изгнанники», которым «в память павших в Новегороде» «на стол поставил он кутью».

Грозный злобно потешается
В Белокаменной Москве.
В небе тихо молит София
О разметанных сынах[49].

---

[47] Там же. С. 125–126.
[48] Там же. С. 130.
[49]Там же. С. 133.

Таким образом, в стихах и Рылеева, и Одоевского поэтически воплощена единая, общая для декабристов концепция событий конца XV в.: свобода Новгорода, символом которой выступает Святая София, – это высшая и непреходящая ценность; воспеты доблесть и героическая гибель борцов за эту свободу, а коварная Москва – враг, ненасытный завоеватель, палач, творящий расправы над вольнолюбцами, вызывающий лишь отторжение и отвращение.

Вместе с тем очевидны и отличия в подходах обоих поэтов к новгородской теме. «Марфа Посадница» Рылеева писалась в 1822 или в 1823 г. Революционное выступление против царизма мыслилось тогда как дело будущего. Хотя в думе Новгород уже разгромлен и покорен, разрушены его твердыни, «и Марфа гордая в цепях», главное – это призыв к борьбе за свободу: «Умрем в кровавой сече / Иль отстоим священные права».

Стихи Одоевского были созданы после поражения восстания, в 1829–1830 гг., когда их автор находился в Читинском остроге и на Петровском заводе, и наличествующие в них призывы к борьбе скорее дань прошлому, а главное – скорбь по утраченной свободе и ненависть к угнетателю, который лишил новгородцев их исконных прав, обрек их на рабство и казни. Никакой правомерности в действиях Иоанна, направленных на объединение русских земель, оба поэта не признавали и об этой стороне дела, похоже, даже не задумывались.

Своего рода эхо декабристского подхода к новгородской теме можно видеть в стихотворении Э. Губера «Новгород»:

Время пролетело,
Слава прожита,
Вече онемело,
Сила отнята.

Город воли дикой,
Город буйных сил,
Новгород великой
Тихо опочил.

Слава отшумела,
Время протекло,
Площадь опустела,
Вече отошло.

Вольницу избили,
Золото свезли,
Вече распустили,
Колокол снесли[50].

---

[50] Поэты 1840–1850-х годов / Вступ. ст. и ред. Б.Я. Бухштаба. Л., 1972. С. 147–148.

Особенно показательно, что наибольшее сожаление автора вызывает исчезновение веча, которое «распустили», и оно «онемело», «отошло». Это сожаление свидетельствует о республиканских симпатиях поэта, именно с деятельностью веча связывалось представление о народовластии в вольном Новгороде. Для Губера такая позиция была закономерной. Незадолго до создания этого стихотворения он был заподозрен в сочувствии «вредным и безнравственным» идеям и не получил обещанной ему ранее должности адъюнкт-профессора русской словесности в Инженерном институте. Само же стихотворение входило в подпольные сборники революционных песен, а включение его в 1886 г. в «опыт исторической хрестоматии» «Всемирная Илиада» стало одной из причин цензурного запрещения и уничтожения всего этого издания[51].

Вскоре после Губера к новгородской теме обращается Л. Мей в стихотворении «Вечевой колокол». Как и «Новгород», оно оказалось неприемлемым для цензуры. Впервые оно было напечатано в 1857 г. в Лондоне, в четвертом выпуске герценовских «Голосов из России», а в прижизненные собрания сочинений Мея не включалось. Хотя в нем, как и у Губера, имя Марфы Посадницы не упоминается, примет изображаемого времени в нем столько, что они пронизывают весь текст и не оставляют сомнений в том, о каких событиях идет речь, а сочувствие вольному Новгороду и неприязнь к «враждебной Москве» выражены еще более развернуто и эмоционально, чем это можно было видеть в предыдущем стихотворении.

Уже в первой строфе упомянуты и «товары ганзейские» и «послы сановитые / От великого князя Московского», а последними ее стихами обозначена причина скорби, определяющей тональность всего произведения:

Уныло гудит-поет колокол…
Поет тризну свободе печальную,
Поет песню с отчизной прощальную…[52]

Во второй строфе количество таких деталей нарастает, а мрачность настроения сгущается: колокол скорбит, что ему уж не гудеть по-прежнему, не сзывать Новгород на вече, ибо поет он в последний раз, издает прощальный звон. Воскресает крылатая формула: «Кто на бога? Кто на Новгород?», и он готов лишиться своих медных краев и чугунного языка,

Чтоб не петь в Москве, далекой мне,
Про мое ли горе горькое,
Про мою ли участь слезную,
Чтоб не тешить песнью грустною
Мне царя Ивана в тереме[53].

---

[51] См.: Там же. С. 130, 483.
[52] *Мей Л.А.* Избр. произведения / Сост. К.К. Бухмейер. Л., 1972. С. 151.
[53] Там же.

Как это охотно делали и Марфа, и ее единомышленники, колокол с гордостью вспоминает дни былых побед и то, как он встречал хвалебным звоном победителей, как бежал от Новгородских стен Боголюбский, как дрожали за свои товары иноземные купцы и немцы рижские бледнели, а он, вольный, звал «то на немцев, то на шведов, то на Чудь, то на Литву». Но «прошла пора святая: наступило время бед», «царь Иван меня отвозит во враждебную Москву», и он обращается с прощальным призывом к «старому другу Волхову»:

Разнеси в осколки, в щепки ты московские ладьи,
А меня на дне песчаном синих вод своих сокрой
И звони в меня почаще серебристою волной:
Может быть, из вод глубоких вдруг услыша голос мой,
И за вольность и за вече встанет город наш родной[54].

Но не такие произведения, как «Новгород» Губера и «Вечевой колокол» Мея выражали «дух времени». После поражения восстания 1825 г., когда Погодин работал над своей трагедией, распространение получили разочарование в идеях декабристов и всесторонний пересмотр их наследия. Выдвигалось иное видение вечевого Новгорода. Отрицая героизм и доблесть новгородцев, как легенды, не имеющие реального подтверждения, литераторы говорили о мятежном и буйном характере граждан, их желании перейти под власть католической Литвы. Одной из наиболее заметных работ такого направления были «Исторические исследования о древностях Новгорода» Н.Н. Муравьева. Основная идея этого произведения – доказать, что прославление и возвеличивание Новгорода не имеют под собой оснований.

М.П. Погодин в рецензии на эту книгу отмечал, что это «*новое*» мнение должно послужить толчком к ученым спорам, «от которых должно ожидать много пользы для древней Российской Истории»[55]. Такой в целом положительный отзыв на «Исследования» дает основания полагать, что Погодин был согласен с Н.Н. Муравьевым. Однако заслуживает внимания и мнение Н.П. Барсукова, считавшего, что Погодин напечатал свой хвалебный отзыв по дипломатическим соображениям – из боязни нажить врага, и для смягчения гнева Муравьева, чью книгу уже раскритиковал в «Московском вестнике» С.П. Шевырев. Наряду с такими тенденциями в литературе появилась другая, призывающая принять и поражение восстания декабристов, и подчинение Новгорода Иоанну как историческую неизбежность, как следствие социальных закономерностей. Переосмыслить причины падения Новгорода стремился и Погодин.

---

[54] Там же. С. 152.

[55] *Погодин М.П.* Исторические исследования о древностях Новгорода // Московский вестник. 1828. № 9. С. 292.

2

Михаил Петрович Погодин родился 11 ноября 1800 г. в Москве в семье крепостного управляющего, вскоре получившего вольную. В 1821 г. он окончил словесное отделение Московского университета, а двумя годами ранее был приглашен домашним учителем в аристократическую и высокоинтеллигентную семью Трубецких, в которой на протяжении десяти лет был своим человеком. Он пережил глубокое и длительное увлечение своей ученицей А.И. Трубецкой, которую позднее называл героиней своих повестей. Близость с Трубецкими помогала ему психологически сгладить сословную пропасть, отделявшую его, выходца их крепостных, от аристократического круга.

В середине 1820-х годов Погодин примыкает к «архивным юношам», как с легкой руки С.А. Соболевского стали шутливо называть группу молодых философствующих дворян, служивших чиновниками Московского архива Коллегии иностранных дел. «Архивные юноши» составили ядро «Общества любомудрия» – одного из наиболее значительных литературных объединений 20-х годов. В него входили В.Ф. Одоевский, Д.В. Веневитинов, И.В. Киреевский и др., к которым примыкали М.П. Погодин и С.П. Шевырев. А когда «любомудры» стали издавать свой журнал – «Московский вестник», – именно Погодина избрали его ответственным редактором.

11 сентября 1826 г. в доме Веневитиновых Погодин познакомился с Пушкиным, слушал в авторском чтении «Бориса Годунова», и это положило начало их интенсивному сотрудничеству, продолжавшемуся несколько лет. Неоднозначно относившийся к «любомудрам», Пушкин выделял в их ряду Погодина как сведущего, тактичного и талантливого литератора, гораздо меньше своих товарищей связанного философским догматизмом и узкокружковыми традициями и отношениями.

Писательская деятельность Погодина была относительно недолгой, она приходится на конец 20-х и 30-е годы. За это время он создал три драмы и около полутора десятков повестей. Но и тогда он внутренне ощущал себя прежде всего историком. После защиты в 1825 г. магистерской диссертации «О происхождении Руси» он начинает работать в Московском университете, сначала адъюнктом, а с 1835 г. ординарным профессором по кафедре русской истории. Значительной его заслугой было коллекционирование рукописей, предметов искусства и материальной культуры Древней Руси, представлявших большую научную ценность и составивших впоследствии «Древлехранилище Погодина» в Публичной библиотеке. С годами он переходит на все более консервативные общественные позиции, сближается с правыми славянофилами, становится одним из наиболее убежденных и активных проводников теории «официальной народности».

Замысел трагедии о Марфе Посаднице возник у М.П. Погодина в 1825 г. После защиты в Московском университете в марте этого года магистерской

диссертации по русской истории «О происхождении Руси» он вынашивал многообразные творческие планы, в которые входило и намерение писать трагедии. В декабре по дороге в Петербург он заехал в Новгород, который пробудил в нем волну размышлений о своей будущей героине: «Боже мой! До какого плачевного состояния дожил Новгород. Марфа! Марфа! Если бы ты взглянула на него теперь! Сердце у меня замирало, когда я смотрел на развалившиеся хижины, обрушенные калитки ⟨...⟩ Осталось имя только, и жаль, что оно осталось ⟨...⟩ Вот и Святая София, за которую бились новгородцы ⟨...⟩ Был перед домом Марфы Посадницы»[56]. О дальнейшей конкретизации творческих планов свидетельствует дневниковая запись: «На другом вечере у Перевощикова толковали о драматическом искусстве ⟨...⟩ О если бы написать мне Марфу Посадницу!»[57].

В сентябре 1826 г. он обсуждал свои творческие планы с Пушкиным, и речь тогда шла «о трех предметах из российской истории для трагедии»[58], таким образом, уже сложился план будущей драматической трилогии. А после постановки трагедии А.С. Хомякова «Ермак» появилась дневниковая запись: «В антракте мне представился образ Марфы Посадницы, о которой я давно думал, искав языка»[59].

Еще до этого, в 1820 г., Погодин писал: «Почему не берут предметы трагедий из настоящего времени? Самый глупый предрассудок! ⟨...⟩ *С гораздо большим успехом можно обрабатывать предметы из Отечественной Истории.* Из чужих историй, особенно же из древних, вовсе не годится. Русский, выводя на сцену Греков, не может переродиться в них совершенно, всегда будут видны в них русские»[60].

Но к работе над трагедией Погодин приступил лишь в 1829 г. Она была задумана как первая часть трилогии, посвященной ключевым моментам русской истории. Хотя непосредственным толчком к началу работы послужили, как принято считать, чтения «Бориса Годунова», подготовка к ней шла уже в предшествующие годы, когда Погодин участвовал в полемике вокруг «Истории государства Российского». Сыграло свою роль и увлечение немецкой литературой, участие в переводах Гёте, Гердера, Вернера, исторической драмы Шиллера «Валленштейн».

3 ноября 1829 г. Погодин сделал дневниковую запись: «Сколько у меня теперь обдуманных предметов и ничего не выливается»[61]. По-видимому, тогда он и вернулся к мысли, что таким «предметом» станет Марфа Посадница,

---

[56] *Барсуков Н.П.* Жизнь и труды М.П. Погодина: В 22 т. Т. 1. СПб., 1888. С. 328.
[57] Там же. С. 288.
[58] А.С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. 2. М., 1974. С. 112.
[59] *Барсуков Н.П.* Указ. соч. Т. 2. С. 45.
[60] Там же. С. 28.
[61] Там же. С. 391.

и принялся за чтение новгородских летописей. Дальнейшие записи позволяют восстановить не только ход творческого процесса, но и переживания автора.

«Под 10 ноября 1829. Пробовал карандашом после обеда в постели и к вечеру вылилось первое явление Марфы Посадницы. *Под 11 ноября.* Писал и удачно. Прочел Перевощикову, потом Аксакову. Потом прочту княжне Трубецкой 〈…〉 *Под 13 ноября.* Так и шевелится Марфа. Славные штуки надумываются. Боюсь, что слишком много действует народ. *Под 16 ноября.* Минуты восторга поутру и вечером. Превосходные места вылились в речи Марфы Посадницы 〈…〉 В самом деле ведь чудеса предпринял я в Марфе. Соединить устройство французское с частями немецкими, ужас без любви к смерти, всю историю Новгорода и уделов и необходимость самодержавия».

Как свидетельствуют ноябрьские записи, «три действия кончены, четвертое, пятое почти. Первое написал я в семь дней, второе в семь, третье в пять»[62].

Но до завершения трагедии было еще далеко. 23 февраля он записывал в дневнике: «Задумал приняться за Марфу». На следующий день заперся дома и «писал с удовольствием *Марфу* 〈…〉 Прочел ему (А.С. Хомякову. – *Л.Ф.*) второе действие *Марфы*. Очень хвалит сцену Иоанна с Борецким». Приведя эту цитату, Н.П. Барсуков добавляет: «Написанное Погодин читал “с величайшим удовольствием” П.А. Муханову. Таким образом, Погодин входил все более и более в круг своей трагедии и “плакал”, описывая прощание Марфы 〈…〉 Узнав, что государь разрешил Пушкину печатать без перемен *Бориса Годунова*, Погодин замечает: “а моя *Марфа* не готова”»[63]. На следующий день Погодин зашел к Пушкину и у них завязался «долгий и очень занимательный разговор о русской истории»[64].

Во время этого разговора «Пушкин стал допытывать собеседника о том, что он пишет. Погодин признался, что пишет *Марфу*. Пушкин уговорил его прочесть ему свою трагедию. Пред началом чтения 1-го действия Погодин счел нужным предупредить его, что цель автора “на другом поприще, следовательно, неудача на этом не приведет его в уныние”, а потому он просил Пушкина быть откровенным»[65]. Очень важное замечание! Оно подтверждает, что главным для Погодина, когда он сочинял свою трагедию, было «другое поприще», иными словами, его деятельность как историка, а неудача в области художественного творчества его в уныние не приведет.

Для Пушкина же, как явствует из каждого слоза отзыва, который услышал от него Погодин, прочитанная ему трагедия была не историческим

[62] Там же.
[63] Пушкин и его современники. СПб., 1916. Вып. 23–24. С. 106.
[64] *Барсуков Н.П.* Указ. соч. Т. 3. С. 29.
[65] Там же. С. 30–31.

трактатом, а прежде всего художественным произведением, именно так он ее воспринимал и расценивал. Прослушав первое действие, он сказал Погодину: «Боюсь хвалить вас. Но если вы разовьете характеры так же, дойдете до такой высоты, на какой стоят народные сцены. Чудо. Это и хорошо, что вам кажется общим местом Diable etc»[66].

На следующий день Погодин прочел Пушкину еще два действия. «Слушая 3-е действие, он заплакал и сказал: "Я не плакал с тех пор, как сам сочиняю, мои сцены народные ничто пред вашими. Как бы напечатать ее". Затем он "и целовал" Погодина, "и жал ему руку"; но похвала Пушкина не обрадовала Погодина, и он с сомнением замечает: "может быть, слушая меня, он сам много вообразил, бросал свое золото, как алхимик, не знаю. И такая похвала чуть, чуть доставляет мне удовольствие"». Через несколько дней Погодин прочел Пушкину 4-е действие и он остался «доволен по-прежнему»[67].

Примерно тогда же Погодин писал С.П. Шевыреву: «Три действия кончены, четвертое и пятое почти. Первое написал я в семь дней, второе – в семь, третье – в пять. Пушкин случайно допытался до моей тайны и заставил меня прочесть: был в восторге. Если моя трагедия в половину имеет достоинства в сравнении с его мнением, то я доволен. Для меня было приятно услышать его отзыв, но не слишком; даже теперь приятнее описывать тебе. Он только ободрил меня: что мне стало казаться общими местами, то ему нравится 〈…〉 Еще скажу: я вовсе не дорожу ею теперь; но писавши первое действие, я не спал, бредил. Был как сумасшедший: так поднялась чувствительность»[68].

К маю четвертое и пятое действие все еще не были написаны. Позже Пушкин, которому Погодин прочел первое, второе и третье действия, спрашивал в письмах: «Что четвертое действие?» (15–20 мая), «нет ли чего нового?» (надо понимать, в написании трагедии) (29 мая). И здесь Погодин еще раз повторяет слова, показывающие и его понимание места трагедии в его деятельности, и то, что для него было главным критерием ее оценки: «Все-таки это эпизод. А поэма моя – История. Я ей себя посвящаю и с каждым днем люблю ее более и более»[69]. Даже в предисловии к отдельному изданию своей трагедии Погодин не упустил случая сказать, что ее сочинитель «имел цель на другом поприще, не драматическом».

6 июня 1830 г. Погодин отмечает в дневнике: «Кончил! Кончил! Слава Богу и помолимся. Надо бы послать сказать Аксаковым»[70]. Барсуков сопровождает эти дневниковые записи таким комментарием: «Таким образом, в Пушкине Погодин нашел высочайшего ободрителя в своем отважном пред-

---

[66] Там же. С. 31.
[67] Там же.
[68] Там же.
[69] Там же. С. 30–31.
[70] Там же. С. 31.

приятии. Ободренный, он писал Шевыреву: “Если Правительство хорошо вникнет в дух моей трагедии, то скажет мне спасибо”»[71].

И это «спасибо» он действительно получил – в письме А.Х. Бенкендорфа: «На просьбу вашу о разрешении выпуска в свет трагедии *Марфа Посадница*, которой обнародование приостановлено было до перемены смутных тогдашних обстоятельств, долгом поставлю вас сим уведомить, что ныне с окончанием помянутых обстоятельств, не представляется никаких препятствий пустить в продажу означенную вашу трагедию. Повторяю изъясненное мною в письме моем к цензору Аксакову, что чтение сего произведения вашего доставило мне величайшее удовольствие»[72].

Слова Бенкендорфа о причинах задержки выхода трагедии должны были встретить со стороны Погодина полное понимание. Он и сам не выпускал ее, опасаясь «кривых толков от врагов»[73]. Ю.И. Венелин также советовал: «Не выпускай Марфушки твоей, пока не настанут морозы, а то ⟨...⟩ объявят ее то чумною, то брюхатою»[74]. Теперь такие опасения отпали.

В 1830 г. в «Московском вестнике» № 17–20 были напечатаны отрывки из трагедии за подписью N, в 1831 – в первом номере «Телескопа» еще один фрагмент за подписью N.N. Пропущенная цензором С.Т. Аксаковым 26 августа 1830 г., но задержанная из-за политических событий в Польше, трагедия вышла в свет только в конце 1831 г. под названием «Марфа, Посадница Новгородская. Трагедия в пяти действиях в стихах». Автор указан не был; имя Погодина значилось лишь под предисловием «От издателя».

Цензурных поправок было немного. Претерпели изменения некоторые слова Марфы и новгородских граждан, смягчены отдельные выражения: например, «палач московский» (так называла Марфа Иоанна) был заменен на «московский ворог»; «с бесчестными рабами заодно» (сказано о Назарии и Захарии, чье посольство спровоцировало недовольство Иоанна) исправлено на «с беспечными лжецами заодно»; «допустим ли, чтоб подлый раб московский» – «допустим ли, чтобы слуга московский». Считается, что по совету С.Т. Аксакова, Погодин исключил сцену драки с немецкими торговцами, хотя сцена отражала буйный нрав новгородцев и соответствовала официальной оценке новгородской вечевой республики. Но назойливое акцентирование ошибок в произнесении немцами русских слов, видимо, показалось и Аксакову, и Погодину чрезмерным.

Еще до завершения работы над трагедией Погодин читал ее друзьям – Д.М. Перевощикову, С.Т. Аксакову, А.С. Хомякову. 23 февраля он отослал ее С.П. Шевыреву. Известно, что Погодин мечтал о постановке «Марфы

---

[71] Там же.
[72] Там же. С. 259–260.
[73] Там же. С. 245.
[74] Там же. С. 31.

Посадницы» на сцене и о том, что Марфу будет играть Семенова; «конечно, с этой целию читал он знаменитой актрисе свою трагедию. Чтение это имело успех, по крайней мере вот что писал С.Т. Аксаков Погодину: “Восторг произвела *Марфа* в высочайшей степени. Катерина Семеновна Семенова 〈…〉 ходила по комнатам, повторяя некоторые выражения. *Марфу* у меня отняла. Одним словом, это было торжество. Три бокала шампанского должен был я выпить за ваше здоровье”»[75].

Однако трагедия так и не была поставлена. 18 декабря 1831 г. Погодин записал в дневнике: «Нет, я потерял теперь надежду, чтоб *Марфа* пошла»[76]. В письме С.П. Шевыреву объяснял это тем, что в трагедии «нет ни любви, ни насильственной смерти, ни трех единств. Главное действующее лицо – народ. Играть ее невозможно до тех пор, пока не будет хороших пятидесяти актеров для всякого вестника и простолюдина»[77]. Иначе представлял себе дело Б.А. Врасский, писавший Погодину: «*Марфу* вашу до сих пор дирекция московских театров еще к нам не доставила, впрочем если бы она и была доставлена, то все же нельзя было бы позволить, ибо Государю не угодно, чтобы на сцену выводимы были наши цари и поляки, к какому бы времени это не относилось»[78].

Как уже говорилось, части трагедии, которые Погодин читал Пушкину, вызвали у него восторженные оценки. 11 декабря 1830 г. он записал в дневнике: «К Пушкину. Услышал опять очень лестную похвалу о *Марфе* и много прекрасных замечаний. Удивлялся, что язык ему кажется слишком неправилен»[79]. Отпечатанный экземпляр Пушкин просил выслать ему в Болдино для подробного анализа: «Если притом пришлете мне вечевую свою трагедию, то вы будете моим благодетелем, истинным благодетелем. Я бы на досуге вас раскритиковал»[80]. Получив полный текст трагедии, Пушкин в последних числах ноября 1830 г. писал ее автору: «Нашел я ваши два письма и *Марфу*. И прочел ее два раза духом. Ура! – я было, признаюсь, боялся, чтоб первое впечатление не ослабело потом; но нет – я все-таки при том же мнении: *Марфа* имеет европейское высокое достоинство. Я разберу ее как можно пространнее. Это будет для меня изучение и наслаждение»[81]. В том же письме Пушкин намечает основные моменты, на которых впоследствии подробно остановится в статье «О народной драме и драме Марфа Посадница».

---

[75] Там же. С. 189.
[76] Там же. С. 259.
[77] Там же. С. 189.
[78] Там же. Т. 4. С. 20.
[79] Там же. С. 226.
[80] Там же. С. 224.
[81] *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. Т. 14. С. 128.

А заданный здесь же вопрос: «Скоро ли выйдет ваша Марфа?» будет потом повторяться неоднократно. «Выдавайте ж *Марфу*...»[82]. «...Мне сказывали, что Жуковский очень доволен *Марфой Посадницей*. Если так, то пусть же выхлопочет он у Бенкендорфа, или у кого ему будет угодно, позволение выпустить драму, произведение чрезвычайно замечательное, несмотря на неравенство общего достоинства и слабости стихосложения»[83]. «Вы удивляете меня тем, что трагедия ваша еще не поступила в продажу. Веневитинов сказывал мне, что она уже вышла, потому-то я и не хлопотал об ней. Непременно надобно ее выдать, и непременно буду писать при первом случае об этом к Бенкендорфу»[84].

11 июля 1832 г. в письме Погодину Пушкин вновь подтверждает свою высокую оценку трагедии: «Мне сказывают, что вас где-то разбранили за Посадницу: надеюсь, что это никакого влияния не будет иметь на Ваши труды ⟨...⟩ У нас критика, конечно, ниже и публики, не только самой литературы. Сердиться на нее можно, но доверять ей в чем бы то ни было – непростительная слабость. Ваша Марфа, Ваш Петр исполнены истинной драматической силы, и если когда-нибудь могут быть разрешены сценическою цензурой, то предрекаю вам такой народный успех, какого мы, холодные северные зрители Скрибовых водевилей и Дидлотовых балетов, и представить себе не можем»[85]. Барсуков пишет: «В конце 1831 года вышла в свет *Марфа,* но это произведение доставило мало радости ее автору и тоже не оправдало надежд, на нее возлагаемых»[86]. Современники отнеслись к драме по-разному. Барсуков упоминает, что «*Марфа* Погодина привлекла к себе внимание у прекрасного пола. "Сделайте мне одолжение, писал к нему Корнелион-Пинский, дайте своей Марфы дня на три" ⟨...⟩ Астроном Перевощиков, согласно с Пушкиным, признавал, что Марфа есть образцовое сочинение»[87].

Барон Розен писал Погодину в начале 1832 г. из Петербурга: «С большим удовольствием прочел я вашу "Марфу". Скажу вам с доброжелательной откровенностью, что расположение вашей пьесы меня не удовлетворяет, там вообще мало действия, но в частях она хороша, а местами превосходна. В особенности нравится мне рассказ о сражении, жаль, что Озеров не читал его, он узнал бы, каким языком Русский должен рассказывать о сражениях и может быть переделал бы некое место в "Димитрии Донском"»[88]. Пушкин также настаивал на том, что народная трагедия должна быть написана язы-

---

[82] Там же. С. 140.
[83] Там же. С. 158.
[84] Там же. С. 165.
[85] Там же. Т. 15. С. 27.
[86] *Барсуков Н.П.* Указ. соч. Т. 4. С. 19.
[87] Там же. Т. 3. С. 259.
[88] Там же. Т. 4. С. 19.

ком простым и понятным народу: «и мне ваша свобода более по сердцу, чем чопорная ваша правильность»[89]. Как отмечает Барсуков, «в дружественных Погодину изданиях “Марфу” ставили рядом с “Горе от ума”, признавая ее “зарей нашей народной драматической словесности”»[90].

Но Шевырев сожалел о выходе в свет «Марфы Посадницы»: «Погодин напрасно поторопился издать в свет недозрелое произведение, и друг его должен бы был ему дать совет решительный: не писать трагедию в стихах, а разве в прозе, если хочется»[91]. Это замечание скорее относится к языку трагедии и не должно противопоставляться мнению Пушкина, который также критиковал автора: «Одна беда: слог и язык. Вы неправильны до бесконечности. И с языком поступаете, как Иоанн с Новымгородом. Ошибок грамматических, противных духу его – усечений, сокращений – тьма»[92].

«Наружная стихотворная отделка драмы дает много привязчивой критике. Вообще должно сказать, что автор не владеет стихом. Излишняя верность народному языку перерождается иногда в тривиальность», – отмечал Н.И. Надеждин в своем журнале «Телескоп»[93]. Простота языка «Марфы Посадницы» не соответствовала возвышенному жанру трагедии и по мнению автора критической статьи «Марфа, Посадница Новгородская» в «Сыне Отечества», подписанной Н.Ю. Трагедия, описывающая великие события, может позволить себе несколько «неумеренную возвышенность», но трагедия, «составленная из *площадных* выражений», похожа скорее на пародию. Однако многие современники одобряли отказ Погодина от возвышенного слога.

«Марфа Посадница» дала повод обсудить вопрос, что такое трагедия вообще и историческая трагедия в частности. «Телескоп» и «Сын Отечества» заняли по этому поводу противоположные позиции. «Телескоп» видел в драме Погодина «важное приобретение для нашей словесности. Она представляет собой первый опыт русской исторической драмы и указывает новое поприще русскому национальному театру»[94]. Уже упомянутый Н.Ю. предостерегал литераторов от подражания таким произведениям как «Марфа Посадница». Ему ответил С.Т. Аксаков, который заявил, что «сия критика, под наружною холодностью и спокойствием, проникнута сильнейшим ожесточением и вся ее неприязненная цель унизить до последней степени такое сочинение, которому, несмотря на его недостатки, порадовался бы, без сомнения, каждый благонамеренный литератор и любитель словесности»[95].

---

[89] *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. Т. 14. С. 128.
[90] *Барсуков Н.П.* Указ. соч. Т. 4. С. 19.
[91] Там же. Т. 3. С. 259.
[92] *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. Т. 14. С. 128.
[93] См.: *Надеждин Н.И.* Литературная критика. Эстетика. М., 1972. С. 295.
[94] Там же.
[95] *Барсуков Н.П.* Указ. соч. Т. 4. С. 22.

Несмотря на разные оценки произведения, статьи Н.Ю. и Надеждина сближаются в подходах к теории драмы. Какой же видят настоящую трагедию оба критика? Древняя трагедия, писал Надеждин, представляла картину борьбы человека и рока, воля человеческая, «вооруженная твердостью и мужеством 〈...〉 схватывалась бесстрашно с враждебным могуществом рока и, не отступая ни на пядь, сокрушалась, но не изнемогала под железною его дланью» и «ее падение должно было производить ужас и соболезнование»[96].

Однако времена переменились, продолжает он, и ныне трагедия – это «драматическое представление жизни в ее бурных, грозных явлениях, возбуждающих благоговейное уважение к высокому достоинству природы человеческой и вместе глубокое смирение пред вечною и беспредельною мощью, полагающей им таинственный предел, его же не прейдут»[97]. Прилагая этот критерий к пьесе Погодина, он приходит к выводу, что она «не может и не должна называться трагедией, а есть драма живая, обширная, занимательная» и «нельзя не согласиться, что “Марфа Посадница” есть важное приобретение для нашей словесности. Она представляет собой первый опыт русской исторической драмы и указывает новое поприще русскому национальному театру»[98].

В отличие от Надеждина, расхождение Погодина с Н.Ю. было принципиальным. В противоположность неоднократно и категорически высказанному Погодиным мнению, что для него главным в его трагедии была история, Н.Ю. ставил ему в вину именно то, что «он просто списывал с истории», бесконечно повторял, что этим Погодин «совсем лишил трагедию содержания», задавался вопросом, «какое впечатление, кроме скуки, может произвести на читателя или зрителя пьеса без содержания», говорил, что «все ученые соображения и усилия ничего не произведут без творческого таланта»[99].

Любопытно, что Белинский также отказывал «Борису Годунову» в принадлежности к жанру трагедии. Ничего трагического не было в истории России до Петра I, считал он, и само произведение более заслуживает названия «эпическая поэма в разговорной форме». Что же происходит в трагедии Погодина, задают вопрос оба ее критика и отвечают: в «Марфе Посаднице» нет того конфликта, который мог бы наполнить трагедию. Сложившаяся традиция изображать падение Новгорода как величественное событие не была продолжена в произведении Погодина. «Сия величественность представлена слабо и тускло. Не с треском и громом разваливается здание Новгородской республики, под державною рукою Иоанна»[100].

---

[96] *Надеждин Н.И.* Указ. соч. С 292.
[97] Там же. С. 292–293.
[98] Там же. С. 295.
[99] *Н.Ю.* Марфа, Посадница Новгородская // Сын Отечества и Северный архив. 1832. № 20. С. 331.
[100] Там же. С. 293.

Непонимание критиком Н.Ю. общей направленности драмы привело к тому, что он, ожидая хотя бы в пятом действии увидеть поразительное и высокое изображение твердой души в решительную минуту борьбы ее с судьбою и не найдя в драме ничего подобного, нашел пятое действие излишним. Ненужным считает он и пророчество Зосимы, которое передает Иоанну Марфа, и ответ на него царя.

То, что поэт списывает с истории, несовместимо, по мнению Н.Ю., с непреложными законами литературы и искусства. Повторение летописей не создаст самобытного литературного произведения, а конфликта, который придал бы трагедии занимательность, в ней нет. Структура драмы нечеткая, «можно отнять или выпустить какую угодно часть оной, и она ничего не потеряет, но еще будет кратче, следовательно лучше». Главные действующие лица на самом деле не играют никакой роли: «можно исключить из нее какое угодно лицо, Марфу, Борецкого, Посадников и проч., и она в существе не изменится»[101].

Не сходились критики в оценке того, стоило ли автору соблюдать единство действия. «Телескоп» отмечал, что «это несколько стеснило полноту и естественность картины». Н.Ю. высказывался более категорично, подчеркивая, что это было «некстати» и умаляло значение события: «несообразно заключать в такие тесные пределы продолжительное и многосложное историческое действие. Не значит ли сим уменьшить важность его или по крайней мере ослабить впечатление, какое оно производит в простом чтении истории и следственно не значит ли стать ниже своего предмета?»[102].

Совершенно противоположный взгляд на драму представил Пушкин в статье «О народной драме и драме “Марфа Посадница”». Эта статья была задумана как предисловие к «Борису Годунову», однако позже Пушкин решил разобрать трагедию Погодина, используя те же материалы и наброски. Прежде всего Пушкин рассматривает историю драматического искусства в связи с проблемой народности. Он не соглашался с критиками, которые понимали народность как изображение предметов из отечественной истории, а именно это считали определяющим признаком народности декабристы.

Мнение Пушкина о достоинствах и изъянах пьесы Погодина сложилось сразу после ее прочтения в последних числах ноября 1830 г. В статье он развивает и существенно дополняет написанное ранее автору, но не воздерживается и от буквального повторения прежних оценок. Обнаруживаемые при этом нюансы не должны быть оставлены без внимания, потому что, когда мы рассматриваем движение пушкинской мысли, значима каждая деталь.

---

[101] Там же. С. 346.
[102] Там же. С. 341.

В письме: «Что за прелесть сцена послов! Как вы поняли русскую дипломатику! а вече? а посадник? а князь Шуйский? а князья удельные? Я вам говорю, что это все достоинства *Шекспировского*!»[103]. В статье: «Новгород отвечает ему в лице своих послов. Какая сцена! Какая верность историческая! Как угадана дипломатика русского вольного города!»[104].

Главное, что определило высокую пушкинскую оценку трагедии Погодина, сосредоточено в одном абзаце статьи. Пушкин завершает ее вопросом: исполнил ли автор «Марфы Посадницы» условия, необходимые для драматического поэта, и уверенно отвечает: исполнил. Каковы же эти условия? «Драматический поэт – беспристрастный, как судьба, должен был изобразить – столь же, сколь глубокое, добросовестное исследование истины и живость воображения юного, пламенного ему послужило, – отпор погибающей вольности, как глубоко обдуманный удар, утвердивший Россию на ее огромном основании. Он не должен был хитрить и клониться на одну сторону, жертвуя другою. Не он, не его политический образ мнений, не его тайное или явное пристрастие должно было говорить в трагедии, – но люди минувших дней, их умы, их предрассудки. Не его дело оправдывать и обвинять, подсказывать речи. Его дело воскресить минувший век во всей его истине»[105].

Разумеется, это не означает, что драматический поэт должен быть бездумным регистратором минувших событий, обитающим вне времени и пространства, и совершенно прав В.Э. Вацуро, сопроводивший эту пушкинскую мысль таким замечанием: «Пушкин несомненно видел, что политическая проблематика “Марфы Посадницы” складывалась отчасти под влиянием событий 14 декабря и что это сказалось и в изображении новгородской вольности, и в пафосе гражданственности, одушевляющем Марфу»[106]. Важно и другое его замечание: «Нет сомнения, что Пушкина тогда в трагедиях Погодина интересовала прежде всего историческая концепция, и потому он прощал автору “Марфы Посадницы” “неправильность” языка, беспомощность стиха и тактично советовал избрать прозаическую форму»[107].

Особого внимания заслуживает вопрос об источниках, которыми пользовался Погодин при создании своей трагедии. Если П. Сумароков и Ф. Иванов стремились перенести на сцену повесть Карамзина «Марфа Посадница», то для Погодина это произведение как источник сведений о происходивших событиях имело второстепенное значение. Он опирается преимущественно на «Историю государства Российского». Оно и понятно. Когда Сумароков и Иванов писали свои пьесы, шестой том «Истории», где описано покорение Новго-

---

[103] *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. Т. 14. С. 129.
[104] Там же. Т. 11. С. 182.
[105] Там же. С. 181.
[106] *Вацуро В.Э.* Историческая трагедия и романтическая драма 1830-х годов // История русской драматургии. XVII – первая половина XIX века. С. 334.
[107] Там же. С. 337.

рода, еще не вышел в свет. Историк Погодин, естественно, испытывал большее доверие к труду историка Карамзина, чем к художественному произведению, да еще такому, где повествование ведется от имени вымышленного новгородца. Именно из «Истории государства Российского» драматург воспринимает и общую концепцию происходящего, и относительно частную информацию. Не раз и не два сквозь погодинские стихи просвечивает карамзинская проза.

Марфа, стремясь воодушевить новгородцев на борьбу, говорит:

Не молитвой слезной
Должна спастись Святая наша Софья!
Не так ее отцы спасали, деды
На Липецких полях, при Альте, от Андрея.
Не так ее и вы спасете сами.

Этот перечень восходит к «Истории государства Российского», где говорится, что новгородцы с гордостью указывали «на свои стены, под коими легло многочисленное войско Андрея Боголюбского; на Альту, где Ярослав Великий с верными новгородцами победил злочестивого Святополка; на Липицу, где Мстислав Храбрый с их дружиною сокрушил ополчение князей Суздальских»[108].

Карамзин изображал Иоанна первым истинным самодержцем России, который правил ею, «заставив благоговеть пред собою вельмож и народ, восхищая милостью, ужасая гневом, отменив частные права, не согласные с полновластием венценосца. Князья племен Рюрикова и Св. Владимира служили ему наравне с другими подданными и славились титлом бояр, дворецких, окольничих, когда знаменитою, долговременною службою приобретали оное ⟨...⟩ Все сделалось милостию государевою ⟨...⟩ уставил обряд целования монаршей руки в знак лестной милости ⟨...⟩ Вельможи трепетали и на пирах во дворце не смели шепнуть слова, ни тронуться с места...»[109].

Недовольство таким положением Погодин вместил в жалобы удельных князей:

К какому он довел всех униженью:
Во двор к себе на службу принимает,
Чинами жалует. Удельные князья,
Мы все должны стоять пред ним без шапок,
Смотреть в глаза ему с подобострастьем,
Смиренно ждать его велений царских,
К руке прикладываться. Мы не смеем
Шептать в его присутстве. Хуже смердов
Его боярин помыкает нами.

---

[108] *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. 6. СПб., 1817. С. 126.
[109] Там же. С. 328–329.

Нам воли нет в своих землях наследных,
Холопа своего казнить не можем,
Мириться, ссориться между собою.
И мы же за него идем на бой,
На смерть, ему во славу и здоровье.

Карамзин подчеркивает осторожность и взвешенность действий Иоанна. Понимая, что резкое покорение Новгорода повлечет за собой недовольство народа, Иоанн решает «стеснять вольность прежде уничтожения оной, дабы граждане, уступая право за правом, ознакомились с чувством своего бессилия, слишком дорого платили за остатки свободы и, наконец, утомляемые страхом будущих утеснений, склонились предпочесть ей мирное спокойствие государевой власти»[110].

Погодин показывает, что Марфа разгадала эту тактику московского царя и объясняет, что она сулит новгородцам. На предложение владыки Феофила поступиться каким-нибудь правом, она отвечает:

...что уступкой робкой
Вы приобресть от властолюбца льститесь?
Спасенье? – Нет! – Отсрочку только казни
Получите: он даст покой вам на год,
Вы будете мереть лишь долгой смертью,
Страдать перед последним часом дольше.
Чрез год опять он под предлогом новым
Придет сюда, – с ножом пристанет к горлу,
Кровь вытянет еще из свежей жилы,
Потом опять – пока лишь в трупе вашем
Останется хоть капля древней жизни.

Погодин соглашался с Карамзиным в том, что «падение держав народных обыкновенно предвещается наглыми злоупотреблениями силы, неисполнением законов: так было и в Новгороде». «Правители не имели ни любви, ни доверенности граждан; пеклися только о собственных выгодах; торговали властию, теснили неприятелей личных, похлебствовали родным и друзьям; окружали себя толпами прислужников, чтобы их воплем заглушать на вече жалобы утесняемых»[111]. И у Погодина Борецкий так описывает положение в Новгороде:

Купцы, бояре
И люди житые, разбогатевши,
Престали помышлять об общем благе.
Свои сокровища предпочитают
Старинной славе, счастью новгородцев.

[110] Там же. С. 93.
[111] Там же. С. 95.

Крамольствуют, враждуют меж собою.
Алкая власти, не умеют править.
Смущеньями в соблазн приводят нравы...

О желании новгородцев самостоятельно решать свою судьбу говорит следующий эпизод, в основу которого легло рассуждение Карамзина из «Истории государства Российского»: «Древнее вече уже не могло ставить себя выше князя, но по крайней мере существовало именем и видом: двор Ярославов был святилищем народных прав: отдать его Иоанну значило торжественно и навеки отвергнуться от оных. Сии мысли возмутили даже и самых мирных граждан, расположенных повиноваться великому князю, но в угоду собственному чувству блага, не слепо, не под острием меча, готового казнить всякого по мановению самовластителя»[112]. В третьем действии, послушав Посадника, бояр, житых, народ решает покориться князю, открыть ворота Новгорода и идти торжественно встречать Иоанна. Но слова Марфы –

Итак, мы на последнем вече...
Сыны Новгорода, целуя как Иуды,
Идут предать отца свого пиладам.
Ну что ж остановились вы? Снимайте,
Снимайте колокол! –

производят переворот в настроении новгородцев: отдать вечевой колокол Иоанну значит отдать символ свободы и самоуправления. Бояре, житые люди решают идти сражаться вместе с младшими гражданами:

Кто колокол отдать Иоанну хочет!
Нет – лучше мы костьми здесь ляжем...
Снесем ли братья мы попрек такой!
Умрем за Новгород, Софию нашу…
Кто прочь идет, тому да будет стыдно!

Возможно, Погодин сознательно показал, что народ не занимал активную позицию, а был ведом посадниками и боярами. На вече под влиянием то Посадника, то Марфы граждане за очень короткое время меняют взгляды: от решимости дать отпор Иоанну до согласия перейти под его власть. «Сын Отечества» иронизировал над таким сюжетным поворотом: «Снимают вечевой колокол, но вдруг Марфа бросается со слезами обнимать его и эта выходка заставляет толпу переменить намерение: все решаются взяться за оружие и объявить войну Иоанну» ⟨…⟩ убеждает народ к войне. Но народ принимает противное ей намерение, и без видимой причины обращается на ее сторону, когда она обнимает колокол»[113].

---

[112] Там же. С. 101–102.
[113] *Н.Ю.* Указ. соч.. С. 343–344.

Хотя эпизод несколько переработан, основной смысл остался таким же. Перспектива «слепо, под острием меча», бездумно, повиноваться царю, хоть и в сильном государстве, не прельщает новгородцев. Это лишь немногие подтверждения того, что «История государства Российского» была для Погодина важнейшим источником и многое предопределила в его трактовке изображаемых событий. Вместе с тем драматург был далек от бездумного следования за Карамзиным, и как будет явствовать из дальнейшего, наибольшую самостоятельность он проявил при создании образа главной героини своей трагедии.

Следует помнить и о том, что историческая концепция, воплощенная в драме Погодина, испытала значительное воздействие французской романтической историографии (О. Тьерри, Ф. Гизо, О. Минье). Погодин лучше многих своих современников понял сильную сторону новой исторической школы, родившейся во Франции и стремившейся объяснить политическую жизнь народов ходом их социального развития. В «Московском вестнике» Погодин помещает восторженную рецензию на работу О. Тьерри «Письма о Французской Истории», в которой солидаризируется с его мнением, что история не должна быть «повестью некоторых лиц, произвольно выходящих на сцену света, произвольно им управляющих и произвольно сменяющих друг друга». Настоящая история – это исследование «целой массы народа»[114].

Погодин также считает, что народ является главным действующим лицом истории, подтверждение этого мы находим и в его трагедии. Соглашаясь с О. Тьерри, что «история должна быть народной, про народ и для народа», Погодин спроецировал это утверждение на художественную литературу и считал, что в художественных произведениях следует выводить людей среднего сословия, тогда пьеса будет ближе народу. В своих размышлениях Погодин не заходил настолько далеко, как Тьерри, отвергавший монархов как объект исторического исследования: «понятно, что королей трогают несчастья королей больше, чем несчастья других людей ⟨...⟩ Но что значат для нас граждан и детей граждан ⟨...⟩ бедствия Карла Стюарта по сравнению с бедствиями всего английского народа?»[115].

Его рассуждения касались художественной литературы и занимательности произведения: «Каждый человек мог бы представлять себя на месте действующих лиц; выводимые же на сцену цари, герои для нас чужды. Царь может вообразить себя на месте человека, человек на месте царя редко»[116]. Взгляды Погодина отличались, особенно в 20-е годы, известной демократичностью и прогрессивностью, однако даже тогда он свято верил в незыблемость самодержавия.

---

[114] *Погодин М.П.* Письма о Французской Истории сочинения Тьерри // Московский вестник. 1828. Ч. 7. С. 63.

[115] *Реизов Б.Г.* Французская романтическая историография. Л.: Изд-во. ЛГУ, 1956. С. 85.

[116] *Барсуков Н.П.* Указ. соч. Т. 3. С. 28.

Погодин соглашался с Тьерри, что не «произвольные акты королей и феодалов» определяли ход истории, а глубокие причины: борьба народов, различие экономических интересов и национальных культур. Изображая падение вечевой республики, он указывал на расслоение новгородского общества, на борьбу внутри него, которая определяет политику Новгорода, слабость сопротивления Московскому князю. Не подчеркивая различия москвичей и новгородцев, Погодин сосредоточивается на экономическом аспекте противостояния:

Новгород в Руси золотое дно:
Богат людьми, казной, землей, водою, –

говорит один из удельных князей; без Новгорода не будет единой богатой, сильной России, к которой стремится Иоанн III. Однако кроме «хищных» притязаний Московского князя есть и объективные экономические причины. Объединение будет способствовать значительному развитию торговли и прибыли купцов, прекращение междоусобных войн позволит развивать сельское хозяйство, единые законы на всей территории страны прекратят судебную неразбериху:

С удельными князьями ведь начнется
Опять кровопролитье, как и прежде.
Без них России-то гораздо лучше,
Особенно купцам, крестьянам, черни;
Спокойнее и от чужих злодеев.
Целее головы стоят на плечах...

Таким образом, бо́льшая часть народа приветствует политику объединения, исходя из своих интересов. В трагедии Погодин показывает новгородское общество, которое, хотя и управляется Посадником, все же состоит из самостоятельных сил, действующих не по приказу вождей, а исходя из частных интересов, поддерживая вождей до тех пор, пока интересы их совпадают. Иоанн III, Марфа Посадница, удельные князья относительно редко встречаются на страницах трагедии. Автор стремился избежать ситуации, когда, по словам Тьерри, «в сих пышных, но пустых рассказах, где весьма малое число избанных лиц занимает всю сцену истории, а целая масса народа исчезает за пышными плащами придворных, мы не находим поучения важного»[117].

Критика обвиняла трагедию Погодина в снижении патриотического пафоса, говорила о недопустимости «площадных» выражений, «площадных сцен». Действительно, Погодин пользовался приемами, в эффективности которых его убеждало творчество Тьерри. Детали, казалось бы, малозначи-

---

[117] *Погодин М.П.* Письма о Французской Истории сочинения Тьерри // Московский вестник. 1828. Ч. 7. С. 217.

мые, могли при рассмотрении с точки зрения человека того времени пролить свет на общественные проблемы. По отдельным репликам, сказанным как бы невзначай, можно судить о противостоянии бедных и богатых граждан, о двойной политике церкви, о больших налогах, которые платят рядовые новгородцы. Несмотря на то, что народные персонажи в трагедии слабо индивидуализированы, у них нет имен, а язык однотипен, изображение народа было достаточно прогрессивным для того времени.

Другой аспект французской романтической историографии, нашедший отражение в вечевой трагедии Погодина, – понимание роли личности в истории. Погодин не отрицает роли великих людей в историческом процессе, но на примере Марфы Посадницы показывает, следуя за Тьерри, что великая личность неотделима от народной массы и выражает волю отдельного слоя общества. В своей деятельности Марфа Посадница пошла настолько далеко, насколько ей позволили те, чью волю она выражала. Правда, она сумела убедить новгородцев не сдаваться на милость Иоанна, но это не изменило исхода противостояния: ее желание и уверенность в победе, хотя и передались на некоторое время новгородцам, но не изменили их частных интересов.

Автор трагедии не отказывает Марфе Посаднице ни в уме, ни в политическом опыте, ни в нравственных достоинствах. Однако, несмотря на то, что ее моральные качества выше моральных качеств Иоанна, за Иоанном поддержка народа. Имеется в виду не численное превосходство армии Московского князя. У Иоанна много сторонников в Новгороде, и в этом одна из причин того, что во время Шелонской битвы войско Московского князя, состоявшее из пяти тысяч воинов, одержало победу над 30-тысячным новгородским.

Иоанн, по мнению Погодина, как раз тот великий человек, о котором говорил Ф. Гизо: он решает задачи, которые ставятся эпохой, но не похож на людей, составляющих общество. Сравним Иоанна и удельных князей. Перед Московским князем четкая цель – объединение России, превращение ее в сильное государство. Объединение назрело, система удельных княжеств уже показала свою слабость, но князья не видят ничего кроме своих частных выгод.

Великие люди сообщают человечеству могучий толчок, их деятельность – одна из движущих сил истории. Власть таких людей часто становится тиранической, так как и великому человеку присущи слабости. Именно как «слабость» расценивает Погодин поступки Ивана Грозного: «Он явил способности необыкновенные в мудреной науке правления и, может статься, лишил бы Петра славы быть первым государем в России, если бы судьба, к нашему несчастью, не соединяла всех возможных обстоятельств для совращения с пути, ведшего к бессмертию: он сделался тираном»[118].

[118] *Барсуков Н.П.* Указ. соч. Т. 3. С. 392–393.

В драме звучит намек на то, что власть Иоанна III сопровождается беззаконием и тиранией, однако Погодин соглашается с О. Минье: главное в поступках политиков – результаты. Деятельность великих людей необходимо оценивать в политическом и нравственном аспектах, но превалирующим критерием должен стать политический. Так, в трагедии представлен мотив измены родине. Непростительный в нравственном отношении поступок приемлем в политике. По мнению Минье, в политике необходим практицизм, трезвое и умелое ведение дел, расчет и отсутствие сентиментальности. Иоанн, воспользовавшись услугами предателя, стремится к тому, чтобы сохранить жизнь своих и новгородских воинов и поступает как мудрый политик.

Договор Иоанна с Борецким Н.И. Надеждин называл образцом нравственного бездушия, Погодин же рассматривает его как шаг политика, который отчаялся найти справедливость в Новгороде. Кроме того, предательство Борецкого нельзя рассматривать как основную причину победы Иоанна. Рано или поздно Иоанн покорил бы Новгород, и без помощи предателя, достаточно и того, что в самой республике было много сторонников Москвы. «События более велики, чем то кажется людям, и даже те, которые как будто вызваны были случаем, личностью, частной выгодой или каким-нибудь внешним обстоятельством, имеют гораздо более глубокие причины и значение», – считал Ф. Гизо[119].

Монархисту Погодину были близки высказывания Гизо об относительности свободы в обществе. По мнению Гизо, качество любой государственной системы определяется только качеством справедливости и разумности в ней заключенным. Если в данном обществе господствует не право, а сила, то независимо от форм правления оно должно быть названо деспотизмом. Если же при монархической либо аристократической формах правления право торжествует и регулирует социальные отношения и жизнь граждан, то этот режим следует называть государством свободным. «Была ли республика Новгород демократической?» – ставит вопрос Погодин. И отвечает на него описанием вечевого собрания и порядков в республике. Новгород не может называться демократической республикой, поскольку там нет справедливости:

Купцы, бояре
И люди житые, разбогатевши,
Престали помышлять об общем благе.
Свои сокровища предпочитают
Старинной славе, счастью новгородцев.

Самодержавие, которое Иоанн принес в Новгород, можно назвать не только прогрессивным шагом, но и шагом к свободе, концом самоуправства и беззакония. Погодин к 1826 г. принял идею о прогрессивности покорения

[119] *Реизов Б.Г.* Указ. соч. С. 199.

Новгорода. Несмотря на то, что ему не было чуждо известное сочувствие к вечевой республике, он уже не смотрел на нее как на «золотой век свободы». Взгляд О. Тьерри на средневековые коммуны как пример борьбы за свободу, необходимый для возбуждения патриотических чувств потомков, был скорее присущ декабристам. Погодин более склонялся к точке зрения Ф. Гизо: «Прошлое – не неподвижный идеал социального совершенства и не печальное заблуждение, но фаза развития, этап долгого осмысленного пути»[120].

Идеи Гизо органично сочетались с монархизмом Погодина, который видит в падении вечевых республик не гибель демократии и русской культуры, как декабристы, а необходимую смену государственного устройства. Эпоху нужно рассматривать с точки зрения исторического значения и следствий и тогда эпоха прояснится и оживет, считал Гизо. Следствием объединения княжеств стало образование единого сильного государства, и это оправдывает политику Иоанна III.

Отвергая мнение, что великие люди и их желания управляют историей, Погодин солидаризируется с призывом Карамзина поверить «лучше другим мыслителям», доказывающим, что «мир нравственный подчинен таким же строгим законам как и мир физический» и что явления души человеческой лишь «необходимые орудия вечных судеб». Объединение государств в то время было необходимым процессом и свершилось бы независимо от воли отдельных граждан. Эта точка зрения Погодина зачастую расценивалась как близкая к «фатализму». Действительно, фаталистические настроения пользовались популярностью, так как противостояли идеям случайности и решающей роли человеческой воли и разума. Погодин отдавал должное изучению причин и следствий событий, что было большим шагом вперед по сравнению с видением истории как ряда случайностей или перечня героев, вождей и королей.

Погодин воспринял идеи французской романтической историографии и развивал их не только в своих научных трудах, но и в художественных произведениях. Ее представители отвергали строгость классических канонов, призывая к созданию национальной литературы, свободной от подражания античным образцам. В противовес застывшим формам классицизма Тьерри предлагает принцип исторического единства – это единство процесса, цикл событий, имеющих единый исторический смысл. Согласно этому принципу Погодин объединяет в трагедии события, которые продолжались с 1469 по 1478 г. и подключает дополнительный конфликт – заговор удельных князей.

Напомним, что О. Тьерри уделял большое внимание языку повествования. Этот, казалось бы, литературный вопрос становится принципиальным для историографа. По мнению Тьерри, язык – это не украшение стиля,

---

[120] Там же. С. 195.

не способ заинтересовать читателя, это важное условие исторической истины. Погодин, по-видимому, соглашался с этим и использовал «площадные выражения» в трагедии настолько часто, что критика, видевшая в этом лишь литературный прием, была возмущена: «За такие выражения не стали бы взыскивать, когда бы их было мало, но наполнить ими целые страницы, даже большую часть пьесы – это уж слишком роскошно»[121].

3

Как известно, Пушкин считал главными героями трагедии не Иоанна и Марфу, а Иоанна и Новгород. И сам Погодин указывал, что главное лицо в ней народ. Полемика о месте вечевого Новгорода в истории России велась давно, и один из основных вопросов, который занимал общественных деятелей, историков, писателей – что же такое вечевой Новгород? Было ли новгородское общество действительно демократическим или это только легенды? Принадлежала ли власть народу? Какую роль играли новгородские правители? Свой ответ на эти вопросы стремился дать и Погодин. Поскольку народные сцены занимают в его пьесе первостепенное место, а Пушкину они нравились настолько, что он готов был предпочесть их своим сценам из «Бориса Годунова», естественно именно с них начать рассмотрение образной структуры трагедии.

Драма начинается с разговора нескольких граждан, у каждого из них лишь по несколько реплик, но за это время у читателя складывается представление по крайней мере о трех новгородцах из пяти. Персонажи абсолютно разные, каждый со своим характером. Например, первый гражданин смелый, даже бесшабашный, воспитанный на рассказах о подвигах новгородцев. Он уверяет других, что все обойдется, и не такие беды случались с Новгородом. Характерна его незыблемая вера в Марфу Посадницу:

Слыхали ль вы, что порасскажет Марфа
О старых временах: как мы, бывало,
С врагами управлялись в чистом поле,
По белу свету за добычей, славой
На все четыре стороны гуляли…
Как и князьям указывали двери,
Чуть заикнется кто не по закону.

Когда она появляется, он восклицает:

И Марфа здесь. – Родимая! как любо
Смотреть нам на нее!

---

[121] *Н.Ю.* Указ. соч. С. 347.

И далее:

Посадница! тебя мы ожидаем,
Скажи – зачем созвали нас на вече?

Второй новгородец считает, что разбирается в политике, но на самом деле мало что в ней смыслит. Он очень доверчив и суеверен, сразу говорит о том, что новгородцы провинились; когда узнает о походе Иоанна, ищет, кто бы его научил, что делать. Третий гражданин – мрачный пессимист, он расценивает намерения Иоанна вернее, чем другие:

Давно на нас он точит, жадный, зубы,
Давно уж зарится на наше счастье –
Заходит туча над Святой Софией 〈...〉
Вот видите ль? Я правду вам пророчил.
Зачем вести б такие рати князю,
Коли б без злого умысла он шел? 〈...〉
Он хочет все прибрать к своим рукам;
Он хочет, чтобы мы лишь тем владели,
Что он из милости для нас оставит;
Чтоб под одну с Москвой плясали дудку.

В его словах впервые дается объективная характеристика силы Иоанна:

Ведь он не то, что прежние князья:
Ворочает всей Русскою землею.
Рязань и Тверь, Владимир и Казань,
Ростов – ему все кланяются в пояс,
Людей, запасы, деньги присылают.
Ох, чудится, беды не миновать
Конец приходит Новгородской воле!
Недаром крест с Софии нашей сшибло,
Недаром колокол Хутынский ночью воет.

Последние слова знаменательны. Погодин не раз поминал легенды и суеверия, отмеченные в летописях и отраженные у Карамзина. Они помогали не только воссоздать колорит эпохи, но и придать индивидуальные черты второстепенным персонажам драмы. Так, летописцы говорили о страшных знамениях в Новгороде: «Сильная буря сломила крест Софийской церкви; древние Херсонские колокола в монастыре на Хутыне сами собою издавали печальный звук, кровь являлась на гробах и проч. Люди тихие, миролюбивые, трепетали и молились Богу: другие смеялись над ними и мнимыми чудесами»[122].

Роль, отводимая предзнаменованиям, зримо отличает пьесу Погодина и от повести Карамзина, и от трагедии Ф.Ф. Иванова. У Карамзина и Иванова

[122] *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. 6. С. 25.

упоминается о разыгравшейся буре, повергшей башню с вечевым колоколом. Марфа в повести утешает и успокаивает народ, а Посадница у Иванова высмеивает готовность верить в дурные предзнаменования:

Иль мнишь, природа чин для смертных пременяет,
Чтоб точке малые премену возвестить?[123]

Совсем другой характер приобретают знамения в трагедии Погодина. Они становятся способом передачи местного колорита, без примет и предрассудков невозможно передать особенности мировосприятия людей того времени.

Образы новгородцев разработаны очень тщательно, каждая реплика раскрывает их характеры и одновременно отражает позицию автора. Разговор новгородцев вводит нас в конфликт драмы – противостояние Иоанна и Марфы Посадницы. Эпитеты, которыми награждают Иоанна граждане, выявляют их недоверие к нему. Иоанн «жадный», он «точит зубы», у него «не новгородская душа», от такого ничего хорошего не жди. Марфа – «мать» новгородцев, они любуются ею, ждут от нее мудрого совета, безгранично доверяют ей.

На вече проявляется воинственный и непримиримый настрой новгородских граждан. Они не желают подчиняться Москве:

Нам Новград государь!
Другого знать
Мы не хотим.

Младшие граждане крепко держатся за свои права: они хотят судить своим судом и проливать кровь за родину, а не за Московского князя, и уж тем более они не хотят отказаться от веча:

Да разве города живут без вечей?
Где ж говорить-то нам?

За свои права новгородцы готовы на все: «на нож, в огонь и в воду». Они не потерпят тех, кто покушается на их древние права, и уже не раз изгоняли князей, «чуть заикнется кто не по закону». Такая трактовка образов новгородских граждан вполне в духе романтических традиций декабристов. В их произведениях новгородцы описаны благородными героями, охваченными патриотическим порывом, а Иоанн в их глазах был деспотом, носителем самодержавных устремлений.

Погодин не романтизировал вечевую республику. Его новгородские граждане разделены на зажиточных и бедных. Младшие граждане действительно настроены воинственно и готовы отстаивать свои права до последнего, но только потому, что права – единственное, что у них осталось. Их гнев направлен не только против Иоанна, но и против богатых новгородцев. В этом особенность позиции Погодина. Декабристы не видели, что Новгородская

---

[123] Стихотворная трагедия… С. 390.

республика была вовсе не демократической, а новгородцы не были едины в желании отстоять свободу Новгорода. В своей драме Погодин показывает разные социальные слои населения, которые преследуют разные цели.

Отношения между богатыми и бедными гражданами враждебны. Из «случайных» реплик читатель узнает, что младшие граждане платят бóльшую пошлину, что с правами на самом деле не все так гладко. Новгородцы говорят, что богатые подкупают чернь, чтобы обеспечить себе поддержку на вече; церковь относится к новгородцам в зависимости от их положения и достатка:

Присяги нечего бояться крестной.
С поклонами все разрешит владыка.
Грешить ведь нашей братье мелкой страшно,
Князьям с рук сходит и не это.

Народные сцены часто перекликаются с оценкой вечевых республик в «Истории государства Российского». Карамзин видел в вече всего лишь шумное сборище, а власть ради самих новгородцев должна была быть сильной и сосредоточенной в руках князей. Народ не занимал активную позицию, а был ведом посадниками и боярами. На вече под влиянием то Посадника, то Марфы граждане за очень короткое время меняют взгляды: от решимости дать отпор Иоанну до согласия перейти под его власть.

В свое время декабристы спорили с Карамзиным о правомочности вечевых судов. Карамзин осуждал «ужасное остервенение» веча, считал, что осторожная осмотрительность не свойственна «мятежному суду народному». Бестужев же признавал правомочным и самосуд веча в Новгороде и примерный суд с его присяжными, объездными судьями, с поединками, с Русской Правдой.

В первом же действии драмы стихийный суд казнит родственников изменников Назария и Захария, чье самовольное посольство стало предлогом для обиды Иоанна. Далее следует ремарка: «Многие бросаются с ужасным шумом на двух граждан. Посадники тщетно хотят восстановить спокойствие». Под восторженные крики толпы несчастных бросают в Волхов, и несколько граждан собираются идти поджигать и грабить их дома. Эта сцена стихийного суда показывает, что Погодин в оценке новгородского веча и суда был скорее согласен с Карамзиным, чем с декабристами.

Говорил Карамзин и о том, что на вече зачастую случались драки, граждане убивали друг друга. В третьем действии, пока новгородцы ожидали послов, между ними назревает драка, но если, по мнению Карамзина, конфликты возникали из-за вечевого устройства новгородской республики, то Погодин подчеркивает: драки возникали из-за того, что у разных социальных групп были разные цели. Зажиточные граждане хотели победы Иоанна, чтобы сохранить, а в будущем и приумножить свои богатства. Младшие граждане, которые в случае победы Иоанна теряют последние привилегии, видят в них врагов

и изменников. Социальная дифференциация граждан – основная причина стычек новгородцев. Такая точка зрения была более верной, чем представления о единстве, мире и дружбе, царивших в Новгороде, или о борьбе граждан друг с другом, обоснованной разлагающим влиянием веча.

Декабристы, представляя новгородских вождей символами вольнолюбия, вкладывали в их уста свои мысли и чувства. у них практически нет обращения к образам простых новгородцев. Погодин подошел к изображению Новгорода как бы изнутри, показывая обычных, порой неимущих людей, которые не воодушевлены высокими идеалами, а говорят о том, что видели сами или слышали от друзей, соседей, родственников. Кто-то завидует богатому соседу, кто-то хочет нажиться на чужом горе, а кто-то, наоборот, честный и благородный. Именно такой подход делает образы простых граждан в драме действительно правдивыми..

Это и получило одобрение Пушкина, считавшего, что в народной драме должна присутствовать «грубая откровенность народных страстей, вольность суждений площади». Образы новгородцев в драме Погодина отвечали этим требованиям и продолжали драматургические принципы «Бориса Годунова». Такая позиция соответствовала философским взглядам Погодина, который, рассматривая вопрос о движущих силах истории, утверждал, что ее ход определяется волей и практической деятельностью человека, которые, в свою очередь, определены сложившейся исторической ситуацией.

Погодин не отрицает героического прошлого Новгорода. Он видит патриотический пыл в новгородцах, и то, что его герои наделены не только положительными, но и отрицательными чертами, вовсе их не дискредитирует. В драме утверждается его видение движущих сил истории. Если декабристы видели движущую силу в идее, которая объединяет народ, то Погодин говорит о том, что народ своими действиями влияет на ход событий, исходя из своего их понимания и своих интересов.

Несмотря на то, что общая направленность пьесы монархическая, образ главной героини выдержан скорее в традициях декабристов. Марфа Посадница предстает идеализированной защитницей вольности и древних прав новгородцев. Погодин отдает должное их благородным порывам и боевой доблести. Зная, что летописи по-разному описывают ход битвы («Новгородский Летописец говорит, что соотечественники его бились мужественно и принудили Москвитян отступить, но что конница Татарская, быв в засаде, нечаянным нападением разстроила первых и решила дело. Но по другим известиям Новогородцы не стояли ни часу: ⟨...⟩ ужас объял Воевод малодушных и войско не опытное...»[124]), он придерживается версии случайности военной победы Московского князя. По сюжету драмы, победа была почти

---

[124] *Барсуков Н.П.* Указ. соч. Т. 3. С. 39.

в руках новгородцев, но предательство Борецкого решило исход битвы в пользу Иоанна. Погодин показывает решительный настрой новгородцев накануне битвы, решимость умереть за свободу:

Чтоб нас отпел владыка
Всех заживо: мы обреклися смерти
И не хотим в мир больше возвращаться.
Умрем за Новгород, Софию нашу!

Структура драмы, большой промежуток времени, который она охватывает, и вымышленный персонаж Борецкий, также повлияли на общее впечатление от исторического события, изображенного в трагедии. Критик Н.Ю. считал, что изображение в одном драматическом произведении противостояния, которое длилось годы, ослабляет впечатление и что Иоанн не принял бы измену Борецкого, так как не нуждался в ней, а хотел, чтобы граждане покорились добровольно, вследствие переговоров. Эти суждения, разумеется, небесспорны. Карамзин предполагал, что посольство Назария и Захария, спровоцировавшее конфликт и поход князя в 1477 г., было спланировано самим Иоанном. Кроме того, Новгород покорился вследствие осады, и рассуждения о «добровольности» здесь неуместны.

Изображение новгородской республики и ее героев в известной мере противоречит монархической концепции драмы. Если в ней усматривают прославление самодержавия, то одна из причин тому – изображение Иоанна, царя, который превыше всего ставит интересы страны:

Что господу угодно – да свершится!
Спокоен я, исполнив подвиг свой.
Литвы, Орды отсель не устрашится
Отечество, стяжавшее покой.
Пускай мой род любезный прекратится,
Но Русь моя восстанет над землей.
Забудьте же все грозы и напасти
В сени моей самодержавной власти!

Образ просвещенного монарха в литературе не нов, но на фоне событий 14 декабря 1825 г., такая трактовка была показательной.

Другая причина – характер новгородского веча, изображенного Погодиным. Оно заметно отличалось от традиционного. Скорее всего такая трактовка определялась не демократизмом автора и не его литературно-эстетическими принципами, а философскими взглядами. Рассматривая вопрос о движущих силах истории, он утверждал, что ход истории определяется волей и практической деятельностью человека, которые, в свою очередь, определены уже сложившейся исторической ситуацией.

Трагедию Погодина, как уже отмечалось, обвиняли в снижении патриотического пафоса, говорили о недопустимости «площадных» выражений, «пло-

щадных» сцен. Как пародия воспринимался критиками рассказ гонца о битве. Рассказ о событии – характерный компонент исторических пьес. В трагедии Погодина, как и у его предшественников, событие происходит за сценой и о нем рассказывают вестники, однако сам рассказ существенно отличается от традиционного возвышенного изображения боевых действий. Речь гонца насыщена народными выражениями, именами отличившихся в бою новгородцев:

Вот тут, откуда ни возьмись, у нас
Берденев Михаил – как закричит
Нам: «Эй, чего зеваете, ребята!
Живей за мной!» – как пустится стрелою
На них. А наши-то как гикнут:
«Вперед!» – как дернут вдруг из пушек,
Так вот пошла жарня, и в нос, и в рыло,
Поднялся крик, и гам, и гром страшенный.
Борецкий уж кричал-кричал – куда!
Не слышно ничего. Берденев Миша
Вперед, вперед, бьет и направо, и налево;
Верейцы как трава ссеченная валятся.
Добрался он до самого их князя,
Да так, не говоря худого слова,
Вавакнул по затылку, что и дух вон.

Не скрывают гонцы, что на поле боя иногда достается и своим:

И нашим молодцам двум-трем досталось
С Разважи улицы
За что?
Вперед
Идти мешали ратникам.

Рассказ гонца – это рассказ простого новгородца, с его мировосприятием и особенностями речи. Некоторые литераторы, следуя классицистической традиции, украшали речь вестника риторическими вопросами и сравнениями, заботясь не о воспроизведении событий, какими они были в действительности, а об их возвышении и приукрашивании. Погодин стремится приблизить речь гонца к народной, к точности в описании боя.

В первом действии есть упоминание о легенде, связанной с новгородской волей, – изображении Христа в храме святой Софии:

Вы были ль ныне у Святой Софии?
Глядели ль в верхний купол? – Наш Спаситель
Не разнимал своей десницы сжатой,
А Новгород до тех пор будет счастлив,
Пока рука его не разожмется.

По легенде, которая записана в Дубровском списке четвертой новгородской летописи, за 420 лет до описываемых в драме событий князь Ярослав ставил церковь святой Софии. Образ Спасителя был написан с благословляющей рукой, но наутро находили изображение со сжатой. «И иконописцы писаша по 3 утра, на четвертое же утро глас бысть от образа Господня. Иконным писцем глагодюще: писари, писари, о писари! Не пишите ми благословляющие руки, но пишите ми зжатую руку: аз в сеи руце моеи Великий Новград держу; а когда сия рука моя распростреся, тогда будет граду скончание»[125]. Такая примета была важной для каждого новгородца, и, можно предположить, что граждане сверяли политическую обстановку с изображением Спаса в храме. Автор вводит упоминание об этом сказании также для того, чтобы полнее передать характер новгородского гражданина.

Под влиянием европейской драматургии и «Бориса Годунова» к 30-м годам XIX в. характер исторических драм меняется. Индивидуальные, личные мотивы перестают быть движущими силами сюжета, на первый план выходит то, как историческая обстановка определяет позицию человека. Погодин отказывается от любовной интриги, не углубляется в проблему взаимоотношений Марфы Посадницы и Борецкого, в отличие от Карамзина и Ф.Ф. Иванова даже не упоминает Ксению и Мирослава. Карамзин и Иванов переводили проблему падения Новгорода в плоскость моральную и показывали историческую трагедию сквозь призму личных ощущений героев. Падение Новгорода воспринималось как личная драма Ксении, потерявшей любимого мужа, и трагедия Марфы, которая лишилась всего, что было ей так дорого, и привела республику к падению.

Известна пушкинская постановка вопроса о соотношении искусства и действительности. Он утверждал, что «истина страстей, правдоподобие чувствований в предполагаемых обстоятельствах – вот чего требует наш ум от драматического писателя»[126]. Три единства ограничивали свободу творчества, поэтому в «Борисе Годунове» Пушкин отказался от единства места и времени, сохраняя единство действия, следуя скорее не правилу, а логике вещей. Действие совершается и в России, и в Польше, а события, изображенные в драме, развивались более семи лет.

Этому же принципу следует и Погодин. Единство места в его драме не соблюдено. Действие происходит то на площадях Новгорода, то в стане Московского князя, то в тереме Марфы Посадницы. Соблюдение Погодиным единства действия вызвало критику со стороны Н.Ю., который подчеркивал, что «несообразно несколькими часами ограничивать интригу, которая в действительной жизни не распуталась бы и в целый год; еще несообразнее

---

[125] Полное собрание русских летописей. Т. 4. Ч. 1. Новгородская четвертая летопись, М., 2000. С. 471.

[126] *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. Т. 11. С. 178.

заключать в такие тесные пределы продолжительное и многосложное историческое действие»[127]. События, которые происходят в течении трех дней, на самом деле развивались с 1469 по 1478 г. Автор объединяет события первого похода Иоанна на Новгород, окончательное покорение новгородцев и конфликт удельных князей.

Но Пушкин оценил не только творческие принципы, которыми руководствовался Погодин. Он одобрил проблематику драмы, трактовку новгородской темы. Погодин обратился к такому эпизоду истории, в котором обе стороны по-своему правы. Новгород – потому что борется за свои исконные права, а Иоанн – потому что стремится к созданию сильного государства и делает это с осторожностью разумного политика.

Поскольку работу над «Марфой Посадницей» Погодин начинает только в 1829 г., И.М. Тойбин считал, что на монархический характер драмы повлияла обстановка после поражения декабристов. Он не сомневается в том, что Погодин, еще в декабре 1825 г. сочувственно относившийся к Новгороду и Марфе Посаднице, о чем свидетельствует запись в дневнике, изменил свое мнение в результате переосмысления идеологического наследия декабристов. Драма об одном из наиболее трагичных эпизодов русской истории – падении новгородской вольности – призвана доказать «необходимость самодержавия». По мнению В.Э. Вацуро, записи дневника Погодина свидетельствуют о том, что автор не был убежденным сторонником политики правительства и драма была написана в монархическом тоне не без опасений политических преследований.

Действительно, патриотический пафос присутствует в драме, но главная задача автора уже не прославлять вольный Новгород, а объективно взглянуть на причины его неизбежного падения. Кроме того, как историк Погодин искал в торжестве самодержавия историческую закономерность: «всего занимательней в истории смотреть на связь и ход происшествий»[128]. Конфликт драмы шире противостояния Иоанна III и Новгорода. Автору, по мнению М.Н. Виролайнен, «важно стянуть в один сюжетный узел конфликт единовластия со всеми силами, ему противостоящими»[129]. Поэтому Погодин подключает сюда и конфликт удельных князей с Московским князем.

Завязка трагедии – вече, на котором выясняется, что чиновник Назарий и дьяк веча Захария самовольно отправились в Москву и назвали Иоанна государем Новгорода. Это посольство описано у Карамзина в «Истории государства Российского», и Погодин сохраняет и использует не только сам факт посольства, но и имена и должности «предателей». Событие это относится

---

[127] *Н.Ю.* Указ. соч. С. 341.

[128] *Барсуков Н.П.* Указ. соч. Т. 1. С. 145.

[129] *Виролайнен М.Н.* Молодой Погодин // *Погодин М.П.* Повести. Драма. М., 1984. С. 16.

к 1477 г., т.е. ко времени второго и последнего конфликта Московского князя с вечевым Новгородом. Иоанн идет войной, и принимается решение отправить посольство для переговоров с ним. В первом же действии намечаются конфликт зажиточных и младших граждан, а также вводится мотив измены Борецкого.

Второе действие описывает переговоры новгородских послов с Иоанном. Погодин, опираясь на материал «Истории государства Российского», очень подробно излагает требования новгородцев. Встречаются предложения, практически полностью взятые из «Истории...». Например, «Василий Темный возвратил новгородцам Торжок; но другие земли ⟨...⟩ оставались за Москвой: еще не уверенные в твердости Иоаннова характера, и даже сомневаясь в ней по первым действиям сего Князя, ознаменованным умеренностью, миролюбием, они вздумали быть смелыми, в надежде показаться ему страшными, унизить гордость Москвы, восстановить древние права своей вольности ⟨...⟩ С сим намерением приступили к делу: захватили многие доходы, земли и воды Княжеские; взяли с жителей присягу только именем Новгорода; презирали Иоанновых Наместников и Послов; властию Веча брали знатных людей под стражу на Городище ⟨...⟩ делали обиды Москвитянам»[130]. У Погодина Иоанн во время переговоров, перечисляя прегрешения новгородцев, говорит:

Они уж при отце покойном стали
Искать еще других, излишних прав.
Вступалися в его доходы, земли,
Его суда княжого уклонялись. –
Восшедшим нам на отческий престол
Их больше увеличилася дерзость.
На младость наших лет они надеясь,
Не слушались наместников, послов,
Княжей землей, водою овладели,
Купцов, московских подданых судили
И с городища стали брать под стражу,
Врагов к себе приняли наших кровных.

Автор драмы упоминает и о посольстве Василия Ананьина, который, как говорилось у Карамзина, ничего не ответил «на жалобы Иоанновы»:

Единого покорного нам слова
Не справили в своем посольстве.

Карамзин постоянно подчеркивал, что Иоанн был осторожным политиком и перед походом на Новгород «советовался с матерью, с Митрополитом, и призвал в столицу братьев, всех Епископов, Князей, Бояр и Воевод.

[130] *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. 6. С. 23–24.

Не только бояре и Воеводы, но и Святители ответствовали единогласно: “возьми оружье в руки!”».

Решились мы с благословенья наших
Святителей московских и с совету
Любезной матери, бояр и братьев,
Казнить предателей...

Переговоры новгородских послов с Иоанном – одна из наиболее удачных сцен трагедии, особенно высоко оцененная Пушкиным. Думается, не последнюю роль сыграло то, что автор использовал летописные свидетельства и с их помощью смог представить «дипломатику вольного города». Речь новгородских послов была зафиксирована в одной из летописей и автор трагедии переложил ее в стихотворную форму, сохраняя стиль и образность, но несколько смягчая виноватый тон:

«Господине великий князь Иван Васильевич всея Руси, милостивыи! Господа ради пожалуй винных людей пред собою Великого Новгорода, своея отчины! Уложи своего гнева, а меча своего поуломи, огнь в земли угаси, грозы свои утиши, землю свою, господине, поукроти, старины в земли не изруши, дай света видети, безответных людей пожалуй, смилуйся, как ти Бог положит на сердце»[131].

Мы бьем челом от Новграда тебе,
Властей духовных, светских и всех граждан.
Помилуй отчину свою! Пожалуй
Людей перед тобою безответных
И старины ты не изруши вовсе.
Уйми свой меч и угаси огонь,
Дай света видети, и в милость
Великий Новгород, мужей свободных
Прими.
Не для ради молитвы нашей
Пренедостойной, но для милосердья
Своего, грозу утиши, мир нам даруй.

Погодин также подробно описал просьбы послов. Они предлагали государю «ежегодную дань со всех волостей новгородских, с двух сох гривну», просили не выводить людей из владений новгородских, не вступаться в отчины и земли боярские, не звать никого на суд в Москву, не требовать новгородцев к себе на службу и поручить им единственно оберегать северо-западные пределы России. Новгородцы также соглашались принять наместников князя, но суд просили «оставить по старине». В первом действии драмы вече решает, какими правами можно поступиться:

---

[131] Полное собрание русских летописей.... С. 511.

Принять к себе княжих тиунов?
Нет!
Нет – Новград судится своим судом...
Не предложить ли князю наше войско
В услугу для его походов разных?
Нет – наша кровь должна лишь продаваться
За родину! ⟨...⟩
Мы будем Русь хранить от Польши, шведов,
От крыжаков – ему чего же больше? ⟨...⟩
Умножим пошлину с двух сох по гривне.

На переговорах Борецкий говорит:

Мы будем ежегодно государю
Платить дань черную с всего народа,
Но без московских даньщиков с писцами:
От них бывает теснота большая
Всем людям – верь душе новогородской ⟨...⟩
Мы просим лишь оставить суд старинный,
Не звать в Москву на службу новгородцев.

Эта фраза почти дословно соответствует речи владыки Феофила, который молил великого князя не присылать своих писцов и даньщиков, которые обыкновенно теснят народ и верить совести новгородской.

Мы просим дома нас судить. Инуды
Не выселять бояр, купцов, ни житых
Людей, изречь всем милость и прощенье,
К имуществу граждан не прикасаться.

Как видно из приведенных цитат, автор трагедии очень бережно относился к фактам, точно перечислял все требования как новгородцев, так и Иоанна. Погодин также упомянул, что Иоанн отказался клясться сам, что выполнит условия новгородцев: «Государь державный не присягает» и не разрешил присягать боярам: «Не могут подданные за государя клясться!».

Во втором действии происходит встреча Иоанна и Борецкого, во время которой Иоанн просит возбудить воинский пыл в новгородских гражданах. Как осторожному политику Иоанну необходимо сопротивление города, только тогда он может полностью и на законных основаниях овладеть им. Кроме того, не желая понапрасну проливать кровь, он просит Борецкого открыто изменить Новгороду в предстоящей битве. В награду Борецкий требует сделать его наместником в городе, не касаться имущества граждан и сохранить жизнь матери.

В третьем действии отражена вся глубина противоречий и социальных различий в новгородском обществе. Граждане делятся на два лагеря: защитни-

ки новгородской вольности и приверженцы власти Москвы. Автор ясно показывает, как позиция зависит от имущественного положения граждан: богатые стремятся перейти под власть Москвы, а бедные выступают за независимость Новгорода. Эти мотивы встречались в «Истории государства Российского»: «Благоразумнейшие сановники, старые Посадники, Тысячские, Житые люди хотели образумить легкомысленных сограждан и говорили: “Братья! Что замышляете? Изменить Руси и православию?”»[132].

Карамзин имел в виду людей богатых, тех, которые ожидают прихода сильной власти, боятся буйного нрава бедных сограждан больше, чем самодержца Иоанна.

Богатые граждане откровенно не хотят воевать и умирать за новгородскую славу, говорят, что битва с князем все равно, что «на нож», «на убой». Карамзин также отмечал «утрату воинского мужества, которое уменьшается в державах торговых с умножением богатства, располагающего людей к наслаждениям мирным». В драме «Марфа Посадница» житые люди, бояре выступают за приход Иоанна.

Кульминационным моментом пьесы является известие о том, что битва проиграна, а виноват в этом Борецкий; развязкой – появление Иоанна на Ярославовом дворище. Иоанн сдерживает обещание, данное Борецкому, и не казнит Марфу, несмотря на то, что Борецкого уже убил какой-то новгородец. Стремясь достоверно показать судьбу Марфы, Погодин отказывается от уже ставшей традиционной в литературе смерти героини. В повести Карамзина и трагедии Ф.Ф. Иванова Марфа предпочитает умереть, чем видеть Иоанна хозяином Новгорода.

Марфа передает пророчество Зосимы Иоанну. Погодин полностью сохраняет предысторию: «Св. Зосима, игумен монастыря Соловецкого, жалуясь в Новгороде на обиды Двинских жителей, в особенности тамошних приказчиков Боярских, должен был искать покровительства Марфы, которая имела в Двинской земле богатые села. Сперва, обманутая клеветниками, она не хотела видеть его, но после, узнав истину, она осыпала Зосиму ласками, пригласила к себе на обед вместе с людьми знатнейшими и дала Соловецкому монастырю земли»[133].

В трагедии Марфа рассказывает Ксении об обидах монахов, бесчинстве новгородцев и своих заблуждениях, однако содержание предсказания святого несколько меняется. По легенде, Зосима увидел на пиру у Марфы обезглавленных бояр и предсказал, кто будет казнен, когда в Новгород придет Иоанн. В таком виде легенда предстает, как мы помним, и в стихотворении А.И. Одоевского «Зосима». В трагедии Погодина кроме конца новгородской

---

[132] *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. 6. С. 28.

[133] Там же.

воли, святой предсказывает страшный конец Иоанна и династии Рюриковичей. Предсказывает Зосима и приход рода Романовых, который

примет власть над вашею державой,
К величию Россию поведет…
И счастие созиждет поколений,
И имя он свое пред вашим вознесет.

Создавая образ Иоанна, Погодин, естественно, опирался на «Историю государства Российского». Карамзин отмечает, что личность Великого князя, возможно, не была привлекательна так, как Мономах или Дмитрий Донской, но его государственные дела восхищают потомков. Погодин, как мы видим, полностью поддерживает такое мнение. Иоанн не вызывает любви у героев драмы, тем не менее его государственная политика достойна восхищения.

Погодин сохраняет традиционный для конца XVIII в. образ просвещенного монарха, и в повести Карамзина, и в драме Иванова Иоанн – благородный и справедливый правитель, страдающий от необходимости применять силу во имя государственных интересов всего государства. В драме Погодина Иоанн говорит:

Но мне желалось бы как можно меньше
Пролить христьянской драгоценной крови
Моих детей любимых новгородцев.

Однако звучит это так же фальшиво, как и слова: «Мне больно самому отнять у граждан / Их древние, любезные права». Это не соответствует образу Иоанна, который сложился у читателя по первым действиям трагедии. Тем не менее это не авторская недоработка. В летописях несколько раз говорилось о том, что Иоанн «не хотя видети многого пролития крови християнския», и Погодин передал утверждение летописца.

Напомним, что Пушкин считал сцену переговоров с Борецким «недраматической». В стремлении создать образ идеального монарха Погодин пошел против исторической достоверности. Оценка сцены переговоров Иоанна и Борецкого, по мнению М.Н. Виролайнен, показывает, насколько различным было отношение Пушкина и Погодина к измене. Пушкин видел в Борецком в первую очередь предателя и считал, что Иоанн не должен был разговаривать с ним так благосклонно. Для Погодина же важнее было искреннее желание Борецкого восстановить мир, порядок и процветание в Новгороде. На наш взгляд, вопрос не в этической оценке поступка Борецкого, а в исторической достоверности и правдоподобии сцены договора. Пушкин же обращал внимание на «нецарское» поведение Иоанна как на ошибку в создании исторического колорита трагедии.

Об отношении Погодина к Иоанну трудно говорить с полной уверенностью. Пушкин писал ему: «Сердце Ваше не лежит к Иоанну. Развив драмати-

чески (то есть умно, живо, глубоко) его политику – Вы не могли придать ей увлекательности чувства вашего – Вы принуждены были даже заставить его изъясняться слогом несколько надутым»[134]. Возможно, эти художественные просчеты и привели к тому, что и первые критики трагедии, и ее позднейшие исследователи сходились в том, что Марфа выглядит душевно выше Иоанна.

Его образ складывается не только из его речей, но и из суждений о нем новгородцев и удельных князей. Новгородцы называют его «жадным», «лжецом», сравнивают со «свирепым волком». Удельные князья говорят о нем, как о «жадном коршуне». Речь Иоанна, обращенная к послам, – это обвинительная речь, продуманная так же тщательно, как и каждый шаг его политики. Осторожность Иоанна отмечал Карамзин. Погодин также описывает Великого князя как хитрого политика. Не желая ополчить против себя своих союзников и родственников, и для того, чтобы придать законный вид покорению Новгорода, Иоанну нужно сопротивление вечевой республики. Потому он и просит Борецкого разжечь воинственный пыл новгородских граждан.

Н.И. Надеждин подчеркивал, что образ Иоанна недостаточно героический: «Добро бы, если б Иоанну даны были сила и величие, пред которыми ничто устоять не может, если б царственные его очи блистали всенизлагающею мудростью, если б державная воля угрожала непреодолимым всемогуществом. Но он представляется в трагедии умным и – бессильным, осторожным до робости, нерешительным до слабости. Он торгуется о победе с изменником и покупает ее неискренними обещаниями»[135]. Критик Н.Ю. также считал образ Иоанна недостаточно раскрытым. Романтическое представление о том, как должен выглядеть герой, шло вразрез с истиной: Иоанн был великим монархом, но величие его было не внешним, а происходило от мудрой политики и высоких стремлений.

Противоположную характеристику образу Иоанна в «Марфе Посаднице» дает Пушкин: «Мысль об Иоанне господствует и правит всеми мыслями, всеми страстями. Здесь видим могущество его владычества, укрощенную мятежность удельных князей, страх, наведенный на них Иоанном, слепую веру в его всемогущество ⟨...⟩ речь его послам не умаляет понятия, которое поэт успел внушить. Холодная, твердая решимость, обвинения сильные, притворное великодушие, хитрое изложение обид. – Мы слышим точно Иоанна – мы узнаем мощный государственный его смысл, мы слышим дух его века»[136].

Образ Иоанна был единственным, который проанализировал Пушкин в статье о погодинской драме. Пушкин писал, что именно Иоанн наполняет трагедию. «Мысль его приводит в движение всю махину, все страсти, все пружины». Мысли о нем налицо и в Новгороде и в стане Московского князя,

---

[134] *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. Т. 14. С. 19.
[135] *Надеждин Н.И.* Указ. соч. С. 293–294.
[136] *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. Т. 11. С. 181–182.

и среди удельных князей. Но несмотря на то, что за Иоанном новое, прогрессивное, сильное государство, его образ не привлекает симпатий читателя. Он вызывает уважение своей целеустремленностью, готовностью исполнить свой долг перед отечеством, но не ощущение душевной близости. В дневнике Погодин говорит, что плакал, когда описывал прощание Марфы; другие записи также говорят о нежном отношении автора к героине трагедии, но нет подобных замечаний, которые касались бы Иоанна.

Автор знакомит читателя с Марфой еще до того, как она появляется на сцене. Новгородцы описывают ее с любовью: «пригожая», «родимая», «как любо смотреть на нее». Марфа – «мать» новгородская, они для нее – «дети». Новгородцы воспитаны на ее рассказах о старых временах, когда воинские подвиги поражали воображение. Мотив славного прошлого проходит красной нитью в речах Марфы и младших граждан; честь отцов и дедов, уже не важная, как показывает автор, для богатых граждан, для них все еще является предметом поклонения.

Когда в 1826 г. Погодин задумал образ Марфы Посадницы, он ассоциировался у него с «Орлеанской девой» Ф. Шиллера, Почему Погодин взял за основу этот образ и какие именно принципы использовал? Отношение к самой Жанне д'Арк у Погодина было лишено романтического ореола: в 1828 г. в критической статье, посвященной «похождениям» Жанны д'Арк, он отмечает: «все изображения Иоанны, лепные, живописные, литые не имеют никакой достоверности и принадлежат ко временам позднейшим»[137]. Тем не менее, его привлекал романтический образ французской патриотки, и не приходится сомневаться, что он в значительной мере повлиял на то, как Погодин раскрывает образ Марфы Посадницы.

Отношение к образу Жанны д'Арк было двойственным в силу политических и национальных разногласий, и впоследствии память о ней вызывала самые противоположные чувства: у одних – суеверное поклонение, у других – оскорбительное презрение. Как известно, написанная в 1656 г. Жаном Шапленом эпопея «Девственница, или Освобожденная Франция» представила Жанну д'Арк посланницей небес, вдохновленной Богом спасительницей короля. Созданная по заказу Ришелье, эпопея проповедовала богоизбранность королевской власти и способствовала укреплению католической веры.

Написанная через сто лет поэма Вольтера «Орлеанская девственница» была пародией на произведение Шаплена. Обличая разврат и ханжество священнослужителей, она снизила значение подвига народной героини. Шиллер в своей драме стремился реабилитировать доброе имя Жанны д'Арк, сместить акцент с критики церковников на прославление патриотизма простой девушки, показать ее бескорыстие и искренность. Он хотел вернуть челове-

---

[137] *Барсуков Н.П.* Указ. соч. Т. 2. С. 295.

ческую душу этой личности, на которую или смотрели как на нечто сверхъестественное, или умаляли, опошляли, принижали. Надо было раскрыть истинные побудительные силы в этом явлении, чуждом и области чудесного, и не поддающимся горделивому скептицизму.

Отношение к Марфе Посаднице также не было однозначным. Если декабристы воспринимали ее как незыблемую поборницу вольности, то сторонники монархической власти видели в ней женщину властную, коварную, подчеркивая, что она хотела перейти под покровительство Литвы и выйти замуж за литовского вельможу.

Авторы критических статей, посвященных трагедии Погодина, также предлагали свое видение Марфы Посадницы. Надеждин считал, что «Марфа Посадница, вероятно, была богатая, сильная женщина с умом и характером; но – едва ли героиня патриотизма и вольности, коей только имя и тень оставалась в Новгороде, в ее время»[138]. Еще более решительно высказывался Н.Ю.: «Марфа была в Новегороде представительницею аристократии, которая не столько желает свободы, сколько боится законного порядка монархии: вот почему Иоанн был для нее страшнее Казимира, хотя оба лишат Новгород свободы»[139].

Думается, Погодин разрабатывал образ Марфы Посадницы, опираясь на представление Шиллера о том, какой должна быть народная героиня, образцом которой виделась Жанна д'Арк. Параллель между этими двумя великими женщинами проводилась и раньше: считается, что Рылеев отказался от раннего варианта думы «Марфа Посадница» из-за сходства первых строк –

Простите вы, поля, долины, реки!
С волнением растерзанной души
Я с вами днесь прощаюся навеки:
Мне суждено окончить дни в глуши[140] –

с монологом Жанны д'Арк, прощающейся с родными полями и холмами:

Простите вы, холмы, поля родные;
Приютно-мирный, ясный дол, прости;
С Иоанной вам больше не видаться,
Навеки она вам говорит: прости![141]

Для современников, читавших «Орлеанскую деву» в переводе В.А. Жуковского, имя этой девушки сделалось символом самоотверженной любви к отечеству; она стремится приносить свои жертвы свободно, бескорыстно,

---

[138] *Надеждин Н.И.* Указ. соч. С. 294.
[139] *Н.Ю.* Указ. соч. С. 342.
[140] *Рылеев К.Ф.* Думы. С. 117.
[141] *Жуковский В.А.* Собр. соч.: В 4 т. Т. 3. М.; Л. 1950. С. 19.

движимая лишь любовью к родине, энтузиазмом к священному праву, попранному дерзкими чужеземцами.

Беззаветная любовь Марфы Посадницы к Новгороду, его вольнолюбивым традициям также красной нитью проходит через всю трагедию. Как одна из самых богатых граждан Новгорода, Марфа должна была бы приветствовать приход Иоанна и сильную власть, однако она готова пожертвовать богатством ради вольности родного города.

Готова Марфа
Приять и казнь, и стыд, и муки ада,
Лишь Новгород остался б с прежней волей.

Отвечает она на укоры новгородцев, –

Да, братья, за любовь к Святой Софии,
За преданность к великому Новграду,
За верность ко святым заветам предков,
Радение о ваших льготах, вашей воле,
За гордость честную пред Иоанном,
Презрение к коварным предложеньям,
Улику в притязаньях беззаконных,
Обречена я смерти,
Но поверьте:
Не страх, не мысль преступная спастися
Опасною отвагой всей отчизны
Внушает речь мою.

Но при известном сходстве в трактовке образа народной героини у Шиллера и Погодина, между Жанной д’Арк и Марфой Посадницей очевидна и большая разница. Жанна д’Арк – романтическая героиня. Ее идеализация – результат сознательного выбора автора. Шиллер понимал, что его образ Орлеанской девы искусственно возвышен: «Вольтер постарался, насколько мог, затруднить работу своему драматическому последователю. Если он слишком глубоко окунул в грязь свою Девственницу, то я вознес свою возможно слишком высоко. Но тут ничего нельзя было сделать, надо же было стереть клеймо, которым он запечатлел свою красотку»[142].

У Погодина такие намерения отсутствовали, он не стремился ни «окунать в грязь» свою героиню, ни поднимать ее «слишком высоко». Его целью было, используя пушкинское выражение, воскресить минувший век во всей его истине, и заложенная в его трагедии полемика с предшественниками носила иной характер.

В драме Погодина, как и в повести Карамзина, драме Ф.Ф. Иванова, лирике декабристов, Марфа продолжает оставаться символом патриотизма;

---

[142] Шиллер Ф. Письмо М. Виланду (17 октября 1801 г.) // *Шиллер Ф.* Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1950. С. 806.

новгородская свобода для нее – святое, «заветное наследство предков». Ради Новгорода пали ее отец, муж, сын.

За ними вслед, с моим последним внуком
Готова пасть и я за нашу волю.

Такого же патриотизма ждет она от каждого новгородца:

...святые тайны
Отчизны на руки мы вам вверяем,
Вы грудию отстаивать должны
Их всякую заповедную каплю.

Гордая тем, что она вольная гражданка Новгорода, Марфа постоянно напоминает о гордости другим согражданам: «не унизьтеся пред Иоанном» – и не поддерживает мысль отправить послов к Иоанну, чтобы попробовать уладить конфликт. Не может быть мира между вольным вечевым Новгородом и самодержцем Иоанном. Сравним эти слова с тем, что говорит героиня Шиллера, когда узнает о том, что жители Вокулера, «уверившись, что враг неодолим и помощи от короля не чая», решились на переговоры с изменником, герцогом Бургундским: «С кем договор? Ни слова о покорстве!»[143]

Иоанна вдохновляет воинов на победу, поддерживает в них воинский дух. «Ей веруя народ сраженья жаждет»[144], – говорит Рауль. Таким же влиянием пользуется Марфа Посадница. Ее речи вселяют в новгородцев уверенность в победе:

Нет, не падем, мы победим Москву!
Война! война! к мечам! свобода! Марфа!

В «Орлеанской деве» приоритет возвышенного, гражданского, жертвенного возвышен над бытовым, вседневным, присущим большинству людей. Воспринимая эту концепцию, Погодин противопоставляет Марфу Посадницу обыкновенным женщинам, для которых семья на первом месте. Сравним слова, которыми она напутствует на битву сына –

Мой сын! иди с отпетыми на битву,
Будь впереди, где льется кровь быстрее,
Где падают удары вражьи чаще,
Где бой кипит страшней и смерти больше.
Умри за родину, честь предков наших –
Чтоб ни один новогородец ныне
Нас больше не терпел! –

и переживания простых новгородцев и особенно новгородских женщин:

---

[143] *Жуковский В.А.* Т. 3. С. 17.
[144] Там же. С. 42.

Проклятая! Откуда что берется…
Ей нет труда… Все по воде разводит.

Женщины, чей мир ограничивается лишь семьей, видят в Марфе причину всех бед и обвиняют ее в смерти родных:

А нам какое дело
До города? Лишь наши были б целы! ⟨...⟩
Ну что, злодейка, победили? Чья
Взяла? – Ну что? упейся нашей кровью!
Сладка ль она? ⟨...⟩
Чтоб не было тебе и в аде места!

Они готовы пасть на колени перед Иоанном лишь бы сохранить жизнь своим родным:

А знаете ль, что сделать нам, соседки?
Пойдемте на сраженье к князю
Повалимся все в ноги меж полками,
Чтоб принял нас он под свою державу, –
Чай, и мужья теперь согласней сдаться.
Быть может, так уймем кровопролитье!

Эта сцена, по-видимому, привлекла внимание Пушкина, что отразилось в сохранившемся черновом наброске одним лишь словом – «Женщины»[145]. Мы никогда не узнаем, как была бы развита пушкинская мысль и на чьей стороне – Марфы или «женщин» – было его сочувствие, но сам факт, что Погодин увидел и отразил обе позиции, оба подхода к ситуации, подтверждал, что драматический поэт, по его мнению, не должен «хитрить и клониться в одну сторону, жертвуя другою»[146].

Нельзя не видеть принципиальных различий в трактовке образа Марфы у Карамзина и Ф.Ф. Иванова, с одной стороны, и у Погодина – с другой. Так, Карамзин, а следом за ним Иванов, подчеркивают, что Марфа в первую очередь любящая жена и мать. «Было время ⟨…⟩ когда мать ваша жила единственно для супруга и семейства в тишине дома своего, боялась шума народного и только в храмы священные ходила по стогнам, не знала ни вольности, ни рабства, не знала, повинуясь сладкому закону любви, что есть другие законы в свете, от которых зависит счастие и бедствие людей. О время блаженное! Твои милые воспоминания извлекают еще нежные слезы из глаз моих».

Теперь Марфа превратилась в смелую, сильную женщину. Она «с смелой твердостью председает» в совете старейшин, является на лобном месте среди народа многочисленного, велит умолкнуть тысячам, говорит на вече, волнует народ как море, требует войны и кровопролития…». Марфа рассказывает,

---

145 *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. Т. 11. С. 419.
146 Там же. С. 181.

что лишь обещание мужу Исааку Борецкому «быть вечным врагом неприятелей свободы новгородской» заставило ее, прежде тихую и робкую, начать бороться за вольность и старинные права Новгорода. «Гордость, славолюбие, героическая добродетель, есть свойство великого мужа: жена слабая бывает сильна одной любовию, но чувствуя в сердце небесное вдохновение, она может превзойти великодушием самых великих мужей и сказать року: “Не страшусь тебя”. Так Ольга любовию к памяти Игоря заслужила бессмертие; так Марфа будет удивлением потомства, если злословие не омрачит дел ее в летописях!» – подводит итог Марфа Посадница[147].

Иванов показывает страдания Марфы, которая отправляет своего сына Мирослава на бой:

Помедли, солнце, ты за горы закататься!
Не долго здесь тобой свободе освещаться!..
Не долго!.. Что рекла?.. Умолкни скорбный глас,
Умри в душе моей и не тверди всяк час
Погибель мне мою, Отечества, свободы!
Нет, заблуждаюсь я – то глас одной природы
Мой к брани сын готов, я страхи им терплю:
Любя Отечество, и сына я люблю…

Поистине драматична сцена прощания Марфы и Мирослава:

Воин

Со криком воинство знамена окружает,
Все яростью кипит и зреть вождя желает!

Мирослав

Лечу!

Марфа
(*останавливая*)

Мой сын!

Мирослав

Меня Отечество зовет!

Марфа

Впоследни может зрю!..

Мирослав

Забыта ль слава?

Марфа
Нет! Отечеству уже ты обреченна жертва!

---

[147] *Карамзин Н.М.* Марфа-Посадница... С. 55, 56.

М и р о с л а в

Иль хочешь зреть меня в стыде?

М а р ф а

Ах, лучше мертвым!

М и р о с л а в

Коль я паду в бою, ты слез не проливай.
Блажен тот, кто умрет за свой родимый край!

М а р ф а

Отечество в беде! – умолкни же природа!..
Ступай, мой сын!

Проводив сына, Марфа, плача, говорит:

Гражданку Новграда я тщилась показать,
Я долг свой отдала; теперь могу быть мать[148].

В трагедии Погодина Марфа воспринимает известие о том, что Борецкий изменил Новгороду и жив, как жестокую кару:

За что такою лютой, горькой казнью
Казнить меня. – Неужли я на свете
Грешнее всех людей?

Чуть позже узнав, что сына убили, она успокаивается:

Слава Богу! он не будет
Питаться кровью преданной отчизны,
Наш род корить его не станут счастьем!

Вести об убитых и раненых не расстраивают Марфу:

Утешьтесь! что вы! в битве
Ведь раненые завсегда бывают.
Нельзя без этого. Они Бог даст,
И выздоровеют.

Н.Ю. считал, что во время битвы в Марфе Посаднице «не много твердости; она не знает, что делать: суетится, мечется», но в действительности Погодин достаточно ясно показал, что во время битвы Посадница управляет городом, распоряжается собрать пополнение, перевязывает раненых. Он подчеркивает, что несмотря на старания предателей, она сохраняет самообладание и не верит слухам, не позволяет посеять панику среди новгородцев.

---

[148] Там же. С. 402.

Призывая народ к активному сопротивлению, Посадница ставит новгородцев на грань гибели. Но она проникнута верой, что одна решительная битва может переломить ситуацию.

В трагедии Шиллера, повести Карамзина, драмах Иванова и Погодина мы видим разные трактовки и психологическое обоснование образа народной героини, но во всех случаях так или иначе дает себя знать ее идеализация. Это отмечала и критика. Надеждин писал, что «одна Марфа имеет в себе элементы трагического величия: силу воли, непреклонность характера, пыл энтузиазма»[149].

Карамзин обращается к личной жизни героев и ищет обоснование поведения в их чувствах. Любовь к мужу заставляет Марфу бороться за свободу. Иванов акцентирует внимание на чувстве долга Марфы перед Новгородом, но Погодин по-иному видит истоки ее поступков. В убеждении, что не личные мотивы, а «корысть» являются стимулом поведения человека, он в полной мере раскрывает эту мысль в образах новгородских граждан и удельных князей.

Раскрыть образ Марфы в таком же духе Погодину не удалось. Социально обосновать поведение Марфы Посадницы и в то же время придерживаться традиционной трактовки образа непримиримого борца за вольность Новгорода оказалось невозможно: одна из самых зажиточных граждан, она должна была приветствовать приход сильной власти Иоанна. В действительности она самый последовательный его противник, средоточие противостоящих ему сил.

Образ Марфы противоречив. Ее борьба за вольность предстает в ином свете на фоне обнаженных автором трагедии внутренних коллизий новгородского общества. Стремясь исторически достоверно показать судьбу Марфы, Погодин отказывается от уже ставшей традиционной в предшествующих произведениях о ней смерти героини. Изображая Борецкого, сына Марфы, изменником, автор трагедии намекает на морально-психологический конфликт, но так и не раскрывает проблему взаимоотношений матери и сына. В трагедии не отражена борьба между чувством и долгом. Полностью отказываясь от изображения чувств и страданий героев, Погодин сосредоточивается на гражданском и политическом аспектах.

Именно образ Марфы наиболее ярко отразил противоречивость отношения Погодина к событиям, изображенным в его трагедии. Автор драмы отдает дань идеализации народной героини, изображает ее так же возвышенно, как Шиллер в «Орлеанской деве» изобразил Жанну д'Арк. Бескорыстная любовь к родине, готовность пожертвовать собой ради свободы одинаково присущи двум великим женщинам. Однако оценка поражения Новгорода не только как

---

[149] *Надеждин Н.И.* Указ. соч. С. 294.

неизбежного, но и «общественно полезного», не позволяли романтически возвысить образ Марфы Посадницы, сделать ее героиней-мученицей.

На примере Марфы Посадницы Погодин показывает, что великая личность неотделима от народной массы и выражает волю определенного слоя общества. В своей деятельности Марфа шла настолько далеко, насколько ей позволили те, чью волю она выражала. Правда, она сумела убедить новгородцев не сдаваться на милость Иоанна, но это не изменило исхода противостояния: ее желание и уверенность в победе хоть и передались на некоторое время новгородцам, но не изменили их частных интересов.

Шиллеровский конфликт материалиста и идеалиста из трилогии о Валленштейне, в котором поступки реалиста обусловливаются обстоятельствами, а идеалист руководствуется идеями и представлениями о нравственности, можно найти и в трагедии Погодина. Марфа – идеалист, для нее важна нравственная сторона поступка, честь и достоинство. Борецкий – реалист, не рассуждающий о высоких понятиях. Образ Борецкого заслуживает особого внимания и потому, что это самый крупный вымышленный персонаж. Как отмечал В.Э. Вацуро, «линия Борецкого для Погодина чрезвычайно важна – это одна из пружин драматического конфликта»[150].

В «Истории» Карамзина было упомянуто, что «открылась еще внутренняя измена. Некто, именем Упадыш, тайно доброхотствуя Великому князю, с единомышленниками своими в одну ночь заколотил железом 55 пушек в Новгороде»[151]. Образ изменника фигурирует и в повести Карамзина. У Иванова в драме в этой роли выступает Михаил, его поведение обосновано всепоглощающей ненавистью к семье Борецких:

Я предал вас Царю, в угоду злобе той
К Борецким, что питал и дед и прадед мой,
В наследство я стяжал ненависть воспаленну:
В крови кипит вражда, в душе ношу геенну.
О, как взыграет дух, как сердце расцветет,
Когда Борецких род к ногам моим падет,
Когда, во мзду заслуг, мне Царь вручит правленье
Сей бурныя страны – сокроем помышленье!..[152]

Михаил не заботиться о судьбе отечества, его цель сиюминутна:

Москве иль Польше град сей ныне мой вручится,
Равно мое, равно желание свершится.
Все равно для меня, кому бы ни служить,
Борецкой на бедах лишь счастье сорудить.

---

[150] *Вацуро В.Э.* Указ. соч. С. 335.
[151] *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. 6. С. 42.
[152] Стихотворная трагедия... С. 370.

Мне все страны равны, мне все равны законы,
Отечество и честь лишь слабых душ препоны
Что мне, что край цветет, в котором я рожден,
Когда в нем бедствовать я роком осужден?
Отечество мне – мир, а честь – врагов стенанья,
Свобода – где мои свершаются желанья[153].

Мотив измены государству во имя государства (а носителем этого мотива как раз и является Борецкий), можно найти во многих пьесах. Уже в «Орлеанской деве» долг подданных начинает пониматься как долг гражданский, патриотический. Вспомним речь Дюнуа:

Нет! Доле не стерплю: пора покинуть
Нам короля, который сам бесславно
Себя покинул. Кровь бунтует в жилах,
И душу всю я выплакать готов,
Смотря на бедную отчизну… Боже!
Разбойники мечами города,
Старинные жилища чести, делят,
И выдают их ржавые ключи
С покорностью врагу… а мы, мы здесь
В бездействии покоя расточаем
Священные спасения часы[154].

Борецкий предает Новгород, так как твердо убежден, что новгородское вече утратило свою демократичность и притеснение народа можно прекратить только с приходом твердой власти Московского князя. Таким образом, предавая Новгород, он как бы борется за счастье и процветание граждан и прекращает напрасное кровопролитие. Погодин подчеркивает, что Борецкий, кроме награды для себя, добивается многих льгот и для новгородцев. Он просит оставить его наместником в городе, потому что он лучше, чем кто-либо, знает, как осчастливить граждан. Предательство не во имя личных целей, а из политических убеждений – новый мотив в произведениях, посвященных падению Новгорода.

Такая трактовка образа изменника не встретила понимания. Н.И. Надеждин писал, что «Алексей Борецкий не есть ни злодей, с сильными, неистовыми страстями, ни энтузиаст с пламенным поэтическим одушевлением, ни расчетливый эгоист, предположивший себе одну цель и идущий к ней твердым, неуклонным шагом, ни искусный хитрец, пробирающийся всеми излучинами к желаемой мете: это просто бездушный предатель, жертвующий всем, честью, отечеством, матерью, для того чтобы быть Наместником

[153] Там же. С. 400.
[154] *Жуковский В.А.* Т. 3. С. 21.

Новагорода, в коем мог и так властвовать, как ему угодно. Торг его с Иоанном есть образец нравственного бездушия»[155]. Н.Ю. жалел о том, что автор ввел фигуру Борецкого в трагедию: «бунта он не произвел, и даже ничего не говорил на вече, чтобы дать свободу говорить матери, а войско разбил бы Иоанн и без измены, в том порукой нам история»[156]. А.С. Хомякову же сцена переговоров Иоанна и Борецкого понравилась.

Измена Борецкого, по мнению И.М. Тойбина, должна была «дегероизировать» образ Марфы. С таким мнением не соглашался Б.С. Мейлах, подчеркивая, что «на самом деле Марфа клеймит сына как предателя, готового "питаться кровью преданной отчизны" и т.д.»[157]. Образ Борецкого показывает бесперспективность политики Марфы, но кроме того вызывает сочувствие читателя. Можно вспомнить как воспринимался образ сына Геца в трагедии Гёте «Гец фон Берлихинген»: в маленьком Карле исчезли все надежды на продолжение благодетельной отрасли героев, у Геца было отнято последнее утешение.

Погодин изображает изменника-патриота, обосновав его поведение собственным пониманием государственных интересов. Такая трактовка образа дала В.Э. Вацуро основание утверждать, что прототипом Борецкого стал Я.И. Ростовцев, который донес на декабристов, вкладывая в свой поступок смысл «государственной акции»[158].

Договор Иоанна с Борецким Надеждин называл образцом нравственного бездушия, Погодин же рассматривает его как шаг политика, который отчаялся найти справедливость в Новгороде. Кроме того, предательство Борецкого нельзя рассматривать как основную причину победы Иоанна. Рано или поздно Иоанн покорил бы Новгород и без помощи предателя, достаточно и того, что в самой республике было много сторонников Москвы. «События более велики, чем то кажется людям, и даже те, которые как будто вызваны были случаем, личностью, частной выгодой или каким-нибудь внешним обстоятельством, имеют гораздо более глубокие причины и значение», – писал Гизо[159]. Погодин избегает этической оценки поступка, акцентируя внимание на его политическом значении.

Конфликт удельных князей и Иоанна – еще один конфликт драмы. Ни в повести Карамзина, ни в произведениях других авторов он не рассматривался, и это подтверждает, что в центре внимания Погодина было не паде-

---

[155] *Надеждин Н.И.* Указ. соч. С. 295.

[156] *Н.Ю.* Указ. соч. С. 345.

[157] *Мейлах Б.С.* Художественное мышление Пушкина как творческий процесс. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1962. С. 130.

[158] *Вацуро В.Э.* Указ. соч. С. 336.

[159] Цит. по: *Реизов Б.Г.* Указ. соч. С. 199.

ние Новгорода и конфликт личностей Иоанна и Марфы, а противостояние удельной системы самодержавию. Это встретило негодующие возражения со стороны критика «Сына Отечества»: «Заговор удельных князей не только не уместен, но, как небывалый, невозможен; его не было, следовательно, и быть не могло»[160].

Введя в драму образы удельных князей, Погодин смог более полно рассмотреть политику Иоанна и становление самодержавия. В разговоре удельных князей, ожидающих встречи Иоанна с новгородскими послами, изложены истинные причины похода Московского князя. Под предлогом мести за оскорбление, он хочет овладеть богатым городом:

Новгород в Руси золотое дно:
Богат людьми, казной, землей, водою.
Упустит ли сокровище такое
Московский князь, коль есть удобный случай?

На фоне большинства удельных князей, подавленных страхом перед Иоанном, выделяются князь Верейский и князь Микулинский. Князь Верейский задумал перейти на сторону новгородцев, объединиться с другими князьями и городами и восстановить древние границы Московского княжества. Узнав, что другие князья также недовольны своим положением, он открывается им и просит поддержки, однако в ответ слышит: «Дай бог, что хочется тебе, Василий Михайлович!»

Князь Микулинский, напротив, одобряет политику Иоанна и отказывается помогать князю Верейскому. Он считает, что объединение раздробленного государства принесет много хорошего:

С удельными князьями ведь начнется
Опять, кровопролитье, как и прежде.
Без них России-то гораздо лучше...

Однако такое мнение не находит поддержки. Князья мечтают только о сохранении своих прежних прав и потому противятся объединению Руси. Споры между ними – одно из симптоматичных проявлений разноголосицы в осознании ценности новгородской свободы, а эта разноголосица в известной степени предопределила победу Москвы.

Трагедия Погодина справедливо признана самым значительным событием в многолетней истории темы Марфы Посадницы в русской литературе. Это объясняется и зрелостью заложенной в ней историко-философской кон-

---

[160] *Н.Ю.* Указ. соч. С. 339.

цепции, и мастерством драматурга, и, не в последнюю очередь, тем, что она привлекла к себе напряженное и сочувственное внимание Пушкина и получила его высокую оценку.

4

Тема Марфы Посадницы возникала в произведениях русских писателей на протяжении более чем полутора веков. Но если в определенное время предметом изображения становились два новгородских героя, привлекавших к себе относительно равновеликое внимание – Вадим и Марфа, – то позже положение заметно меняется. В XVIII в. Марфа еще в тени, а Вадиму посвящается одно из наиболее значительных драматургических произведений той эпохи – трагедия Я.Б. Княжнина «Вадим Новгородский». Фигурирует он и в «Историческом представлении из жизни Рюрика», принадлежащем перу Екатерины II, и в трагедии В.А. Плавильщикова «Всеслав», которая ставилась в 1790-х годах, а позднее была издана под названием «Рюрик».

Карамзин почти одновременно с повестью «Марфа-Посадница» работал и над повестью «Вадим Новгородский», но она, видимо, занимала его меньше, вследствие чего осталась незавершенной. Для русских вольнолюбцев 20-х годов XIX в. оба имени символизируют борьбу древнего Новгорода за свободу. Рылеев и Пушкин оставляют наброски произведений, посвященных Вадиму. Отголосок этих настроений слышен и в юношеской поэме Лермонтова «Последний сын вольности». Но позднее интерес к Вадиму заметно ослабевает. Его единичные всплески, добросовестно зарегистрированные И.И. Замотиным[161], не идут ни в какое сравнение с массивом произведений, посвященных Марфе, образ которой со временем все более сливался с Новгородом, обретая черты символа города и покровительницы новгородцев.

Характерен в этом отношении очерк Н.К. Рериха «Марфа-Посадница», где читаем такие строки: «Есть могила Марфы во Млеве. Тайно ее там схоронили. Уложили в цветной кафельный склеп. Прятали от врагов. Так считают. Уже сто лет думают так, и склеп не открыт до сих пор. Чудеса творятся у могилы Марфы. С разных концов новгородской земли туда идет народ. Со всеми болезнями, со всеми печалями. И помогает Марфа. Является посадница в черной одежде с белым платком на голове. Во сне является недугующим и посылает на могилу свою. Идут. Молятся. И выздоравливают. Марфа-заступница! Марфа-помощница всем Новгородцам! Лукавым, не исполнившим обещания, Марфа мстит. Насылает печаль еще горшую. В старую книгу при млевской церкви иереи вписали длинный ряд чудес Марфы»[162]. Это не

[161] *Замотин И.И.* Предание о Вадиме Новгородском в русской литературе. Воронеж, 1901.
[162] *Рерих Н.К.* Собр. соч. Кн. 1. М., 1914. С. 287–288.

индивидуальная оценка одного человека, это представление, сложившееся на протяжении длительного времени, это восприятие древней героини целой эпохой. О Вадиме так никто никогда не писал.

Прошел лишь год после публикации драмы Погодина, и в Петербурге вышла в свет написанная белыми стихами трагедия «Марфа Посадница, или Славянские жены». Это был первый литературный опыт Е.П. Ковалевского, в ту пору 23-летнего чиновника, позднее получившего известность как путешественник, историк и прозаик. Трагедия прошла совершенно незамеченной, что подтверждается, в числе прочих, таким фактом. Сохранилось письмо, которое написал Ковалевскому В.А. Жуковский, относившийся к юноше с трогательной нежностью и отеческой заботой. Написано оно было 4 января 1833 г., т.е. через считанные месяцы после литературного дебюта Ковалевского, но в обширном послании, затрагивавшем множество тем, это событие даже не упомянуто. Разумеется, ни рецензий, ни постановок не последовало, а сам автор, разуверившись в своих поэтических способностях, в дальнейшем к стихам не обращался.

Но в историю темы Марфы Посадницы трагедия Ковалевского входит как в высшей степени своеобразный и самобытный факт благодаря бросающемуся в глаза несходству со всем, что писалось о ее героине как до, так и после 1832 г. Не приходится сомневаться, что сведения об изображенных в пьесе событиях драматург черпал у Карамзина – другого источника в то время просто не было. Но если драма Погодина хранит многочисленные следы генетической зависимости от «Истории государства Российского», а кое-где и от Новгородской летописи, то у Ковалевского они практически отсутствуют: опора на исторические факты его мало занимает. Оно и понятно. Если Погодин, как мы помним, восклицал: «Поэма моя – История. Я ей себя посвящаю…», то Ковалевский, служа в Департаменте горных и соляных дел и увлеченно работая в Минералогическом музее, уже в конце 1820-х годов определенно решил специализироваться в горном деле.

Насыщая свое творение цветистыми вымыслами и домыслами, он и намерения не имел «воскресить минувший век во всей его истине». Иоанн, которому во всех произведениях о Марфе Посаднице неизменно отводилось одно из центральных мест, который у Погодина, по известным пушкинским словам, «наполняет трагедию. Мысль его приводит в движение всю махину, все страсти, все пружины», у Ковалевского вообще отсутствует. Шелонская битва, утрата Новгородом своей независимости отодвинуты на второй план. Вместо этого разыгрывается фантастическая картина использования Новгорода в заговоре папских миссионеров Катерини, Мессино и Антонино, имеющем целью подчинение православной Москвы Риму:

…соединишь, чрез брак Посадницы,
Весь Новгород с державой Казимира,
Закон его, – с законом православья,

И ринуть их всей силой на Москву,
В прах разгромить ее, простерть длань дружбы
Властителю несметных орд Татар;
С ним двинуться на Турок Европейских,
И в Риме, пред лицом святейшим Папы,
Пасть ниц самим: вот воля нашего Владыки[163].

Отношение новгородцев к Марфе, как его изображает Ковалевский, неоднозначно. Бояре выражают к ней открытую неприязнь. В их глазах она – «заблудшая жена», которая

...схватив бразды правленья
Над градом сим, – забыла страшный суд,
И, воспылав гордыней сатанинской,
Мнит властвовать над рухлым сим скелетом[164].

Народ же преисполнен к ней любовью и доверием. Из его уст слышатся восклицания: «И злато, и сребро, и жизнь народа / Во власти все твоей; о Марфа, Марфа, / Не погуби, спаси отечество!», «Не покидай, родная! Не покидай нас, Марфа, никогда!», «И красный мир, и пышный Новгород, / Как знойная пустыня нам без Марфы».

Если судить о Марфе по словам, с которыми она обращается к народу, перед нами незыблемая защитница вольного Новгорода, призывающая к беззаветной борьбе с угрозой, исходящей от московского князя:

Смутились вы от грозных сих речей;
Иль сладок плен, иль битва вам страшна?..
Мы не склоняли выи пред Батыем,
И склоним ли ее перед рабом Татарским!
Стыдись, народ, вот женская рука
За вас свой меч подъемлет первая;
Кто духом смел, те вслед за мной стремитесь![165].

Но выясняются неожиданные подробности: посланник Иоанна Холмский, выступающий главным оппонентом Марфы, оказывается, был с ней в интимных отношениях, и под покровом политического противостояния кроются достаточно пылкие личные чувства. Когда народ, видящий в Холмском главного врага, устремляется, чтобы расправиться с ним и слышатся угрожающие слова: «Погибни, злой крамольник! / Война, война и гибель злой Москве!», Марфа предотвращает эту расправу словами: «Остановись, народ!», а спасенному ею Холмскому тихо говорит: «Прими же жизнь / От той руки,

---

[163] *Ковалевский Е.П.* Марфа Посадница, или Славянские жены. СПб., 1832. С. 8.
[164] Там же.
[165] Там же. С. 18.

которую с презреньем / Отвергнул; нет, не в силах мстить любовь»[166]. Кроме того, Марфа предстает как женщина, снедаемая безмерным тщеславием. Когда еврей Схария, колдун и прорицатель, предсказывает ей будущее, она видит себя обладательницей шапки Мономаха и, как выясняется, давно грезит о царском венце. Оставшись наедине, она говорит:

Когда б венец державный Мономаха
Был раскален в горниле ада, о!
Я и тогда б главу им облачила[167]...

Далее следует такой монолог:

Когда в груди огнь страшный пожирает;
Я тлею вся, как угль перегоревший.
Когда судьба ожесточенная
Не отряхнет с меня прах низкой доли
В сей жизни, – о, пусть я умру в сей миг,
Лишь Княжеской короною венчали б
Мое чело; чтоб сын Новаграда
Мог возвестить потомку дальнему:
Кичливая Москва пред прахом Марфы
Поверглась ниц! ⟨...⟩
Боже, Боже!
Когда б могла исхитить скиптр Московский
И гордую чету низвергнуть в прах!..
Пусть сгибнет все, за миг бесценный тот![168]

Обуянная такими стремлениями, она готова предать независимость Новгорода и отдать его под власть Казимира. Когда литовский посол предлагает Новгороду королевское покровительство и войско, при условии признания власти Литвы, Марфа, а по ее примеру и почти все бояре, присягают на верность Литве. При этом Марфа проявляет коварство: она предлагает на время изобразить перед Иоанном любезность и покорность, чтобы выиграть время и дождаться прибытия литовского войска.

Но все эти ухищрения оказываются тщетны. Московские войска наступают на Новгород, и смертельно раненый Холмский просит влюбленную в него девушку Ксению подать им условный знак – поджечь вечевую башню. Ксения делает это. Город охватывают пожар и паника. Близится неотвратимая катастрофа. Но Марфа видит в происходящем прежде всего крах ее честолюбивых замыслов. Она горюет о том, что «земля родная»

...не взгромоздит
кургана векового в память Марфе;
И самый пепл твердыней Новгородских

[166] Там же. С. 18–20.
[167] Там же. С. 45.
[168] Там же. С. 45–46.

Над мною разметет кичливый враг;
И слава дел Посадницы Борецкой
В веках померкнет, стухнет… горе мне![169]

С этими словами она вместе с дочерью бросается в пылающий огонь.

Трудно заподозрить, что Ковалевский не знал, что в действительности Марфа не погибла, а была отправлена Иоанном в Москву. Вымышленный им финал трагедии должен был закрепить в сознании читателя полное поражение ее героини, дополнительно выявить однозначно негативное отношение к ней драматурга.

Отметим, что особая тяга к творческому воплощению темы Марфы приходится на 1870-е годы. Связано ли это с тем, что именно в этом десятилетии исполнялось 400 лет со времени событий, составивших самую драматическую страницу ее биографии, сказать трудно. Никаких документальных подтверждений такой связи нам обнаружить не удалось. Но на протяжении тринадцати лет – с 1869 по 1882 г. – появились четыре посвященные ей пьесы и один роман. Начало было положено двумя пьесами с почти одинаковыми названиями. Первую – «Марфа Посадница, или Покорение Новгорода» – написал Р. Ступишин, вторую – «Марфа Посадница, или Падение Новгорода» – В. Аскоченский.

Трагедия Ступишина оригинальностью не блещет. Марфа обрисована в ней с несомненным сочувствием. Она бестрепетная защитница свобод Новгорода и не жалеет красноречия, чтобы вдохновить народ на борьбу с Москвой, корит его за готовность покориться власти Иоанна, напоминает о подвигах предков:

Что слышу я, соотчичи мои!
Идти хотите вы в московский стан
И с унижением молить у князя
Себе пощады. Мыслите ли вы,
Что ожидает вместе с этим вас!⟨…⟩
Вы трусы! Недостойны вы названья
Потомков тех, при имени которых
Великий Цареград дрожал[170].

Однако, оставшись наедине, она произносит совсем иные слова:

Немало перенес за это время
Ты от врага, мой дорогой народ!
Убито сколько! сколько вдов, сирот!
Невольно сердце кровью обольется,
Как лишь подумаю об этом… Бедный!
Когда конец твоим страданьям будет[171].

---

[169] Там же. С. 95.
[170] *Ступишин Р. Д.* Марфа Посадница, или Покорение Новгорода. СПб., 1869. С. 80.
[171] Там же. С. 81.

Народ осознает и ценит эти ее качества. Люди говорят:

А Новгород
Она любила как. Готова на смерть
Сама была идти, лишь только б
Спасти его от власти княжеской[172].

На обвинение Иоанна, что она «хотела Новгород Литве продать», Марфа гордо отвечает:

Нет, ошибся ты!
Не только, чтобы за металл презренный
Решилась я продать кому Новгород,
Но если б ты, великий князь московский,
Мне предложил бы шапку Мономаха,
То и ее я также оттолкнула б,
Как оттолкнула предложенье
Я Казимира, польского царя[173].

Но отдавая должное высоким духовным качествам Марфы и даже восхищаясь ею, драматург признает, что правота на стороне Иоанна и уничтожение им новгородских вольностей отвечало интересам России. В последней сцене он обращается к жителям покоренного города с такими словами:

Новгорожане! знаю хорошо,
Что мыслите теперь вы про себя,
Вам жаль расстаться с вольностью своей,
Как все равно, что матери с ребенком.
И вы меня готовы проклинать!
Тираном называть! – но знайте вот что:
Пройдут века – и будет прославлять
Народ весь русский этот день великий!
Не уничтожь я в Новгороде вольность –
Россия никогда бы не могла
Достигнуть славы той, того величья,
Которые теперь ей предстоят...[174]

То, что этими словами заканчивается трагедия, ясно подтверждает, что они и заключают в себе главный вывод, который должен быть сделан из изображенных в ней событий.

В творческой биографии В.И. Аскоченского пьесы занимают столь скромное место, что справочные издания аттестуют его как прозаика, журналиста, публициста, историка, но не как драматурга. Между тем его драма в стихах «Марфа

---

[172] Там же. С. 96.
[173] Там же. С. 99.
[174] Там же. С. 101.

Посадница, или Падение Новгорода» заслуживает нашего особого внимания уже потому, что ни в одном из многочисленных произведений на эту тему так ощутимо не выявляются аналогии с трагедией Погодина. Мы не располагаем никакими документальными подтверждениями даже знакомства Аскоченского с произведением его предшественника, не говоря уже об оказанном влиянии, но перекличек между ними так много, что их трудно счесть случайными.

Как и у Погодина, главный герой «драматического представления» Аскоченского – народ. В первых двух действиях (автор называет их «картинами», а явления – «переменами») только его и можно видеть на сцене. Лишь в третьей картине появляется Марфа, а в четвертой, последней – Иоанн. Как и у Погодина, новгородцы «перенумерованы» и фигурируют как «Новгородец 1», «Новгородец 2» и т.д., а также как «Старый Новгородец», «Молодой Новгородец», «Ионушка юродивый», «Дьяк Вечевой». Диалоги между ними вводят зрителя в сложившуюся обстановку. Тема та же – угроза, исходящая от Москвы, и шансы Новгорода отстоять свою свободу.

Подобно «первому» из граждан у Погодина, «Старый Новгородец» у Аскоченского поминает славное прошлое и черпает в нем уверенность в будущем:

Московцы под стеной, – ну что ж, велико дело!
Как будто мы грозы не видели такой!
Видали, батюшка, куда почище этой;
Видали мы, родной, и ляхов и татар,
С немечиной дрались, князей в полон бирали,
А чтоб робеть кого, о том и не гадали![175]

А «Молодой» убеждает его в серьезности угрозы, исходящей от Московского князя:

Нет, Власьевич, когда б ты поглядел на рать
Московскую, не стал бы мне теперь перечить,
И слово крепкое ко времю б приберег;
С Москвою воевать не то, что бить татар,
Иль немцев-дураков, иль ляхов-толстопузых...[176]

Но сходство обеих стихотворных драм, конечно, не ограничивается элементами композиции. Аскоченский разделяет позицию Погодина в главном: правда Иоанна торжествует над правдой Марфы, и это подтверждается тем, что меняется «мнение народное» и новгородцы признают власть Московского князя над своим городом. Изображено это так. Перед толпой народа появляются Марфа в сопровождении обоих своих сыновей, князь суздальский Василий Шуйский-Гребенка, посадники, бояре. Первым к толпе обращается

[175] *Аскоченский В.П.* Марфа Посадница, или Падение Новгорода. СПб., 1870. С. 2.
[176] Там же.

Шуйский. Бóльшая часть его речи – это восторженный панегирик вольному Новгороду. Он призывает «Софию-матушку» поведать,

...как в оны времена
Князья Руси сюда ходили на поклон
И именем тебя великим величали.
Ты б нам поведала, как вольные твои
Сыны своим судом на этом самом месте
Самих князей и их наместников судили,
Давая им урок, что Новгород великий
Есть выше их, что он есть истый государь…[177]

Эти слова совпадают с мнением толпы, из которой слышны голоса:

Мы вольность сберегли и сбережем ее.
«Кто против Бога и великого Новгорода!»[178]

Но не для того поднялся на амвон хитрый князь, чтобы вызвать этот «родной наш клич». Он намерен «повести иную речь». Смысл ее в том, что времена, когда Новгород был «истым государем», прошли, и ему уже не удержать «златой венец», которым он обладал:

Хорош ты, Новгород, великий государь!...
Да долго ль жить тебе в красе твоей великой?
Да долго ли носить тебе венец златой?
Как враны-коршуны кругом орла слетелись
Завистники твои, и слышны далеко
Их крики жадные, и мчатся на тебя
Тяжелой тучею… Кто защитит тебя?[179]

Эти слова вызывают негодование Марфы. Она уверяет, что у Новгорода найдется достаточно защитников – «молодцов», «голов богатырских», что не так страшен Московский князь:

...Не богатырь какой
Московский князь Иван; не Еруслан же он,
Что взмахом тысячи единым побивал.
Охоч разбойничать лишь он, – да полно, будет,
Пора и честь знать! Вишь чего он захотел!
Изволь вишь Новгород его звать Государем,
Пусть будет отчиной – кого ж? князей московских!..
Да ведомо ль ему, что мы ведь не холопы,
Что Новгород лишь сам себе есть господин,
Что воли-волюшки своей не продаем?[180]

[177] Там же. С. 26.
[178] Там же. С. 36.
[179] Там же. С. 27.
[180] Там же. С. 28.

Эти слова получают поддержку новгородцев:

Стеною дружною пойдем мы на Ивана…
Смерть москвичам! Смерть им! К мечам, новогородцы![181]

Но налицо и разноголосица. Когда «посадники и бояре» провозглашают: «Да здравствует король и покровитель наш, / Великий Казимир!», один из собравшихся отвечает ему почти словами Карамзина:

...Новгородцы, братья!
Опомнитесь, друзья! Что делаете вы?
Послушайте меня! Куда вас увлекли,
Друзья, безумные защитники свободы?
Вы все до одного, все русские душой,
Все православные, – что ж делаете вы?
Какой нечистый дух внушил вам изменить
Руси святой? Она ведь ваша мать родная;
Вы молоком ее воздоенные дети![182]

Споры переходят в драку, а над одним из их участников даже учиняют расправу.

И вот в последней, четвертой картине появляется царь Иван Васильевич и происходит его объяснение с Марфой Борецкой. Он предлагает ей «помириться», предлагает как победитель, который с Новгородом «дела мои уладил; / Теперь он под рукой моей, и Государем / Меня уже зовет». Когда Марфа обращается к нему: «Московский князь Иван…», он отвечает:

Я не московский князь! Я Государь Руси!
Москва и Новгород, Рязань и Тверь, и Псков,
И вдоль и поперек, куда ни кинь ты глазом,
Все отчины мои, Великая Россия!
Везде, всему я царь, и скипетр самодержавья
Для всех держу один!..[183]

Но Марфа не запугана и не сломлена. Она гордо отвечает, что для нее он не более, чем «московский князь»: «Я родилась, жила, и в гроб пойду свободной / Новгородкой!». Примирение, предложенное Иваном, не состоялось. Он готов был дать ей «волю» и возможность жить в любом месте, кроме Новгорода. Но увидев, что гордая посадница не оценила его «ласковость», распоряжается:

В Москву ее! Под стражу!
Пусть господыня там поучится смиренью,
И спесь безумную маленько поубавит![184]

---

[181] Там же. С. 31.
[182] Там же. С. 36.
[183] Там же. С. 56.
[184] Там же. С. 59.

Марфу не пугает и это. Она готова к смерти и к суду Всевышнего. А Иван в сознании своего всемогущества обращается к народу и говорит:

Что будет? Будет то, что я, Ваш царь, изволю ⟨…⟩
Вот что я требую от вас, новогородцы,
В залог того, что вы хотите жить со мной,
Как слуги верные российского царя!
Даете ль клятву мне?[185]

Следует ремарка: «Всеобщая, мертвая тишина», которая не может не вызвать в памяти другую: «Народ безмолвствует». Но в отличие от «Бориса Годунова» пьеса Аскоченского этой ремаркой не завершается, а главным лицом заключительной «перемены» выступает юродивый Ионушка, который, как и «блаженный Николка» у Пушкина выражает позицию автора. Его пространную речь драматург предваряет значимой ремаркой: «Ионушка является, совершенно преображенный; на лице его, вместо прежней юродивой простоты, видно величавое спокойствие».

Главное в его речи – притча о блудном сыне, который «воли захотел», «отошел далече», «стал голым горемыкой», «подумал и пошел / Назад к родимому».

И пал безмолвно сын в объятия отца,
И все забыл отец для радости такой,
И зажил сын потом и в холе и в довольстве,
И воли прежней он и спомнить не хотел…
Новогородцы! Что ж, понятна ль притча эта?[186]

Хотя понять смысл не трудно, Ионушка все же объясняет, что «сыны заблудшие» должны «обратить сердца» «к отцу природному, к царю венчанному». Эти слова вызывают «сильное движение в народе», и вот как заканчивается пьеса:

Народ

Да здравствует наш царь, великий государь,
Иван Васильевич! Да здравствует наш царь!..

Царь Иван Васильевич

Народ! Отныне я отец и твой печальник!
И верный Новгород, как отчину мою,
Навеки жалую я милостью моей,
И все вины его отныне забываю!
Не надо плахи! Прочь! Сорвать ее долой!

Народ с восторженными кликами устремляется к эшафоту
и мгновенно разрушает его.

Ионушка (*поет в слезах*)[187].

---

[185] Там же. С. 62.
[186] Там же. С. 63.
[187] Там же. С. 64.

Очевидно, что концепция пьесы вполне совпадала с официозной, и у Аскоченского было не меньше оснований, чем у Погодина, рассчитывать, что правительство скажет ему «спасибо». Но вместо этого она столкнулась с цензурными препятствиями. Объяснить их трудно, но, как известно, это не единственный случай, когда действия цензуры вызывают недоумение.

Вскоре обрела сначала сценическую, а затем и литературную жизнь очередная драма о Марфе Посаднице, написанная Н.П. Жандром. Ее автор, племянник А.А. Жандра, литературного соратника А.С. Грибоедова, поставил ее на сцене московского Малого театра в 1873 г., а год спустя она вышла в Петербурге отдельным изданием. Критика отозвалась о ней пренебрежительно, но она имела успех у зрителей и, по сведениям самого драматурга, шла 20 лет на 50 сценах.

Историческая концепция пьесы была с исчерпывающей ясностью изложена в авторском предисловии к указанному изданию: «Из такого взгляда на характер Марфы возникает невольно догадка, что *предание* о замышленном ею браке с одним знатным литовским вельможей, другом короля Казимира, в тех видах, чтобы отбившись при помощи последнего от притязаний Иоанна, стать правительницей самостоятельной области под покровительством Польши, что *предание* это, как выше сказано, есть факт, с одной стороны, объясняющий раздвоение новгородского общества на партии московскую и литовскую, с другой – снимающий с новгородского народа укоризну в посягательстве отложиться от единоверной Москвы»[188].

Эту «догадку» со ссылкой на летописца приводит Карамзин в «Истории государства Российского», и она предопределяет характеристику Марфы как негативную: она, следовательно, отстаивала не вольности Новгорода, не независимость его от Москвы, не вечевое устройство, а заботилась о том, чтобы самой стать его правительницей[189]. Однако драматург не пошел по этому пути: образ его героини не однолинеен, и она на протяжении пьесы открывается нам разными сторонами своего противоречивого характера.

В одной из первых сцен Марфа, вмешиваясь в спор между боярами, отстаивающими противоположные позиции, стремится смягчить остроту ситуации: нам, дескать, нечего бояться ни войны с Москвой, ни угнетения православной веры со стороны Казимира, который только и нужен новгородцам, чтобы припугнуть Иоанна. Однако многие бояре не разделяют этих надежд и считают, что без помощи Казимира им с Москвой не справиться.

---

[188] *Жандр Н.П.* Марфа Посадница. СПб., 1874. С. 6.
[189] *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. 6. С. 27.

Затем следует обстоятельная дискуссия между Марфой и послом Иоанна Товарковым, который играет в пьесе Жандра ту же роль и приводит те же аргументы, что князь Холмский в повести Карамзина. На слова Марфы, что Иоанн хочет не союза с Новгородом, а подданства, и что вольный город не признает его государем, Товарков отвечает:

С великою московскою семьею
Тогда лишь Русь, могуча и крепка,
Возможет стать великим государством
На славу нам, грозу врагам[190].

А на уверения, что Новгороду нужно благоденствие, а не слава, которую сулит ей Иоанн, повторяет совершенно те же аргументы, которые содержались и в речи Холмского:

Что благоденствием изволишь звать,
Едва ли таково на самом деле.
Сословная вражда у вас, что день,
То большие размеры принимает.
Усобицам и распрям нет конца;
Нет между вас того единодушья,
Без коего не может ни одна
Народная семья собою править[191].

Марфа стоит на своем: «Новагорода дщерь, я разделю / Во всем земли моей родимой долю»[192]. Однако она получает оппонента не только в лице московского посла, но и собственного сына Дмитрия. Ему дорога свобода Новгорода. Он

за нее рад голову сложить
В бою честном с Москвой на ратном поле;
Я за нее рад в пытке умереть,
Но призывать на помощь иноземца,
Исконного земли своей врага;
Но изменять отечеству, в господство
Латинскому сдаваться королю… [193].

Он предупреждает мать, что ее намерения будут иметь самые нежелательные последствия:

Сторонников своих мы убавляем,
Идя в союз с латинскою Литвой.
Сам по себе весь Новгород восстанет.

---

[190] *Жандр Н.П.* Указ. соч. С. 18.
[191] Там же. С. 19.
[192] Там же. С. 22.
[193] Там же. С. 23.

Не многие потянут за Москву,
Но чтобы задаваться Казимиру,
За то и половина не пойдет[194].

Марфа и его уверяет, что ничего подобного не произойдет: великий князь, увидя реальную угрозу «съединиться с Литвой», уступит из страха потерять ту меру влияния на Новгород, которую имеет сейчас. Интересно, как боярин Осташев, сторонник Москвы, рассказывает о происходившем на вече. «Наши» кричали:

«Хотим к Москве! Хотим по старине!»
Да Марфины-то так заголосили,
Что наших, почитай и не слыхать[195].

Не обходит Жандр молчанием и пророчество Зосимы, фигурирующее, как мы видели, во многих произведениях на рассматриваемую тему. В его драме оно описано так:

Так вот, когда отшельник-то святой
Пожаловал и угощала Марфа
Его за трапезой своею, вдруг сошло
На старца как бы некое наитье.
Со страхом посмотрел он вкруг себя,
Заплакал, и затем весь пир ни слова
Не вымолвил и не вкусил от яств.
Так и ушел; когда ж посла спросили,
Что было с ним, с чего так побледнел,
Сказал, что видел, будто все бояре,
Что были тут, сидели без голов[196].

Еще один традиционный элемент – извинения, которыми начинает Марфа свое выступление на вече. У Карамзина она говорит: «Жена дерзает говорить на вече, но ⟨…⟩ отец, супруг мой погибли, сражаясь за Новгород. Вот право мое быть защитницею вольности!». У Жандра она признает, что «не след жене держать к народу слово», но в скорбный час «когда стране родимой / Великое несчастие грозит ⟨…⟩ Дозвольте слово молвить!»[197]. Это слово – призыв к бестрепетной борьбе за свободу:

Кому свобода солнца божья краше,
Кто рад скорей живот свой положить,
Чем мыкаться рабом – не гражданином,
Чтоб стали все в дружинные ряды;
И с богом в сердце встретим супостатов[198].

---

194 Там же. С. 26.
195 Там же. С. 51.
196 Там же. С. 56.
197 Там же. С. 84.
198 Там же. С. 90.

И она получает поддержку новгородцев. На призыв «Умрем ли мы за Новгород?» народ отвечает: «Умрем». Слышатся голоса: «И Новгород родимый отстоим», «И не придем назад иль победим».

К четвертому действию судьба Новгорода уже решена. Об этом говорит сама героиня драмы: «Все кончено. Задавлены – разбиты, / Принижены – судимы – казнены»[199]. Остается вопрос «Кто виноват?», и ответ на него проясняется шаг за шагом. Происходит объяснение Марфы с боярином Алексеем Баториным, с которым ее, как можно понять, связывали любовные отношения. Баторин уличает ее в измене, предъявляет ее письмо к «литовскому пану» со словами: «Спеши на помощь, победи врагов, / Моя рука тебе наградой будет», и осыпает неверную упреками:

…нет в груди бесчувственной твоей
Ни совести, ни жалости, ни Бога;
Что родину, друзей, семью, все, все
Готова ты отдать крамольной страсти,
Любоначалью в жертву принести[200].

Видимо, желание отомстить Марфе подталкивает Баторина на измену и Новгороду: он «грамоту представил Иоанну, / Что к польскому вы слали королю», а на слова Марфы «Ты это продал братьев и меня? / Ты это стал Иудою отчизны?» отвечает:

Не я отчизну погубил и продал,
А те глупцы, что увлеклись твоей
Отвагою крамольной. Ты сгубила
Друзей, родных и собственных детей;
Ты навлекла все горе на отчизну,
Через тебя на плахе льется кровь
И люди задыхаются в темницах[201]…

Еще более высокой степени достигает разоблачение и саморазоблачение действий Марфы в ее разговоре с сыном Дмитрием. На его вопрос: «И никакой уже надежды нет?» она отвечает: «Нет никакой 〈…〉 Весь народ вопит / И страхом несказанным обуянный / Совсем главой покорною поник»[202]. А узнав, что сын обречен на смерть, говорит ему слова, полные глубокого смысла:

Я, я тебя, родимый, погубила 〈…〉
Ах, витязь мой! когда бы за свободу
Земли твоей родной ты погибал,
Не этими б я плакала слезами!

---

[199] Там же. С. 97.
[200] Там же. С. 98.
[201] Там же. С. 109–110.
[202] Там же. С. 106–107.

Но гибнешь ты не за свободу, нет!
Ты гибнешь за безумье и кичливость
Любоначальной матери твоей [203].

Главное лицо последнего, пятого действия – Иоанн. И хотя мы видим его только во второй сцене, он незримо присутствует и в первой. Здесь появляется фигура безымянного Москвича. Говорит он не много, но его роль очень важна. Он объясняет новгородцам, что «великий князь не враг, / Он вам отец; и пожурит, и лаской пожалует», бояр «казнит за то, что вас-то, православный / Христов народ в неправду вовлекали»[204]. Как реакция на эти слова воспринимается резкая перемена в отношении народа к Марфе, появление которой он теперь встречает выкриками:

Вон! вишь, гляди! Посадница! Остыла
Небось теперь! скрутили ручки! Полно
Мутить честной народ да набирать
Себе срам да наймитов! Ну, да!
А выцедила денежек довольно[205].

И Марфа признает:

Они
Ведь правду говорят! не я ли
Сгубила их, да и не их одних…[206]

И вот появляется Иоанн, появляется именно таким, каким характеризовал его Москвич, – справедливым и милостивым монархом, который обещает новгородцам «оставить ваш порядок» и пресекать только крамолу. Марфа приходит к нему «с повинной»:

Могучий государь! вины моей
Я сознаю… всю… тяжесть и греховность;
Но страшно искупила я ее
Оставленной мне жизнью, смерти горшей! 〈…〉
Я вся седа, – грудь высохла от муки,
Сгорели очи от палящих слез,
На мне один лишь остов человека![207]

Следует ремарка: «Падает на колени», а затем: «С рыданием падает ниц». Нельзя не сопоставить их с ремаркой, завершающей трагедию Погодина: «Все невольно падают ниц перед Иоанном, кроме Марфы Посадницы». Погодин

---

[203] Там же. С. 109–110.
[204] Там же. С. 115.
[205] Там же.
[206] Там же. С. 116.
[207] Там же. С. 122.

изобразил бестрепетную защитницу свободы, до конца сохраняющую незыблемую убежденность в своей правоте, женщину-воительницу, «родословная» которой восходит к Жанне д'Арк. Марфа Н.П. Жандра уже настолько осознала свои заблуждения и свою греховность, что кроме коленопреклонения и падения ниц ей ничего и не остается.

Но Иоанн милостив и к ней: «Встань, Марфа. Не казнить сюда пришел, / Пришел я на союз с моим народом». И в Москву он отправляет Марфу не в заточение, а чтоб содействовать процессу ее дальнейшего покаяния:

Там, суеты мирские удаляся,
Потщися ты молитвой и постом
Обресть себе помилованье Бога[208].

В 1882 г. появились роман Д.Л. Мордовцева «Господин Великий Новгород» и драма И.Н. Явленского «Марфа Посадница». Д.Л. Мордовцев был одним из самых плодовитых, а в свое время и самых популярных исторических беллетристов. В 1901–1902 гг. вышло 50-томное собрание его сочинений, но оно вместило лишь часть им написанного, а полное собрание, по подсчетам его издателя, составило бы 129 томов. В романе, естественно, немало персонажей и ситуаций, которые можно видеть и в других произведениях на интересующую нас тему. Таков, например, преподобный Зосима, который на пиру у Марфы предвидит участь ее гостей, предстающих его мысленному взору обезглавленными, и о котором писалось неоднократно.

Но намного интереснее проследить за теми образами, которые переосмыслены Мордовцевым. Так, сын Марфы Дмитрий и не помышляет вступить в сговор с Иоанном, как это было в трагедии Погодина, а обрисован бестрепетным борцом за свободу Новгорода. Обращаясь к собравшимся на вече, он говорит, что хорошо знает «Москву загребистую: Москва на крови стоит. Поразмыслите, отцы и братия: в те поры, как Москва добывала русские городы и княжения огнем и мечом, проливала и проливает кровь хрестьянскую»[209]. Он геройски сражался на берегу Ильменя и «положив на месте несколько москвичей и ошеломленный рогатиною в голову, потерял сознание и, приподнявшись на песке, бормотал что-то бессвязно, водя пальцами по окровавленным латам и блестящему, теперь окровавленному нагруднику»[210].

Упадыш, мельком упомянутый Карамзиным, да еще с добавлением пренебрежительного слова «некто», сыгравший эпизодическую роль в трагедии Погодина, разрастается у Мордовцева в подлинно трагическую фигуру, проходящую через все произведение и несмотря на неоднозначность его характеристики овеянную несомненным авторским сочувствием. Впервые

---

[208] Там же. С. 123.
[209] *Мордовцев Д.Л.* Господин Великий Новгород. М., 1882. С. 32.
[210] Там же. С. 87.

он появляется в сцене веча. Настроение большинства новгородцев выражают возгласы: «Не хотим московского князя! Мы не отчина его!», «Мы вольные люди – как и земля стоит!», «Мы Господин Великий Новгород! Москва нам не указ!», «За Коземира хотим за литовского... К черту Москву!»[211]. Тогда и появляется Упадыш, человек бывалый, хотя не старый, не раз бывавший в Москве и имевший там знакомство. Поклонившись по русскому обычаю на все стороны, он возражает большинству: «Братие! Господине Великой Новгород! Нельзя тому быть, как вы говорите, чтоб нам даться за короля Коземира и поставить себе владыку от его митрополита-латынина. Из начала, как и земля наша стоит, мы отчина великих князей»[212]. Мордовцев сразу показывает: Упадыш не обыкновенный изменник, а явление более сложное – он человек, по-своему понимающий интересы Новгорода.

Любовь к Новгороду и содействие Москве обернулись для него душевной драмой: ночью перед Шелонской битвой он предается раздумьям о неведомой грядущей судьбе родного города и собственной судьбе. «Горькая была его судьбина. Сирота, без роду и племени, чужой выкормыш, он всем вышел – и умом, и красотой, и молодецкой повадкой, только не выпало на его долю счастья в жизни. Что бы он ни делал, как ни были заметны его подвиги и личная храбрость во время неладов со соседями – он оставался в тени, как сирота, не могший выставить в своем прошедшем ни “почестнаго роду”, ни отеческого имени...»[213].

Межеумочность взглядов и действий Упадыша приводят его в дальнейшем и к прямой измене. Но интересно, как рассказывает о ней писатель. Он не обвиняет своего героя, а стремится проникнуть в его душу, понять побуждения его поступков. Рассказав, что Упадыша схватили, когда он заколачивал пушки на городской стене (именно об этом факте упоминал Карамзин в «Истории государства Российского»), Мордовцев задается вопросом, что побудило его на измену родному городу, и отвечает: «То были очень сложные причины и очень сложные чувства. Хотя говорят, что чужая душа – потемки, но бывает так, что и собственная душа иногда становится для человека потемками... В таком положении находился Упадыш: в своей душе он ничего не находил, кроме мрака, и выходу из этого мрака для него, казалось, не было. Но жизнь с самого момента его рождения толкнула его в “изгойство”. Упадыш был “изгой” – существо без роду и племени. А как понималось в то время “изгойство”, можно судить по древним толкованиям этого слова: “Изгойство же толкуется – бесконечная беда, непрестающие слезы, немолчное воздыхание, неусыпающий червь, несогреемая зима, неугасаемый огонь, нестерпимая гроза, неисцелимая болезнь – вся же та суть без конца”. Вот что

[211] Там же. С. 46.
[212] Там же. С. 47.
[213] Там же. С. 114.

такое было “изгойство”»[214]. Но в Упадыше было «слишком много жизненной энергии, ума, красоты, удали и силы», чтоб помириться с положением, на которое он оказался обречен. Последний раз он возвращается на страницы романа в сцене его казни, которая оказалась под стать его жизни. Палач, не сумев отрубить ему голову первым ударом, добивал остальными.

Скупо, без очевидного выявления авторских эмоций обрисован Иоанн. А образ Марфы, которой тоже уделено немного художественного пространства, очевидно снижен, прозаизирован и дегероизирован: под пером Мордовцева он ничем не напоминает Жанну д’Арк. По авторской характеристике, это была женщина, избалованная с детства, честолюбивая и привыкшая помыкать всеми, продувная, хотя напоказ любившая поскромничать. За последующие шесть лет (роман, напомним, начинается 15 ноября 1470 г.) Марфа-посадница «стала окончательно старухой».

И вот какой мы видим ее в последний раз: «В пошевнях, в богатой собольей шубе, закутанная черным платком, из-под которого кое-где выбивались прядочки седых волос, сидела старуха, по-видимому, погруженная в глубокую думу. Морщины, такие резкие и отчетливые, бороздили ее некогда красивое лицо. Она, казалось, ничего не видела 〈…〉 Это везли в московский стан Марфу-посадницу…»[215].

Но подлинной находкой писателя видятся два образа-символа, проходящих через весь роман: колокол, олицетворяющий свободу Новгорода, и ворон, предрекающий его горькую судьбу. Притом фигурируют они не каждый сам по себе, а в сопряжении друг с другом.

«Ворона этого знал весь Новгород и относился к нему с суеверным уважением. Его считали вещею птицею – тем сказочным вороном, который знал, где доставать живую и мертвую воду. О нем в Новгороде ходило несколько сказаний, и все верили, что он оберегает Новгород и его вечевой колокол. Когда он каркал в неурочный час, то это непременно было или к добру, либо к худу... Так он каркал перед смертью последнего владыки, каркал и перед смертью посадника Исаака Борецкого, мужа Марфина. Иногда своим карканьем он останавливал бурные вечевые волнения и даже усобицы и “розратья”. Новгородцы верили, что ворон этот – “птица несмертельная” – как несмертельна, вечна новгородская воля и вечевые порядки Господина Великого Новагорода!»[216].

Жила в людях вера в то, что «далеко, далеко Ивану московскому до Новгорода Великого, не досягнути, руки коротки! Ковшом моря не вычерпаешь – Москвою Новагорода не изымаешь 〈…〉 В Новгороде уже говорил вечевой колокол и разносил еще неизвестную, но тревожную весть по всем улицам и по

[214] Там же. С. 136–137.
[215] Там же. С. 177.
[216] Там же. С. 63.

ближайшим монастырям с посадами ⟨…⟩ Вечевой колокол почти не умолкал несколько дней. Новгородцы готовились встретить врага, и потому каждый день шумело вече»[217]. Показательно, что Марфа и колокол покидают Новгород одновременно. Последняя глава так и озаглавлена – «Увозят вечевой колокол и Марфу Посадницу».

В воссозданном в романе конфликте между Иоанном и Новгородом автор однозначно на стороне Новгорода. Его позиция сформулирована недвусмысленно в главе о Шелонской битве: «Все покончили москвичи... К вечеру недостало кровавого вина – упились новгородцы и полегли спать навеки![218] Спите, последние вольные люди несчастной русской земли». И эти слова, и позиция автора в целом приобретают особое значение, если вспомнить утверждение Мордовцева, что «исторический роман не может не служить задачам современности»[219].

Сочувствием новгородцам проникнуто и описание тех бедствий, к которым привело покорение его Московским князем. После битвы на озере Ильмень: «И тут начались возмутительные сцены надругательства над пленными новгородцами. Москвичи отрезывали у них носы и губы, бросали эти кровавые трофеи в Ильмень, приправляя эти воинские забавы не менее возмутительными прибаутками»[220]. После поражения на Шелони: «В городе не умолкали вопли и стенания. В каждой семье было кого оплакивать, и чем дальше, тем ужас положения всей земли становился очевиднее, зловещее. Днем, куда бы ни досягал глаз с городских стен, видно было, как по всему горизонту, и с запада, и с востока, с полудня и с полуночи, к небу подымались черные тучи дыма, которые все окутывали мрачною дымкой, как бывало в те несчастные года, когда, по выражению летописцев, Бог посылал на землю огонь, и от этого небесного огня горела вся земля – леса и болота ⟨…⟩ Велением онаго Науходоносора московскаго усечены топором головы Димитрию сыну Исаакову Борецкому, Василью Селезневу-Губе, Киприяну Арзубьеву да Иеремии Сухощеку, а остальных больших людей, человека до полуста, в оковах, аки скот бессловесный, погнали в Москву ⟨…⟩ Дорого обошлась Новгороду несчастная попытка отстоять свою вековечную волю.

– Эх, колоколушко, колоколушко! – изливал вечевой звонарь свое горе перед немым собеседником своим, задумчиво качая седой головой. – Оставили тебя, родимого, нам на радость вороги наши, насытились, окаянные, новогороцкою кровушкой – и прочь пошли... А ты виси, виси, колоколец родной, виси до страшнаго суда ⟨…⟩

[217] Там же. С. 67, 71.

[218] Очевидный парафраз строк «Слова о полку Игореве»: «Тут кровавого вина недостало / тут пир окончили храбрые русские: / сватов напоили, а сами полегли…» (Перевод Д.С. Лихачева).

[219] *Мордовцев Д.Л.* Исторический роман и его критика // Исторический вестник. 1881. № 9. С. 649.

[220] *Мордовцев Д.Л.* Господин Великий Новгород. С. 87.

Москвичи все туже и туже затягивали мертвую петлю, которою они исподволь душили несчастный город. У новгородцев не хватало съестных припасов, а подвоз был отрезан. Начался голод. Люди пухли от голодовки и мерли. В городе начался мор – ужасный бич в те времена, когда еще не существовало ни докторов, ни медицины. Люди заболевали и умирали, прибегая к единому врачу и к единственному лекарству – к попу и причастью... Больные ложились на лавки и с восковыми свечами в руках умирали. Мертвых хоронить было негде – кладбища были в руках у неприятеля – и новгородцы едва-едва присыпали своих мертвецов снегом да приметывали соломкой да навозом»[221].

А вот каким предстает под пером Мордовцева виновник всех бед и страданий: «Лицо великого князя было все то же – лицо сфинкса, каменное, холодное, неподвижное. И бояре по-прежнему стояли истуканами, и Степан Бородатый смотрел своими круглыми птичьими глазами, точно собирался зловеще каркать от Писания.

– Вечу и колоколу не быть... посаднику не быть, – растерянно, точно во сне, бормотали новгородцы, дико озираясь.

– Господину Великому Новугороду не быть... всем нам не быть...

– Помереть, помереть – ничего боле не осталось»[222].

Роман Мордовцева сегодня обделен вниманием. В статье Н.Г. Ильинской, помещенной в словаре «Русские писатели»[223], он не удостоен даже краткого анализа, а лишь упомянут в списке «Другие произведения». Тем не менее в отличие от немалого количества произведений, которые посвящались Марфе Посаднице, это настоящая литература, произведение с оригинальной концепцией, нестандартным видением событий, запоминающимися образами, произведение, в котором завоевание Новгорода увидено как трагедия, как расправа бессердечного тирана над стремлением людей к свободе и самоуправлению. И то, что такое произведение, по убеждению автора, было призвано «служить задачам современности», весьма значимо для его характеристики.

В тот же год, что и роман Д.Л. Мордовцева, была опубликована драма И.Н. Явленского «Марфа Посадница». Общие очертания обрисованных в ней событий более или менее традиционны, но кое-какие акценты автор расставляет по-своему. Пьеса открывается беседой трех новгородских посадников, которые считают, что свобода их города под угрозой из-за вероятного нападения Москвы, а также потому, что к Марфе чересчур «привязалася Литва», преследующая свои интересы. Один из посадников, Михаил, в отличие от двух других считает, что переход Новгорода под власть Москвы был бы для

---

[221] Там же. С. 131, 133, 149, 163, 164.

[222] Там же. С. 170.

[223] *Ильинская Н.Г.* Мордовцев // Словарь «Русские писатели». Т. 4. 1999. С. 126–130.

него благом, и пишет царю донос, где живописует «гордыню Борецкую», которая, дескать, «мутит» новгородцев и сбивает их с верного пути.

Следующая сцена – вече, воссозданное таким, каким мы видели его в повести Карамзина. Сначала выступает посланник Иоанна Холмский, убеждающий собравшихся, что им одно осталось:

Свои восторги с нами слить
И чтоб сумятица унялась –
На трон Иоанна пригласить!
И будет он, как царь наш славный,
На всей Руси один царить –
И весь народ наш православный –
Одной любовию дарить![224]

Иначе, «обложив ваш город войском, / пощады больше не дадим; / Огню, мечу все предадим». Вслед за ним выступает Марфа, незыблемая поборница свободы Новгорода, и всей силой своего красноречия пытается вдохновить народ на борьбу:

Мечи у нас еще не ржавы,
Сомкнем дружин богатый хор,
И вспомним годы нашей славы,
Врагу покажем светлый взор!..
Мы троны ставить разучились
И рабски спин уже не гнем:
В свободе выросли, родились,
В свободе с радостью умрем!..[225]

Холмский не устает превозносить достоинства Иоанна:

Не ту бы песенку вы пели,
Когда б наш князь был вам знаком:
Пред ним бы вы благоговели,
Своим считали бы отцом!..
Его души движенья – святы,
Он для народа сам живет,
Его и мысли так богаты,
Что он в восторг всех приведет!
Его мечты, дела, улыбки
Любовью полною горят;
Восторги наши без ошибки
Потомство станет повторять!..[226]

---

[224] *Явленский И.Н.* Драмы, комедия и поэма. М., 1882. С. 60.
[225] Там же. С. 61.
[226] Там же. С. 62–63.

Марфа готова согласиться с любыми восхвалениями Иоанна, даже с тем, что «князь ваш чуть не из святых» и от души желает Москве «в потомстве светлый, яркий путь»,

Но жалко нам, что в дело наше
Угрозы стали посылать
И то, что нам всего то краше,
Хотят насилием отнять!..
Нет, нет, в свободе мы родились,
Всосали волю с первых дней
И нам правленья не привились
Чужих ни княжеств, ни царей!..[227]

Холмский, и не ждавший другого ответа, перед тем как покинуть вече, еще раз укоряет Марфу в том, что она грезит о временах, давно канувших в прошлое: «край с свободой вековою / Вам никогда не возвратить!».

Очень важен для характеристики Марфы ее пространный диалог с Сапегой, послом литовского короля Казимира. Хитрый литовец начинает с того, что льстит Марфе, говорит, что ее «считая женщиной прелестной, / Давно царицей нарекли», что ее «величье, доблесть, слава / Горят, как яркий бриллиант!..». Но лесть не достигает цели. Марфа отвечает:

Такие мелкие забавы
Души моей не веселят!
Я званье гражданки считаю
Превыше царств всех и царей;
И воли, нет, не променяю
На все блаженство ваших дней![228]

На просьбу Марфы о «подмоге» Сапега отвечает, что она будет оказана лишь «если Новгород согласен / Признать власть Польши над собой» и навсегда отдаться под власть короля. Это предложение вызывает у Марфы взрыв негодования:

Я не ждала от Казимира,
Что он предложит нам позор,
На посмеянье всего мира!..
Так дружба Польши чистый вздор? 〈…〉
В душе кто рабство презирает
И только в воле видит свет,
Тем Польша цепи предлагает?
Хорош ваш дружеский привет![229]

---

[227] Там же. С. 63.
[228] Там же. С. 82.
[229] Там же. С. 82–83.

Сапега надеялся убедить гордую посадницу, что Польша «не даст Новгороду цепей», а подлинная беда грозит со стороны Москвы, которая нанесет ему неизлечимую рану. Но вот какой он получил ответ:

Уж если небу так угодно,
Чтоб мы признали над собой
Чужую власть, то мы свободно
Москве вручим наш жребий злой! 〈...〉
Скорей под пеплом наших храмов
Свои остатки погребем,
Чем вашей Польши гадких хамов
Владеть собою призовем.
Ступай же с глаз моих скорее
Ты королевская змея...
Еще увидим, кто сильнее,
Иль ты, иль родина моя!..[230]

В третьем действии впервые появляется Иоанн, становится очевидным интересный факт: он, как и Марфа, положительный герой! Характеристика, которую дал ему Холмский в своем выступлении на вече, оправдывается. Он справедлив, посадника Михаила, который написал ему донос, а в разгар боя всячески мешал новгородцам и, подобно тому, как это делал Упадыш в произведениях других авторов, заклепывал пушки, чтобы облегчить наступление московскому войску, Иоанн не только не награждает, а приказывает выслать. О Марфе же, самой непримиримой своей противнице, отзывается с явным уважением:

С одной Борецкою невольно
Придется лично говорить;
А грустно будет мне и больно
Ее упреками дарить!..
Она хоть женщина, но право,
Как патриотка высока!..
И отнеслася мило, здраво
За честь родного уголка! 〈...〉
Да кто из нас-то без порока?
Я ей простил уже душой!
А если дам два-три упрека,
То за сближение с Литвой!..[231]

Как мы знаем, как раз таких упреков Марфа не заслуживала: она гневно отказывалась подчиниться «Польши гадким хамам». Но и власти Иоанна она признавать не хочет:

[230] Там же. С. 83, 84.
[231] Там же. С. 108.

Нет, нет! Верна я, неизменна,
И, как гранит, мой тверд ответ:
Что только воля мне бесценна,
Без ней и счастья в жизни нет![232]

Поставленная перед выбором – признать власть московского князя или быть преданной «на монастырское моленье», Марфа пытается покончить с собой, заколовшись ножом, но «один из опричников схватывает ее руку и нож выпадает на пол». Перед тем, как быть уведенной, она говорит:

И умереть-то мне мешают!
Да жизнь мне также кандалы!..
Свободы, родины лишают,
Так будут ли мне дни милы?
Прощай мой сын, моя отрада,
Сумей Борецким кончить век;
Нас в небе ждет, мой друг, награда –
А здесь же жалок человек!..[233]

И ее сын Мирослав выполняет материнский завет «кончить век Борецким»: он закалывается кинжалом, выпавшим из рук матери. Художественный уровень драмы Явленского, конечно, удручающе убог, но нельзя не видеть, что он приложил все мыслимые усилия, чтобы идеализировать свою героиню.

Подобным устремлением был вдохновляем и писатель, которому принадлежит последняя попытка сценического воплощения образа Марфы, – ее осуществил А.А. Навроцкий. В 1901 г. вышел сборник «Памяти Великого Новгорода». Первые 96 его страниц составляли стихотворения, за которыми (с отдельной пагинацией) следовала драма в стихах «Марфа Борецкая, или Падение Великого Новгорода». Одно из стихотворений, озаглавленное «Марфа Посадница», дает однозначное представление об отношении автора к своей героине, которое будет в дальнейшем более разносторонне и детально реализовано в его драме.

Когда-то Рылеев в едва ли не первом стихотворении о Марфе намеревался изобразить ее, когда «твои, о Новгород! разрушены твердыни 〈…〉 И Марфа гордая в цепях!». Навроцкий тоже изображает Марфу «в цепях», пленницей, стоящей перед «господином Руси», «государем» Иваном Васильевичем, но гордой, нисколько не сломленной, в сознании своей правоты и духовного превосходства.

Хотя скованы руки белые,
Высоко она держит голову,
Смотрит львицею в очи княжие –

---

232 Там же. С. 115.
233 Там же. С. 119.

И невольно он перед узницей
Опустил свой взор повелительный.
Говорит она мерным голосом,
Речь умно ведет, с расстановкою[234].

Говорит о том, что она «столько лет жила-управлялася / С буйной вольностью новгородскою», в то время как

и твой род княжой, и твоя вся Русь
Под ярмом, в крови, из последних сил
Сколько лет ползли, извиваючись,
Под татарской злою ногайкою[235].

Она не идеализирует новгородские порядки и признает, что

...и у нас порой
Непорядок был да усобица;
Иногда умом, чаще подкупом
Люди хитрые вольных путали.
Но зато в делах необыденных,
Коль придет беда иль нагрянет враг,
Наши молодцы не терялися,
За княжой кафтан не хваталися,
А в одну семью собираючись,
Мудрых, опытных речи слушали,
И решали все, помолясь вперед,
Как от лиха им избавлятися[236].

Главная мысль, которую Марфа стремится внедрить в сознание Иоанна, а ее устами и сам Навроцкий в сознание своих современников, что сильной может быть только свободная страна, которую населяют свободные люди. Марфа объясняет ему, что в интересах самой Руси сеять в ней «вольницу новгородскую», что если «придет неурядица», настанут «лихие дни», не спасут ее «холопы», которые не привыкли «без указки жить, / Своим разумом управлятися».

Надо думать, не случайно Навроцкий предварил этим стихотворением свою пьесу: оно помогает правильнее и глубже понять образ ее героини и отношение к ней драматурга. Мы видим Марфу на сцене в тяжкие для нее минуты: она только что получила известие о том, что ее сын Дмитрий попал в плен. Но и сейчас она думает не о своем горе, а о своем долге:

---

[234] *Навроцкий А.А.* Марфа Борецкая, или Падение Великого Новгорода // Памяти Великого Новгорода. СПб., 1901. С. 46–47.
[235] Там же. С. 47.
[236] Там же. С. 47–48.

В плену мой сын, отважный, храбрый Митя.
Что ждет его? Безжалостен Иван.
Тюрьма иль казнь, позор и униженье;
Искусен он глумиться над врагом.
Как сжалось сердце. Хочется рыдать.
Нельзя! нельзя! Я твердости примером
Служить должна ⟨…⟩
Перед врагом смириться не могу.
Хоть баба я! но дух во мне не женский,
И не простит обиды никому.
Народное я дело подняла
Себе на плечи; и хоть тяжко сердцу,
И стоны грудь наполнили мою –
Я всем пожертвую, но не покину
Борьбы с Москвой коварной никогда![237]

И далее:

Я мать
Моих детей; скорблю о них глубоко;
Но участь Новгорода выше для меня
Семьи и жизни. За него родного,
Мы постоим![238]

Она призывает послать гонцов за помощью в Литву, но лишь потому, что видит в этом средство отстоять свободу: «…Встанем все за Новгород Великий / И вече наше!». В другой сцене она так поясняет свои побуждения:

В Литве без денег толка не добьешься;
А я теперь не стану их жалеть.
Лишь удалось бы помощи дождаться
И Новгород родной освободить
От кабалы московской ⟨…⟩
Что ждет меня? не знаю! но до смерти
Пока во мне хоть капля крови есть,
Не перестану я искать защиты
Родному городу! Литву и Свею,
Ганзу и пруссов, ляхов и татар
Сплочу в союз я ненависти общей
К Москве коварной[239].

Ее решимость вдохновляет новгородцев, которые говорят: «Свободная душа! / С ней Новгород Ивану не поддастся». Злобно, но верно оценивают

---

[237] Там же. С. 53–54.
[238] Там же. С. 63.
[239] Там же. С. 97, 98.

ее роль и враги: «Заводчицей всему / Борецкая; в ней главная препона. / Как сковородкой на огне вертит / Всем городом»[240]. В часы поражений Марфу не покидает уверенность, что ненависть к поработителям будет жить в народе и когда-нибудь пожаром разгорится, что младенцы всосут ее с молоком матерей, и она будет править их сердцами. Томясь в тюрьме, она будет думать лишь о том, чтобы ее родной город не разлучился со свободой.

Пьеса Навроцкого о Марфе Посаднице не может быть правильно понята без учета того, что она представляет собой часть своего рода драматической дилогии: одновременно с ней была создана трагедия в стихах «Государь-царь Иоанн III Васильевич», удостоенная в 1901 г. почетного отзыва при присуждении Пушкинской премии. Пьеса была поставлена в 1903 г. в Народном доме, но вскоре была признана «безусловно неудобною для народных представлений», так как, по оценке, содержащейся в донесении полицмейстера градоначальнику, она изображала «облик столь несимпатичного держателя самодержавия». Дело дошло до министра внутренних дел, который начертал резолюцию: «Для народных театров неудобна»[241].

Связь между этими двумя драмами органична: Иоанн не появляется в пьесе о Марфе, но присутствует в ней незримо, и его облик в ней также «несимпатичен». Нечто подобное можно сказать и о Марфе применительно к пьесе об Иоанне.

Последним крупным эпическим произведением, посвященным интересующей нас теме, стал роман Д.М. Балашова «Марфа Посадница», написанный в 1972 г.[242] Его автор, человек трагической судьбы, биографически тесно связан с Новгородом, долго там жил, имел звание его почетного гражданина. «Новгородский цикл», начало которому было положено уже первой повестью «Господин Великий Новгород» (1967), занимает важное место в творческой биографии писателя.

Как и в других его произведениях, в центре внимания Д.М. Балашова духовный и бытовой уклад жизни давно минувших времен. Заглавие романа воспринимается скорее как условное обозначение изображаемой эпохи. Действие происходит в 1470–1478 гг., на которые приходится самый драматический отрезок биографии героини, облик которой воссоздан с несомненной симпатией и даже известной долей преклонения.

Марфа еще не появилась, но из разрозненных реплик мы уже получаем представление об отношении к ней новгородцев: «Марфе никто не указ!», «Как Марфа, так и мы!», «государыня Марфа», «государыня светлая». В одном из первых диалогов запечатлено главное в ее характере – решимость противостоять посягательствам на свободу Новгорода. На предупрежде-

---

[240] Там же. С. 79.
[241] *Хайченко Г.А.* Русский народный театр конца XIX – начала XX века. М., 1975. С. 356.
[242] *Балашов Д.М.* Марфа Посадница. Петрозаводск, 1986.

ние «опеть из Москвы угроза ратная!» она отвечает: «Волков боятце, в лес не хаживать!», на что ей говорят: «Хоробрая ты!». А вот авторские характеристики: «Марфа гордилась своим хозяйством, гордилась и тем, что вела его по-мужски, не мельчилась, смелее переводила на деньги оброчные доходы»[243], «Марфа была единственная из жонок в этом собрании матерых мужиков, по сути – Совете господ»[244]. Услышав от сына слова: «Холопом быть не хочу и у самого московского князя!», Марфа улыбается: «Мой норов!».

Самое сокровенное и в ее характере, и в деятельности можно видеть в сцене ее обращения к народу: «“Граждане! Братья! Мужи новгородские! Люди вольные! В ваши руки – честь, свободу, гордость города нашего ныне даем! Да не погубит Москва святыни отни! Не дайте себя в холопы дьякам московским! Вы – соль земли! Отринем угрозы! За вольный союз! За короля!” Голос Марфы поднялся, взмыл, лебединым кликом заплескал над толпой. Этого часа счастья у нее бы не отнял никто. Со всех сторон подымались к ней ликующие руки, лица, неслись выкрики ⟨…⟩ Не по раз поднимали чары и в честь Марфы Ивановны…»[245].

Драматизмом проникнута заключительная сцена романа, вся нацеленная на то, чтобы показать и подтвердить: Марфа побеждена превосходящей силой, но духовно не сломлена. «Готовы мы!» – говорит она стражникам, показывая на выход. А когда «Василек, наконец-то уразумев страшную правду того, что происходит, с криком: “Баба, баба!” – кинулся к Марфе в колени и вцепился ручонками в подол, тыкаясь головой, лицом, расширенными от ужаса побелевшими глазами», Марфа кричит ему: «“Ну! Борецкий ты или кто?! Гордости нет! Ступай!” ⟨…⟩ И сказала негромко в пустоту, и это было последнее, что она вообще сказала перед тем, как навсегда оставить Новгород: “Исполать тебе, царь Иван Васильевич! Бабу одолел и дитя малое...”»[246].

* * *

Самое примечательное в истории рассмотренной нами темы – это ее богатство. Прав оказался Карамзин, когда еще в 1803 г. причислил Марфу Посадницу к «великим россиянкам». Вдохновенные усилия стольких и таких разных писателей подтверждают прозорливость его суждения, обернувшегося пророчеством. Нельзя не заметить и того, что особенно охотно тянулись к воплощению образа Марфы драматурги. Трудно назвать другую тему, в отношении которой наблюдалось бы такое настойчивое стремление разрабатывать ее именно средствами сценического искусства. Трагедия Погодина была не первой пьесой о Марфе, но оказалась первой по художественному мастерству и историко-литературному значению.

---

[243] Там же. С. 70.
[244] Там же. С. 115.
[245] Там же. С. 122.
[246] Там же. С. 444–445.

ПРИМЕЧАНИЯ

Текст памятника воспроизводится по единственному прижизненному изданию, осуществленному М.П. Погодиным в 1831 г., с устранением цензурных искажений, установленных М.Н. Виролайнен в подготовленном ею сборнике: *Погодин М.П.* Повести. Драма. М., 1984. Нами также учтены сведения, содержащиеся в примечаниях к этому изданию. Работа над книгой велась главным образом в книжных фондах и отделах рукописей РГБ, РНБ и Харьковской государственной научной библиотеки им. В.Г. Короленко. Восстановлена творческая история пьесы и вызванная ею полемика, использованы летописи и данные, собранные в издании Н.П. Барсукова «Жизнь и труды М.П. Погодина».

Бóльшую часть раздела «Дополнения» занимают фрагменты романов и пьес, которыми отмечена более чем полуторавековая история темы Марфы Посадницы в русской литературе. Поскольку все или почти все эти произведения в наши дни полузабыты или даже совсем неизвестны, им в каждом случае предпослано краткое изложение содержания соответствующей вещи. Составителями отбирались преимущественно те фрагменты произведений, в которых центральное место занимает Марфа и которые, с одной стороны, дают возможность для сопоставлений с трактовкой ее образа в драме Погодина, с другой – помогают читателю глубже и правильнее понять анализ эволюции данной темы, содержащийся в сопроводительной статье.

В 2001–2003 гг. аспирантка Л.Г. Фризмана Е.Е. Жукова работала над диссертацией «Историческая драматургия Погодина», которая не была завершена, но некоторые собранные тогда материалы сохранились и были нами использованы. Подготовители также получали помощь от своих коллег: профессор Новгородского университета В.А. Кошелев составил для нас обширный перечень художественных произведений на «новгородскую» тему, который был дополнен ценными рекомендациями А.И. Рейтблата. В библиотечных разысканиях и подготовке материалов для раздела «Дополнения» нам помогала А.Е. Болгова. Всем указанным лицам выражаем свою глубокую признательность.

М.П. Погодин

МАРФА, ПОСАДНИЦА НОВГОРОДСКАЯ

Трагедия в пяти действиях в стихах

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Стр. 8. *...Заходит туча над Святой Софией.* – Имеется в виду собор Святой Софии, главный православный храм Великого Новгорода, созданный в 1045–1050 гг. Является древнейшим сохранившимся храмом на территории России, построенным славянами. В описываемый период его название приобрело нарицательный смысл. «Святая София» воспринималась как символ вольного Новгорода. В тексте драмы ее называют «душой новгородской».

Стр. 9. *Волок* – перевал в верховьях рек, через который тащили («волочили») суда сухим путем. Здесь имеется в виду «Новгородский», или «Вышний Волок» между реками Цна и Тверца, давший название городу Вышний Волочек.

...Дань черную. – Дань, собираемая с «черного народа», т.е. с простолюдинов.

Стр. 10. *Эй, положи свой язычок на сойку...* – Сойка – уменьшительное от древнерусского «соя» – лесная птица из семейства врановых. «Положи свой язычок на сойку» означало: замолчи. Ср. у В.И. Даля: «Кабы на сойку да не свой язычок (так бы и не погибала)!».

Как и князьям указывали двери... – Имеется в виду подчиненность новгородских князей решениям веча.

...Рать Боголюбского посекли. – Андрей Боголюбский (ок. 1111 – 1174) – князь Владимиро-Суздальский с 1157 г. Будучи самым могущественным князем на Руси, пытался объединить под своей властью все русские земли. С 1159 г. упорно боролся за подчинение себе Новгорода, но в 1170 г. новгородцы разбили войско Боголюбского, осаждавшее их город. Это событие описано в известном древнерусском памятнике – «Сказании о битве новгородцев с суздальцами».

Стр. 11. *Колокол Хутынский* – колокол Хутынского монастыря, расположенного на берегу реки Волхов в 7 км от Новгорода.

Посадники – первоначально наместники князя на землях, входивших в состав Древнерусского государства. Позднее этот термин стал обозначать высшие государственные должности в Новгороде и Пскове. Посадников избирали на вече из представителей наиболее богатых и знатных семей.

Стр. 12. *Друзья! Палач московский с топорами...* – В печатном тексте этот стих по требованию цензуры был заменен: «Друзья! Московский ворог с топорами».

Готовьтесь к казням! – После этих слов следовала цензурная вставка: «Все кричат: “Нет, разве к обороне! К битвам смертным!”».

Нет, прежде мы варяжской сладкой крови / Отведаем его. – Иван III относился к династии Рюриковичей скандинавского («варяжского») происхождения.

Стр. 13. *Тысячской* – выборный сановник, обладавший исполнительной властью.

Князь Шуйский – князь Василий Васильевич Шуйский-Гребенка (ум. после 1478 г.), в 1455–1478 гг. предводитель новгородского войска.

Дьяк архиепископа – письмоводитель, секретарь иерарха.

Житые – люди среднего сословия, землевладельцы, домовладельцы, воины. *Черные* – беднейшая часть населения. *Младшие* занимали промежуточное положение между черными и житыми.

...по концам сбираться... – Новгород делился на пять частей, или концов: Плотенский, Словенский, Неровский, Загородский и Гончарский или Людин (у Погодина это два разных конца).

Держали переветы... – Перевет – измена.

Стр. 14. *О Госпожинках...* – Госпожинками называли двухнедельный пост перед праздником Успения Пресвятой Богородицы и сам день праздника (15 (28) августа). Однако по летописному свидетельству, приводимому Н.М. Карамзиным, упоминаемое событие происходило в марте 1477 г.

Стр. 15. *Да расточатся все враги его!* – Несколько искаженный пересказ стиха из Псалтыри («Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его, и да бежат от лица Его ненавидящии Его» (Пс 67:2).

Скорее Волхов / В Ильмень назад польется. – Новгород стоит на р. Волхов, вытекающей из оз. Ильмень и впадающей в Ладожское озеро. Данное выражение означает невозможное, фантастическое событие, а между тем в летописи неоднократно указывалось на то, что Волхов может течь «на възводье», т.е. вспять (ср.: «въ лето 6684 (1176) иде Вълхово опять на възводье по 5 дни»). Это явление связано с подпором течения Волхова водами притоков при низком уровне воды в Ильмене.

Да стукните долбнею... – Долбня – колотушка, деревянный молот с вытесанной рукоятью.

Стр. 16. *...был наказан пеней...* – Пеня – денежное взыскание, штраф.

Потомок Ярослава... – Иван III был потомком Ярослава Мудрого (ок. 978–1054), правившего Новгородом до получения княжеской власти в Киеве. Ярослав не раз прибегал к военной помощи новгородцев и даровал их городу льготы, обеспечивавшие ему определенную долю независимости.

С бесчестными рабами заодно. – В печатном тексте: «С бесчестными лжецами заодно».

Стр. 17. *Грамота складная* – объявление войны.

Стр. 18. *Казимир* – Казимир IV Ягеллон (1427–1492), король польский с 1447 г., великий князь литовский с 1440 г., сын литовского князя и польского короля Ягайло.

Ганза – союз северонемецких городов во главе с Любеком, существовавший в XIV–XVI вв. Имел торговый дом в Новгороде, закрытый в 1494 г.

Репеховы, Ланкины, Муравьевы. – В печатном тексте: «Репеховы, Ленкины, Бирюлевы».

Стр. 19. *...кроме / Владычняго полка.* – Полк из монахов-ратников, защищавший церковное имущество и священнослужителей.

Но где владыка, / Достойный Феофил? – Феофил, архиепископ Новгородский и Псковский (1470–1480), последний епископ, избранный из кандидатов новгородского вече, смещен с кафедры решением Ивана III и отправлен в Москву в Чудов монастырь.

...Вынуть часть за здравье новгородцев... – Произнося заздравную молитву, священник вынимает частички из просвиры, круглого хлебца, употребляемого в православном богослужении.

Против рожна нам прати невозможно. – «Переть против рожна» – действовать против силы с негодными средствами.

Стр. 20. *...десять / Поставов ипрского сукна.* – Постав – 37 аршин (около 26 м). Постав ипрского сукна (т.е. из бельгийского г. Ипр – европейского центра сукноделия) стоил 6 фунтов (около 2,5 кг) серебра.

Корабельник – французская и английская монета с изображением розы и корабля.

Окуп – выкуп.

Тиуны – должностные лица в Древней Руси, здесь – судьи.

Стр. 21. *Допустим ли, чтоб подлый раб Московский...* – В печатном тексте: «Допустим ли, чтобы слуга московский».

...для московских ковов? – Ков – вредный замысел, заговор, злоумышление.

Крыжаки – крестоносцы.

...Торжок иль Вятку, или Двинску область. – Области, подчинявшиеся Новгороду.

Гривна – серебряная монета.

Стр. 22. *...Кровь вытянет еще из свежей жилы...* – В печатном тексте: «Еще кусок из вашей плоти вырвет».

Стр. 23. *Он сеет рабский дух...* – В печатном тексте: «Он сеет низкий дух».

...крадется как тать полночный... – Устойчивое сравнение, восходит к церковнославянскому переводу Нового Завета, 1-му посланию Павла к фессалоникийцам (1 Фес. 5 : 2).

...На Липецких полях, при Альте, от Андрея. – Липецкая битва – сражение 1216 г. между младшими сыновьями Всеволода Большое Гнездо и муромцами, с одной стороны, и соединенным войском из смоленской и новгородской земель, поддержавшим претензии старшего Всеволодовича Константина на владимирский престол – с другой. Победу одержала смоленско-новгородская коалиция, решив таким образом в пользу Константина судьбу владимирского наследства. Битва на реке Альте – сражение в 1068 г. близ Переяславля между русскими дружинами князей Ярославичей и половецкими войсками во главе с ханом Шаруканом.

От Андрея – Андрея Боголюбского.

Стр. 27. *...Молитеся, да идет чаша мимо.* – «Да минует меня чаша сия» («пронеси чашу сию мимо меня») – слова Иисуса Христа из молитвы в ночь ареста, названной «молением о чаше» и описанной тремя евангелистами (Мф. 26 : 36–46; Мк. 14 : 33–42; Лк. 22 : 40–46).

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Стр. 29. *Служилый князь* – воевода, нанятый в чужое войско.

Забьешься, брат! они привыкли к воле... – В печатном тексте: «Забьешься, брат! они избаловались».

Стр. 30. *За Новградом приступит к вашей Твери, – / Рязань давно уж под его опекой, / Потом черед до нас, мелкопоместных, / И Северских.* – Описываются дальнейшие

внешнеполитические действия московского князя: присоединение Твери (1485), северских и других пограничных с литовскими землями княжеств (нач. XVI в.). Рязань, хотя и оставалась формально самостоятельной до 1521 г., находилась в полной зависимости от Москвы.

...умри княгиня Марья... – Княгиня Мария Ярославна (ок. 1418–1484) – дочь князя Серпуховского, Боровского и Малоярославского Ярослава (Афанасия) Владимировича, мать великого князя Ивана Васильевича.

...не лучше / Шемякиных внучат. – Дмитрий Юрьевич Шемяка (1420(?)–1453), князь Угличский и Галицкий, в 1446–1447 гг. великий князь Московский, возглавлял удельно-княжескую и боярскую оппозицию великому князю Московскому Василию Темному (1425–1462), один из главных участников междоусобной войны второй четверти XV в. В конце концов потерпел поражение и бежал в Новгород, где был отравлен, после чего его сын Иван Дмитриевич со своими детьми уехал в Литву. Там «шемякины внучата» находились во время правления Ивана III.

...неволя скачет, / Неволя пляшет, песенки поет! – Русская пословица, ср. у В.И. Даля: «Ты волей пристал к нам, так и зазнаешься, а у нас, вишь, неволя скачет, неволя пляшет, неволя песни поет» (Сказка о похождениях черта-послушника).

Стр. 31. *Олег* – Олег Иванович, великий князь рязанский (1350–1402), неоднократно враждовал с Московским княжеством.

Стр. 32. *...Борис, брат Иоаннов...* – князь Борис Васильевич (1449–1494), младший брат московского князя, удельный князь Волоцкий, участвовал в походе на Новгород.

Стр. 33. *...Князь Михаил Борисыч...* – Последний великий князь Тверской (1461–1485), помогал Ивану III в новгородских походах. Его войсками предводительствовал князь Микулинский. После завоевания Твери Москвой бежал в Литву.

...При Калите иль Василье... – То есть при Иване Даниловиче Калите (ум. 1340), князе Московском с 1325 г., и Василии Темном.

Орде... никак нельзя уже вступаться / За ненаглядную свою Москву... – Имеются в виду особые отношения Москвы с Ордой в глазах прочих русских князей.

Стр. 34. *Вытные* – самостоятельные, умные, дельные.

Стр. 37. *Калита и Донской его смирили...* – Донской Дмитрий Иванович (1350–1389), великий князь Московский (1359–1389), разбивший монголо-татар на Куликовом поле 8 сентября 1380 г.

...при отце покойном... – при Василии Темном.

Стр. 38. *...От Вятки и Двины до моря, Оби, / До Твери и до Пскова...* – Пределы новгородских земель.

...от отца митрополита / Геронтья нашего... – Митрополит Геронтий был главой русской церкви в 1473–1489 гг.

...в последний век, / Пред светопреставленьем... – В 1492 г. наступал 7000 год по византийскому летоисчислению «от сотворения мира», принятому тогда на Руси. По бытовавшим в то время представлениям, мир должен был просуществовать 7000 лет, так что несколько предшествовавших лет были наполнены ожиданием «конца света».

...К еретику, латинцу передаться... – То есть к католику. Здесь: польскому королю. Ср. выше: «Замыслили поддаться Казимиру».

Не туне – не напрасно.

Шелонская сеча – битва на реке Шелонь (14 июля 1471 г.), в которой войско Московского князя нанесло поражение новгородцам.

Стр. 39. *Назарьево посольство...* – В исторических источниках такое посольство не упоминается.

Стр. 40. *...суд творить и правду.* – Устойчивое выражение, не раз встречающееся в библейских книгах, напр. 3 Цар. 10 : 9, 2 Пар. 9 : 8, Иез. 33 : 16 и др.

Стр. 41. *Обычаев низовых мы не знаем...* – «Низовыми» новгородцы называли московские земли и прочие к югу от новгородских владений.

Дворище Ярославово – совокупность зданий и церквей на Торговой стороне Великого Новгорода. Впервые словосочетание «Ярославль двор» упоминается еще в Ипатьевской летописи под 1149 г., а Новгородская III летопись (под 1208 г.) так объясняет происхождение названия урочища «Ярославово дворище»: «Великий князь Ярослав жил на Торговой стороне близ реки Волхова, где ныне церковь каменна Николая чудотворца, яже и доныне словет Ярославле дворище».

Стр. 42. *Инуды / Не выселять бояр...* – Не выселять в иные места.

Стр. 45. *Наемный немец Аристотий...* – Аристотель Фиораванти, итальянский архитектор, инженер. С 1475 г. в России. Построил Успенский собор в Московском Кремле (1475–1479), участвовал в походах на Новгород (1477–1478), Казань (1482) и Тверь (1485) как начальник артиллерии и военный инженер.

...мой брат Андрей / Меньшой... – Андрей Васильевич Меньшой (Молодой), удельный князь вологодский, младший брат великого князя. Умирая в 1481 г., Андрей, будучи бездетным, в своей духовной грамоте завещал свой удел старшему брату Ивану III.

Оболенский Стрига, Холмский... – Иван Васильевич Стрига, князь Оболенский (ум. 1478) – боярин и воевода великих князей московских. В 1477 г. был одним из главных участников похода великого князя к Новгороду. После сдачи города был назначен новгородским наместником и приводил жителей Новгорода к присяге великому князю; князь Даниил Дмитриевич Холмский (ум. 1493) – боярин и воевода, один из самых выдающихся военачальников Ивана III.

Андрей большой – Андрей Васильевич Большой, удельный князь Углицкий (1462—1492), младший брат великого князя Московского.

...Сабуров, ты и Патрикеев. – Сабуров Василий Федорович, дворянин, воевода и боярин из потомков татарского мирзы Чета, перешедшего на службу к московским великим князьям. В 1477–1479 гг. участвовал в походе Ивана III на Новгород; князь Патрикеев Василий Иванович, военачальник и дипломат при дворе Ивана III, впоследствии монах, духовный деятель и писатель.

Стр. 47. *...Не внять докукам их...* – Докуки – настойчивые просьбы.

Стр. 52. *Клянись.* – Последующие слова Борецкого в печатном тексте исключены, а Иоанн, вместо «Клянусь царем небесным», говорит: «Клянуся Богом».

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Стр. 56. *Плошь* – собирательное существительное аналогичное слову «ветошь». По Далю, состояние или качество от прилагательного «плохой». Плошь бояр – плохие, неумные, нерасторопные бояре.

Стр. 57. *Ониполовцы* – жители противоположного берега, от церковнославянского «онъ полъ» – тот берег.

Стр. 61. *Шарап, шарап, ребята!* – Призыв к расхвату, расхищению.

Стр. 62. ...*Не выспоришь ни шлягу.* – Шляг (шеляг) – древнерусская монета, происхождение названия которой связывается либо с искаженным «шиллинг», либо с хазарским «шекель».

Кто советен / С мечом! – Советный – согласный.

Стр. 63. *Князь будет говорить, а мы лишь слушать. Шестой. Так вот что! Губа у него не дура.* – В печати заменено следующим текстом: «Другие будут говорить за нас, / Мы станем слушать. Шестой. А, так вот что! Понял».

Стр. 67. ...*при князь-Васильи в Двинской рати.* – Великий князь Московский Василий Дмитриевич (1371–1425) дважды пытался отобрать у новгородцев двинские земли, пользуясь тем, что там образовалась партия, предпочитавшая власть великого Московского князя власти Новгорода. Новгородцы отстояли их и в битве, происшедшей в 1398 г., разбили великокняжеское войско.

Витовт – Витовт Кейстутьевич (ок. 1350–1430), великий князь литовский с 1392 г.

Тохтамыш – хан Золотой Орды в 1380–1395 гг., совершивший разорительный поход на Москву в 1382 г.

Стр. 68. *Обстоянье* – осада.

...*Что кровь новогородская не стынет.* – За этим стихом в рукописи следовала сцена, исключенная М.П. Погодиным из окончательного текста. М.Н. Виролайнен предполагает, что это было сделано по совету С.Т. Аксакова:

Вбегают множество немцев с ужасным шумом и криком:

Толмач

Разбой! Разбой! Четыре кипы шелку
Из рук у нас отняли... помогите!

1 из народа

Да пропадайте вы и с шелком, шмерцы;
До вас ли нам?

2-й

Гоните их по шее!

1 немец

Саплатит нам, нито пошалься пудим
В Люпе̂к на фас.

3 из народа

Иль заплатить им, братцы:
Им по затылку, я в скулы да в рыло.

2 немец
(*к посаднику*)

Ай, патушки, кашись, он хошит траться!

4 из народа
(*среди ужасного шума*)

За них пришла на нас напасть такая.
Вы помните: отец Закхей пророчил,
Не быть добру, коль выстроим ропату
Немецкую у нас.

2-й

Так, так!
Душите их.

Посадник и начальники
(*едва удерживают нападающих*)

Перестаньте, полно, братцы.
(*К немцам*)
Вот провожатые, ступайте с богом.
За все заплатим вам.

3 немец

С миня ишо
Сташила шапка.

4 немец

А миня по роше
Утарили.

Посадник

За все! За все!

1 боярин
(*вскрикивает вдруг*)

Олав

Горит!

Все немцы
(*с криком вдруг убегают*)

Ай, ай! Тофары наши! Поже!

1 боярин

Вот и прогнал! а то бы их не выжить.

...С волохами... – Волохи – валахи, название романоязычного населения Восточной Европы, предков современных молдаван и румын.

Стр. 69. *Угорь / Тебе даст князь Московский.* – Иносказательно: обманет.

Стр. 72. *Афанасьев, Ананьин, Лошинский* – новгородские бояре, приговоренные Иваном III в 1475 г. к суровым наказаниям.

Стр. 75. *Настал той час, его же не преходят.* – Библеизм; конструкция «предел его же не прейдеши» встречается дважды в церковнославянском переводе Библии (Дан. 6 : 7; Иов 38 : 11).

Стр. 80. *...предать... пиладам.* – Искажение имени Понтия Пилата, римского прокуратора Иудеи, персонажа Нового Завета. Иносказательно: предать палачам.

Стр. 82. *...на Торгу...* – на Торговой стороне.

Стр. 83. *Исполать* – слава, хвала. Происходит из греческой фразы в православном богослужении «ис полла эти деспота», т.е. «многие лета владыке!».

Стр. 87. *...при Андрее...* – При Андрее Боголюбском.

Стр. 88. *...в шапке.* – В шапке тысячского.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Стр. 90. *Глядите – солнышко уж на Миколе / Хутынском заиграло.* – На куполах Хутынского монастыря.

Стр. 92. *...нельзя прожить век без причины.* – То есть без забот, без затруднений.

Стр. 94. *Велий* – великий.

Стратилаты – военачальники.

Стр. 95. *...к рели...* – Рель – возвышенная полоса вдоль берега, но на расстоянии от него.

Стр. 96. *Щеня* – князь Даниил Васильевич Щеня (ум. 1519) – русский полководец времен Ивана III и Василия III.

Где... Образец? – Василий Федорович Образец-Симский – боярин и воевода на службе у московского князя Ивана III.

Стр. 97. *Юрьев монастырь* – находится в 5 км от Новгорода на берегу р. Волхов вблизи оз. Ильмень. Один из древнейших монастырей России.

Стр. 99. *...выдали плеча.* – То есть отступили, побежали.

Стр. 108. *Поголовщина* – поголовный сбор ратников.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Стр. 116. *Ты знаешь ли видение Зосимы / Игумена в пустыне Соловецкой?* – Зосима, основатель и первый игумен Соловецкого монастыря (сер. XV в.), святой русской церкви. Видение, или пророчество Зосимы фигурировало во многих произведениях о Новгороде.

...сказывала что-то мама... – Мама – здесь кормилица или няня.

Стр. 117. *Насельники* – население, жители.

Отшельники, трепещущи от страха ~ Пришел ко мне... – Этот эпизод, известный как «видение Зосимы», описан в «Житии Зосимы и Савватия Соловецких».

Стр. 118. *...от брашен...* – То есть от еды.

Стр. 119. *...И я должна ему поведать гибель / В последний день свободы новгородской.* – То есть передать предсказание Зосимы.

Стр. 123. *Сын убо человеческий... человек той.* – Цитата из Евангелия (Мф. 26 : 24).

Стр. 125. *...Чтоб властвовать в супружестве с литовцем...* – Версия, изложенная со ссылкой на летописца в «Истории государства Российского» Карамзина (Т. 6, СПб., 1817. С. 27).

Стр. 128. *...Не скажешь мне, мучительная пытка...* – В печатном тексте: «Не скажешь мне, жестокие мученья».

Стр. 129. *...окруженный рындами...* – Рынды – телохранители.

Стр. 132. *Кийждо* – всякий, каждый; церковнославянизм, подчеркивающий торжественность речи Иоанна.

...Редровых... Редровых... – Так у автора.

Стр. 133. *В семействе у тебя раздор возникнет, / Супругу ты свою, детей и внуков / Одних возненавидишь за другими.* – Раздор связан с существованием двух партий при дворе и в семье Ивана III: «византийской», сторонников его второй жены Софьи Палеолог и сына от второго брака Василия, и «молдавской», сторонников его невестки, вдовы старшего сына, Елены Стефановны и внука Дмитрия. Первоначально соправителем и наследником деда был назначен Дмитрий Иванович, но в 1502 г. победили сторонники Василия, который и стал следующим великим князем Московским.

Стр. 134. *...И род несчастный ваш весь изведется / Среди терзаний, мук, измен и козней.* – Предсказание описывает судьбу потомков Ивана III: династия прекратилась на его правнуке царе Федоре Иоанновиче (1557–1598), единственном оставшемся в живых сыне Ивана Грозного, умершем бездетным. Старший сын Грозного Иван Иванович погиб после ссоры с отцом в 1581 г., младший, Дмитрий, при неясных обстоятельствах погиб в Угличе в 1591 г.

И се другой... – имеется в виду воцарение Михаила Романова (1613) и утверждение новой династии.

ДОПОЛНЕНИЯ

Н.М. Карамзин

МАРФА-ПОСАДНИЦА, ИЛИ ПОКОРЕНИЕ НОВАГОРОДА

Историческая повесть

Повесть написана в 1802 г., впервые опубл. в «Вестнике Европы», 1803, № 1–3. Печатается по изд.: *Карамзин Н.М.* Избр. соч.: В 2-х т. М.: Худож. лит., 1964. Т. 1. С. 680–727.

Стр. 137. *...быть Катоном своей республики.* – Марк Порций Катон (95–46 гг. до н.э.) – древнеримский политический деятель, неформальный лидер большинства в Сенате, последовательный и непримиримый защитник республиканского строя и старых римских идеалов, противник Цезаря. Его самоубийство в осажденной Цезарем Утике (отсюда прозвище Катона – «Утический») сделало его имя символом защитников республики.

Стр. 138. *...на месте лобном, или Вадимовом...* – Вадим Храбрый, или Новгородский, легендарный предводитель новгородцев, защитник древних вольностей, якобы восставший против Рюрика в 864 г., вскоре после призвания варягов. Его имя упоминается только в летописях XVI в., а затем в «Истории» В.Н. Татищева. Герой знаменитой одноименной трагедии Я.Б. Княжнина и драматического произведения «Историческое представление из жизни Рюрика» Екатерины II.

Стр. 139. *Цимисхий* (Иоанн I Цимисхий) – император византийский в 969–976 гг.

внук Ольгин – Ярополк, великий князь Киевский в 972–978 гг., старший сын князя Святослава Игоревича.

Перун – славянский бог грозы (грома). Низвержение Перуна князем Владимиром символизировало утверждение христианства и сопрягалось с сооружением первого храма истинному богу.

Стр. 141. *Жена дерзает говорить на вече...* – По новгородским законам женщины были лишены права выступать на народных собраниях.

Стр. 142. *...славянин играл на струнах изобретенного им мусикийского орудия...* – Ссылаясь на труды византийских историков Феофилакта Симокатты (нач. VII в.) и Феофана Исповедника (ок. 760–818), Карамзин упоминает здесь о том, что славяне еще в VI в. использовали оригинальные струнно-щипковые музыкальные инструменты. Ср. факт, описанный им в «Истории государства Российского»: взятые в плен византийцами три славянина отвечали императору, что с оружием они обращаться не умеют и только играют на гуслях (т. I, гл. I).

Когда Баян, князь аварский ~ доколе не выдут из употребления мечи и стрелы!.. – Со ссылкой на византийского дипломата и историка Менандра Протектора (VI в.) Карамзин пишет о столкновении славян с аварами, направленными против них византийским императором в последней четверти VI в.

Стр. 143. *...поносной жизни...* – То есть позорной.

Стр. 144. *Не отцы ли наши разили еще врагов на берегах Невы?* – Имеется в виду так называемая «Невская битва», произошедшая 15 июля 1240 г. на р. Неве, в которой русские войска разгромили шведских рыцарей.

Сей витязь... – Александр Невский, под предводительством которого была одержана победа в Невской битве.

...должен был упасть к ногам Сартака... – Сартак, сын и соправитель Батыя (?–1256), дал в 1252 г. ярлык на великое княжение Владимирское Александру Невскому, после того как под Переяславлем его брат Андрей был разбит «Неврюевой ратью» и бежал.

...по Боге. – После Бога.

Ахмат (Ахмед) – хан Большой Орды, воевавший с Иваном III и пытавшийся сохранить господство над Русским государством. Его смерть (1481 г.) положила

конец попыткам возродить татарское могущество и восстановить ханскую власть над Русью.

Стр. 149. *Кого более всех должен ненавидеть князь московский…* – Марфа имеет в виду себя.

Стр. 150. *Ратсгер* – член совета.

Стр. 154. *Он уподобляет ее великой дочери Краковой и называет новогородскою Вандою…* – Легендарная дочь основателя Кракова князя Крака, ставшая после смерти отца княгиней и вышедшая замуж за немецкого принца Ритогара Алеманского (по версии хрониста XII–XIII вв. Винцента Кадлубека). По более поздним версиям легенды, в частности, упоминаемым «Великой Хроникой о Польше…», Козьмой Пражским и Яном Длугошем, чтобы избежать ненавистного брака, покончила с собой, утопившись в Висле.

Давно ли сам неверный Амурат удивлялся вероломству вашему? – Турецкий султан Мурад II (1404–1451, правил в 1421–1444 и 1446–1451 гг.), вел войну с коалицией венгерских, немецких, польских и албанских сил под командованием воеводы Трансильвании Яноша Хуньяди. В 1444 г. заключил мирный договор с польским и венгерским королем Владиславом Варненчиком и, передав власть сыну Мехмеду, удалился от дел. Однако в том же году король, нарушив перемирие, вторгся в Болгарию. При поддержке генуэзцев Мурад разгромил польско-венгерское войско под Варной.

Стр. 155. *…вина фряжского…* – То есть итальянского.

Стр. 162. *Клятва, вечная клятва…* – Здесь проклятие.

…супруга его отчаянная… – То есть охваченная отчаянием.

Стр. 169. *Пламенники* – факелы.

Ф.Ф. Иванов

МАРФА-ПОСАДНИЦА, ИЛИ ПОКОРЕНИЕ НОВАГОРОДА

Трагедия в стихах, с хорами, в пяти действиях

Трагедия Ф.Ф. Иванова создана в 1809 г., тогда же поставлена на сцене и опубликована отдельным изданием (М.: Тип. П. Бекетова, 1809. 142 с.). Трагедия проникнута пафосом республиканских добродетелей и утверждает народовластие как исконную форму славянской государственности. По художественным достоинствам принадлежит к массовой сценической продукции 1800-х годов, продолжая традицию политической трагедии Вольтера и Я.Б. Княжнина. Благодаря тираноборческому пафосу стала заметным явлением преддекабристской литературы.

Печатается по изд.: Стихотворная трагедия конца XVIII – начала XIX в. М.: Л.: Сов. писатель, 1964. С. 369–448.

К.Ф. Рылеев

МАРФА ПОСАДНИЦА

Неоконченная дума К.Ф. Рылеева, создание которой относится к 1822–1823 гг., впервые увидела свет в «Русской старине», 1871, № 1. Печатается по изд.: *Рылеев К.Ф.* Думы / Изд. подгот. Л.Г. Фризман. М.: Наука, 1975 (Литературные памятники). С. 116–118.

А.И. Одоевский

Стихотворения «Новгородского цикла» создавались поэтом-декабристом в 1829–1830 гг. Все они посвящены теме гибели новгородской вольницы. Только одно из них – «Старица-пророчица» – увидело свет при жизни автора.

СТАРИЦА-ПРОРОЧИЦА

Впервые опубл.: Лит. газ., 1830. № 24. Печатается по изд.: *Одоевский А.И.* Полн. собр. стихотворений / Вступ. ст., ред. и примеч. М.А. Брискмана. Л.: Сов. писатель, 1958 (Библиотека поэта. Большая сер.). С. 83–84.

ЗОСИМА

новогородская святопись

Впервые опубл.: *Кубасов И.А.* Декабрист А.И. Одоевский и вновь найденные его стихотворения. Пг., 1922. Печатается по изд.: *Одоевский А.И.* Полн. собр. стихотворений. Л., 1958. С. 124–126.

НЕВЕДОМАЯ СТРАННИЦА

Впервые опубл.: *Кубасов И.А.* Декабрист А.И. Одоевский и вновь найденные его стихотворения. Пг., 1922. Печатается по изд.: *Одоевский А.И.* Полн. собр. стихотворений. Л., 1958. С. 127–128.

ИОАНН ПРЕПОДОБНЫЙ

Гробокопатель

Впервые опубл.: *Одоевский А.И.* Полн. собр. стихотворений. Л., 1958. С. 129–132. Печатается по этому изданию.

КУТЬЯ

Впервые опубл.: *Кубасов И.А.* Декабрист А.И. Одоевский и вновь найденные его стихотворения. Пг., 1922. Печатается по изд.: *Одоевский А.И.* Полн. собр. стихотворений. Л., 1958. С. 133.

Е.П. Ковалевский

МАРФА ПОСАДНИЦА, ИЛИ СЛАВЯНСКИЕ ЖЕНЫ

Историческая трагедия в пяти действиях

Е.П. Ковалевский – прозаик, путешественник, государственный и общественный деятель, литературный дебют которого – написанная белыми стихами трагедия «Марфа Посадница, или Славянские жены», посвященная памяти В.А. Озерова, – состоялся в 1832 г. Поняв, что поэтическая форма ему не дается, писатель переключился на прозу. Печатается по первому и единственному изданию: *Ковалевский Е.П.* Марфа Посадница, или Славянские жены. СПб.: Плюшар, 1832. 95 с.

Э.И. Губер

НОВГОРОД

Впервые опубл.: *Губер Э.И.* Стихотворения. М., 1841. Печатается по изд.: Поэты 1840–1850-х годов. Л.: Сов. писатель, 1972. С. 147–148.

Л.А. Мей

ВЕЧЕВОЙ КОЛОКОЛ

Стихотворение написано в 1840 или 1841 г., в прижизненные издания в России не вошло. Впервые опубликовано в «Голосах из России» (кн. 4, Лондон, 1857, с. 41) без подписи; имя автора появилось только в книге с вступительной статьей В.Р. Зотова (*Мей Л.А.* Полн. собр. соч.: В 5 т. 1887. Т. 1. С. 318) под заглавием «Последнее прощание» и с датировкой «1840». Л.М. Лотман датирует стихотворение 1841 г. (История русской поэзии. Т. 2. С. 168). Печатается по изд.: *Мей Л.А.* Избранные произведения / Подгот. К.К. Бухмейер. Л.: Сов. писатель, 1972. С. 150–152, в котором стихотворение публикуется по «Голосам из России» с исправлением опечаток из издания 1887 г. под названием «Вечевой колокол». Стихотворение продолжает традиции революционно-демократической декабристской поэзии; его условный исторический колорит служит фоном для выражения современных интересов и актуальной политической мысли.

И.И. Лажечников

БАСУРМАН

Третий из исторических романов И.И. Лажечникова впервые вышел в свет отдельным изданием в 1838 г. Печатается по изд.: *Лажечников И.И.* Соч.: В 2 т. М.: Худож. лит., 1986. Т. 2.

Стр. 208. *Кика* – древнерусский женский головной убор, видоизмененный кокошник с высоким передом.

Убрус – платок или полотенце, которое может быть нарядным и расшитым.

Ферязь – длинная русская одежда с длинными же, до пола, рукавами, без воротника и перехвата. Служила у бояр и дворян парадной верхней одеждой. У Лажечникова анахронизм: ферязь впервые упоминается в середине XVII в.

О ком молилась ты, Марфуша?.. – Лажечников помещает Марфу-Посадницу среди узников «черной избы», на самом же деле она была увезена в Нижний Новгород и там пострижена в одном из монастырей.

...у Новгорода, что ты залил кровью и засыпал попелом. – Эти слова Марфы Борецкой напоминают о жестоких походах Ивана III на Новгород в 1471 и 1478 гг.

Стр. 209. *Созови ганзейских купцов, которых ты распугал.* – Новгород имел тесные торговые отношения с Ганзой – союзом свободных северонемецких городов, созданным для защиты от феодальных притеснений и пиратства.

Стр. 210. *А я хотел было отправить тебя в Бежецкий верх.* – в XII–XVI вв. название территории Новгородской земли в верховьях р. Мологи. В XIII–XV вв. становится объектом борьбы между Новгородом, Тверью и Москвой.

...предполагалось строить храм Успения. – Успенский собор Московского Кремля был построен Аристотелем Фиораванти в 1475–1479 гг.

...кто такая была Марфа Новгородская и почему с нею умер на Руси дух общины... – Автор имеет в виду республиканский строй Великого Новгорода с его верховной властью общего народного собрания – веча.

Р.Д. Ступишин

МАРФА ПОСАДНИЦА, ИЛИ ПОКОРЕНИЕ НОВГОРОДА

Трагедия в пяти действиях

За более чем двадцатилетнюю литературную деятельность автор – служащий ряда государственных и частных учреждений – написал ряд романов, повестей, очерков и статей, помещенных главным образом в периодических изданиях. Отдельно помимо «Марфы Посадницы» были опубликованы лишь пьеса об избрании на царство Михаила Романова, Словарь иностранных слов и сказка, написанная в подражание ершовскому «Коньку-Горбунку». Впервые трагедия вышла отдельным изданием: *Ступишин Р.* Марфа Посадница, или Покорение Новгорода. СПб.: Тип. А. Браккера, 1869. 101 с. Печатается по этому изданию.

В.И. Аскоченский

МАРФА ПОСАДНИЦА, ИЛИ ПАДЕНИЕ НОВГОРОДА

Впервые пьеса опубликована отдельным изданием: Марфа Посадница, или Падение Новгорода. Драматическое представление в четырех картинах. Сочинение В. Аскоченского. СПб., 1870. 64 с. Печатается по этому изданию.

Н.П. Жандр

МАРФА ПОСАДНИЦА

Драма в пяти действиях

Впервые произведение появилось в журнале «Русское слово» (1874, № 6–7) и в том же году отдельным изданием: Марфа Посадница. Драма в пяти действиях Н.П. Жандра. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1874. 124 с. Печатается по отдельному изданию. Автор – литератор-дилетант; его пьеса, поставленная в Малом театре в 1873 г., получила только отрицательные рецензии (Голос, 1873, 18 сент.; СПб. Ведомости, 1873, 15 окт.; Новости, 1874, 5 июля; Одесский вестник, 1874, 5 сент. и др.). По выражению рецензента «Отечественных записок», это была «бледнейшая историческая иллюстрация самого лубочного свойства» (1874, № 8, с. 238–239). Идея московского имперского патриотизма, ассоциировавшаяся в 1870-х годах с имперскими амбициями Петербурга, обусловила провал драмы в Москве, но в то же время обеспечила ей длительный успех в провинции.

Д.Л. Мордовцев

ГОСПОДИН ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД

Первое издание романа: *Мордовцев Д.Л.* Господин Великий Новгород. М., 1882. 304 с. Печатается по изд.: *Мордовцев Д.Л.* Собр. соч.: В 50 т. Т. 3. СПб.: Изд. Н.Ф. Мертца, 1901. 151 с.

Стр. 241. *Аки пардуст...* – Пардуст (пардус, пард) – барс, леопард.

Дондеже – доколе, покуда, прежде чем.

Стр. 242. *...лежа окарач...* – Окарачивать – осадить, попятить и заставить осесть на карачки, подогнув ноги; окарач – на четвереньках; здесь, видимо, лежал, подогнув ноги.

И.Н. Явленский

МАРФА ПОСАДНИЦА

Драма в трех действиях

Жизнь И.Н. Явленского – офицера, затем чиновника, уездного и губернского предводителя дворянства – была тесно связана с Астраханью. Выйдя в отставку, опубликовал ряд статей и стихотворений в журналах, книгу очерков «От Астрахани до Астрабада». Был корреспондентом Т.Г. Шевченко. Впервые пьеса опубликована в составе сборника: Драмы, комедия и поэма. Соч. И.Н. Явленского. М.: Тип. Вильде, 1882. С. 51–121. Печатается по этому изданию.

А.А. Навроцкий (*Н.А. Вроцкий*)

МАРФА ПОСАДНИЦА

В обширном творческом наследии А.А. Навроцкого – офицера, военного юриста, драматурга, прозаика, издателя – велика роль стихотворений и стихотворных драм на сюжеты древнерусской истории, Смутного времени и раскола. Впервые стихотворение «Марфа Посадница» опубликовано в составе сборника произведений А.А. Навроцкого «Памяти Великого Новгорода» (СПб.: Тип. В. Безобразова, 1901. С. 46–50). Печатается по этому изданию.

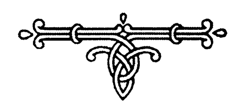
Н.К. Рерих

МАРФА ПОСАДНИЦА

Написанный в 1906 г. очерк был опубликован в первом и единственном томе собрания сочинений художника: *Рерих Н.К.* Собр. соч. Кн. 1. М.: Изд. И.Д. Сытина, 1914. С. 287–289. Печатается по этому изданию.

Стр. 250. *Мста* – река в Тверской и Новгородской областях, занимала важное место в Волжском торговом пути, связывавшем Каспий с Балтийским и Белым морями.

Млево – старинное село в верхнем течении р. Мста. У стен Спасо-Преображенской церкви сохранилось древнее захоронение, которое по легенде считается могилой Марфы-Посадницы.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

ФРОНТИСПИС

АЛЬБОМ

СОДЕРЖАНИЕ

Погодин М.П.

Марфа, Посадница Новгородская / М.П. Погодин; изд. подгот. Л.Г. Фризман, К.В. Бондарь. – М.: Наука, 2015. – 367 с. (Литературные памятники). – ISBN 978-5-02-039098-0.

В основе настоящего издания – трагедия М.П. Погодина «Марфа, Посадница Новгородская», вышедшая в 1831 г. и не переиздававшаяся при жизни автора. В Дополнениях печатаются полностью или в отрывках лирические, прозаические и драматические произведения, посвященные теме Марфы Посадницы в русской литературе на протяжении полутора столетий. Приложения содержат исследовательскую статью Л.Г. Фризмана об истории создания трагедии.

Для широкого круга читателей.

Научное издание

МИХАИЛ ПЕТРОВИЧ ПОГОДИН

МАРФА,
ПОСАДНИЦА НОВГОРОДСКАЯ

Утверждено к печати
Редколлегией серии
«Литературные памятники»

Редактор *Н.Д. Александрова*

Художник *В.Ю. Яковлев*

Художественный редактор *Ю.И. Духовская*

Технический редактор *Т.В. Жмелькова*

Корректоры *Р.В. Молоканова, Т.А. Печко,*
Е.Л. Сысоева, Т.И. Шеповалова

Компьютерная верстка *Н.В. Мелковой*

Подписано к печати 29.12.2014. Формат 70 × 90 $^{1}/_{16}$
Гарнитура Таймс. Печать офсетная
Усл.печ.л. 26,9+0,7 вкл. Усл.кр.-отт. 29,8. Уч.-изд.л. 27,0
Тип. зак. 24

Издательство "Наука"
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru
www.naukaran.ru

ППП "Типография "Наука"
121099, Москва, Шубинский пер., 6

ISBN 978-5-02-039098-0

